

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

АҮЗЕК АЗИМОВ

КРАЙ ОСНОВАНИЯ
ОСНОВАНИЕ И ЗЕМЛЯ

Annotation

«Край Основания» и «Основание и Земля» последние (по хронологии «истории будущего») романы из незавершенной эпопеи американского фантаста Айзека Азимова. План Хари Селдона по воссозданию Галактической Империи поразительно точен. Опальный советник Первого основания Тревиз начинает поиски таинственной корректирующей силы. Вначале он выходит на тщательно законспирированную и телепатически мощную организацию ученых. Но вскоре сталкивается с

куда более могущественной ментальной силой в виде планетарного сверхорганизма, целью которого вовсе не является Галактическая Империя. Но и этот суперорганизм стимулируется еще одним источником ментальных воздействий.

- [Айзек Азимов](#)
 - [Пролог](#)
 - [Советник](#)
 - [Историк](#)
 - [Космос](#)
 - [Оратор](#)
 - [Земля](#)
 - [Фермер](#)
 - [Фермерша](#)

- [Гиперпространство](#)
 - [Совет](#)
 - [Сейшел](#)
 - [Агент](#)
 - [Университет](#)
 - [Вперед!](#)
 - [Захват](#)
 - [Конвергенция](#)
 - [Гея](#)
 - [Коллизия](#)
 - [Решение](#)
 - [Заключение](#)
-

Айзек Азимов

Край Основания

Пролог

Первая галактическая империя рухнула. Она разлагалась в течении столетий, и только один человек полностью осознал этот факт.

Это был Хари Селдон, последний великий ученый Первой Империи, который усовершенствовал психоисторию — науку, описывающую человеческое поведение математическими уравнениями.

Индивидуальный человек — существо непредсказуемое, но реакции человеческой массы, считал Селдон, могли быть вычислены

статистически.

Чем больше масса, тем большей точности можно добиться. А объем человеческой массы, с которой работал Селдон, был не меньше, чем население всех миллионов обитаемых миров Галактики.

Уравнения Селдона говорили ему, что Империя, достигнув вершины, должна пасть, и что пролетит тридцать тысячелетий человеческой жизни в нищете и агонии, прежде чем из руин поднимется Вторая Империя. Однако, если урегулировать некоторые существующие условия, этот интервал можно уменьшить до одной тысячи лет.

Для обеспечения этого Селдон организовал две колонии ученых, которые он назвал «Основаниями». Он намеренно поместил их в «противоположных концах Галактики». Первое Основание, которое сконцентрировалось на физической науке, было организовано у всех на глазах. Существование же другого, Второго Основания – мира психоисториков и «ментальных» ученых было покрыто тайной.

В трилогии «Основание» рассказывалось о первых четырех столетиях Интервала. Первое Основание (более известное как просто «Основание», поскольку о

существовании другого почти не было известно) началось с маленькой общины, затерянной в пустотах Внешней Периферии Галактики. Периодически община переживала кризисы, в которых переменные общественные связи людей, а также социальные и экономические течения времени сжимали общину. Ее свобода передвижения ограничивалась лишь одной определенной линией, и, когда они двигались в этом направлении, перед ней раскрывались новые горизонты развития. И все это было спланировано Хари Селдоном, уже давно умершим.

Первое Основание со своим

высшим знанием взяло верх над
окружавшими его варварскими
планетами. Оно встало перед
анархическими военачальниками,
отколовшимися от умирающей
Империи, и побило их. Оно
встретилось с остатками семей
Империи, с ее последним сильным
императором и последним сильным
генералом – и побило их.

Казалось, по «Плану Селдона»
все шло гладко, и ничто не могло
помешать Второй Империи
появиться вовремя и с минимумом
промежуточных опустошений.

Но психоистория – наука
статистическая. И всегда есть
маленькая вероятность, что где-то,

что-то пойдет не так, и произойдет то, чего Хари Селдон не мог предвидеть. Неизвестно откуда появился человек по имени Мул. Он обладал такой мысленной властью, какой в Галактике не было. Он мог переправить эмоции людей и так сформировать их мысли, что его самые ярые противники превращались в преданных слуг. Никакие армии не могли бороться с ним, и казалось, План Селдона лежал в руинах.

Тогда поднялось таинственное Второе Основание, которое не было подготовленно к появлению Мула, но стало медленно разрабатывать контратаку. Главной защитой Второго

Основания был тот факт, что никто не знал его местонахождения. Мул искал его по всей Галактике, чтобы его захватить. Те, кто остался от Первого Основания, тоже искали его, чтобы получить помощь. Но никто его не нашел. Мул был остановлен сначала действиями женщины Бейты Дарелл, а тем временем Второе Основание организовало собственные действия, которые окончательно остановили Мула, и постепенно начали восстановление Плана Селдона.

Но прикрытие Второго Основания в какой-то мере исчезло. Первое Основание знало о существовании Второго, в котором

менталисты будут наблюдать за ними. Первое Основание превосходило Второе по физической силе, в то время как Второе сдерживалось не только этим фактом, но и тем, что перед ним стояла двойная задача: не только сохранить Первое Основание, но еще сохранить свою анонимность.

Второе Основание, под руководством «первого Спикера» Прима Палвера, ухитрилось выполнить и то и другое. Первому Основанию позволили вроде бы уничтожить Второе Основание, и первое набирало все больше сил в Галактике, не зная, не ведая, что Второе Основание все еще

существует.

Теперь прошло 498 лет после появления на свет Первого Основания. Это был пик его силы, но только один человек не судил по внешнему виду...

Советник

– В это я, конечно, не верю, – сказал Голан Тревиз, стоя на широких ступенях Селдон-Холла и глядя сверху на сверкающий в солнечных лучах город.

Терминус был мягкой планетой с высоким коэффициентом водного пространства. Введение контроля над погодой сделало всю планету более комфортабельной и – как часто думал Тревиз – менее интересной.

– Я ни во что не верю, – повторил он. Лицо юноши озарила белозубая улыбка.

Его спутник и товарищ,

советник Манн ли Кампер, который принял среднее имя как вызов традициям Терминуса, неодобрительно покачал головой.

– Во что ты не веришь? Что мы спасли город?

– О, в это я верю. Мы же это сделали, верно? И Селдон говорил, что мы сделаем это, что мы поступим правильно, что он все знал насчет этого пятьсот лет назад.

Кампер понизил голос и сказал полупшепотом:

– Слушай, я не против, чтобы ты говорил такое мне, поскольку я завел этот разговор, но если ты будешь кричать об этом и толпа услышит – откровенно говоря, я не хотел бы

стоять рядом с тобой, когда ударят разряды. Я не уверен в точности прицела.

Треви́з продолжал улыбаться. Он спросил:

— Разве опасно говорить, что город спасен? И что добились мы этого без войны?

— Здесь некому было сражаться, — сказал Кампер. У него были желтые, как масло, волосы, небесно-голубые глаза, и он всегда противился искушению изменить эти немодные цвета.

— Ты никогда не слышал о гражданской войне, Кампер? — снова спросил Треви́з. Он был высок, черные волосы лежали ровными

волнами, и он, как всегда, по привычке засунул большие пальцы за мягкий кожаный пояс костюма.

— О гражданской войне на улицах столицы?

— Опасная тема, она может вызвать кризис Селдона. Это погубило политическую карьеру Хэнниса и включило тебя и меня в Совет на последних выборах, но процесс замедлился... — Тревиз медленно поводит рукой, словно уравнивая стрелки.

Он задержался на ступенях, игнорируя других членов правительства так же, как и изысканное общество, приглашенное стать свидетелем возвращения

Селдона (или, по крайней мере, его изображения).

Толпа спускалась по ступеням, болтала, смеялась, гордилась правильностью своего выбора и одобряла Селдона.

Треви́з стоял, пропуская толпу мимо себя. Кампер, спустившись на две ступеньки ниже, остановился — между ними натянулась невидимая нить.

— Ты не идешь?

— Торопиться некуда. Совет не начнется, пока мэр Бранно не рассмотрит ситуацию, по своему обыкновению, обстоятельно — выдавливая по одному слогу в минуту. Я не спешу выслушивать еще

один нудный доклад. Взгляни на город!

– Пожалуйста, но я видел его и вчера.

– Да, но ты можешь представить его пятьсот лет назад, в момент его основания?

– Четыреста девяносто восемь, – машинально поправил Кампер. – Через два года будет торжество пятисотлетия, и мэр Бранно будет в это время еще на посту, преграждая путь маловероятным, как мы надеемся, случайностям.

– Мы надеемся, – сухо сказал Тревиз. – Но на что был похож город пятьсот лет назад, когда его основали? Несколько строений, да

кучка людей, готовивших
Энциклопедию, которая так и не
была закончена!

— Ты имеешь в виду
Галактическую Энциклопедию? Но
это совсем не то, над чем они
работали. Наша в компьютере, и ее
каждый день переделывают. Ты
когда-нибудь заглядывал в
незаконченный оригинал?

— Ты имеешь в виду Хардин-
Музей?

— Сальвор-Хардин-Музей
Подлинников. Давай уж называть
полностью, раз ты так заботишься о
точности. Так ты заглядывал туда?

— Нет. А зачем?

— Тебе кажется, большой

ценности это не представляет. Но так или иначе, все началось с группы энциклопедистов, составлявшей ядро городка — маленького городка на планете, практически не имеющей металлов, кружащейся вокруг Солнца на задворках Галактики. А теперь, пятьсот лет спустя, весь Терминус — один громадный парк, и у нас есть любой металл, который мы пожелаем. Теперь мы в городе, который является центром всего!

— Не совсем, — возразил Кампер. — Наше солнце по-прежнему удалено от основной части Галактики, и мы по-прежнему на задворках.

— Ну нет, ты сказал не подумав.

В этом стержень селдоновского кризиса. Мы не просто единственная планета Терминус. Мы – Основание, которое протягивает свои щупальца и правит этой Галактикой из своего медвежьего угла. Мы можем так поступать, потому что не изолированы, разве, что в смысле местоположения, а это не считается.

– Правильно, согласен. – Кампера явно не интересовал разговор на эту тему и он спустился еще на одну ступеньку. Невидимая нить между ними натянулась сильнее.

Треви́з поднял руку, как бы подтягивая спутника снова наверх.

– Ты что, не понимаешь

значения этого, Кампер? Это огромная перемена, но мы ее не принимаем. В глубине души мы все мечтаем о старом маленьком Основании, об управлении одним крохотным мирком, как в старые времена – времена железных героев и благородных святых, ныне навеки исчезнувших.

– Пошли!

– Я говорю серьезно. Посмотри на Селдон-Холл. Вначале, при первых кризисах времен Сальвора Хардина, это была действительно капсула времени, маленькая аудитория, в которой появлялось голографическое изображение Селдона. И только! А теперь это

колоссальный мавзолей, но есть ли здесь перила силового поля? Движущиеся платформы? Гравитационный лифт? Нет, здесь те же ступени, и мы спускаемся и поднимаемся, как в свое время Хардин. В удивительные и непредсказуемые времена мы в испуге цепляемся за прошлое. — Он порывисто взмахнул рукой. — Есть ли здесь какой-нибудь структурный компонент из металла? Ни одного! И не должно быть, потому что во времена Сальвора Хардина на планете не было природного металла и вряд ли он импортировался. Мы даже использовали старинный пластик, дырявый от времени, когда

строили это громадное здание, чтобы посетители из других миров останавливались и восклицали: «Галактика! Как прекрасен древний пластик!». Скажу тебе, Кампер, это позор!

— Во что же ты, все-таки, не веришь? В Селдон-Холл?

— Во все, что он содержит, — сказал Тревиз злобным шепотом. — Я не верю, что есть какой-то смысл скрываться здесь, на краю Вселенной, как скрывались наши предки. Я считаю, что мы должны быть не здесь, а в центре всего.

— Но Селдон сказал бы, что ты не прав. В его плане все учтено. — Знаю, знаю. Каждому ребенку на

Терминусе внушают, что Хари Селдон составил план, что он предвидел все на тысячу лет вперед, мол, он создал Основание и даже обрисовал некоторые кризисы, во время которых его голографическое изображение появится и сообщит нам минимум того, что мы должны знать, идя к следующему кризису, дескать, таким образом, он проведет нас через тысячу лет истории, пока мы, наконец, не сможем спокойно построить Вторую Галактическую Империю на развалинах старого треснувшего сооружения, покачнувшегося пять столетий назад и полностью рассыпавшегося два столетия назад.

– Зачем ты говоришь мне все это, Голан?

– Потому что я уже сказал тебе – это позор. Все это – стыд и позор. Если это и было реально вначале, то теперь это – позор! Мы не хозяева сами себе. Не мы следуем плану.

Кампер испытующе взглянул на него.

– Мы и раньше говорили об этом, Голан, но я всегда считал, что ты разыгрываешь меня. Теперь же я начинаю думать, что ты говоришь это всерьез.

– Конечно – всерьез!

– Если это не розыгрыш, значит, ты не в своем уме.

– Ни то и ни другое, – сказал

Треви́з. Теперь он успокоился и снова засунул пальцы за пояс, словно больше не нуждался в жестикуляции. — Я размышлял на эту тему и раньше, но признаться, не очень сосредоточенно. Сегодняшний же фарс ясно показал мне все, и я намерен, в свою очередь, объяснить все это Совету.

— Ты, все-таки, спятил! — воскликнул Кампер.

— Ладно. Пойдем, услышишь сам.

Они пошли вниз. На лестнице было пустынно — все остальные уже спустились. И пока Треви́з шел чуть впереди, губы Кампера почти беззвучно двигались посылая в спину

друга одно слово:

— Глупец!

Мэр Харла Бранно призвала заседание Исполнительного Совета к порядку.

Она смотрела на собравшихся без видимого интереса, однако без сомнения, отметила всех присутствующих и всех тех, кто не явился.

Ее седые волосы были тщательно уложены в стиле, который не был ни явно женским, ни имитацией мужского. Просто манера причесываться, не более того.

Ее лицо не было красивым, но как-то сложилось, что красоты в нем

никогда и не искали.

Она была самым способным администратором на планете. Никто не стал бы сравнить ее с блистательными Сальвором Хардином и Хобером Мэллоу, которые придали жизнеспособность Основанию в первые два столетия. Однако, никто не связывал ее имя и с наследственным безумием Индбуров, правивших Основанием до Мула.

Ее выступления не задевали людского воображения, она не обладала даром драматической жестикуляции, но умела принимать спокойные решения и проталкивать их, пока сохраняла уверенность в их правильности. Без какого-либо явно

выраженного нажима она умела убеждать голосующих, и те принимали спокойные решения, которые были необходимы.

Согласно доктрине Селдона, потоку событий весьма трудно отклониться от главной исторической линии (даже под влиянием непредсказуемого, о чем большинство сэлдинистов забывает, несмотря на печальный инцидент с Мулом).

Основание оставило бы свою столицу на Терминусе при любых условиях. Селдон во время своего точно выбранного появления уверенно определил эту вероятность в 87,2 процента.

Однако, даже для селдонистов это означало — есть вероятность в 12,8 процента, что произойдет перемещение столицы ближе к центру Федерации и это приведет к тем ужасным последствиям, которые обрисовал Селдон. И то, что эта вероятность не осуществилась, было, конечно, заслугой мэра Бранно.

Было очевидно, что она не позволит этого. Даже в периоды сильной непопулярности она боролась за то, чтобы Терминус оставался метрополией Основания.

Ее политические соперники рисовали карикатуры, на которых крепкие челюсти мэра поднимали блоки из гранита (весьма

эффективно, как они сами позже признавали).

И вот теперь Селдон поддерживал ее точку зрения, что могло дать ей хорошие политические козыри. В прошлом году мэр сказала, что если в своем следующем появлении Селдон поддержит ее, она будет рассматривать свою задачу удачно выполненной, выйдет в отставку и станет одной из почетных государственных особ вместо того, чтобы рисковать в дальнейших политических баталиях.

В сущности, никто ей не поверил. В политических сражениях она чувствовала себя, как рыба в воде, и теперь, когда изображение

Селдона пришло и ушло, на ее отставку не было и намека.

Она говорила прекрасно поставленным голосом с нескрываемым акцентом Основания (когда-то она служила посланником на Мадрасе, но так и не усвоила старинный имперский стиль речи, который стал таким же модным сейчас как часть квазиимперского управления Внутренними Провинциями).

Она говорила:

— Наступает селдоновский кризис, это традиция, и традиция мудрая.

Никаким репрессиям не будут подвергнуты те, кто поддерживает

ошибочную точку зрения. Множество честных людей считает, что имеет веские причины желать того, чего не желал Селдон. Это ничуть не унижает их, если они могут обрести самоуважение, только отказавшись от самого плана Селдона. С другой стороны, есть давний и хороший обычай: те, кто поддерживал проигравшую сторону, принимают убытки спокойно и без дальнейших споров. — Она сделала паузу, оглядела присутствующих и продолжила:

— Прошла половина срока, члены Совета, половина тысячелетия между Империями. Бывали трудные времена, но мы прошли долгий путь. Мы теперь — почти Галактическая

Империя, у нас не осталось опасных внешних врагов.

Интервал должен был длиться тридцать тысячелетий, если бы не план Селдона. После тридцати тысяч лет дезинтеграции, возможно, не осталось бы сил на создание Империи. Могли бы сохраниться только изолированные и, вероятно, умирающие миры.

Всем, что мы имеем сегодня, мы обязаны Хари Селдону, и в будущем мы должны полагаться на него. Таким образом, советники, опасность — в нас самих, и отсюда следует, что не должно быть никакого сомнения в ценности плана. Мы обязаны полностью

поддерживать его. Он оправдал себя в прошедшие столетия. План — это безопасность человечества, вмешиваться в него нельзя.

Принято?

Раздалось тихое бормотание. Мэр даже не подняла глаз, чтобы найти видимые доказательства одобрения. Она знала всех членов Совета и реакцию каждого из них. Теперь, когда она шла в кильватере победы, возражений быть не могло. В будущем году — возможно, но не сейчас. С проблемами будущего года она будет биться в будущем году.

Но всегда бывают исключения...

— Контроль над мыслями, мэр Бранно? — громко спросил Голан

Треви́з, спускаясь в проход.

Он не потрудился занять свое место (новичкам отводились задние ряды).

Не поднимая глаз Бранно уточнила:

— Какова ваша точка зрения, советник Треви́з?

— Правительство не может налагать запрет на свободу слова. Все индивидуумы, включая, конечно, господ советников, избранных для этой цели, имеют право спорить о проблемах дня, в результате чего, возможно, произойдет отход от плана Селдона.

Бранно сложила руки и посмотрела на Треви́за. Ее лицо

ничего не выражало. Она заметила:

— Советник Тревиз, вы открыли прения вне установленного порядка. Тем не менее, прошу вас обосновать вашу точку зрения, я отвечу потом.

— Нас ограничивает сама природа плана. Есть много способов истолковывать события до того, как голограмма праотца даст окончательное решение. Но как только это решение дано, оно больше не обсуждается в Совете.

Оно не обсуждается и предварительно, чтобы кто-нибудь не сказал: «Если Хари Селдон установил то-то и то-то, возможно, он и ошибался». А если кто-нибудь искренне так считает мадам мэр?

– Этот «кто-нибудь» может так говорить, если он – частное лицо.

– Значит, вы хотите сказать, что ограничения свободы слова, о которых вы говорите, относятся целиком и полностью к правительству?

– Именно. Это отнюдь не новый принцип Основания. Сначала он относился к мэрам всех партий. Личная точка зрения ничего не значит, официальное выражение мнения имеет вес и может быть опасным. И мы не хотим рисковать.

– Позвольте мне уточнить, мадам мэр, что этот ваш принцип применялся изредка и регламентировался специальными

актами Совета. Он никогда не относился к чему-то столь же обширному и бесконечному, как план Селдона.

— План Селдона больше всего нуждается в защите, потому что именно для него подобные сомнения могут оказаться роковыми.

— Вы не учитываете, мэр Бранно, — Тревиз повернулся и теперь обращался к рядом членов Совета, которые, казалось, все до единого затаили дыхание, словно в ожидании исхода дуэли, — вы не учитываете, члены Совета, что есть все основания полагать план Селдона несуществующим.

— Мы все были свидетелями, как

он работал сегодня, — сказала мэр Бранно спокойно, в то время как Тревиз стал говорить громче и раздраженнее.

— Именно потому, что мы видели, как он сработал сегодня, леди и джентльмены, мы в состоянии заключить, что план Селдона, в который нас учили верить, не существует!

— Советник Тревиз, вы вне регламента и не можете более продолжать в том же духе.

— У меня должностная привилегия, мэр.

— Эта привилегия отведена, советник.

— Вы не можете отвести

привилегию. Ваше заявление — ограничение свободы слова, и само по себе не может иметь силу закона! Официального голосования в Совете не было, мэр, а даже если бы и было, я имел бы право поставить вопрос о его законности.

— Отвод, советник, не имеет отношения к моему заявлению, запрещающему критиковать план Селдона.

— А к чему же относится отвод?

— Вы обвиняетесь в измене, советник. Я хочу оказать Совету любезность и не арестовывать вас в зале Совета, но чиновники Службы Безопасности ждут вас за дверью и возьмут под стражу, как только вы

выйдете. Я просила бы вас выйти спокойно. Если вы сделаете какое-нибудь злонамеренное движение, тогда, конечно, это будет рассматриваться как угроза, и чиновники Службы Безопасности войдут в зал. Но я уверена, что это не понадобится.

Треви́з нахмурился. В зале стояла абсолютная тишина. Неужели все ждали такого поворота — все, кроме него и Кампера? Он оглянулся на дверь. Никого там не увидел, однако понял, что мэр Бранно не блефует. От ярости он стал заикаться.

— Я пред... представитель большого числа избирателей, мэр Бранно...

— Не сомневаюсь, что они разочаруются в вас.

— На каком основании вы выдвигаете это дикое обвинение?

— Оно будет предъявлено соответствующим и должным образом, и будьте уверены, что у нас есть все, что нужно. Вы очень несдержанный молодой человек: вы поймете, что кое-кто может быть вашим другом, но не желает следовать за вами по пути измены.

Треви́з резко повернулся, чтобы встретить взгляд Кампера, но тот сохранял полную невозмутимость.

Мэр Бранно спокойно сказала:

— Я могу засвидетельствовать перед всеми, что когда я сделала свое

последнее заявление, советник Тревиз повернулся и посмотрел на советника Кампера. Теперь вы уйдете, советник, или вынудите нас пригласить чиновников Службы Безопасности, чтобы арестовать вас в зале?

Голан Тревиз повернулся, снова поднялся по ступенькам, и за дверью два вооруженных человека в форме стали у него по бокам.

А мэр Бранно, бесстрастно поглядев ему вслед, прошептала почти сомкнутыми губами:

– Дурак!

Лионо Кодил был Директором
Службы Безопасности

администрации мэра Бранно. Это была непыльная работенка, как он любил говорить, но лгал он или нет — никто, конечно, не мог сказать. Он не выглядел лжецом, но это еще ничего не означало.

Он казался спокойным и дружелюбным, вполне возможно, что в принципе и требовалось для его работы. Он был ниже среднего роста, имел густые усы (весьма необычные для граждан Терминуса), теперь сильно побелевшие; блестящие карие глаза и характерную заплату первоначального цвета на нагрудном кармане его потускневшего коричневого комбинезона.

— Садитесь, Тревиз, — сказал

он. — Давайте держаться на дружеской ноге, если сможем.

— На дружеской? С изменником? — Тревиз засунул пальцы за пояс и остался стоять.

— С обвиняемым в измене. Мы еще не дошли до точки, когда обвинение — даже исходящее от самого мэра — эквивалентно утверждению. И я уверен, что мы не дойдем до нее. Мое дело — помочь вам, если это возможно. Я предпочел бы сделать так, чтобы не причинять вреда — разве только вашей гордости — и не выносить все на суд общественности. Надеюсь, вы согласны со мной?

Тревиз не смягчился:

— Давайте без заискивания. Ваша работа — заставить меня расколотся, как будто я являюсь изменником. Я же — не изменник, и возмущен необходимостью доказывать это ради вашего удовольствия. Я склонен предоставить вам такую возможность.

— В принципе — вы правы. Но, к сожалению, сила на моей стороне, а не на вашей. И, следовательно, задавать вопросы — мое право, а не ваше. Если какое-либо подозрение в нелояльности или измене падет на меня, я окажусь снятым с должности и меня будет допрашивать кто-то другой, и он, как я горячо надеюсь,

отнесется ко мне не хуже, чем я намерен отнестись к вам.

— А как вы намерены отнестись ко мне?

— Как друг и как равный по положению, если вы отнесетесь ко мне также.

— Может быть нам выпить вместе? — ехидно спросил Тревиз.

— Позднее — возможно, но сейчас, пожалуйста, сядьте. Я прошу вас как друг.

Тревиз поколебался, но сел. Дальнейшее недоверие вдруг показалось ему ненужным.

— Что дальше? — спросил он.

— Дальше — могу я попросить вас ответить на мои вопросы правдиво,

полно и без увиливаний?

— А если я откажусь? Какая угроза стоит за этим? Психический Зонд?

— Уверен, что нет.

— Я тоже уверен, что нет. Нет — для советника. Зонд не выявит измены, а когда я буду оправдан, в моих руках будет ваша политическая карьера, да и карьера мэра, возможно. Вам дорого обойдется попытка применить Психический Зонд.

Кодил нахмурился и покачал головой.

— О, нет, нет. Просто слишком велика опасность непоправимо повредить мозг. Когда не торопятся,

это не причиняет никакого вреда. Но иногда, знаете ли, когда Зондом пользуются в раздражении...

— Угроза, Кодил?

— Просто констатация факта, Тревиз. Не стоит заблуждаться на мой счет, советник. Если мне будет необходимо воспользоваться Зондом, я им воспользуюсь, и если даже вы невиновны, выхода у вас не будет.

— Что вы хотите знать?

Кодил нажал кнопку на столе и сказал:

— Мои вопросы и ваши ответы записываются на видеоаппаратуру. Я не хочу никаких самопроизвольных высказываний от вас, или чего-то безответственного. Я уверен, что вы

это понимаете.

— Я понимаю, что вы хотите записывать только то, что вам нравится, — презрительно сказал Тревиз.

— Верно, но вы снова заблуждаетесь. Я не стану искажать ничего из того, что вы скажете, я запишу или не запишу, вот и все. Но вы будете знать, что я не записываю, и не станете тратить свое и мое время.

— Посмотрим...

— У нас есть все основания думать, советник Тревиз, — налет официальности в голосе Кодила показывал, что он записывает, — что вы утверждали открыто и

неоднократно, о своем неверии в существование плана Селдона.

Треви́з медленно ответил:

— Если я утверждал это «открыто и неоднократно», то чего же вам еще надо?

— Давайте не будем тратить время на увертки, советник. Вы знаете, что я хочу откровенного признания, сделанного вашим собственным голосом, со свойственными ему оттенками, при условии, что вы полностью владеете собой.

— Потому, как я полагаю, что использование какого-нибудь гипно-эффекта, химического или иного, изменяет оттенок голоса.

— Причем, очень заметно.

— И вы боитесь продемонстрировать, что пользовались незаконными методами при допросе советника? Что ж, за это вас трудно осуждать.

— Рад, что вы поняли меня, советник. В таком случае, продолжим. Вы утверждали открыто и неоднократно, что не верите в существование плана Селдона. Вы признаете это?

Треви́з медленно, тщательно подбирая слова, произнес:

— Я не верю, что так называемый план Селдона имеет то значение, какое ему придается.

— Неопределенное утверждение.

Вы собираетесь развивать вашу мысль?

— Принято считать, что Хари Селдон, пятьсот лет назад воспользовавшись математической наукой психоисторией, разработал в мельчайших деталях курс человеческих событий, и что мы должны следовать начертанному курсу, чтобы пройти путь от Первой Галактической Империи ко Второй по линии максимальной вероятности, я считаю наивной. А я утверждаю, что такого не может быть.

— Не означает ли это, что, по вашему мнению, Хари Селдон никогда не существовал?

— Отнюдь нет. Конечно, он существовал.

— Или, что он никогда не развивал науку психоисторию?

— Нет, я, конечно, не имел в виду ничего подобного. Видите ли, директор, я объяснил бы это Совету, если бы мне позволили, и я объясню вам. Истина, которую я собираюсь высказать, так очевидна...

Директор Службы Безопасности спокойно и демонстративно выключил записывающий аппарат.

Треви́з замолчал и нахмурился.

— Зачем вы это сделали?

— Вы тратите мое время, советник. Я не просил вас произносить речей.

– Вы просили меня объяснить мою точку зрения, разве нет?

– Не совсем так. Я просил вас отвечать на вопросы – просто, прямо и честно. Отвечать на вопросы и ничего не добавлять, не говорить о том, что я не спрашиваю. Поступайте так, и наша беседа не займет много времени.

– Вы хотите сказать, что намерены вытянуть из меня то, что подкрепит официальную версию обвинения?

– Мы просим вас только сделать правдивое заявление, и, уверяю вас, мы ничего не искажим в нем. Разрешите мне попытаться снова. Мы говорим насчет Хари Селдона. –

Записывающий аппарат пришел в действие, и Кодил спокойно повторил:

— И он никогда не развивал науку психоисторию?

— Конечно, он развивал науку, которую он называл психоисторией, — сказал Тревиз, уже не скрывая нетерпения и раздраженно жестикулируя.

— Которую вы определяете — как?

— О, Галактика! Ее обычно определяют как отрасль математики, которая имеет дело с общими реакциями большой группы человеческих существ на данный стимул в данных обстоятельствах.

Иными словами, она предположительно предсказывает социальные и исторические перемены.

— Вы говорите «предположительно». Вы заключаете это с точки зрения математической экспертизы?

— Нет, — ответил Тревиз, — я не психоисторик. Ни один член правительства Основания, ни один гражданин Терминуса, ни один...

Рука Кодила поднялась. Он мягко сказал:

— Советник, прошу вас!

Тревиз замолчал.

— Есть ли у вас основания, — сказал Кодил, — предполагать, что

Хари Селдон не сделал необходимого анализа, при оценке минимально необходимого временного разрыва между Первой Империей и Второй?

— Меня там не было, — съехидничал Тревиз. — Откуда мне знать?

— Вы убеждены, что он этого не делал?

— Нет.

— Может быть, вы отрицаете, что голографическое изображение Селдона, которое появляется при каждом кризисе в течение почти пятисот лет, в действительности изображение самого Селдона, сделанное в последний год его жизни, незадолго до организации

Основания?

— Предполагаю, что не могу отрицать этого.

— Вы «предполагаете»? Не хотите ли вы сказать, что это обман, мистификация, придуманная кем-то в прошлом для какой-то цели?

Треви́з вздохнул.

— Нет, я не утверждаю этого.

— Утверждаете ли вы, что сообщения, которые дает Хари Селдон, вообще подтасованы?

— Нет. Не имею основания думать, что такая подтасовка возможна или нужна.

— Понятно. Вы были свидетелем самого последнего появления Селдона. Нашли ли вы, что его

анализ, сделанный пятьсот лет назад, не согласуется с сегодняшними реальными условиями?

— Наоборот! — воскликнул Тревиз с неожиданным ликованием. — Он очень точно согласуется.

Кодил, казалось, безразлично отнесся к эмоциям Тревиза.

— Однако, советник, после появления Селдона вы, все-таки, продолжаете считать, что план Селдона не существует.

— Конечно, считаю. Он не существует как раз потому, что анализ отлично сходится.

Кодил выключил запись.

— Советник, — сказал он, покачив

головой, — вы заставляете меня стирать запись. Я спросил вас, поддерживаете ли вы еще свою странную уверенность, а вы начали выдавать мне причины. Позвольте мне повторить свой вопрос: однако, советник, после появления Селдона вы, все-таки, считаете, что план Селдона не существует?

— Откуда вы это знаете? Ни у кого не было возможности переговорить с моим другом-доносчиком Кампером после появления Селдона.

— Допустим, мы угадали, советник. Допустим, вы уже ответили: «Конечно, считаю». Если вы скажете это еще раз, но без

дополнительной информации, мы сможем на том закончить.

— Конечно, считаю, — иронически сказал Тревиз.

— Хорошо, — сказал Кодил, — я выберу из этих «конечно, считаю» то, которое звучит более естественно. Благодарю вас, советник.

И записывающий аппарат снова был выключен.

— Все? — спросил Тревиз.

— Да. То что мне нужно.

— Совершенно ясно, что вам нужен набор вопросов и ответов, которые вы можете представить Терминусу и всей Федерации и показать, что я полностью принимаю легенду о плане Селдона. Так что

любое отрицание этого, сделанное позднее, будет выглядеть донкихотством или полным безумием.

— Или даже изменой в глазах возбужденной массы, которая считает план главным спасением Основания. Возможно, не будет необходимости опубликовывать это, советник Тревиз, если мы придем к некоторому взаимопониманию; в противном случае, мы позаботимся, чтобы об этом услышала вся Федерация.

— Неужели вы настолько глупы, сэр, — хмуро сказал Тревиз, — что совершенно не интересуетесь тем, что я на самом деле хочу сказать?

— Как человеческое существо я заинтересован, и в свободное время с интересом выслушал бы вас, правда, с некоторой долей скептицизма. Как директор Службы Безопасности я уже имею в настоящее время именно то, что хотел.

— Надеюсь, вы понимаете, что это плохо обернется и для вас, и для мэра?

— Как ни странно, но я придерживаюсь иного мнения. А теперь вы можете идти. Под стражей, конечно.

— Куда меня отведут?

Кодил проигнорировал этот вопрос.

— До свидания, советник. Вы не

очень-то сотрудничали, но надеяться на обратное было бы легкомысленно. — И он протянул руку.

Треви́з встал, делая вид, что не замечает протянутой руки, разгладил морщинки на поясе и сказал:

— Вы только оттягиваете неизбежное. Другие, наверное, думают также как и я, или будут так думать позднее. Посадите ли вы меня в тюрьму или убьете — это вызовет удивление и, возможно, ускорит появление подобных мыслей. В конце концов, истина и я восторжествуем.

Кодил опустил руку и медленно покачал головой.

– В сущности, Тревиз, – сказал он, – вы дурак.

Около полуночи два стража пришли вывести Тревиза из роскошной – он должен был признать это – штаб-квартиры Службы Безопасности. Роскошной, но закрытой. Тюремная камера, иначе не назовешь.

Тревиз провел в заточении четыре часа, без усталости расхаживая по комнате. Горькие сомнения не покидали его.

Почему он доверял Камперу?

А почему нет? Он, казалось, явно был согласен. Нет, не то... Почти поддался уговорам. Нет, и это

не то... Он казался таким тупым, легко поддающимся влиянию, ему так явно не хватало сообразительности и самостоятельности мышления, что Тревиз радовался случаю воспользоваться им как удобной звуковой панелью. Кампер помогал Тревизу улучшать и оттачивать мысль. Он был полезен, и Тревиз доверял ему просто потому, что это было удобно.

Но теперь бессмысленно гадать, как он мог не разгадать Кампера. Надо было следовать единственно верному правилу: не доверять никому.

Но может ли человек прожить

жизнь, никому не веря?

Очевидно, этому необходимо научиться.

И кто бы мог подумать, что у Бранно хватит нахальства выкинуть советника из Совета и что никто из других членов не вступится за него? Пусть они никак не соглашались с ним, пусть они были готовы отдать свою кровь, всю до последней капли, за права Бранно, но, все-таки, в принципе они должны были возражать против такого насилия над их прерогативами. Бронзовая Бранно, как ее иногда называли, действовала, с железной решимостью...

Если только она сама не была уже в тисках..

Нет! Этот путь ведет к паранойе!

И все-таки...

Когда подошли стражники, голова его шла кругом.

— Пойдемте с нами, советник, — сказал старший с равнодушной серьезностью (знаки различия указывали, что он лейтенант).

У военного был небольшой шрам на правой щеке. Выглядел он усталым, словно работал очень долго и безрезультатно — таким и должен быть солдат, когда народ уже больше ста лет живет в мире.

Треви́з не шевельнулся.

— Ваше имя, лейтенант.

— Лейтенант Ивандер Сапилор,

сэр.

— Вы понимаете, что нарушаете закон, лейтенант Сапилор? Вы не можете арестовать советника.

— У нас прямой приказ, сэр.

— Неважно. Вам не могут приказать арестовать советника. Вы должны понимать, что в результате попадете под трибунал.

— Но вы не арестованы, советник.

— Выходит, я могу отказаться, так?

— Нам приказано проводить вас до дома.

— Я знаю дорогу.

— И защищать вас по дороге.

— От чего? От кого?

– От толпы, которая может собраться.

– Посреди ночи?

– Поэтому-то мы и ждали полуночи, сэр. А теперь, сэр, ради вашей безопасности мы просим вас следовать за нами. Ставлю вас в известность – не для угрозы, а для информации – что нам приказано применить силу, если понадобится.

Тревис помнил о нейрохлыстах, и неторопливо, сохраняя достоинство поднялся.

– Ну что ж, пошли к моему дому. А вдруг я обнаружу, что вы ведете меня в тюрьму?

– Нам не приказывали лгать вам, сэр! – гордо возразил лейтенант.

Треви́з начал понимать, что перед ним профессионал, который требует исполнения прямого приказа. Если бы он лгал, выражение лица выдало бы его.

— Прошу простить меня, лейтенант, — сказал Треви́з. — Я не хотел сказать, что сомневаюсь в ваших словах.

Снаружи их ожидал наземный кар. Улица была пустынна, не было ни одного человека, не то что толпы — но лейтенант был искренен. Он не говорил, что снаружи толпа, он упомянул о толпе, которая может собраться. Только «может».

Лейтенант позаботился, чтобы Треви́з находился между ним и

машиной, так что советник не мог отступить или убежать. Лейтенант вошел в салон следом за Тревизом и сел на заднее сиденье рядом с ним.

Кар двинулся.

Тревиз поинтересовался:

— Дома, я, вероятно, смогу заниматься своими делами и смогу тут же уйти, если захочу?

— У нас нет приказа мешать вам, советник, но нам предписано защищать вас.

— Что это означает?

— Мне приказано сказать вам, сэр, что, прибыв домой, вы не сможете уйти. Улицы небезопасны для вас, а я отвечаю за вас.

— Вы хотите сказать, что я

нахожусь под домашним арестом?

— Я не юрист, советник. Я не знаю, что это означает.

Он смотрел прямо перед собой, но его локоть касался бока Тревиза. Тот не мог шевельнуться так, чтобы лейтенант не почувствовал этого.

Кар остановился у домика Тревиза в предместье Фликснера. Фловел устала от беспорядочной жизни, к какой принуждало Тревиза членство в Совете — так что он надеялся, что его никто не ждет.

— Теперь я могу идти? — спросил он.

— Я войду первым, советник. Мы проводим вас в дом.

— Для моей безопасности?

– Да, сэр.

За входной дверью оказались еще двое часовых. Ночь была светлая, но в окнах были матовые стекла, и снаружи ничего нельзя было разглядеть.

Треви́з было возмутился этим вторжением, но затем махнул рукой. Если даже в самом зале Совета он не нашел защиты, значит рассчитывать не на что.

– Сколько же вас тут у меня? Целый полк?

– Нет, советник, – сказал твердый голос. – Кроме тех, кого вы видите, есть только еще одна особа. И я жду вас достаточно долго. – В дверях гостиной стояла Харла

Бранно, мэр Терминуса. – Вам не кажется что нам пора поговорить?

– Все это пустая болтовня...

Но Бранно перебила его низким властным голосом:

– Спокойно, советник. А вы, четверо, можете идти. Идите! Здесь все будет в порядке.

Четверо стражников откозыряли и повернулись на каблуках. Тревиз и Бранно остались одни.

МЭР Бранно ожидала уже около часа, устало размышляя. Строго говоря, они преступно вломились сюда. Более того, они совершенно неконституционно попирали права советника. По букве закона двухсотлетней давности – времен

Индбура и Мула — она была виновной.

Именно в этот день, в эти двадцать четыре часа она не имела права на ошибку.

Бранно нервничала.

Первые два столетия считались золотым веком Основания, героической эрой — по крайней мере, в ретроспективе. Сальвор Хардин и Ховер Мэллоу были великими героями, обожествленными до такой степени, что соперничали с самим несравненным Хари Селдоном. Эти три человека составляли треножник, на котором покоилась вся легенда (и даже история) Основания.

В те времена Основание было

ничтожным мирком с хилой властью над четырьмя королевствами и туманным представлением о протяженности, над которой план Селдона простер защищающую руку, оберегая от остатков мощной Галактической Империи.

И чем больше росла сила Основания как политической и коммерческой организации, тем менее значительными выглядели его правители и воины. Латан Девере был почти забыт. Если о нем и вспоминали, то лишь в связи с его трагической гибелью на рудниках, а не его успешную борьбу с Бель Риозом, успешную, но бесполезную.

Что же касается самого Бель

Риоза, благороднейшего из противников Основания, то он тоже был забыт, заслоненный Мулом, который оказался единственным из врагов, сумевшим подорвать план Селдона, покорившим Основание и правившим им. Он был единственным великим врагом — и, собственно говоря, последним из Великих.

Мало кто помнил, что Мул был побежден, в сущности, одной особой — женщиной по имени Бейта Дарелл, и что она одержала свою победу без чьей-либо помощи и поддержки. Также было почти забыто и то, что ее сын и внучка, Торан и Аркадия Дарелл, погубили Второе Основание,

оставив Основание — Первое
Основание — главным и
единственным.

В более поздние времена
героических фигур уже не было.
Герои усохли до размера обычных
смертных. Даже Аркадия,
составившая биографию своей
бабушки, придала ее образу скорее
романтические черты.

Позже не стало ни героев, ни
романтических фигур. Калганская
война, ставшая последним актом
насилия в истории Основания, по
существу, была небольшим
конфликтом. Почти два столетия
длился мир. Сто двадцать лет, на
протяжении которых самым

значительным происшествием становилась поломка корабля.

Это был добрый мир – чего Бранно не отрицала – выгодный мир.

Основание не организовало Вторую Империю – прошла всего лишь половина отмеренного Селдоном срока, – но оно как Основание Федерации крепко держало экономику на одной трети политически раздробленной Галактики и оказывало решающее влияние даже там, где не управляло. Мало было мест, где слова: «Я – с Основания» не встречали бы с почтением. Среди миллионов обитаемых миров не было никого выше рангом, чем мэр Терминуса.

Это все еще был титул. И хоть унаследован он был пятьсот лет назад от лидера единственного маленького и почти незаметного городка на одинокой планете в дальнем конце цивилизации, никто и не помышлял изменить его.

Только полностью забытый титул Императорского Величества мог соперничать с ним в смысле благоговения.

Но лишь на самом Терминусе власть мэра тщательно ограничивалась. Память об Индбурах еще сохранилась. Народ не мог забыть не столько их тиранию, сколько тот факт, что они прозевали Мула.

Здесь она, Харла Бранно, была самым сильным правителем после смерти Мула и всего пятой женщиной среди них.

Сейчас только она способна открыто пользоваться своей силой.

Она боролась за свою правоту с яростной оппозицией тех, кто мечтал о престиже Внутренней Галактики и об ареоле Императорской власти — и победила.

— Не сейчас! — говорила она. — Не сейчас! Слишком рано замыкаться, мы погибнем.

Появился Селдон и поддержал ее почти теми же словами. В глазах всего Основания это сделало ее на время равной по мудрости Селдону.

Однако она знала, что рано или поздно все позабудут об этом.

И вдруг юнец посмел бросить ей вызов как раз в этот знаменательный день.

И он посмел быть правым!

Это было опасно. Он был прав!

И его правота, могла разрушить Основание!

Сейчас они – один на одни.

Она печально упрекнула:

– Неужели вы не могли придти ко мне частным образом? Надо ли было выкрикивать все это в зале Совета в идиотском желании сделать из меня дуру? Что вы натворили, безмозглый мальчишка?

Тревис почувствовал, что

краснеет, и постарался обуздать злость. Мэр была пожилой женщиной, ей, кажется, было шестьдесят три года, и он не отважился на резкий спор, не решился повысить голос, на человека вдвое старше себя. К тому же, она была искушена в политической полемике и знала, что если с самого начала вывести противника из равновесия, сражение будет наполовину выиграно. Правда, такая тактика была эффективна только на публике, а здесь не было никого, перед кем человека можно было бы унижить.

Они были наедине.

Поэтому он игнорировал укор и

постарался бесстрастно наблюдать. Она была старухой, носящей одежду бесполох фасонов, распространенную два поколения назад. Одевание не украшало ее. Мэр, лидер Галактики – если там мог быть лидер – была просто старухой, которая легко могла бы сойти и за старика, если бы ее желто-серые волосы не были туго стянуты сзади, а лежали бы свободно в традиционно мужском стиле.

Треви́з подкупающе улыбнулся. Хотя старший противник бросил эпитет «мальчишка» как оскорбление, именно этот «мальчишка» имел преимущество юности и правильных взглядов и

полностью сознавал и то, и другое.
Он ответил:

– Верно. Мне тридцать два, и, следовательно, меня можно назвать мальчишкой. И я советник, следовательно, по должности безмозглый. Первое неизбежно, насчет второго – могу только пожалеть.

– Вы понимаете, что делаете? Вы стоите и пытаетесь острить. Сядьте. Включите свой мозг, если можете, и отвечайте мне разумно.

– Я знаю, что делаю. Я говорю правду, как я ее понимаю.

– Вы пытались бросить мне вызов в такой день! Как раз в тот день, когда мой престиж был

настолько высок, что я смогла выгнать вас из зала Совета и арестовать, и никто не посмел даже пикнуть.

— Совет переведет дух и будет протестовать. Может быть, уже протестует. И он выслушает меня хотя бы из-за того, что меня подвергли преследованию.

— Никто вас не станет выслушивать, потому что если вы будете продолжать в том же духе, я буду продолжать обращаться с вами как с изменником, и закон полностью поддержит меня.

— Я все равно буду пытаться. Выступлю на суде.

— На это и не рассчитывайте.

Чрезвычайные полномочия мэра огромны, хотя и редко применяются.

— На каком основании вы заявите о чрезвычайности?

— Основание я придумаю. Я достаточно изобретательна и не боюсь политического риска. Не торопите меня, молодой человек. Либо мы придем к соглашению немедленно, либо вы никогда не получите свободы. Вы рискуете провести оставшуюся жизнь в тюрьме! Я вам это гарантирую.

Они смотрели друг другу в глаза.

— Какого рода соглашение? — спросил Тревиз.

— А! Вы заинтересовались, тем лучше. Тогда возможен диалог.

Изложите свою точку зрения.

— Вы ее хорошо знаете. Вы собрали всю грязь вместе с советником Кампером, ведь так?

— Я хочу услышать от вас!

— Прекрасно, если вы этого хотите, мадам мэр, — он чуть не сказал «старуха». — Слова Селдона слишком правильны, до невозможности правильны более пятисот лет. Если я не ошибаюсь, Селдон появляется в восьмой раз. И, по крайней мере, в одном случае, во времена Индбура III, то, что сказал Селдон, совершенно не совпало с реальностью, но это было во времена Мула, не так ли? А затем, во всех остальных случаях, он был прав, как

и сейчас? — Тревиз позволил себе слегка улыбнуться. — Еще никогда, мадам мэр, насколько можно судить по записям прошлого, Селдон не описывал ситуацию настолько точно во всех деталях.

— Вы намекаете, — сказала Бранно, — что появление голографического изображения Селдона подделано; выступление Селдона подготовлено нашими современниками, например, мной, а роль Селдона играл актер?

— Все может быть, мадам мэр, но я не это имел в виду. Истина куда хуже. Я уверен, что мы видели изображение самого Селдона и что описание настоящего момента

истории подготовлено им пятьсот лет назад. Я долго разговаривал с вашим человеком, Кодилом, он заботливо провел меня через шараду, в которой я, похоже, поддержал суеверия бездумных Основателей.

— Да, запись была использована, и будет использоваться еще, если понадобится, для того, чтобы Основание видело, что вы, в сущности, никогда не были в оппозиции. Тревиз развел руками.

— Но я в оппозиции. Плана Селдона нет в том смысле, в каком мы в него верим, и его не было, вероятно, уже два столетия назад. То, что мы видели в Капсуле Времени двенадцать часов назад, подтвердило

мои подозрения.

— Потому что Селдон был слишком точен?

— Именно. Не улыбайтесь. Это последнее доказательство.

— Я не улыбаюсь, как видите. Продолжайте.

— Возможна ли такая непогрешимость? Двести лет назад его анализ происходящего был полностью ошибочен. Через триста лет после создания Основания Селдон промахнулся. Полностью!

— Советник, вы сами признали несколько минут назад, что в этом виновен Мул — мутант, обладавший невероятной властью мысли, он просто не мог быть учтен в плане.

— Однако он существовал —
учтенный или нет. План Селдона
сошел с рельсов. Мул правил недолго
и не оставил наследника. Основание
снова обрело независимость, но как?
Каким образом план Селдона смог
снова вернуться на прежний путь, в
то время как его ткань была так
непоправимо изорвана?

Бранно выглядела угрюмой и
крепко сжимала руки.

— Вы знаете ответ. Мы — одно из
двух Оснований. Вы читали книги по
истории?

— Я читал Аркадию — биографию
ее бабушки — это же обязательное
чтение в школе, и я читал ее романы.
Я читал официальную историю Мула

и времени после него. Позволено ли мне сомневаться в ней?

— В каком смысле?

— Официально мы, Первое Основание, развивали физические науки. Мы действовали открыто, наше историческое развитие — знали мы об этом или нет — следовало плану Селдона. Однако было еще и Второе Основание, развивавшее науки психологические, включая психоисторию. А его существование было тайной даже для нас. Второе Основание занималось регулировкой течения галактической истории, если та сворачивала с тропы, начертанной планом.

— Вы, опять-таки, ответили

сами, — сказала мэр. — Бейта Дарелл победила Мула, возможно, под влиянием Второго Основания, хотя ее внучка уверяла, что это не так. Однако Второе Основание приложило не мало усилий для того, что бы после смерти Мула галактическая история вернулась в русло плана. Это, бесспорно, удалось!

— Мадам мэр, если верить Аркадии Дарелл, ясно, что Второе Основание, пытаясь выправить галактическую историю, подорвало всю схему Селдона, поскольку в своих попытках оно разрушило собственную секретность. Мы, Первое Основание, поняли, что наше

зеркальное отражение – Второе Основание – существует, и мы не могли жить с сознанием, что нами управляют. Мы старались найти Второе Основание и уничтожить его.

Бранно кивнула.

– Да, мы преуспели! Однако совершенно очевидно, уже после того, как Второе Основание твердо поставило галактическую Историю снова на рельсы, с которых ее толкнул Мул. И мы до сих пор на правильном пути.

– Вы верите этому? Местонахождение Второго Основания, судя по отчету, было обнаружено, благодаря некоторым его членам. Это произошло сто

двадцать лет назад. В течение пяти поколений мы успешно обходились без Второго Основания, умудряясь оставаться настолько близко к намеченному пути, что и вы и изображение Селдона говорили почти одними словами.

— Это можно объяснить только тем, что я анализировала развитие истории с глубокой проницательностью.

— Простите, я не смею сомневаться в вашей проницательности, но мне кажется, есть более точное объяснение: Второе Основание не было уничтожено. Оно все еще управляет нами. Поэтому мы и вернулись на

прежние рельсы.

Бранно удалось сохранить невозмутимый вид.

Наступило утро, и она очень хотела закончить побыстрее, но спешить не могла. Молодой человек, кажется, клюнул. Нельзя было допустить чтобы леска оборвалась. Ведь он мог еще послужить делу.

— Да? — переспросила она. — Значит, рассказ Аркадии и ее отчет о Калганской войне был фальшивкой? Выдумкой? Розыгрышем? Ложью?

Треви́з пожал плечами.

— Не совсем так... Допустим, отчет Аркадии был абсолютно правдив. Допустим, что произошло именно так, как она описала. Гнездо

Второго Основания было обнаружено и уничтожено.

Но можем ли мы сохранять уверенность в том, что это было единственное гнездо? Второе Основание имело дело со всей Галактикой. Оно манипулировало с историей не только одного Терминуса или одного Основания. Зона его влияния включала не одну нашу планету или всю нашу Федерацию. Может быть связь с какими-нибудь членами Второго Основания тянулась на десятки парсеков. Разве мы могли взять их всех? А если мы кого-то упустили, можем ли мы говорить о победе? Мог ли Мул в свое время сказать это? Он

захватил Терминус и все планеты, которыми мы непосредственно управляли, но Независимые Торговые миры устояли. Он подмял Торговые миры – но остались три беглеца – Эблинг Мис, Бейта Дарелл и ее муж. Мул взял под контроль обоих мужчин – осталась Бейта. Если мы поверим романам Аркадии, Мул сделал это из сентиментальности. И этого оказалось достаточно. По версии Аркадии, только одной особе – Бейте – предоставили возможность действовать самостоятельно. Мул не смог установить местонахождение Второго Основания, в результате чего сам был уничтожен.

– В этом значимость одной

личности, вопреки легендам, утверждающим, что индивидуум — ничто, а масса — все.

— А если мы упустили не одного члена Второго Основания, а несколько десятков — тогда что? Они опять соберутся, восстановят свои силы, найдут и обучат новых членов, а нас снова сделают статистами!

Бранно серьезно спросила:

— Вы верите в это?

— Убежден!

— Но скажите, советник, ради чего им беспокоиться? Зачем жалким остаткам цепляться за дело, которое никто не приветствует? Что заставляет их вести Галактику ко Второй Галактической Империи? И

если, все же, маленькая группа настаивает на выполнении своей миссии, стоит ли нам тревожиться? Почему не принять план, испытывая благодарность за то, что они следят, как бы мы не сбились с пути?

Тревис протер глаза. Несмотря на свою молодость, он, видимо, устал больше, чем мэр:

— Я не могу поверить! Вы серьезно полагаете, что Второе Основание делает это для нас? Что они, в некотором роде, идеалисты? Неужели вам с вашим знанием политики — практическим знанием — не ясно, что они делают это для себя?

Мы — отрезанный ломоть. Мы —

машина, сила. Мы работаем, истекаем потом, кровью и слезами, а у них только контроль — тут поправить усилитель, тут поджать контакт — все это делается легко! И когда через тысячу лет этого тяжелого изнурительного труда мы воздвигнем Вторую Галактическую Империю, люди Второго Основания станут в ней правящей элитой.

— Значит, вы хотите отбросить Второе Основание? — переспросила Бранно.

— Пройдя полпути ко Второй Империи, вы хотите попытаться выполнить задачу только нашими силами, с помощью нашей собственной элиты. Так?

– Конечно! А разве вы не хотите этого же? Мы-то с вами не доживем до завершения, но у вас есть внуки, когда-нибудь они будут и у меня, у них будут внуки и так далее. Я хочу, чтобы они воспользовались плодами наших трудов, хочу, чтобы они видели в нас источник и восхваляли нас за то, что мы сделали. Я вовсе не хочу впасть в таинственную конспирацию, придуманную Селдоном – он не мой герой. Я бы даже сказал, что он страшнее Мула! О, Галактика, я хотел бы, чтобы Мул уничтожил план полностью и навсегда. Мы пережили бы Мула – ведь он тоже был смертным. Второе же Основание похоже – бессмертно.

– Но вы хотели бы разрушить Второе Основание, не так ли?

– Если бы я знал, как это сделать!

– А поскольку вы не знаете, то допускаете, что оно хочет уничтожить нас?

Треви́з помолчал.

– Я допускаю, что вы можете быть под их контролем. Ваши точные догадки насчет того, что скажет изображение Селдона и ваше последующее обращение со мной могли исходить от Второго Основания. Возможно, вы просто пустая раковина, которую заняло Второе Основание.

– Тогда зачем же беседовать со

мной?!

— Если вы под контролем Второго Основания, я в любом случае пропал...

Хоть часть злости излить! А вообще-то, я склонен думать что вы не под контролем... Просто не знаете, что делаете!

— Что же, на этот раз вы не ошиблись. Да, я не нахожусь ни под чьим контролем, кроме своего собственного. Но у вас не может быть уверенности в моей правоте. Будь я под контролем, разве бы я призналась в этом? А может быть, я и сама не знаю, что я под контролем?

Нет смысла задаваться такими вопросами. Я уверена, что я не под

контролем, и вам остается поверить в это. Давайте все обсудим. Если Второе Основание существует, то, конечно, их главнейшая забота — удостовериться, что никто в Галактике не знает об их существовании. План Селдона работает хорошо лишь в том случае, если пешки — то есть мы — не знают, каким образом он работает и каким образом ими манипулируют. Во времена Аркадии Второе Основание было уничтожено именно из-за того, что Мул сфокусировал на нем внимание Первого Основания. Может быть следовало сказать — почти уничтожено, советник?

Таким образом, можно сделать

два вывода. Первый – мы вполне можем предположить, что их вмешательство минимально. Мы допускаем, что полностью взять верх над нами невозможно. Даже у Второго Основания, если оно, разумеется, существует, есть границы власти. Захватить что-то и позволить другим об этом догадаться – значит исказить план. Следовательно, мы можем заключить, что их вмешательство мягкое, не прямое, и значит, я вряд ли под контролем. И вы тоже.

– Это одно заключение, – заметил Тревиз, – и я, пожалуй, приму его, возможно, приняв желаемое за действительное. Каково

же второе?

— Второй вывод прост и неизбежен — если Второе Основание существует, то достоверно лишь одно: всякий кто думает, что оно существует и говорит об этом, крича на всю Галактику, должен быть сразу и незаметно убран. С этими заключением вы тоже согласны?

— Поэтому вы и арестовали меня, мадам мэр? Защищаете меня от Второго Основания?

— В какой-то мере. Тщательная запись Лиона Кодила, раскрывающая ваше мировоззрение, будет опубликована не только для того, чтобы народ Терминуса и всего Основания не был чрезвычайно

растревожен вашей глупой
болтовней, но и для того, чтобы не
насторожить Второе Основание,
если оно существует. Я не хочу, чтобы
оно обратило свое внимание на вас.

— Подумать только! — воскликнул
Треви́з с тяжеловесной иронией. —
Ради меня? Из-за моих прекрасных
глаз?

Бранно неожиданно
рассмеялась.

— Я еще не так стара, советник,
чтобы не видеть ваших тридцати лет
и ваших прекрасных карих глаз, и это
могло бы стать достаточным
мотивом. В то же время я и пальцем
бы не шевельнула, ради спасения
ваших глаз и всего остального, что у

вас есть, если бы речь шла только о вас. Под угрозой моя жизнь и жизнь многих других, куда более умных и ценных, нежели вы, под угрозой все наши планы.

— Вот как? Значит вы верите, в существование Второго Основания, раз так бурно реагируете на возможность их отклика?

Бранно стукнула кулаком по столу.

— Конечно, верю, несчастный дурень! Если бы я не знала, что Второе Основание существует, если бы я не боролась с ним, стала бы я обращать внимание на вашу болтовню! Если бы Второго Основания не существовало, какая

разница, что вы о нем говорите? Я еще несколько месяцев назад хотела заткнуть вам глотку, пока вы не выступили публично, но у меня не хватало политической власти, чтобы грубо обойтись с советником. Появление Селдона поддержало меня и дало власть – пусть временную – и как раз в этот момент вы выступили на Совете. Я сразу же стала действовать, и теперь убью вас без капли сожаления и не колеблясь ни микросекунды, если вы не сделаете то, что вам прикажут.

Весь наш разговор, заменивший мне заслуженный сон, предназначался для того, чтобы довести вас до точки, когда вы будете

верить всему, что я скажу.

Поймите, что проблема Второго Основания дает мне достаточно веский повод остановить ваш мозг без суда.

Треви́з привстал со стула.

Бранно сказала:

— Нет, не делайте никаких движений. Я всего лишь старуха, как вы, без сомнения, называете меня про себя, но если вы поднимите на меня руку, вы умрете. За нами наблюдают мои люди, дурачок!

Треви́з сел и сказал потрясенно:

— Это бессмыслица. Если бы вы были уверены в существовании Второго Основания, вы не говорили бы об этом так свободно. Вы не

подставляли бы себя под угрозу опасности, которая, по вашим словам, подстерегает меня.

— Тогда знайте, что у меня есть чуть больше здравого смысла, чем у вас. Иными словами, вы верите в существование Второго Основания, но говорите об этом открыто, потому что глупы. Я верю, что оно существует, и тоже говорю открыто — но только потому, что принимаю меры предосторожности. Поскольку вы, кажется, внимательно читали романы Аркадии, вы, наверное, помните ее рассказ об изобретении ее отцом «Статического Ментального Аппарата». Он служит щитом от мысленной власти, которой обладает

Второе Основание. Этот прибор существует и сейчас. Он опробован в условиях строжайшей секретности.

В настоящее время ваш дом скрыт от любопытных глаз. Зная это, вы позволите мне рассказать о предстоящей вам миссии?

— Что это за миссия?

— Вы должны узнать, действительно ли все так, как мы с вами думаем. Вы должны узнать, существует ли Второе Основание, и если да, то где. Это означает, что вы не вернетесь до тех пор, пока у вас не будет полной информации; если вам нечего будет рассказать, вы не вернетесь совсем и население Терминуса уменьшится на одного

дурака.

— Как можно искать не раскрывая истины? Меня просто убьют, а вы не станете мудрее.

— Так не ищите их, наивный вы ребенок! Ищите что-нибудь другое, а если встретитесь с ними, вряд ли они станут привлекать к себе внимание, — отлично! В этом случае пошлете сообщение на защищенной кодированной волне, а в награду вам позволят вернуться.

— Очевидно, у вас есть какой-то план?

— Конечно есть. Вы знаете Янова Пилората?

— Никогда о нем не слышал.

— Завтра вас познакомят. Он

скажет, что следует искать, и полетит с вами на одном из самых быстроходных кораблей. Вас будет двое — вполне достаточно для риска. А если вы вздумаете вернуться, не предоставив необходимых сведений, корабль взорвется за парсек до Терминуса. Вот и все. Разговор окончен.

Она встала, посмотрела на свои морщинистые руки, медленно натянула перчатки и повернулась к двери. Там появились два стражника с оружием в руках. Они шагнули в стороны, пропуская ее. В дверях она обернулась.

— Снаружи — другие стражники. Не делайте ничего, что может

встревожить их, иначе вы раньше времени избавите нас от забот о вашем существовании.

— В таком случае вы потеряете выгоду, которую я могу принести вам, — сказал Тревиз. Он надеялся, что его реплика прозвучала достаточно легкомысленно.

— Будем надеяться... — сказала Бранно, невесело улыбнувшись.

На улице ее ждал Лион Кодил.

— Я все слышал, мэр. Вы были исключительно терпеливы.

— Я исключительно устала. Этот день, наверное, длился семьдесят два часа. Теперь ваша очередь.

— Я займусь этим, но сначала

скажите, над домом и вправду
установлен Статический
Ментальный Экран?

– Ну, Кодил, – устало сказала
Бранно, – вы же прекрасно
понимаете. О чем вы говорите, какая
слежка! Не думаете же вы, что
Второе Основание следит за всем,
везде и всегда? Я – не
романтический юноша Тревиз, он
может так думать, я – нет. И даже
если бы это было так, если бы глаза
и уши Второго Основания были
повсюду, разве наличие СМА не
выдало бы нас сразу? Именно
поэтому не следует показывать
Второму Основанию, что против
него имеется щит, до тех пор пока

они не обнаружат область недоступную для мысленного контроля. Существование такого щита – тайна до тех пор, пока мы не будем готовы пользоваться им в полной мере. Это ценнее Тревиза и нас с вами.

Однако же...

Они дошли до наземного кара и Кодил сел за руль.

– Однако же?... – напомнил он.

– Что? Ах, да... Однако же, этот молодой человек очень умен. Я несколько раз назвала его глупцом, чтобы поставить на место, но он отнюдь не так глуп... Он молод и читал слишком много романов Аркадии Дарелл, они и навели его на

мысли о путях развития Галактики... Он быстро все схватывает, жаль будет потерять его...

— Вы уверены, что он погибнет?

— Абсолютно, — печально сказала Бранно. — Строго говоря, это даже лучше. Нам не нужны романтические юноши, стреляющие куда попало и в один миг разрушающие то, что создавалось веками. Кроме того, он послужит делу.

Привлечет внимание Второго Основания — опять же, если допустить, что оно существует и действительно оказывает давление на нас. И, пока Второе Основание будет заниматься им, оно, возможно,

будет игнорировать нас. Мы от этого лишь выиграем. Можно надеяться, что заинтересовавшись Тревизом оно ненароком выдаст себя и тогда появится возможность принять контрмеры.

— Значит, Тревиз притянет молнию?

Губы Бранно скривились в улыбке.

— Верно, вот метафора, которую я искала. Он — наш громоотвод, поглощающий заряд и защищающий нас.

— А этот Пилорат тоже окажется на пути молнии?

— Он тоже может пострадать. Тут уж ничего не поделаешь.

Кодил кивнул.

— Ладно. Вы знаете, что Сальвор Хардин часто говаривал: «Никогда не позволяйте вашей морали удерживать вас от правильных поступков».

— В настоящий момент у меня нет никакой морали, — пробормотала Бранно. — У меня есть чувство физической усталости. Но все-таки... я могла бы перечислить массу людей, которыми пожертвовала бы куда охотнее, чем Голаном Тревизом. Красивый мальчик... Знаете ли... — Она не договорила, прикрыла глаза и задремала.

Историк

Лицо седовласого Янова Пилората, выглядевшего много старше своих лет, было бесстрастным. Среднего роста и веса, этот человек имел привычку двигаться не спеша и говорить медленно и осмотрительно.

Он никогда не выезжал с Терминуса (не совсем обычное поведение для человека его профессии). Пилорат и сам не знал, вел ли он сидячий образ жизни благодаря или вопреки увлечению историей.

Эта страсть овладела им

совершенно неожиданно в возрасте пятнадцати лет, когда в период небольшого недомогания он взял книгу ранних легенд. В ней он нашел все время повторяющийся мотив о планете, одинокой и изолированной, которая даже не ведала о своей изоляции, поскольку не знала ничего другого.

Его недомогание сразу прошло. За два дня он трижды прочел книгу и встал с постели. На следующий день он сидел за компьютером, просматривая все записи, какие имелись в университетской библиотеке Терминуса. Именно такие легенды и занимали его с тех пор. Университетская библиотека не

была обширной по этой тематике, но, став постарше, он открыл радость межбиблиотечных займов. Он имел отпечатки, полученные по гиперлучевым сигналам даже из таких отдаленных мест, как Ифния.

И вот, тридцать семь лет спустя, когда он уже стал профессором древней истории и начался его первый отпуск, он решил совершить космическое путешествие (первое в жизни!) на легендарный Трантор.

Первое космическое путешествие в таком возрасте для жителя Терминуса!

Пилорат прекрасно понимал, что его поведение необычно. Но он никогда не стремился выделиться

странным поведением. Просто всегда случалось так, что когда он мог бы отправиться в космос, на пути его вставала какая-то новая книга, новые занятия, новые исследования, и он откладывал задуманное путешествие до тех пор, пока новое дело не иссякало, добавив еще один факт, размышление или гипотезу к той горе, которую он собрал. В итоге, его путешествие на Трантор так и не состоялось.

Трантор был столицей Первой Галактической Империи. Он являлся метрополией Императоров в течение двенадцати тысяч лет, а до этого был столицей самого значительного доимперского королевства, которое

мало-помалу захватило или присоединило другие королевства и образовало Империю.

Трантор был городом, опоясывающим всю планету, городом, одетым в металл. Пилорат читал о нем в работах Гаала Доркина, посетившего его во времена самого Хари Селдона. Книга Доркина более не издавалась, и собственный экземпляр Пилората можно было продать за полугодовое жалование историка. Однако даже намек на такую сделку возмутил бы Пилората.

На Транторе Пилората интересовала Галактическая библиотека, которая во времена

Империи называлась «имперской» и была величайшей в Галактике. Город был столицей самой крупной и самой населенной Империи, созданной за всю историю человечества. Это был единственный город-планета с сорокамиллиардным населением, и его библиотека собрала всю творческую мысль человечества, колоссальный банк знаний. Все это было введено в компьютерную память такой сложной системы, что для управления ею требовались эксперты.

Самое удивительное, что библиотека выжила. Пилорату это казалось невероятным. Когда

Трантор пал и был разграблен почти два столетия назад, он подвергся ужасающему разрушению, и рассказы о несчастьях и смертях передавались из поколения в поколение, но библиотека уцелела, защищенная, как говорили, студентами университета, которые воспользовались изобретенным оружием. Некоторые, правда, считали, что героизм молодежи был изрядно преувеличен.

Как бы то ни было, библиотека пережила период опустошений. Эблинг Мис вел свою работу в нетронутой библиотеке разоренного мира, когда почти обнаружил местонахождение Второго

Основания (согласно версии, которой население Основания все еще верило, но к которой историки относились сдержанно). Три поколения Дареллов – Бейта, Торан и Аркадия – все в то или иное время побывали на Транторе. Однако Аркадия почему-то не посетила библиотеку и с тех пор хранилище знаний не посягало на галактическую историю.

Ни один из жителей Основания не был на Транторе на протяжении последних ста двадцати лет, но не было и никаких оснований предполагать, что библиотека прекратила существование. Воцарившийся в Галактике мир,

служил доказательством этого. Уничтожение библиотеки, конечно, наделало бы шуму.

Библиотека оставалась древней и архаичной — как во времена Эблинга Миса — что само по себе было благом. Пилорат всегда мысленно потирал руки, когда думал о старой и забытой библиотеке. Чем древнее она, тем более вероятно, что в ней есть все необходимое для исследований. В мечтах, с замиранием сердца он входил в библиотеку и спрашивал: «Библиотека модернизирована? Вы не выкинули старые ленты или записи?». И всегда он воображал, как высохшие древние библиотекари

отвечают: «Как было, профессор, так и осталось».

Теперь его мечта была близка к осуществлению. Сама мэр уверила его в этом. Откуда она узнала о его работе? Он мало публиковался. Очень немногое из того, что он сделал было достаточно весомым и заслуживающим публикации, а то, что появлялось — не замечалось. Но говорят, что Бранно знает все, что происходит на Терминусе, у нее глаза на кончике каждого пальца. Пилорат почти не верил этому, ведь если она знала о его работе, почему же раньше она не замечала ее ценности и не оказывала ему хотя бы небольшой финансовой поддержки?

«Почему-то, — думал он с горечью, — Основание смотрит только в будущее. Оно смотрит на Вторую Галактическую Империю и поглощено своей будущей судьбой. У него нет ни времени, ни желания оглядываться назад, на прошлое, и оно досадует на тех, кто это делает».

Конечно, жители Терминуса, в большинстве своем, недальновидны, но глупость не смахнешь как крошки со стола движением руки. Он поступит лучше: осуществит великий прорыв и когда-нибудь о нем будут вспоминать как о величайшем пионере.

Разумеется это означало (Пилорат был достаточно честен и

самокритичен, чтобы не отрицать очевидное), что он и сам устремлен в будущее – будущее, в котором его ждет слава, как Хари Селдона. В сущности, он может стать даже заметнее. Ведь работа над ясно обозримым, пусть и тысячелетним будущим, не может сравниться с изучением далекого двадцатипяти тысячелетнего прошлого.

И этот день настал.

Мэр сказала, что его день придет после появления изображения Хари Селдона. Это была единственная причина, по которой Пилорат заинтересовался кризисом Селдона, несколько

месяцев занимающим умы всего Терминуса и всей Федерации.

Ему было совершенно безразлично, останется ли столица Федерации здесь, на Терминусе, или будет перемещена куда-нибудь. Теперь кризис был объявлен, причем, Пилорат не был уверен в победе Селдона...

Достаточно того, что Селдон появился, и этот день настал.

Чуть позже двух часов дня у изолированного домика на окраине Терминуса остановился наземный кар. Открылась задняя дверца, и из нее вышел человек в форме Корпуса Безопасности, за ним — молодой человек, а следом еще два охранника.

На Пилората это произвело сильное впечатление. Мэр не только знала о его работе, но и явно оценила ее важность. Его будущему спутнику дали почетный эскорт, а ему самому обещали первоклассный корабль, который будет пилотировать этот компаньон. Очень лестно! Очень...

Домоуправительница Пилората открыла дверь. Молодой человек вошел, а двое стражников встали по обеим сторонам у входа. Через окно Пилорат увидел, что третий стражник остался снаружи и что подъехал еще один наземный кар.

Дополнительная охрана!

Странно!

Он повернулся к молодому человеку и с удивлением обнаружил, что знает его. Он видел его на снимках. Пилорат воскликнул:

– Вы – советник! Вы – Тревиз!

– Голан Тревиз. Верно. А вы профессор Янов Пилорат?

– Да, да. Значит, вы будете...

– Мы будем товарищами по путешествию, – деревянным голосом перебил его Тревиз. – По крайней мере, мне так сказали.

– Но вы не историк.

– Нет, не историк. Как вы сами сказали, я – советник, политик.

– Да-да. Но о чем я говорю? Я – историк, зачем нужен второй? Вы можете вести корабль?

– Безусловно!

– Прекрасно, именно это нам и нужно. Великолепно! Боюсь, что я не практик, и если вы – думающий, деятельный человек, то мы составим хороший экипаж.

– В данный момент, – сказал Тревиз, – мои идеи не отличаются блеском, но, похоже, у нас нет выбора, так что попытаемся стать хорошим экипажем.

– Тогда будем надеяться, что я перешагну свою неуверенность в отношении к космосу. Я, знаете ли, никогда не был там. Я – сурок, если можно так выразиться. Не желаете ли стакан чаю? Клауда, приготовь нам что-нибудь. Как я понимаю,

пройдет еще несколько часов, прежде чем мы вылетим. Однако я готов хоть сейчас. У меня есть все необходимое для нас обоих. Мэр очень посодействовала. Ее интерес к проекту потрясающ!

— Значит, вы знаете о нем? — спросил Тревиз. — Давно?

— Мэр обратилась ко мне, — Пилорат слегка нахмурился, припоминая — две или три недели назад. Я был счастлив! А теперь, когда я отчетливо осознал, что мне нужен пилот, а не второй историк, — я в восторге, что моим спутником будете вы, мой мальчик.

— Две или три недели назад, — слегка растерянно повторил

Тревис. — Значит, она готовилась все это время. А я... — он замолчал.

— Простите?

— Ничего, профессор. У меня просто дурная привычка бормотать вслух. Вам придется кое к чему привыкнуть, если наше путешествие затянется.

— Конечно, оно затянется, — сказал Пилорат, подталкивая собеседника к столовой, где домоправительница уже приготовила чай. — Мэр сказала, что мы можем путешествовать сколько угодно, что перед нами вся Галактика, и куда бы мы не отправились, мы можем рассчитывать на фонды Основания. Правда, она просила, чтобы мы в

этом отношении были разумными. Я, разумеется, обещал это. — Он хихикнул и потер руки. — Садитесь, мой дорогой друг, садитесь. Может быть, это наша последняя трапеза на Терминусе...

Треви́з сел.

— У вас есть семья, профессор?

— У меня есть сын. Он в университете Сантании. Кажется, он химик или что-то в этом роде. Он стал на сторону матери. Она уже очень давно оставила меня, так что, как видите, у меня нет ни обязательств, ни привязанностей.

Уверен, что и у вас нет... Берите сэндвичи, мой мальчик.

— В настоящее время я ничем не

связан. Есть женщины, но они приходят и уходят.

– Да, да. Восхитительно, когда это начинаешь понимать. Еще более восхитительно, когда обнаруживаешь, что ничего не нужно воспринимать всерьез. Детей у вас нет?

– Никаких.

– Прекрасно! Вы знаете, я в самом деле в наипрекраснейшем настроении. Признаться, когда вы появились, я был ошеломлен. Но теперь я заметил, что вы чудесно поднимаете дух. Мне необходимо ощущать энтузиазм юности для того, чтобы проложить путь через Галактику. Мы ведь в поиске, вы ведь

знаете?.. В замечательном поиске. — Пилорат воодушевился, хотя ни выражение лица, ни интонации вроде бы не изменились. — Ну, я полагаю, вам говорили насчет этого...

Тревиз нахмурился.

— Замечательный поиск?

— Ну да. Бесценная жемчужина скрывается среди десятков миллионов обитаемых миров Галактики, а у нас есть лишь слегка заметный след. Но если мы найдем ее, нас ждет невероятный успех. Если мы с вами выиграем этот приз, мой мальчик — извините, я должен был сказать — Тревиз, потому что не намереваюсь относиться к вам

покровительственно — наши имена будут звенеть в веках до конца времен.

— Приз, о котором вы говорите, эта бесценная жемчужина...

— Я, кажется, заговорил в стиле Аркадии Дарелл — знаете, была такая писательница. Неудивительно, что вы выглядите оторопевшим. — Пилорат откинул голову назад, словно собираясь расхохотаться, но лишь улыбнулся. — Уверяю вас, ничего такого глупого и неосуществимого я не имел в виду.

— Но, если вы говорите не о Втором Основании, профессор, тогда О чем же?

Пилорат внезапно стал серьезен.

— А разве мэр не сказала вам? Странно, знаете ли. Я десятилетиями негодовал на наше правительство за его неспособность понять мою работу, а теперь мэр Бранно оказалась такой великодушной.

— Да, — заметил Тревиз, не пытаясь скрыть иронию в голосе, — эта женщина удивляет скрытой филантропией, но она ничего не говорила.

— Значит, вы не знаете о моих исследованиях?

— Простите, нет.

— Вам нечего извиняться. Все в порядке. Я не выставлялся напоказ. Ну, так я вам скажу: мы едем с вами искать — и найдем — потому что у

меня в мозгу великолепные возможности — Землю.

Треви́з плохо спал в эту ночь. Он снова и снова обдумывал ловушку, которую старуха подстроила для него, и не находил выхода.

Он был отправлен в ссылку, и ничего не мог поделать. Старуха была тверда и неумолима, и даже не потрудилась как-то замаскировать не конституционность своих действий. Он был лишен прав и как советник, и как гражданин Федерации, а мэр не предприняла даже попытки признать свою вину.

А теперь еще Пилорат, этот старый ученый, который, похоже, не от мира сего, говорит ему об

очаровательной старой даме,
устроившей все за несколько
недель...

Треви́з чувствовал себя
мальчишкой.

Он выслан вместе с историком,
который называет его «дорогим
другом», и, кажется, не находит слов
от радости, что начнет поиски —
чего? Земли?!

Кажется, бабушку Мула звали
так?

Конечно, он тут же спросил:

— Простите меня, профессор, но
я полный профан в вашей области.
Вам не покажется скучным
объяснить мне простыми словами —
что такое Земля?

Пилорат серьезно уставился на него, и, немного помолчав, сказал:

– Это – планета. Изначальная планета, на которой впервые появились человеческие существа.

Треви́з изумился.

– Впервые появились? Откуда?

– Ниоткуда. Это планета, на которой человечество развилось путем эволюции из низших животных.

Треви́з задумался, потом покачал головой.

– Не понимаю, что вы имеете в виду.

По лицу Пилората пробежало выражение досады. Он откашлялся.

– Было время, когда на

Терминусе не было людей. Потом его заселили люди с других миров. Надеюсь, это вы знаете?

— Да, конечно, — нетерпеливо отозвался Тревиз. Ему не понравилось, что Пилорат вдруг перешел на поучающий тон.

— Прекрасно. Это справедливо и для всех других планет — Анакреона, Сантании, Калгана — для всех. Когда-то в прошлом, все они были колонизированы. Народ прибывал на них с других планет. Это справедливо также и для Трантора. В течение двадцати тысяч лет там возникли великие метрополии.

— А что же там было раньше?

— Пустота! Во всяком случае,

человеческих существ там не было.

— Трудно поверить.

— Тем не менее — это так!

Древние записи подтверждают это.

— Откуда же пришли люди, заселившие Трантор?

— Вот это-то точно и неизвестно.

В туманной древности заселялись сотни планет, и теперь их народы рассказывают сказки о первом появлении человечества. Историки же пренебрегают сказками и размышляют о «Вопросе происхождения».

— А это что? Я никогда не слышал об этом.

— Не удивительно. Должен признать, теперь эта историческая

проблема непопулярна, но во времена упадка Империи интеллектуалы проявляли к ней определенный интерес. Даже в мемуарах Сальвора Хардина есть упоминания об этом. Это вопрос об установлении местонахождения одной планеты, с которой все началось. Если мы заглянем в глубь веков, отсчитывая время вспять, то увидим, как человечество перетекает с недавно освоенных миров в более древние, до тех пор, пока все не сконцентрируется на одной планете — изначальной. Тревиз сразу же заметил явную брешь в рассуждениях.

— А не могло быть много

первоначальных планет?

— Конечно, нет. Все человеческие существа в Галактике единого образца. Один род не может возникнуть на разных планетах. Это совершенно невозможно.

— Откуда вы знаете?

— Во-первых, — Пилорат поднял палец, но затем, как видно, подумав, сколь долгим и трудным будет объяснение, опустил руку и сказал с жаром:

— Мой дорогой друг, даю вам честное слово.

Треви́з церемонно поклонился.

— Я и не думал сомневаться в нем, профессор Пилорат. Пусть первоначальная планета одна, но

разве не могут сотни других претендовать на эту честь?

— Не только могут, но и претендуют. Но все эти претензии беспочвенны.

Ни одна из сотен планет не внушает доверия в смысле приоритета, потому что на них нет и следа докосмического общества, никаких намеков на существование организмов, предшествующих человеку.

— Значит, вы считаете, что первоначальная планета есть, только она по каким-то причинам не заявляет о себе?

— Вы попали в самую точку.

— И вы летите искать ее?

– Мы летим. Это наша миссия. Мэр Бранно все устроила. Вы поведете наш корабль на Трантор.

– На Трантор? Но вы ведь только что сами сказали, что первоначальная планета – Земля. Почему мы не летим туда?

– Я не совсем точно выразился. Земля – легендарное название. Оно содержится в древних мифах, но это не означает, что я уверен в его правильности. Может быть было удобно пользоваться коротким словом, как синонимом «планета, откуда произошел человеческий род». Но какая именно планета в реальном пространстве определена нами как «Земля» – неизвестно.

– А на Транторе знают?

– Я надеюсь найти там эту информацию. На Транторе находится крупнейшая в Галактической системе библиотека.

– Конечно, эта библиотека была перерыта теми людьми, которые, как вы говорили, интересовались «Вопросом происхождения» во времена Первой Империи.

Пилорат задумчиво кивнул.

– Да, но, возможно, недостаточно хорошо перерыта. Я изучил многое о «Вопросе происхождения», чего имперцы не знали. Я могу с большим пониманием просматривать старые записи. Я долго размышлял над этим.

У нас больше шансов.

— Я думаю, вы говорили обо всем этом мэру Бранно, и она одобрила?

— Одобрила? Мой дорогой, она пришла в восторг. Она сказала, что Трантор — именно то место, где нужно искать необходимое мне.

— Не сомневаюсь, — пробормотал Тревиз.

Это было частью того, что занимало его в эту ночь. Мэр Бранно послала его узнать все возможное о Втором Основании. Она послала его с Пилоратом, чтобы замаскировать истинную цель мнимыми поисками Земли — поисками, которые могут привести Тревиза в любое место

Галактики. Это отличное прикрытие, и он поражался изобретательности мэра.

На Трантор? Какой смысл в этом? Попад на Трантор, Пилорат тут же отправится в Галактическую библиотеку и оттуда не вылезет. Бесконечные штабеля книг, фильмов, лент, бесчисленные компьютерные записи и символические изображения, конечно, Пилорат никогда не захочет их оставить.

Кроме того...

Эблинг Мис когда-то был на Транторе во времена Мула. Говорили, что он определил местонахождение Второго Основания, но умер, не успев раскрыть секрет. Но осталась

Аркадия Дарелл, и ей удалось найти Второе Основание. Она нашла его на самом Терминусе, и гнездо Второго Основания было уничтожено.

Теперь Второе Основание может быть где угодно, и чем ему может помочь Трантор? И если ему, Тревизу, нужно искать Второе Основание, то он должен лететь в любое другое место, только не на Трантор.

Кроме того...

Он не знал, каковы были планы Бранно на будущее, но не желал подыгрывать ей. Бранно выбрала Трантор – отлично! Значит, они не полетят туда.

Только перед рассветом Тревиз,

наконец, забылся.

Следующий день после ареста Тревиза был очень удачным для Бранно. Ее перевозносили сверх всяких мер, а об инциденте никто даже не упомянул.

Ясно, что Совет скоро очнется от паралича, посыпятся вопросы.

Необходимо действовать быстро. Вот почему отложив в сторону кучу дел, она занялась делом Тревиза.

В то время, как Тревиз беседовал с Пилоратом о Земле, Бранно встретила с Манн Ли Кампером в своем кабинете. Когда тот непринужденно сел за стол напротив нее, она еще раз

оценивающе оглядела его.

Он был меньше ростом и тоньше Тревиза и всего на два года старше его.

Оба были свежеиспеченными советниками, молодыми и дерзкими, но лишь это объединяло их, во всем остальном они были совершенно разными.

Там, где Тревиз, казалось, излучал пылающую энергию, Кампер сиял почти безоблачной самоуверенностью. Может быть, дело было в его светлых волосах и голубых глазах, редких среди жителей Основания.

Они придавали ему почти женскую изысканность, что, по

мнению Бранно, делало его менее привлекательным для женщин, чем Тревиз. Кампер явно гордился своей внешностью, следил, чтобы его длинные волосы были тщательно уложены волнами.

Он накладывал легкие голубые тени под бровями, чтобы подчеркнуть цвет глаз (тени разных оттенков стали модными среди мужчин в последние десять лет).

Он не был бабником. Он спокойно жил со своей женой, но не стремился стать отцом, и никаких тайных подружек за ним не числилось. Это тоже отличало его от Тревиза, который менял любовниц так же часто, как и перчатки

кричащих тонов, которыми он славился.

Кодил знал о каждом из молодых людей все, и сам сейчас смиренно сидел в углу комнаты, как всегда, в удобном кресле.

– Советник Кампер, – сказала Бранно, – вы оказали большую услугу Основанию, но, к сожалению, и к несчастью для вас, это не то, за что вознаграждение можно получить публично или в общем порядке.

Кампер улыбнулся. У него были белые ровные зубы, и Бранно мимолетно подумала, все ли обитатели сектора Сириуса выглядят также. Слухи о происхождении рода Кампера из особого, удаленного

района шли от его бабки по материнской линии. У нее тоже были светлые волосы и голубые глаза, и она уверяла, что ее мать была из сектора Сириуса. Однако, по сведениям Кодида, твердого подтверждения этому не было.

— Женщины есть женщины, — говорил Кодил. — Она вполне могла приписать себе далеких экзотических предков, чтобы прибавить очарования своей удивительной красоте.

— Все женщины таковы? — сухо спросила тогда Бранно, и он с улыбкой пробормотал, что имел в виду обычных женщин.

Кампер успокоил ее:

— Вовсе необязательно, чтобы люди Основания знали о моей услуге. Вы знаете — этого достаточно.

— Я знаю и буду помнить о ней. Но должна предупредить: не считайте, что ваш долг полностью выполнен. Вы начали сложную игру, придется продолжать и дальше. Мы желаем знать о Тревизе больше.

— Но я рассказал вам все!

— Вы хотели бы уверить меня в этом. Очень возможно, что вы сами этому верите, тем не менее, отвечайте на мои вопросы. Знаете ли вы джентльмена по имени Янов Пилорат?

Кампер наморщил лоб, но тут же разгладил его и осторожно

ответил:

– Может, я и узнал бы его, если бы увидел, но это имя не вызывает никаких ассоциаций.

– Он – ученый.

Губы Кампера округлились в безразличное «О», словно он удивлялся, как мэр может думать, что он знает всех ученых.

– Пилорат, – сказала Бранно, – интересная личность, у него есть причины посетить Трантор. Советник Тревиз будет сопровождать его. Теперь, поскольку вы были другом Тревиза, и лучше всех знаете строй его мыслей, скажите: как по-вашему, Тревиз согласится лететь на Трантор?

– Если Тревиз сядет на корабль, а корабль полетит на Трантор, что останется Тревизу? Не думаете же вы, что он поднимет мятеж и захватит корабль?

– Вы не поняли. Он и Пилорат будут на корабле вдвоем, причем управлять кораблем будет Тревиз.

– Значит, вас интересует, полетит ли Тревиз добровольно?

– Да.

– Мадам мэ́р, откуда мне знать, что он сделает?

– Советник Кампер, вы были близки с Тревизом, вы знаете, что он верит в существование Второго Основания. Он никогда не делился с вами догадками о его

местонахождении?

– Никогда, мадам мэр.

– Как вы думаете, он найдет его?

Кампер хихикнул.

– Я думаю, Второе Основание, каким бы оно ни было значительным, уничтожено еще во времена Аркадии Дарелл. Я верю ее рассказу.

– В самом деле? В таком случае, почему вы выдали своего друга? Если он собирался искать несуществующее, какой вред он мог причинить, распространяя свои эксцентричные теории?

* * *

– Повредить может не только правда, – сказал Кампер. – Пусть его теории смешны, но они могут вызвать волнения на Терминусе, породить сомнения насчет роли Основания в великой драме Галактической Империи. Ясно, что вы и сами так думали, иначе бы не схватили его прямо на Совете и не послали бы без суда в ссылку. Могу я вас спросить, мадам мэ́р, почему вы так поступили?

– Наверное, я излишне осторожна, и если есть хотел один шанс на то, что он прав, советник становится опасным.

Кампер ничего не сказал. Бранно продолжила:

— Разделяю ваше мнение, но мое положение обязывает учитывать все возможности. Позвольте снова спросить, есть ли у вас какие-либо мысли насчет того, где, по мнению Тревиза, находится Второе Основание, и куда он может направиться?

— Никаких.

— Он никогда не делал намеков на этот счет?

— Конечно, нет.

— Никогда? Не спешите с ответом, подумайте.

— Никогда, — решительно подтвердил Кампер.

— Ни шуток? Ни глупых замечаний? Никаких мысленных

абстракций, которые приобретают значение немного спустя?

– Ничего. Я говорил вам, мадам мэр, его мечты о Втором Основании, в основном, расплывчаты, как звездный свет. Вы это знаете и напрасно теряете время на эмоции, интересуясь этим.

– А вы, случайно, не перекинулись на другую сторону и не защищаете ли теперь друга, которого сами отдали в мои руки.

– Нет, – ответил Кампер. – Я отдал его вам по причинам, как мне казалось честным и патриотическим. У меня нет оснований жалеть о содеянном и менять мои мнения.

– Значит, вы не можете мне

помочь?

— Как я уже говорил...

— Однако, советник, я должна знать, куда он полетит.

— В таком случае, я думаю, вы должны установить на его корабле гиперреле.

— Я думала об этом, советник, но он человек подозрительный и, пожалуй, обнаружит его, как бы надежно его не спрятали. Конечно, прибор можно поставить так, что его нельзя будет убрать, не повредив при этом корабль, и Тревизу придется оставить его на месте...

— Отличная идея!

— Если не считать того, что тогда Тревиз будет ограничен в

перемещении. Он не полетит туда, куда полетел бы, если бы считал себя свободным и неконтролируемым. И я не узнаю, куда именно он хотел направиться.

— В таком случае вы, видимо, так и не узнаете этого.

— Могу узнать, потому что намереваюсь быть примитивной. Человек, ждущий чего-то изощренного и принимающий против этого все меры, никогда не подумает о простом. Я подыскала провожатого для Тревиза.

— Провожатого?

— Именно. Другой пилот на другом корабле. Вы поражены? Тревиз тоже был бы удивлен. Но его

корабль не снабжен нашими последними масс-детекторными приборами.

— Мадам мэ́р, — заметил Кампер, — при всем моем уважении к вам я должен подчеркнуть, что вам не хватает опыта космических полетов. Посылать корабль-преследователь — такого никогда не делалось, потому что это не сработает. Тревиз скроется при первом же гиперпространственном прыжке. Даже если он не будет знать, что его преследуют, все равно первый же прыжок позволит ему оторваться от сопровождающего. Если на борту корабля не будет гиперреле, его не выследить.

– Согласна, опыта у меня нет. Не в пример вам и Тревизу, я не изучала навигацию. Тем не менее, мне говорили мои консультанты, если за кораблем следят непосредственно перед прыжком, скорость и ускорение дают возможность угадать общее направление. Преследователь, располагающий хорошим компьютером и обладающий здравыми суждениями, может дублировать прыжок настолько точно, что ухватит След, особенно если у него есть хороший масс-детектор.

– Один раз такое и может произойти, – энергично возразил Кампер, – может два, если

преследователю очень повезет, но и только. Нельзя полагаться на такое везение!

— Как знать... Советник Кампер, вы ведь совершали подобные Прыжки? Вы — превосходный пилот и демонстрировали поразительное мастерство, когда на соревнованиях преследовали конкурента. Как видите, я знаю о вас, знаю достаточно много.

Кампер выпучил глаза и заерзал в кресле.

— Тогда я был еще в колледже. Теперь я уже стар.

— Не слишком стары. Вам всего тридцать пять. Вы и пойдете за Тревизом, советник. Куда он, туда и

вы, и будете рапортовать мне. Вы вылетите сразу же после Тревиза, а он стартует через несколько часов. Советник, если вы откажетесь от этого задания, вас посадят за измену. Если вы провалите преследование — не трудитесь возвращаться. При такой попытке вы будете уничтожены в космосе.

Кампер резко вскочил на ноги.

— У меня сложившийся образ жизни. У меня работа! У меня жена! Я не могу бросить все это.

— Можете. Те, кто служит Основанию, должны быть готовы служить ему в любое время, в продолжительных неуютных условиях, если это потребуется.

— Моя жена, конечно, полетит со мной?

— Вы считаете меня полной идиоткой? Разумеется она конечно останется здесь.

— Как заложница?

— Если вам так угодно... Я предпочла бы сказать, что вас ждут опасности, а я от всего сердца желаю вашей жене остаться здесь, где ей ничего не грозит. Оставим споры. Вы также под арестом, как и Тревиз, и я уверена, вы понимаете, что я вынуждена действовать быстро, пока эйфория, охватившая Терминус, не иссякла. Боюсь, что моя звезда скоро закатится.

– Вы были суровы с ним, мадам мэр, – заметил Кодил. Мэр фыркнула.

– Не собираюсь любезничать с ним. Он предал своего друга.

– Для вашей же пользы.

– Да, и такое случается. Но следующей его измены не должно быть.

– Разве она может произойти?

– Ну, Кодил, – недовольно сказала Бранно, – не притворяйтесь. Тот, кто проявил двуличие, всегда вызывает подозрения!

– Он может договориться с Тревизом. И вдвоем они...

– Вы сами не верите тому, что говорите. Тревиз со своей глупостью и наивностью идет прямо к цели. Он

никогда не понимал измены и никогда, ни при каких обстоятельствах, не поверит больше Камперу.

— Простите меня, мэр, но позвольте мне удостовериться, что я следую за вашей мыслью. Насколько вы можете верить Камперу? Откуда вы знаете, что он последует за Тревизом и будет честно рапортовать? Вы рассчитываете, что страх за благополучие жены удержит его. Рассчитываете на его желание вернуться к ней?

— Оба эти фактора играют немалую роль, но я рассчитываю не только на них. На корабле Кампера будет гиперреле. Тревиз подозревает

слежку и станет искать прибор у себя, а Кампер – преследователь, ему нечего опасаться слежки и вряд ли он станет выискивать. Конечно, если он, все-таки, попытается и найдет, нам останется рассчитывать только на его чувства к жене.

Кодил захохотал:

– И подумать только, что я когда-то давал вам уроки! Какова цель слежки?

– Двойная защита. Если Тревиз попадется, возможно, Кампер продолжит дело и даст нам информацию, которую уже не сможет дать Тревиз.

– Еще один вопрос: что будет, если Тревиз найдет Второе

Основание и у нас появятся доказательства его существования, несмотря на гибель обоих?

— Я надеюсь, Лион, что Второе Основание существует. В любом случае, план Селдона устарел. Великий Хари Селдон изобрел его в дни заката Империи, когда развитие технологии практически остановилось. Селдон же был продуктом своего времени, и, как бы ни была блестяща эта полумифическая наука психоистория, она не могла расти вне своих корней. Она, безусловно, не учитывала быстрого развития технологии. Основание не стояло на месте, особенно последние столетия.

У нас есть масс-детекторные приборы, которые и не снились раньше, компьютеры, реагирующие на мысль, и, самое главное – щит, защищающий от воздействия на психику. Второе Основание более не может контролировать нас. Я хочу в свой последний год власти поставить Терминус на новый путь.

– А если Второго Основания нет?

– Тогда мы перейдем на этот путь немедленно!

Тревожный сон Тревиза длился недолго. Уже второй раз кто-то дотрагивался до его плеча. Тревиз поднялся, не в силах сообразить,

почему он в чужой постели.

– Что?.. Что?..

Пилорат извиняющимся тоном сказал:

– Простите, советник Тревиз, вы – мой гость, и мой долг – дать вам отдохнуть, но здесь мэр.

Он стоял у постели во фланелевой пижаме и слегка вздрагивал. Сознание Тревиза начало пробуждаться. Он вспомнил все.

Мэр находилась в гостиной и выглядела спокойно, как всегда. Пощипывая белые усы, рядом стоял Кодил.

Тревиз застегивал пояс и думал, надолго ли эти двое – Бранно и Кодил – могут оставаться порознь.

Он насмешливо спросил:

— Совет еще не оправился? Его члены обсуждали отсутствие одного из них?

— Признаки жизни есть, — ответила мэр, — но их недостаточно, чтобы что-то изменилось в лучшую для вас сторону. Впрочем, это не имеет значения, потому что у меня еще достаточно власти, чтобы заставить вас уехать отсюда. Вы отправляетесь с дальнего космопорта...

— Не с космопорта Терминус, мадам мэр? Я буду лишен личного прощания с тысячами рыдающих?!

— Я вижу, вы снова обрели склонность к глупому зубоскальству,

очень рада! Это свидетельствует о возвращении сознания. С удаленного космопорта вы улетите спокойно.

— И безвозвратно?

— Возможно, и безвозвратно.

Конечно, — она слегка улыбнулась, — если вы обнаружите нечто настолько интересное, важное и полезное, что даже я буду рада вашему возвращению — вас будут встречать с почетом!

Треви́з кивнул.

— Это может случиться.

— Случиться может почти все. Во всяком случае, вас ждет комфорт. Вы приписаны к недавно построенному мини-крейсеру «Далекая Звезда», названному так в честь крейсера

Хобера Мэллоу. Им может управлять один человек, хотя он рассчитан на троих.

Тревиз стряхнул с себя тщательно подготовленное состояние легкой иронии.

— С полным вооружением?

— Невооруженный, но превосходно оборудованный. Где бы вы ни оказались, вы будете гражданами Основания и везде сможете обращаться к консулу, так что оружие вам не потребуется. При необходимости можете требовать денег. Конечно, в разумных пределах.

— Вы щедры.

— Я это знаю, советник. Но поймите меня. Вы помогаете

Пилорату искать Землю. Чтобы вы ни думали искать — вы ищите Землю. Все, с кем бы вы ни встретились, должны усвоить это. И никогда не забывайте, что «Далекая Звезда» не вооружена.

— Я ищу Землю, — повторил Тревиз. — Я прекрасно понимаю.

— Тогда можете отправляться.

— Простите, но мы еще не договорились о самом главном. В свое время я водил корабли, но у меня нет никакого опыта обращения с последней моделью мини-крейсера. Вдруг я не смогу вести его?

— Мне доложили, что «Далекая Звезда» полностью автоматизирована. Вам не надо уметь

управлять кораблем, он сам сделает то, что вам нужно. Вы нуждаетесь в чем-нибудь еще?

Тревиз с грустью оглядел себя.

— В смене одежды.

— Вы найдете ее на борту. Все, включая пояса, какие вы носите, или кушаки, или как они там называются. Профессор тоже будет снабжен всем необходимым. Все разумно необходимое уже на борту, но спешу добавить, что женщины в этот список не входят.

— Очень жаль, — сказал Тревиз. — Это не помешало бы, но все равно сейчас у меня нет ни одной подходящей кандидатуры. Я надеюсь, что Галактика заселена, и я смогу

делать, что захочу, как только улечу отсюда.

— В смысле подружек? Ваша воля. — Мэр тяжело поднялась. — Я не поеду провожать вас в космопорт, но кое-кто поедет, поэтому постарайтесь не делать ничего глупого. Если вы попытаетесь бежать, вас убьют, а меня не будет рядом, чтобы воспрепятствовать.

— Я не сделаю ничего неразрешенного, мадам мэр, кроме одного...

— Да?

Треви́з немного помолчал и произнес, стараясь улыбаться как можно непринужденнее:

— Придет время, мадам мэр,

когда вы попросите меня кое о чем. Тогда я поступлю по собственному выбору, но припомню вам эти два последних дня.

Бранно вздохнула:

– Избавьте меня от мелодрам.

Если такое время придет – пусть приходит, но сейчас я не прошу у вас ничего.

Космос

Корабль выглядел даже более изящно, чем ожидал Тревиз, вспоминая рекламу нового класса крейсеров.

Он не поражал размерами, скорее казался миниатюрным; отличался маневренностью, скоростью, гравитационными устройствами и, главное, бортовым компьютером последнего образца. Большие размеры свели бы на нет все преимущества.

Судно легко управлялось одним пилотом, что выгодно отличало его от прежних кораблей с экипажем в

двадцать и более человек. С двумя, тремя людьми, разделившими обязанности, такой корабль мог отбиться от целой флотилии более крупных кораблей. Вдобавок, он мог обогнать любой из существующих кораблей.

Крейсер представлял собой умеренно вытянутую капсулу обтекаемой формы.

Весь его объем максимально использовался и, как ни парадоксально, внутри было просторно. Что бы не твердила мэр о важности миссии, она произвела на Тревиза куда меньше впечатления, чем корабль, на котором предстояло выполнить эту миссию.

Он печально подумал о том, что Бронзовая Бранно вытолкала его в опасное путешествие исключительной важности. Можно было бы не Соглашаться с таким приговором, но она так ловко все подстроила! Ему захотелось показать, на что он способен.

Что касается Пилората, то пожилого человека переполняло удивление.

— Поверите ли, — говорил он, прикасаясь пальцами к корпусу корабля, — ведь я никогда даже рядом не был с космическим кораблем?

— Конечно, верю, профессор, раз вы так говорите, но как это вы ухитрились?

– Честно признаться, и сам не знаю, дорогой др... я хотел сказать, дорогой мой Тревиз. Я думаю, это связано с моим исследованием. Если у человека дома есть превосходный компьютер, способный установить контакт с любым компьютером в Галактике, вряд ли захочется куда-то двигаться, знаете ли. Однако, я предполагал, что космический корабль будет гораздо крупнее...

– Это маленькая модель, но зато внутри его гораздо просторнее, чем в любом другом, я имею в виду – другой корабль такого же размера.

– Так не бывает! Вы смеетесь надо мной?

– Нет, нет, я серьезно. Это один

из первых кораблей, снабженных гиперпространственным двигателем.

— Что это значит? Только вы, пожалуйста, не объясняйте, если это требует знания физики. Я поверю вам на слово, как вы поверили мне вчера насчет единого прототипа всего человечества и одной первоначальной планеты.

— Давайте я все же попробую, профессор Пилорат. Все тысячелетия космических полетов у нас были химические двигатели, гиператомные — ужасно громоздкие. Старый Императорский флот имел корабли Пятисотметровой длины, а жизненного пространства в них было не больше, чем в маленькой

квартире. К счастью, Основание все столетия своего существования специализировалось в миниатюризации из-за недостатка материальных ресурсов. Этот корабль — кульминация. Он использует гравитационные силы, а приборы, делающие это возможным, встроены в корпус и не занимают места. Если бы не это, мы бы до сих пор пользовались гиператомными...

К ним подошел страж Безопасности.

— Пора садиться, джентльмены!

Небо посветлело, хотя солнце должно было взойти еще только через полчаса. Тревиз оглянулся.

— Мой багаж погружен?

— Да, советник, корабль полностью экипирован.

— Одежда, надеюсь, моего размера и в моем вкусе?

Страж улыбнулся и вдруг стал выглядеть почти мальчишкой.

— Думаю, да, — сказал он. — Мэр заставила нас работать сверхурочно последние три-четыре часа, а мы с вами одинаковой комплекции. — Он оглянулся, как бы проверяя, не заметил ли кто-нибудь его неожиданного дружелюбия. — Вам обоим здорово повезло. Лучший корабль в мире! Полностью оборудован, за исключением оружия. Вы будете прямо как сыр в масле кататься.

— Возможно, в прогорклом масле, — заметил Тревиз. — Ну, профессор, вы готовы?

— Готов, — ответил Пилорат, поднял квадратную кассету со стороной около тридцати сантиметров и упаковал ее в чехол из серебристого пластика.

Тревиз внезапно вспомнил, что ученый держал ее, когда они выходили из дома, перекладывая из руки в руку, и ни разу не положил, даже когда они наскоро остановились перекусить.

— Что это, профессор?

— Моя библиотека. Она снабжена указателями, и я все это уместил на одну кассету. Если вы считаете

корабль чудом, что вы скажете насчет этой кассеты? Вся библиотека! Все, что я собрал! Восхитительно! Великолепно!

— Ну, — заметил Тревиз, — мы и впрямь катаемся, как сыр в масле.

Тревиз был восхищен внутренним устройством корабля. Пространство использовалось с исключительной изобретательностью. Там была кладовая с запасами пищи, одежды, фильмов, игр. Был гимнастический зал, гостиная и две почти идентичные спальни.

— Эта, — сказал Тревиз, — наверное, ваша, профессор. Во

всяком случае, здесь есть считывающее устройство.

– Хорошо, – с удовлетворением сказал Пилорат. – Каким же я был ослом, что до сих пор избегал космоса! Я мог бы жить здесь, мой дорогой Тревиз, в полном довольстве.

– Здесь свободнее, чем я предполагал, – с удовольствием констатировал Тревиз.

– А приборы и в самом деле в корпусе, как вы говорили?

– Во всяком случае контрольные. Нам не нужны запасы топлива. Мы черпаем их из основного запаса энергии Вселенной, так что топливо и все

машины — долой!

— Ну, а я вот думаю: вдруг что-нибудь пойдет не так?

Треви́з пожал плечами.

— Я изучал космическую навигацию, но не на подобных кораблях. Если произойдет что-то с гравитацией — боюсь, я ничего не смогу сделать.

— Но вы сможете вести этот корабль?

— Сам задумываюсь.

— Вы предполагали, что это автоматический корабль. Можем мы быть просто пассажирами? Можем ли мы надеяться, что будем просто сидеть здесь?

— Такое случается при перегонке

корабля между планетами и космическими станциями внутри планетных систем, но я никогда не слышал об автоматическом межзвездном путешествии.

Он снова огляделся и легкая волна страха пробежала по спине. Неужели эта старая ведьма? Неужели Основание автоматизировало и межзвездные перелеты, и он, Тревиз, хочет он того или нет, и сказать-то что-нибудь по этому поводу сможет не больше, чем вся остальная утварь на борту.

Он произнес с воодушевлением, которого не чувствовал:

— Садитесь, профессор. Мэр уверяла, что корабль полностью

компьютеризован. Если в вашей комнате есть компьютер для чтения, то в моей должен быть компьютер-пилот. Устраивайтесь, как вам удобнее, а мне разрешите чуточку оглядеться.

Пилорат слегка встревожился:

— Тревиз, мой дорогой... вы не уйдете с корабля?

— Отнюдь не собираюсь, профессор. А если бы и попытался, можете быть уверены — меня остановят. Мэр не позволит мне уйти! Я всего лишь хочу узнать, как управлять «Далекой Звездой». — Он улыбнулся. — Я не брошу вас, профессор.

Он все еще улыбался, когда

входил в свою спальню, но его лицо сделалось печальным, как только дверь мягко закрылась за ним. Конечно, здесь должны быть средства связи с планетой. Невозможно представить, что корабль намертво отрезан от окружения. Значит, где-то, может быть, в стенной нише должен быть передатчик. Можно вызвать офис мэра и спросить насчет управления.

Он тщательно осмотрел стены, изголовье кровати, гладкую, хорошо сделанную мебель. Если здесь ничего не окажется, он пройдет по всему кораблю.

Он уже собирался выйти, когда боковым зрением заметили отблеск

на гладкой коричневой поверхности
стола, круг света и на нем надпись:
КОМПЬЮТЕР ИНСТРУКЦИЙ...

Ага!

Внезапно его сердце тревожно
забилося. Здесь полно компьютеров,
а программы и у профессионала
отнимают массу времени. Тревиз
никогда не преуменьшал
собственных способностей, но
настоящим специалистом в этой
области себя не считал. Часть людей
была с подобной техникой на ты,
другая – нет, и Тревиз отлично
понимал, к какой из этих групп он
относится.

Временно находясь во флоте
Основания, он достиг звания

лейтенанта, иной раз бывал дежурным офицером и имел возможность пользоваться корабельными компьютерами, но он никогда не занимался программами и вообще не знал о компьютере ничего, кроме обычных действий, которые требовались от дежурного офицера.

С ощущением слабости он вспомнил о томах описания программ, вспомнил действия техника-сержанта Крейснига над пультом корабельного компьютера.

Техник играл на нем, как на самом сложном музыкальном инструменте, и делал это с небрежным видом, словно ему

надоедала простота машины, но, тем не менее временами заглядывал в тома, в замешательстве поругивая себя.

Треви́з неуверенно дотронулся до светового круга, и яркое пятно неожиданное растянулось на весь стол. На нем появились очертания двух рук — правой и левой. Столешница неожиданно наклонилась под углом в сорок пять градусов.

Треви́з сел за стол. Слов не требовалось — было ясно, что он должен делать.

Он положил руки на контуры, которые теперь расположились удобно для него. Крышка стола

оказалась теплой и мягкой, почти бархатистой – его руки погрузились в нее.

Он ошеломлено уставился на кисти: нет, они вовсе не погрузились, они были на поверхности, он видел их своими глазами, однако создавалось ощущение, что ладони прошли сквозь поверхность стола и что-то удерживало их мягко и тепло.

Все? А что дальше?

Он интуитивно прикрыл глаза.

Молчание... Ничего.

Внезапно, внутри его мозга, словно блуждающая мысль, возникла фраза:

«Пожалуйста, закройте глаза. Расслабьтесь. Мы наладим связь».

Через руки?

Треви́з почему-то всегда думал, что если человек мысленно общается с компьютером, то это происходит через шлем, напичканный электродами.

И вдруг руки!

А почему бы и нет? Треви́зу казалось, что он плывет, почти дремлет, не теряя, однако, мысленной активности. Руки...

Глаза всего лишь органы чувств. Мозг — не более чем распределительный щит, упакованный в кость и убранный с рабочей поверхности тела. А руки — рабочая поверхность, они чувствуют и управляют Вселенной.

Человеческие существа думают руками. Руки отвечают на любопытство. Они ощущают, трогают, поворачивают, поднимают, определяют вес. Есть животные со значительным объемом мозга, но у них нет рук и в этом вся разница.

И когда Тревиз и компьютер взялись за руки, их мысли слились, и уже не имело значения, открыты или закрыты глаза Тревиза. Открытые, они не улучшали его зрения, закрытые — не затуманивали его.

В обоих случаях он видел комнату совершенно отчетливо — не только ту ее часть, на которую он смотрел, но и все вокруг, наверху и внизу.

Он видел все помещение корабля, и одновременно, так же хорошо, его корпус. Взошло солнце, и Тревиз мог смотреть прямо на него, глаза не слепило, потому что компьютер автоматически фильтровал световые волны.

Тревиз чувствовал легкий ветер и температуру, слышал звуки мира вокруг.

Он определял магнитное поле планеты и крошечные электрические заряды на обшивке корабля.

Он начал понимать контрольные приборы корабля, даже не зная их деталей.

Он знал только, что если захочет поднять корабль, повернуть дать ему

ускорение или использовать еще какие-либо его возможности, процесс будет тот же, как если бы он требовал аналогичных действий от своего тела. Он должен пользоваться только волей.

Однако его воля не была безграничной. Компьютер мог взять над ней верх.

В настоящий момент в его голове сложилась фраза, и он точно знал, когда и как корабль взлетит. В этом смысле не было никаких сложностей, но Тревиз твердо знал, что в дальнейшем он сам сможет принимать решения.

Он обнаружил — когда отключился от своего усиленного

компьютером сознания — что чувствует состояние верхних слоев атмосферы, может наблюдать за характером погоды, может определять другие корабли, находящиеся над ним или под ним. Все это следовало учитывать, и компьютер учел. Тревиз сообразил: если компьютер что-то не сделал, стоит только захотеть и все будет сделано.

Никаких томов инструкций здесь не было. Тревиз вспомнил о технике-сержанте Крейснице и улыбнулся. Он достаточно часто читал, какую революцию произведет в мире использования гравитации, но слияние компьютера с мозгом все

еще оставалось государственной тайной. Это – совершенно другой уровень!

Он знал время. Он точно знал, который час по местному времени Терминуса и по Стандартному Галактическому.

А как ему отойти от пульта управления?

Едва эта мысль пришла в голову, как руки освободились, крышка стола приняла нормальное положение, и Тревиз остался наедине со своими беспомощными чувствами.

Он чувствовал себя слабым и уязвимым, потому что недавно его защищало и поддерживало высшее

существо, а теперь неожиданно покинуло... Это ощущение могло бы довести его до слез, если бы он не знал, что в любой момент может возобновить контакт.

Он встряхнулся для переориентировки и восстановления привычного восприятия, затем неуверенно вышел из комнаты.

Выглянул Пилорат. Он явно наладил своего «Чтеца», потому что сказал:

— Отлично работает. Превосходная поисковая программа. Вы нашли управление, мой мальчик?

— Да, профессор, все в порядке.

— В таком случае, нам необходимо что-нибудь предпринять

перед стартом? Я хочу сказать для самозащиты. Пристегнуться ремнями или еще что-то? Я искал инструкцию, но ничего не нашел, и это волнует меня. Так я бы вернулся к своей работе. Знаете ли, когда я за работой...

Треви́з протянул к профессору руки, словно возводя запруду, способную остановить поток его слов, и сам громко заговорил:

— Ничего этого не нужно, профессор. Антигравитация — это эквивалент отсутствия инерции. При изменении скорости ускорение не чувствуется, потому что все на корабле одновременно подвергается изменению.

– Вы хотите сказать, что мы не заметим, когда поднимемся и окажемся в космосе?

– Именно это я и хочу сказать! Пока мы разговаривали, взлет остался позади. За несколько минут мы пройдем через верхние слои атмосферы и меньше чем через полчаса будем в открытом космосе.

Пилорат, казалось, съежился, пристально глядя на Тревиза. Его длинное прямоугольное лицо не выражало абсолютно никаких эмоций, но фигура тревожно сжалась.

Тревиз вспомнил, как он сам чувствовал себя во время первого полета за пределы атмосферы. Он

сказал как можно более развязно:

— Янов, — он впервые обратился к профессору столь фамильярно, но в данном случае опытность обращалась к неопытности, и Тревизу было необходимо показать себя здесь старшим, — мы в полнейшей безопасности. Мы в металлическом брюхе военного корабля флота Основания. Мы не полностью вооружены, но в Галактике нет такого места, где имя Основания не служило бы защитой. Даже если какой-нибудь корабль задумает напасть на нас, мы вмиг скроемся от него. И, уверяю вас, я обнаружил, что могу отлично управлять кораблем.

– Но ведь подумать только, Го...
Голан, пустота...

– Ну, дорогой профессор, –
пустота везде вокруг Терминуса.
Только, когда мы на поверхности,
между нами и этой бездной лежит
тонкий слой атмосферы. А сейчас
мы всего лишь проходим через эту
незначительную прокладку.

– Пусть он незначительный, но
мы им дышим.

– Мы дышим и здесь. Причем,
воздух на корабле и сейчас, и потом
будет чище, чем природная
атмосфера Терминуса.

– А метеориты?

– Что – метеориты?

– Атмосфера защищает нас от

них, и от радиации тоже.

— Человечество, — сказал Тревиз, — путешествует через космос, кажется, двадцать тысячелетий...

— Двадцать два. А если считать по Хелбукской хронологии...

— Ладно! Вы когда-нибудь слышали о несчастных случаях связанных с метеоритами или о радиационной смерти — последнее время, я хочу сказать? На кораблях Основания?

— Вообще-то, я не следил за газетами в этом плане, но ведь я историк, мой мальчик, и...

— В истории — да, такие вещи случались, но технология совершенствуется. Не существует

метеоритов способных повредить нам, да они и не смогли бы приблизиться незаметно. Четыре метеорита, идущие на нас одновременно из вершин четырехугольника, могли бы, предположительно, продырявить корабль, но расчет показывает, что вы триллион триллионов раз умрете от старости, прежде чем у вас появится полшанса увидеть столь интересный феномен.

— Вы хотите сказать — если вы будете управлять судном?

— Нет, — насмешливо ответил Тревиз. — Если я буду бегать к компьютеру полагаясь на собственные чувства и реакцию, нас

ударит прежде, чем я пойму, что случилось. Компьютер сам все обработает, причем в тысячу раз быстрее, чем вы или я – Он резко протянул руку. – Пойдемте, Янов, я покажу вам, что может делать компьютер, я покажу, на что похож космос.

Пилорат уставился на него слегка испуганно, а затем хохотнул:

– Я не уверен, что хочу знать, Голан.

– Конечно, я понимаю, Янов, ведь вы не знаете, чего ожидать. Подумайте! Пойдемте со мной!

Треви́з взял Пилората за руку и не столько повел, сколько потащил старика.

– Видели ли вы когда-нибудь Галактику, Янов? – Сев перед компьютером, спросил он. – Смотрели ли вы на нее когда-нибудь?

– Вы имеете в виду в небе?

– Да, конечно. Где же еще?

– Видел. Все видели. Если человек смотрит, то он видит.

– А вы когда-нибудь смотрели на небо в светлую спокойную ночь, когда Диаманты за горизонтом?

К «Диамантам» относились несколько звезд, достаточно ярких и достаточно близких, чтобы умеренно освещать ночное небо Терминуса. Это была небольшая группа, распространявшаяся в ширину не более чем на двенадцать градусов и

большую часть ночи находившаяся за горизонтом. В стороне от этой группы были разбросаны тусклые звезды, почти неразличимые невооруженным глазом. И больше не было ничего, кроме слабой молочности Галактики – большего не мог видеть житель Терминуса, находящегося на самом краю дальнего витка галактической спирали.

– Наверное, да. Но на что там смотреть. Обычное зрелище.

– Конечно, обычное, – сказал Тревиз, – поэтому никто и не смотрит. Зачем смотреть на то, что видишь каждый день? Но сейчас вы увидите Галактику не с Терминуса,

где ее скрывают вечные облака и туман. Вы увидите то, чего никогда бы не увидели с Терминуса, как бы вы не глядели, как бы ни была чиста и черна ночь. Хотелось бы мне, чтобы я, подобно вам, никогда не был в космосе, и теперь впервые бы увидел Галактику в ее нагой красоте. — Он подвинул Пилорату стул. — Садитесь, Янов. Это займет некоторое время. Я буду привыкать к компьютеру. Из того, что я уже ощущал, я знаю, что зрелище голографично, так что нам не нужно экрана. Это будет прямой контакт с моим мозгом и я думаю, что смогу воспроизвести объективное изображение, которое увидите и вы.

Не выключить ли свет? Нет, стойте, это я сморозил глупость. Все сделает компьютер. Оставайтесь на месте.

Треви́з вступил в контакт с компьютером, тепло и ласково держась с ним за руки.

Свет потускнел, затем погас совсем. Пилорат зашевелился в темноте.

— Не нервничайте, Янов, — сказал Треви́з. — Мне еще трудновато управлять, но я охотно начну, если вы будьте терпеливы. Вы видите?

Полумесяц.

Он висел в темноте перед ними. Сначала несколько тусклый и мерцающий, постепенно

приобретающий яркость и резкость.

— Это Терминус? — с дрожью спросил Пилорат. — Мы так далеко от него?

— Да. Корабль перемещается быстро.

Корабль двигался в ночной тьме Терминуса, который выглядел толстым ярким полумесяцем. У Тревиза появилось мимолетное побуждение послать корабль по широкой дуге, чтобы он показал им дневную сторону планеты во всей красоте, но удержался. Это не было бы слишком новым для Пилората, и красота оказалась бы банальной: слишком много фотографий, карт и глобусов.

Каждый ребенок знает, как выглядит Терминус из космоса. Водная планета. Богатая морями и бедная минералами. Хороша для сельского хозяйства, плоха для тяжелой промышленности, но лучшая в Галактике по технологии и миниатюризации.

Если компьютер будет использовать микроволны и передаст их в режиме визуализации, путешественники увидят каждый из десяти тысяч населенных островов Терминуса и единственный из них, достаточно большой, чтобы называться континентом, где расположен город Терминус...

— Убрать!

Это была только мысль, упражнение воли, но изображение тут же изменилось. Светящийся полумесяц сдвинулся к краю и исчез из видимости. Все заполнила тьма беззвездного пространства.

Пилорат откашлялся.

– Я хотел бы, чтобы вы вернули Терминус обратно, мой мальчик. Мне кажется, что я, вроде, ослеп. – Его голос звучал напряженно.

– Вы не ослепли. Смотрите!

В поле зрения появился легкий полупрозрачный туман. Он распространялся, становился ярче, пока не засияла вся комната.

– Сжать!

Еще одно упражнение для воли,

и Галактика удалилась. Она сжалась и стала структурой различной яркости.

— Ярче!

Не изменив размера, Галактика стала ярче, и так как звездная система, к которой принадлежал Терминус, была над галактической плоскостью, была видна не полностью. Она представляла собой резко обрисованную двойную спираль, изогнутую, с темно-туманными трещинами, прочеркивающими сверкающий край Терминуса. Молочная дымка ядра, удаленного и сжатого расстоянием, казалась несущественной.

Пилорат выдохнул тихо и

благоговейно:

— Вы правы. Я никогда не видел ничего подобного. Я никогда не думал, что у нее столько деталей.

— Откуда вам было знать? Вы не можете видеть другую половину Галактики, когда между вами и ею атмосфера Терминуса. С поверхности планеты вы едва разглядите ядро.

— Какая жалость, что мы видим ее только спереди.

— Это не важно. Компьютер может показать ее в любой ориентации. Мне стоит только выразить желание — даже не вслух.

«Сменить координаты!».

Упражнение воли не несло

точной командой, однако изображение Галактики стало медленно меняться. Мозг Тревиза вел машину, и она делала то, что он хотел.

Галактика медленно повернулась, так что ее можно было видеть под прямым углом к галактической плоскости. Она вытянулась, подобно сверкающему гигантскому водовороту с дугами тьмы, узлами яркого света и центральным пламенем.

Пилорат спросил:

— Как может компьютер видеть ее из такого положения в космосе, из положения, которое находится более чем в пятидесяти тысячах парсеков

отсюда? — И затем добавил задыхающимся голосом: — Пожалуйста, извините мое любопытство. Я ничего не знаю обо всем этом.

Треви́з ответил:

— Об этом компьютере я знаю так же мало, как и вы. Но даже простой компьютер может менять координаты и показывать Галактику в любом положении, начиная с того, которое может считаться нормальным по отношению к положению компьютера в космосе. Конечно, он всего лишь использует имеющуюся информацию, и при изменении бортовой точки видимости, в изображении

появляются пробелы и пятна. В данном же случае...

— Да?

— Мы имеем великолепное зрелище. Я подозреваю, что компьютер набит всевозможными картами Галактики, и способен видеть с любого угла одинаково легко.

— Как составляется полная карта?

— В память компьютера вводят координаты каждой звезды.

— Каждой? — Пилорат был потрясен.

— Ну, может быть, не все триста миллиардов. Должны включаться звезды, дающие свет на обитаемые

планеты, это уж обязательно, и, вероятно, звезды спектрального класса «К» и ярче. Это значит — семьдесят пять миллиардов, по крайней мере.

— Каждая звезда населенной системы?

— Может, и не все. В конце концов, во времена Хари Селдона было двадцать пять миллионов обитаемых планет — это вроде бы громадное количество, но на каждые двенадцать есть только одна звезда. Спустя пять столетий после Селдона общий развал Империи не способствовал дальнейшей колонизации. Очевидно, осталось еще полно планет пригодных для

обитания, и теперь обитаемых миров, возможно, миллионов тридцать. Вполне вероятно, что не все эти новые миры внесены в память.

— А старые? Они, конечно, должны быть все без исключения?

— Думаю, да. Гарантировать не могу, конечно, но я был бы удивлен, если бы какая-то давно колонизированная планета была упущена. Позвольте мне показать вам что-нибудь, если мои способности в управлении компьютером могут зайти достаточно далеко.

Руки Тревиза слегка напряглись и как бы глубже вошли в ладони компьютера. Это не было

обязательным: ему было достаточно спокойно и небрежно подумать: Терминус!

Он подумал, и в ответ появился искрящийся бриллиант на самом краю водоворота.

— Это наше солнце, — возбужденно сказал он. — Звезда, вокруг которой вертится Терминус.

— Ох, — произнес Пилорат с тихим дрожащим вздохом.

Яркая желтая точка света возникла в скоплении звезд глубоко в центре Галактики, но в стороне от центральной дымки. Она была, пожалуй, ближе к тому краю Галактики, где находился Терминус.

— А это, — сказал Тревиз, —

солнце Трантора.

Еще один вздох, и Пилорат поинтересовался:

– Вы уверены? Всегда говорили, что Трантор находится в центре Галактики.

– В каком-то смысле это так и есть. Он настолько близок к центру, насколько планета может находиться, оставаясь обитаемой. Трантор ближе к центру, чем любая другая большая населенная система. Истинный центр Галактики состоит из черной дыры массой почти в миллион звезд, так что центр – это яркое место. Насколько нам известно, там нет жизни и, вероятно, быть не может.

Трантор – на внутреннем витке

спирали, и поверьте мне, если бы вы видели его ночное небо, вы подумали бы, что он в центре Галактики. Снаружи он окружен мощным скоплением звезд.

— Вы были на Транторе, Голан? — спросил Пилорат с оттенком чистой зависти.

— Нет, но я видел голографические изображения его неба.

Треви́з сумрачно смотрел на Галактику. В великом поиске Второго Основания во времена Мула все играли с галактическими картами, и на этот счет было написано множество томов и сделано множество снимков.

И все это потому, что Хари Селдон сказал в самом начале, что Второе Основание будет устроено «на другом конце Галактики», там, «где кончаются звезды».

На другом конце Галактики!

Как только Тревиз подумал об этом, в поле зрения появилась голубая линия, тянущаяся от Терминуса через центральную черную дыру Галактики к другому ее концу. Тревиз прямо подскочил: он не заказывал эту линию, но представил ее себе очень ярко, этого оказалось достаточно для компьютера.

Но, конечно, прямая линия, идущая к противоположной стороне

Галактики, не обязательно указывала «другой конец», о котором говорил Селдон. Аркадия Дарелл, если можно верить ее автобиографии, сказала фразу: «Круг не имеет конца», и все приняли это за истину.

И хотя Тревиз старался подавить эту мысль, компьютер оказался слишком проворным: голубая линия исчезла и вновь появилась в виде кольца вокруг Галактики, которое прошло через красную точку солнца Терминуса.

Круг не имел конца, а если круг начинался на Терминусе, он им же и кончался, и тогда Второе Основание действительно было найдено. Оно жило в том же мире, что и Первое.

Но если в действительности его не нашли, если так называемая находка Второго Основания была иллюзией, тогда что? Что – кроме прямой линии и круга может иметь смысл?

– Вы тренируете воображение? – спросил Пилорат. – Почему здесь голубой круг?

– Просто я проверяю свой контроль. Хотели бы вы найти Землю?

Наступила напряженная пауза, затем Пилорат спросил:

– Вы шутите?

– Нет, я попробую.

Он попробовал, но ничего не вышло.

– Простите...

– Ее там нет? Нет Земли?

– Может, я плохо обдумал свою команду... хотя не похоже. Вероятно, Земля просто не числится в памяти компьютера...

– Может, она числится под другим названием? – предположил Пилорат.

– Какое другое название, Янов? – быстро спросил Тревиз.

Пилорат не ответил, и Тревиз улыбнулся в темноте. Ему пришло на ум, что именно и могло прийти. Надо обдумать, дать мысли созреть. Он намеренно сменил тему:

– Хотел бы я знать, можем ли мы управлять временем.

— Как это возможно?

— Потребовалось почти полмиллиарда лет, чтобы Терминус прошел один раз по большой окружности Галактики. Звезды, находящиеся ближе к центру, выполняют это путешествие много быстрее.

Движение каждой звезды относительно центральной черной дыры может быть зарегистрировано в компьютере, а если так, наверное, компьютер может ускорить каждое движение в миллионы раз, и сделать его видимым. Попробую...

Он не смог расслабить мышцы от напряжения, посылая волевое усилие, словно сам держал

Галактику, ускорял ее движение, заставлял кружиться, несмотря на невероятное сопротивление.

Галактика двигалась. Медленно, постепенно она изгибалась в направлении, которое должно было сжать ветви спирали.

Время неслось стремительно — симмитированное, искусственное время — и, пока оно шло, звезды начали исчезать.

Некоторые звезды краснели и становились ярче, превращаясь в красных гигантов. Затем звезда в центральном скоплении вдруг беззвучно взрывалась слепящим пламенем, на долю секунды затмевая Галактику, и исчезала.

Затем то же произошло с другой в одном из завитков спирали, потом с третьей, находящейся неподалеку.

— Сверхновая, — вздрогнув, сказал Тревиз.

Возможно ли, чтобы компьютер мог точно предсказать, какая звезда взорвется и когда? Или он просто пользуется упрощенной моделью для показа будущего в общих чертах?

Пилорат хрипло прошептал:

— Галактика выглядит как живое существо, ползущее через пространство.

— Так оно и есть, — согласился Тревиз. — Но я здорово устал. Пока я не научусь делать это без напряжения, не смогу долго играть в

такие игры.

Он ослабил волю. Галактика замедлила движение, затем остановилась, двинулась обратно, пока не оказалась в той точке, откуда на их глазах стартовала.

Треви́з закрыл глаза и глубоко вздохнул. Он признавал, что Терминус уменьшился под ними, последние струйки атмосферы вокруг них исчезли.

Он знал обо всех кораблях в ближайшем пространстве Терминуса. Но ему не пришло в голову проверить, нет ли чего-нибудь особенного в одном из этих кораблей — не был ли какой-нибудь из них таким же гравитационным, как и

«Далекая Звезда». А ведь один действительно шел по такой же траектории и был куда ближе, чем допускала простая случайность.

Оратор

Трантор!

В течение восьми тысяч лет он был столицей громадного и политически мощного единства, связавшего растущий союз планетарных систем. В течение последующих двенадцати тысяч лет он был столицей политического единства, связывающего всю Галактику. Он был центром, ядром, олицетворением Галактической Империи.

Нельзя было подумать об Империи, не вспомнив о Транторе.

Трантор достиг пика развития,

когда Империя уже стала клониться к закату. В сущности, никто не замечал, что Империя теряла свою напористость, свое стремление вперед, потому что Трантор светился сияющим металлом.

Его развитие достигло высшей точки, когда он стал городом-планетой. Его население стабилизировалось (законодательно) на сорока пяти миллиардах.

Единственная растительность оставалась у императорского дворца, комплекса Галактического университета и библиотеки.

Вся поверхность Трантора была одета в металл. Его пустыни и плодородные районы одинаково были

поглощены, и превратились в переполненные жилые кварталы, в административные джунгли, компьютеризированные предприятия, в склады пищевых продуктов и запасных частей. Горы были скрыты, пропасти засыпаны. Бесконечные коридоры, прорытые под континентальными шельфами и под океанами, стали громадными цистернами аквакультур — единственным (и незначительным) источником пищи и минералов.

Связи с Внешними Мирами, откуда Трантор получал необходимые ему ресурсы, осуществлялись через тысячу космопортов с десятью тысячами военных кораблей, сотней

тысяч торговых судов и миллионами космических фрахтовщиков.

Не было ни одного большого города, существовавшего так же прочно. Не было в Галактике планеты, которая в такой мере использовала бы солнечную энергию и энергию ветра, предельно избавляя себя от расходования тепла.

Сверкающие радиаторы поднимались в верхние слои атмосферы на ночной стороне и опускались в город — на дневной. При вращении планеты, радиаторы поднимались с наступлением ночи и опускались с зарождением дня. Таким образом, Трантор всегда имел искусственную асимметрию, и это

стало его символом.

В то время Трантор правил Империей.

Он правил плохо, но ничто не могло править ею лучше. Империя была слишком велика. Как мог Трантор удерживать Империю, когда в столетия упадка императорская корона переходила то к скользким политикам, то к некомпетентным группам, а бюрократия стала почвой для коррупции?

Но даже в самые худшие времена была какая-то ценность у этой структуры.

Галактическая Империя не могла существовать без Трантора.

Империя неуклонно

разрушалась, но, пока существовал Трантор, оставалось ядро Империи, оно поддерживало в людях чувство гордости, ощущение золотого века, традиций, власти и экзальтации.

Только когда случилось немыслимое — когда Трантор окончательно пал и был разграблен, когда миллионы его жителей были убиты, а миллиарды умирали с голоду, когда его мощное металлическое покрытие было содрано, пробито и прострелено атаками варварского флота — только тогда Империя признала свое поражение. Великий мир уничтожил сам себя, и через поколение Трантор трансформировался из величайшей

планеты человеческой расы в невообразимое скопище развалин.

Это было почти два с половиной столетия назад. В остальной Галактике еще не забыли, каким был Трантор. Он навеки остался как излюбленное место действия исторических романов, символ и память прошлого, любимое слово в поговорках, вроде: «Все звездные корабли приземляются на Транторе», «Не больше сходства, чем между тобой и Трантором».

А во всей остальной Галактике...

Но отнюдь не на самом Транторе!

Там старый Трантор был

позабыт. Металлическая поверхность исчезла почти повсеместно. Теперь Трантор был скудно заселен полуразоренными фермерами, торговые звездолеты приходили редко, их встречали не слишком приветливо.

Само слово «Трантор» выпало из народной речи, хотя и употреблялось в официальной. Жители Трантора теперь называли его на своем диалекте «Дам», что на Галактическом Стандартном означало «Дом».

Квиндор Шандисс думал обо всем этом, когда спокойно сидел в приятном состоянии полудремы и позволил своему мозгу следовать за

неорганизованным потоком мыслей.

Он был Первым Спикером Второго Основания в течение восемнадцати лет и вполне мог продержаться еще лет десять-двенадцать, если его мозг останется разумным и энергичным и если он сможет продолжать участие в политических битвах.

Он был аналогом, зеркальным отражением мэра Терминуса, которая правила Первым Основанием, но различия между ними были огромны.

Мэр Терминуса — особа известная всей Галактике, и поэтому Первое Основание было просто Основанием для всех миров. Первый

Спикер Второго Основания был известен лишь своим партнерам.

Однако именно Второе Основание под управлением его предшественников и его самого обладало реальной властью. Первое Основание было величайшим в области физических наук, технологии, оружия; Второе Основание было величайшим в сфере ментальной власти, в способности управлять мозгом. При любом конфликте между двумя Основаниями могло ли иметь значение количество кораблей и оружия у Первого Основания, если Второе могло контролировать мозг тех, кто будет управлять этими

кораблями и этим оружием?

Но как долго оно сможет наслаждаться сознанием своей тайной власти?

Шандисс был двадцать пятым Первым Спикером, и его обязанности были надежным щитом. Может быть, ему следовало не так энергично держаться за них и допустить более молодых претендентов? Был Спикер Джиндибел, самый энергичный и передовой в списке. Сегодня вечером они должны встретиться, и Шандисс подумает об этом. Не стоит ли ему также подумать и о том, что в один прекрасный день Джиндибел заменит его?

Ответ на этот вопрос ясен —

Шандисс всерьез не думал оставлять пост.

Он слишком радовался своему положению.

Несмотря на свой преклонный возраст, он все еще отлично справлялся со своими обязанностями. Волосы оратора поседели, но он всегда подкрашивал их и коротко подстригал, чтобы краска не была заметна. Глаза у него были бледно-голубые, одевался он в тускло-коричневую одежду в стиле фермеров Трантора. Первый Спикер мог бы, при желании, сойти за одного из народа Хемиш, но его скрытая власть, тем не менее, существовала. Он мог сфокусировать мозг в любое

время, и тогда Хемиш могли сливаться с его волей а потом ничего не помнить об этом. Это случалось редко, можно сказать — никогда. Золотое правило Второго Основания гласило «Ничего не предпринимай, пока не настало время, когда время пришло — подумай и взвесь»

Первый Спикер вздохнул Жизнь в старом университете, колоссальные развалины старого императорского дворца неподалеку заставляли иной раз задуматься, каким образом появилось Золотое правило. Во времена Великого Грабежа Золотое правило натянулось до точки разрыва. Не было возможности спасти Трантор, не пожертвовав при

этом выполнении плана Селдона на установление Второй Империи. Спасти сорок пять миллиардов было гуманным делом, но спасти их без сохранения ядра Первой Империи было нельзя, это только бы отсрочило расплату. Последовало бы еще большее разорение через несколько столетий, и, возможно, Вторая Империя никогда. Раньше Первые Спикеры работали над предсказанным десятилетия назад. Разграблением, но не нашли решения — невозможно было одновременно обеспечивать и спасение Трантора, и возможное установление Второй Галактической Империи.

Избрали меньшее зло — и

Трантор погиб!

Людам Второго Основания того времени удалось — с величайшим трудом — спасти комплекс университет-библиотека, и это тоже легло на них вечной виной. Хотя никто никогда не доказал, что спасение комплекса привело к ментальному подъему Мула, но всегда присутствовало ощущение связи между этими событиями. Как близко было разрушение всего!

Тем не менее, спустя десятилетия после Разграбления и прихода Мула настал Золотой Век Второго Основания. До этого, после смерти Селдона, люди Второго Основания на два с половиной

столетия зарылись, как кроты, в хранилища библиотеки, занимаясь только путями восстановления Империи. Они служили библиотекарями в разлагающемся обществе, но меньше всего заботились о Галактической библиотеке, и она, в конце концов, вышла из употребления, что лучше всего служило цели Второго Основания. Это была постыдная жизнь. Они просто хранили план, в то время как на другом конце Галактики Первое Основание сражалось за свое существование против все увеличивающегося количества врагов без всякой помощи со стороны Второго Основания и, в

сущности, даже не зная о нем
Великое Разграбление освободило
Второе Основание – еще одна
причина (молодой Джиндибел имел
мужество сказать недавно, что это
была главная причина того, что
разграблению было позволено
произойти). После Великого
Разграбления Империя погибла, и все
последующее время выжившие
жители Трантора никогда не
вторгались без приглашения на
территорию Второго Основания. Из
этого Второе Основание заключило,
что комплекс университет-
библиотека, переживший
Разграбление, пережил и Великое
Возобновление. Руины дворца тоже

сохранились. Металл исчез почти со всей остальной территории планеты. Бесконечные громадные коридоры были спрятаны, засыпаны, все покрыто камнем и землей, все и везде – только не здесь. Здесь металл все еще покрывал Трантор.

Можно было рассматривать это место как дань величию, гробницу Империи, но для транториан – народа Хемиш – это были места, населенные призраками, которых нельзя было тревожить. Только люди Второго Основания входили в древние коридоры, касались титанового покрытия.

Но, несмотря на это, все сошло на нет из-за Мула. Мул был на

Транторе. Что, если он обнаружил природу мира, на котором побывал? Его физическое оружие было неизмеримо мощнее, чем то, которым располагало Второе Основание, а его ментооружие было почти также сильно.

Второе Основание всегда было сковано необходимостью не делать ничего, пока это возможно, и знало, что почти всякая надежда на победу в немедленном сражении принесет еще большие потери.

Видимо, для Бейты Дарелл такого правила не существовало, ее действия последовали быстро и без помощи Второго Основания. А затем – Золотой Век, когда Первый Спикер

каким-то образом нашел пути для активных действий, остановил Мула в его завоевательной политике, овладев, наконец, его мозгом, а затем остановил само Первое Основание, когда оно слишком любопытствовало насчет сущности Второго Основания. Прим Палвер, девяностолетний Первый Спикер и величайший из всех них, сумел положить конец каким-либо угрозам — правда, не без тяжелой жертвы — и спас план Селдона.

Второе Основание на сто двадцать лет стало таким, каким было когда-то — и оно скрылось в посещаемых призраками местах Трантора. Оно скрывалось теперь не

от Империи, но, как и раньше, от Первого Основания, почти такого же обширного, как и бывшая Галактическая Империя, а в технологическом отношении даже более могущественного.

Глаза Первого Спикера закрылись в приятной дреме, и он погрузился в мечтательное состояние галлюцинирующей расслабленности, которая, все-таки, не полный сон и не полная потеря сознательной мысли. Хватит уныния! Все будет хорошо. Трантор все еще столица Галактики, потому что Второе Основание здесь, и оно мощнее и крепче держит рычаги власти, чем когда-либо Император. Первое

Основание необходимо сдерживать, и вести в правильном направлении. Как бы ни были грозны его корабли и оружие, они ничего не могут сделать, ведь лидеры Первого Основания, при необходимости, могут быть взяты под ментоконтроль.

Вторая Империя настанет, но она не будет похожа на Первую. Она станет Федеральной Империей, с самоуправляющимися районами, в этом случае не будет кажущейся силы и реальной слабости единого централизованного правительства. Вторая Империя будет более свободной, более гибкой, более способной противостоять напряжению, и ее всегда будут вести

мужчины и женщины Второго Основания. Трантор останется столицей, населенной сорока тысячами психоисториков и будет более мощным, чем сорокапятимиллиардный город администраторов.

Первый Спикер внезапно очнулся. Солнце опустилось ниже. Кажется, он бормотал вслух? Не сказал ли чего-нибудь лишнего?

Если Второе Основание знает много, но говорит мало, правящие Спикеры знают больше, но говорят меньше, то Первый Спикер знал больше всех и говорил меньше всех. Он хмуро улыбнулся. Вечное искушение — стать патриотом

Трантора, видеть всю цель Второго Основания в осуществлении транторской гегемонии.

Селдон предупреждал об этом, за пять столетий он предвидел даже это.

Однако Первый Спикер спал недолго, время аудиенции Джиндибелу еще не настало.

Шандисс думал об этой частной встрече. Джиндибел достаточно молод, чтобы оценить план свежим взглядом, достаточно проницателен, чтобы увидеть то, чего не видят другие. И не исключена возможность, что Шандисс кое-чему научится у младшего.

Никто никогда не знал точно,

много ли пользы принес Приму Палверу тот день, когда молодой Коле Бенджем, которому еще не было тридцати, пришел сообщить ему о возможных путях управления Первым Основанием. Бенджем, которого считали величайшим после Селдона теоретиком, никогда впоследствии не рассказывал об этой аудиенции, но, в конце концов, стал двадцать первым Первым Спикером. Некоторые приписывали великие достоинства администрации Палвера даже не столько Палверу, сколько Бенджему.

Шандиссу было интересно узнать, что скажет ему Джиндибел. Было принято, что энергичные

юноши, впервые встречающиеся с Первым Спикером наедине, выкладывали все свои тезисы в первой же фразе. Они не могли просить об этой драгоценной первой аудиенции ради чего-то тривиального: это могло убедить Первого Спикера в их легковесности и погубить всю их дальнейшую карьеру.

Через четверть часа перед ним предстал Джиндибел. Молодой человек не выказывал и признака нервозности. Он спокойно ждал, когда заговорит Шандисс.

Тот произнес:

— Вы просили личной аудиенции, Спикер, по поводу

важного дела. Не будете ли вы столь любезны резюмировать?

Джиндибел сказал так спокойно, словно говорил о меню своего обеда:

– Первый Спикер, план Селдона бессмыслен.

Стор Джиндибел не помнил такого времени, когда бы план считался обыкновенным. Ему было всего десять лет, когда его завербовал для Второго Основания агент, сумевший оценить потенциальные возможности мальчика.

Потом он прекрасно учился и увлекся психоисторией. Она тянула его к себе, и он рвался к ней, читая труды Селдона, в то время как другие

в его возрасте едва справлялись с дифференциальными уравнениями.

Когда ему было пятнадцать лет, он поступил в Транторский Галактический Университет (так официально назывался университет на Транторе) после собеседования, во время которого его спросили, к чему он стремится, и он ответил: «Быть Первым Спикером до того, как мне стукнет сорок».

Он не собирался домогаться кресла Первого Спикера без достаточной квалификации. Он был убежден, что тем или иным способом добьется этого поста. Его целью было сделать это в молодые годы. Даже Прим Палвер стал

Первым в сорок два года.

Экзаменатор заколебался, услышав такой ответ, но юноша уже владел психоязыком и смог понять его сомнения. Он знал также твердо, как если бы его собеседник заявил об этом — в записях экзаменатора появится маленькое примечание: «Этим юношей будет трудно управлять».

— Ну, конечно!

Джиндибел и не собирался подчиняться чужой воле.

Сейчас ему тридцать. Через два месяца будет тридцать один, а он уже член Совета Спикеров. Ему оставалось самое большее девять лет, чтобы стать Первым Спикером, и он

знает, что будет им. Эта аудиенция с нынешним Первым Спикером станет решающей. Стараясь теперь ясно передать свои ощущения, он не тратил усилий на полировку психоязыка.

Когда два Спикера Второго Основания общаются друг с другом, их язык не похож ни на какой другой в Галактике. Это, скорее, язык летящих жестов, чем слов, главное тут — определить рисунок ментообмена.

Посторонний услышит мало или вообще ничего, но за короткое время можно обмениваться множеством мыслей, и их не будет знать никто, кроме собеседника.

Язык Спикеров выигрывал в скорости и утонченности, но проигрывал от того, что пользуясь им, почти невозможно скрыть свои истинные убеждения.

У Джиндибела сложилось определенное мнение о Первом Спикере. Он чувствовал, что Первый Спикер пережил свой расцвет. Первый Спикер – по оценке Джиндибела – не рассчитывал на кризис, у него не хватит проницательности, чтобы разрешить этот кризис, если он начнется. Несмотря на свои способности, Шандисс мог стать причиной бедствия.

Все это Джиндибел изгонял не

ТОЛЬКО ИЗ СЛОВ, ЖЕСТОВ ИЛИ
ВЫРАЖЕНИЯ ЛИЦА, НО И ИЗ СВОИХ
МЫСЛЕЙ. ОН НЕ ЗНАЛ ДОСТАТОЧНО
ЭФФЕКТИВНОГО СПОСОБА НЕ ДАТЬ
ВОЗМОЖНОСТИ Первому Спикеру
почувствовать хотя бы «запах» его
мнения.

Джиндибел не мог также
избежать кое-какого осознания
чувств, какие Первый Спикер
испытывает к нему. Сквозь
добродушие и доброжелательность —
совершенно явные и разумно
искренние — Джиндибел чувствовал
снисходительность и сжимал
собственный мысленный захват,
чтобы не дать заметить какое-либо
недовольство в ответе или хотя бы

уменьшить его, насколько возможно.

Первый Спикер улыбнулся и откинулся в кресле. Конечно, он не задирает ног на стол, но вытянул их во всю длину как для выражения самоуверенного довольства и неофициального дружелюбия, так и для того, чтобы оставить Джиндибела в неуверенности относительно эффекта его заявления.

Поскольку Джиндибела не пригласили сесть, доступные ему действия и поведение, способные уменьшить неуверенность, были ограничены. Не может быть, чтобы Первый Спикер не понимал этого.

— План Селдона бессмыслен? — повторил Шандисс. — Замечательное

утверждение! Заглядывали ли вы в последнее время в первоисточник, Спикер Джиндибел?

— Я постоянно изучаю его, Первый Спикер. Это мой долг и мое увлечение.

— А вы, случаем, не изучаете только те его части, которые входят в сферу ваших обязанностей? Наблюдали ли вы его в микростиле: систему уравнений в одном месте, регулировку потока — в другом? Я всегда считал великолепным упражнением — наблюдать за всем курсом. Изучать первоисточник акр за акром для пользования им, но наблюдать его как целый континент — для вдохновения. Сказать по правде,

Спикер, я сам давно уже этого не делал. Не хотите ли присоединиться ко мне?

Джиндибел не рискнул сделать длинную паузу. Это будет и должно быть сделано легко и приятно, или вовсе не сделано.

— Польщен и счастлив, Первый Спикер.

Первый Спикер дотронулся до рычага на краю стола. Такие столы были в офисе каждого Спикера, и стол в офисе Джиндибела был ничуть не хуже, чем у Первого Спикера. Второе Основание было обществом равенства во всех своих внешних проявлениях. Которые, кстати, не имели никакого значения.

В сущности, у Первого Спикера была единственная официальная прерогатива: он всегда говорил первым.

Когда Шандисс нажал на рычаг, в комнате потемнело, но почти сразу же тьма рассеялась в жемчужной дымке. Обе длинные стены стали слегка кремовыми, затем побелели и сделались ярче, в конце концов, на них появились словно напечатанные уравнения, такие мелкие, что их было трудно разобрать.

— Если вы не возражаете, — сказал Первый Спикер, хотя было совершенно ясно, что никаких возражений быть не может, — мы понизим увеличение, чтобы увидеть

насколько возможно больше.

Ближайший отпечаток съежился до волосяной линии, черной извилины на перламутровой стене.

Первый Спикер дотронулся до кнопки маленького аппарата, встроенного в подлокотник его кресла.

— Мы вернемся к началу — ко времени Хари Селдона — и поставим на медленное движение. Мы сузим его так, чтобы видеть сразу только десятилетнее развитие. Это дает удивительное ощущение потока истории без отвлечения на детали. Интересно, делали ли вы когда-нибудь так?

— Точно так — никогда, Первый

Спикер.

— А должны бы. Это чудесное ощущение. В первые несколько десятилетий альтернативы не было. Точечные ответвления, однако, невероятно экспонентны во времени. Разве не факт, что, как только образуется специфическое отклонение, все скоро становится трудноуправляемым.

— Я знаю, Первый Спикер, — в ответе Джиндибела прозвучала суховатая нотка, которую он не смог подавить.

Однако Первый Спикер не прореагировал на нее.

— Обратите внимание на извилистые красные линии. По всей

вероятности, они будут достаточно беспорядочными, так как каждый Спикер зарабатывает свое место, добавляя усовершенствование к первоначальному плану Селдона. Казалось бы, нет возможности предсказать, где можно легко добавить усовершенствование или где определенный Спикер найдет применение своим интересам или своим способностям. Однако же, я давно подозреваю, что смешение Черной Селдона и Красной Спикера следует точному закону, сильно зависит от времени и очень мало — от чего-нибудь другого.

Джиндибел следил, как проходят годы, и как черная и красная линии

составляют почти гипнотически переплетающийся узор. Сам по себе узор, конечно, ничего не означал. Учитывались символы, из которых он состоял.

То там, то тут появлялся ярко-голубой ручей, надувался, ветвился, начинал выдаваться над другими, а затем опадал и исчезал в черном или красном.

– Голубое Отклонение, – сказал Первый Спикер, и чувство отвращения, возникшее в обоих, наполнило пространство между ними. – Мы захватываем его снова и снова и, в конечном счете, придем к Веку Отклонения.

Так и было. Можно было сказать

точно, когда разрушительный феномен Мула на короткий срок наполнил Галактику, когда первоисточник внезапно разбух от ветвящихся ручьев голубого — слишком протянувшегося, чтобы быть подавленным — пока сама комната не стала голубой, потому что линии утолщались и освещали стену все более ярким свечением.

Отклонение достигло пика, а затем потускнело, утончилось, и прошло долгое столетие, прежде чем его тонкая струйка подошла к своему концу. Когда она исчезла и план снова вернулся к черному и красному, стало ясно, что тут действовала рука Прима Палвера.

Вперед, вперед...

— А это настоящее время, — с удовлетворением сказал Первый Спикер.

Вперед, вперед...

Затем сужение и подлинный узел плотно скрученного черного с еле заметным красным.

— Это установление Второй Империи, — сказал Первый Спикер. Он выключил первоисточник и включил в комнате обычное освещение.

— Эмоциональный эксперимент, — заметил Джиндибел.

— Да, — улыбнулся Первый Спикер, — и вы осторожно не обнаруживаете своих ощущений. Но

это неважно. Разрешите мне расставить точки, которые я хотел бы расставить.

Обратите внимание прежде всего на почти полное отсутствие Голубого Отклонения после Прима Палвера — иными словами, за последние сто двадцать лет. Обратите внимание, что и следующие пять столетий не имеют приемлемых вероятностей Отклонений выше пятого класса. Заметьте также, что мы начали распространять усовершенствования психоистории дальше периода установления Второй Империи. Как вы, конечно, знаете, Хари Селдон при всей своей необыкновенной

гениальности не был и не мог быть вездесущим. Мы более информированы, больше знаем о психоистории, чем, вероятно, знал он.

Селдон закончил свои расчеты на Второй Империи, дальше, в основном, моя работа, и ей я обязан своим теперешним постом.

Я говорю вам все это для того, чтобы вы избавили меня от, лишних слов.

Можно ли, зная все это, вывести заключение, что план Селдона бессмыслен? Он бессрочен! Простой факт, что он пережил столетие Отклонения — при всей должной почтительности к гению Палвера —

лучшая очевидность, что в нем нет изъяна. Где в нем слабость, молодой человек, из-за которой вы заклеили план как бессмысленный?

Джиндибел стоял прямо и твердо.

— Вы правы, Первый Спикер. План Селдона бессрочен.

— Значит, вы отказываетесь от своего утверждения?

— Нет, Первый Спикер. Недостаток порока и есть его порок. Это роковая беспорочность!

Первый Спикер невозмутимо смотрел на Джиндибела. Он умел управлять своим лицом, и ему было интересно следить за

неспособностью Джиндибела сдерживаться. В каждом ментообмене молодой человек старался скрыть свои чувства, но каждый раз полностью выдавал их...

Шандисс беспристрастно изучал его. Это был тощий молодой человек, роста чуть выше среднего, узконосый, тонкогубый, с беспокойными руками. Темные глаза то и дело вспыхивали.

Первый Спикер понимал, что этого молодого человека трудно столкнуть с его убеждений.

— Вы говорите парадоксами, Спикер.

— Это звучит парадоксом, Первый Спикер, потому что мы

навертели вокруг плана Селдона так много, что считаем это доказанным и принимаем его как бесспорный.

— А с чем вы хотите спорить?

— С истинностью базы плана.

Все мы знаем, что план не сработает, если его природа — или даже его существование — станет известным многим из тех, чье поведение соответствует предсказанию.

— Я уверен, что Селдон понимал это. Я даже уверен, что он сделал это одной из своих двух фундаментальных аксиом психоистории. Он не предвидел Мула, Первый Спикер, и, следовательно, не мог предвидеть и степень навязчивой идеи, какой

стало Второе Основание для людей Первого Основания, как только Мул показал им важность Второго Основания.

— Хари Селдон... — начал Первый Спикер, но пожал плечами и замолчал.

Физическое появление Хари Селдона было известно всем членам Второго Основания. Его репродукции в двух или трех измерениях, фотографические и голографические, в барельефе, сидящего или стоящего, были вездесущи. Все они изображали его в последние годы жизни. На них был старый добрый человек с мудрым морщинистым лицом,

символизирующим квинтэссенцию полностью созревшей гениальности. Но Первый Спикер теперь вспомнил одну фотографию, считавшуюся изображением Селдона в молодости. Фотографию забыли, поскольку она была в явном противоречии с представлением о молодом Селдоне. Но Шандисс видел ее, и ему внезапно пришло на ум, что Стор Джиндибел удивительно похож на молодого Селдона.

Смешно! Время от времени каждого беспокоит нечто вроде суеверия, каким бы рационалистом он ни был. Шандисса обмануло случайное сходство. Если бы та фотография была сейчас у него перед

глазами, он сразу бы понял, что сходство иллюзорно. Но почему эта дурацкая мысль пришла ему в голову именно сейчас?

Он снова овладел собой. На мгновение он вздрогнул — мимолетное крушение мысли, слишком короткое, чтобы его заметил кто-либо, кроме Спикера.

Ладно, пусть Джиндибел истолкует это, как хочет.

— Хари Селдон, — твердо повторил он, — отлично знал, что произойдет бесконечное число случайных событий, которые он не может предвидеть, поэтому он и создал Второе Основание. Мы тоже не предвидели этого Мула, но

осознали его, как только он ополчился на нас, и остановили его. Мы не предвидели последующей навязчивой идеи о Втором Основании людей Первого Основания, но увидели, когда это произошло, и остановили ее. Какую ошибку вы можете найти?

— Только одну, — ответил Джиндибел. — Одержимость Первого Основания еще не преодолена.

В тоне Джиндибела чувствовался заметный упадок уважения. Он заметил дрожь в голосе Первого Спикера (так подумал Шандисс) и перевел ее как неуверенность. И четко учел ее.

Первый Спикер поспешно

выговорил:

– Попробую предугадать. Здесь должны быть люди Первого Основания, которые, сравнивая лихорадочные затруднения первых четырех столетий существования с мирной жизнью последних двенадцати десятилетий, пришли к заключению, что этим они обязаны заботам Второго Основания о плане. В этом они, конечно, правы! Вообще-то, мы получили сведения, что здесь есть молодой человек с главной планеты Первого Основания – Терминуса, член их правительства. Я забыл его имя...

– Голан Тревиз, – мягко сказал Джиндибел. – Я первым заметил его.

И направил рапорта в ваш офис.

– Да? – сказал Первый Спикер с преувеличенной любезностью. – И каким образом ваше внимание сосредоточилось на этом человеке?

– Один из наших агентов на Терминусе прислал нудный рапорт о новоизбранных членах Совета – самый обычный рапорт, какие всегда присылаются и всегда игнорируются всеми Спикерами. Мне бросилось в глаза описание одного из новых советников, Голана Тревиза. Судя по описанию, он необычно суеверен и воинственен.

– И вы признали родственную душу?

– Вовсе нет, – сдержанно

возразил Джиндибел. – Он, похоже, личность безрассудная, радуется, совершая нелепости – такая характеристика ко мне не подходит. Не составило труда решить, что он может оказаться хорошим материалом для нас, если его завербовать, пока он молод.

– Возможно, – сказал Первый Спикер, – но вы знаете, что с Терминуса мы не вербуем.

– Прекрасно знаю. Во всяком случае, даже без нашей тренировки у него необычная интуиция. Конечно, совершенно недисциплинированная. Поэтому я не особенно удивился тому, что он уверен в существовании Второго Основания. Я почувствовал,

что это очень важно, и послал в ваш офис докладную.

— И я должен понять так, что это новое развитие?

— Осознав благодаря своим развитым интуитивным способностям тот факт, что мы все еще существуем, он употребил это знание крайне недисциплинированным образом, и был выслан с Терминуса.

Первый Спикер поднял брови.

— Вы вдруг остановились. Вы хотите, чтобы я истолковал значение этого.

Позвольте мне применить, не пользуясь компьютером, грубое приближение уравнения Селдона и

угадать, что проницательный мэр, способная подозревать о существовании Второго Основания, предпочла не иметь недисциплинированного индивидуума, орущего на всю Галактику и могущего насторожить Второе Основание. Я полагаю, Бронзовая Бранно решила, что для Терминуса безопаснее удалить Тревиза с планеты.

— Она могла посадить Тревиза в тюрьму, или убить.

— Уравнения ненадежны, когда прилагаются к индивидууму, как вам хорошо известно. Они имеют дело только с человеческой массой. Поэтому поведение индивидуума

непредсказуемо, а можно предположить, что мэр — индивидуальный человек, считающий, что заключение в тюрьму, не говоря уж об убийстве, негуманно.

Джиндибел некоторое время молчал. Это было красноречивое молчание, и он продолжал его достаточно долго, чтобы Первый Спикер почувствовал неуверенность в себе, но не настолько долго, чтобы вызвать защитную злобу.

Он рассчитал время до секунды, а затем сказал:

— У меня иное толкование. Я уверен, что Тревиз в настоящий момент представляет собой режущий

край величайшей угрозы Второму Основанию, величайшей за всю его историю – большую опасность, чем Мул!

Джиндибел был удовлетворен. Сила утверждения сработала хорошо. Первый Спикер не ожидал такого и потерял равновесие. С этой минуты контроль принадлежал Джиндибелу. Если у него были какие-то сомнения на этот счет, они полностью исчезли после следующего вопроса Шандисса.

– Это имеет какую-то связь с вашим утверждением, что план Селдона бессмыслен?

Джиндибел рискнул на полную уверенность, вдаваясь в дидактизм,

чтобы не дать Первому Спикеру оправиться.

– Первый Спикер, – сказал он, – принято считать, что Прим Палвер выправил курс плана после дикой аберрации Века Отклонения. Взгляните в Первоисточник, и вы увидите, что Отклонения исчезли лишь через два десятилетия после смерти Палвера, и с тех пор ни одного отклонения не появлялось. Первые Спикеры после Палвера вряд ли разделяли нынешнюю точку зрения.

– Невероятно? Я согласен, никто из нас не был Палвером, но почему – вряд ли?

– Вы позволите мне

Первый
Спикер? С помощью математики психистории я могу ясно показать, что шансы на полное исчезновение Отклонений микроскопически малы, что бы не предпринимало Второе Основание Если у вас нет времени или желания для этой демонстрации, которая потребует полчаса напряженного внимания, можете отказать мне. В качестве альтернативы я могу организовать встречу Совета Спикеров и продемонстрировать это там. Но это будет означать потерю моего времени и ненужную полемику.

– Да и, возможно, потерю лица для меня. Демонстрируйте сейчас.

Но предупреждаю, – Первый Спикер сделал героическое усилие, чтобы прийти в себя, – если вы продемонстрируете чепуху, я этого не забуду.

– Если это окажется чепухой, – сказал Джиндибел с легкой гордостью, которая придавила Первого Спикера, – вы тут же получите мое прошение об отставке.

На самом деле все это заняло куда больше получаса, потому что Первый Спикер исследовал уравнения с невероятной педантичностью.

Джиндибел потратил некоторое время, налаживая свой микроисточник.

Аппарат, который мог показать любую часть обширного плана голографически и не требовал ни стены, ни рычага на столе, вошел в употребление всего десять лет назад, и Первый Спикер так и не научился обращаться с ним. Джиндибел знал об этом, и Первый Спикер знал, что тот знает.

Джиндибел прикрыл аппарат сверху большим пальцем, а четырьмя остальными манипулировал кнопками, словно это был музыкальный инструмент (Джиндибел и в самом деле написал небольшую статью об этой аналогии).

Уравнения, воспроизведенные и

умело обоснованные Джиндибелом, по-змеиному двигались взад и вперед в сопровождении его объяснений. Он мог получить решение, если понадобится установить аксиомы, построить графики в двух или трех измерениях, не говоря уж о проекции многомерных отношений.

Комментарии Джиндибела были ясны и точны, и Первый Спикер сдался. Он был побежден и сказал:

— Я не помню, чтобы видел анализ такого рода. Кто его провел?

— Это моя работа, Первый Спикер. Я опубликовал основы моего анализа.

— Очень умно, Спикер Джиндибел. Что-нибудь вроде этого

включит вас в список Первых Спикеров, когда я умру или выйду в отставку.

— Я не склонен думать об этом, Первый Спикер, но, поскольку вы вряд ли мне поверите, я отвожу ваше замечание. Я склонен думать и надеюсь, что буду Первым Спикером, потому что, кто бы ни занял этот пост, он должен будет следовать процедуре, которую ясно вижу только я.

— Да, — согласился Первый Спикер, — неуместная скромность может быть весьма опасной. Что за процедура? Может быть, теперешний...

Первый Спикер тоже может следовать ей? Если я слишком стар для творческого прыжка, то я еще не так стар, чтобы не быть в силах следовать вашим указаниям.

Это была сдача на милость победителя и сердце Джиндибела внезапно потеплело по отношению к старику, даже когда он осознал, что именно на это и рассчитывал Первый Спикер.

– Спасибо, Первый Спикер, мне чертовски необходима ваша помощь. У меня нет надежды повлиять на Совет без вашего просвещенного влияния (милость за милость). Я

предполагаю, однако, что — невозможно выправить столетия Отклонения так, чтобы никаких Отклонений больше не было.

— Это мне ясно, — сказал Первый Спикер. — Если ваши расчеты правильны, то, чтобы привести план в порядок и заставить его работать так же отлично, как он, видимо, работал, мы должны научиться предсказывать реакции малого числа людей — даже индивидуумов — с некоторой степенью уверенности.

— Именно так. Поскольку математика психоистории не позволяла этого, отклонения не могли исчезнуть и, более того, не могли оставаться рассеянными.

Теперь вы понимаете, что я имел в виду, когда говорил, о пороке плана Селдона.

— Значит, либо план Селдона включает в себе Отклонения, либо в его математике что-то не правильно. С тех пор как я должен был признать, что план Селдона не показывал Отклонений столетие и больше, ясно, что что-то неладно с нашими расчетами, хотя я не заметил ошибок или промахов.

— Вы ошибаетесь, — сказал Джиндибел, — исключая третью возможность. Вполне допускаю, что план Селдона не включает Отклонения, однако в моих расчетах нет ничего не правильного, они

только говорят о том, чего не может быть.

— Я не вижу третьей возможности...

— Допустим, план Селдона управляется такими передовыми средствами психоисторического метода, что реакции малой группы людей — может быть даже индивидуальной — могли быть предсказаны; тогда и только тогда мои расчеты показали бы, что план Селдона действительно не испытал отклонений.

Некоторое время Первый Спикер молчал. Затем сказал:

— Такого передового психоисторического метода нет, это я

знаю, и вы тоже, судя по вашим словам. Если мы с вами знаем это, то шанс, что какой-нибудь другой Спикер или группа Спикеров разработали такую микропсихоисторию – могу я ее так назвать – и держат ее в тайне от остальных, бесконечно мал. Вы не согласны?

– Согласен.

– Тогда, значит, либо ваши анализы неверны, либо микропсихоистория существует у какой-то группы вне Второго Основания.

– Верно, Первый Спикер. Правильно!

– Можете вы привести

доказательства истинности такого утверждения?

— Нет, никаким официальным образом я не могу этого сделать. Но вспомните, не было ли здесь уже личности, которая могла воздействовать на план Селдона, имея дело с отдельными индивидуумами?

— Вы, я полагаю, имеете в виду Мула?

— Да, конечно.

— Мул мог только разрушать. Проблема в том, что план Селдона работает слишком хорошо, много ближе к идеалу, чем может позволить наша математика. Нам нужен Анти-Мул — тот, кто способен взять верх

над планом, как это сделал Мул, но действовать в противоположном смысле – не разрушать, а улучшать.

– Точно, Первый Спикер. Я не додумался до этого выражения. Кто был Мул? Мутант. Но откуда он взялся? Никто этого, в сущности, не знает. Могут ли быть подобные ему?

– По-видимому, нет. Единственное, что я достоверно знаю о Муле – то, что он был стерилен. Отсюда и пошло его прозвище. Может быть, вы думали, что это миф?

– Я не имел в виду потомков Мула. Но разве не могло быть, что Мул был отколовшимся членом бывшей тогда или ставшей теперь

большой группы людей со способностями Мула, и эта группа по каким-то своим причинам не разрушает, а поддерживает план Селдона?

— А зачем кому-то в Галактике поддерживать его?

— А зачем поддерживаем его мы? Мы планируем Вторую Империю, в которой мы, вернее сказать, наши интеллектуальные потомки, будут иметь решающий голос. Если какая-то группа поддерживает план даже более эффективно, чем мы, она вряд ли планирует оставить решающий голос за нами. Править будет она — но как? Не попытаться ли нам найти этот род Второй Империи, куда они

нас затягивают?

— Как вы предполагаете их искать?

— Почему мэр Терминуса выгнала Голана Тревиза? Сделав так, она позволила потенциально опасной личности свободно передвигаться по всей Галактике. Не могу поверить, что она это сделала из гуманных соображений. Во все времена правители Первого Основания были реалистами, что обычно означало на практике — без оглядки на «мораль». Один из их героев, Сальвор Хардин, в сущности, выступал против морали в политике. Нет, я думаю, мэр действовала под влиянием агентов Анти-Мула,

выражаясь вашими словами. Я считаю, что Тревиз был завербован ими, и расцениваю его как острое опасности для нас.

Смертельной опасности!

— По Селдону, вы наверное, правы, — задумчиво проговорил Первый Спикер, — но как мы убедим в этом Совет?

— Первый Спикер, вы недооцениваете свою популярность.

Земля

Тревизу было жарко, и он злился. Он и Пилорат сидели в маленькой кают-компании, только что покончив с ленчем. Пилорат удовлетворенно признался:

— Мы находимся в космосе всего два дня, а я чувствую себя превосходно, хотя лишен свежего воздуха, природы и всего такого. Удивительно! Впрочем я не замечал такие вещи, даже когда они окружали меня. Кроме вашего замечательного компьютера, у меня здесь вся моя библиотека, или, по крайней мере, все наиболее важное. И я, находясь в

космосе, не ощущаю никакого страха. Поразительно!

Треви́з издал непонятный звук. Его глаза сфокусировались внутрь. Пилорат вежливо заметил:

— Я не имел намерения навязываться, Голан, да, по правде сказать, и не думал, что вы слушаете. Я не являюсь особенно интересной личностью — всегда был скучноват, знаете ли. Но вы, кажется, чем-то озабочены. Мы в затруднении? Не бойтесь сказать мне. Я полагаю, что мало что могу сделать, но в панику не впаду, дорогой мой собрат.

— В затруднении? — Треви́з, видимо, очнулся и слегка нахмурился.

– Я имею в виду корабль. Это ведь новая модель, вот я и предположил, что в ней могут быть неполадки. – Пилорат позволил себе легкую, неуверенную улыбку.

Тревиз решительно покачал головой.

– С моей стороны было бы глупо оставить вас в такой неуверенности. В корабле решительно нет никакой неисправности. Он работает безупречно. Просто я задумался о гипертрансляторе.

– Ага, понятно, но только не мне. Что такое гипертранслятор?

– Сейчас объясню, Янов. Я общаюсь с Терминусом – во всяком случае, могу в любое время снестись

с ним, и Терминус, в свою очередь, тоже может общаться с нами. Там знают местонахождение корабля, наблюдая за его траекторией. Даже если они этого не делают, они могут определить, где мы, с помощью сканирующего устройства для массы, которое предупреждает их о присутствии корабля или, скажем, метеорита. И они могут определить энергетическую систему, которая различна не только у корабля и метеорита, но даже у двух кораблей, потому что они используют энергию неодинаково. В любом случае, независимо от того, какими приборами или инструментами мы пользуемся. Корабль может быть и

незнакомым, конечно, но если энергетическая система записана на Терминусе, как наша – корабль будет опознан, как только его обнаружат.

– Мне кажется, Голан, – заметил Пилорат, – что развитие цивилизации идет исключительно по линии ограничения уединенности.

– Вероятно, вы правы. Однако рано или поздно мы должны пройти через гиперпространство, иначе мы до конца своих дней будем осуждены оставаться в одном-двух парсеках от Терминуса. С другой стороны, проходя через гиперпространство, мы отрываемся от обыкновенного пространства. Мы проходим отсюда туда – я имею в виду, через

расстояние в сотни парсеков – за секунду известного нам времени. Мы внезапно оказываемся безмерно далеко в том направлении, которое предсказать весьма трудно, и нас практически нельзя будет отследить.

– Я понял.

– Но не в том случае, если нам встроили гипертранслятор. Он посылает сигналы через гиперпространство – сигналы, характерные именно для данного корабля – и власти Терминуса будут знать, где мы, в любое время. Это ответ на ваш вопрос. Дело в том, что мы не можем скрыться нигде в Галактике, и нет такой комбинации прыжков через гиперпространство,

которая дала бы нам возможность ускользнуть от их контроля.

– Но, Голан, разве мы не нуждаемся в защите Основания?

– Нуждаемся, Янов, но только в том случае, если мы просим ее. Вы сами сказали, что развитие цивилизации означает ограничение уединения. Ну, а я не хочу такого развития. Я хочу быть свободным и идти, куда пожелаю, до тех пор, пока сам не попрошу защиты. Поэтому я чувствовал бы себя куда лучше, если бы на борту не было гипертранслятора.

– А вы его уже обнаружили?

– Нет. Если бы обнаружил, то, может быть, сумел бы его испортить.

— А вы его узнаете, когда увидите?

— В этом одна из трудностей. Могу и не узнать. Я знаю, как выглядят обычные гипертрансляторы, и знаю способы проверки подозрительных предметов. Но это корабль последней модели, имеющий специальное назначение. Гипертранслятор может быть встроен таким образом, что не будет заметно никаких признаков его присутствия.

— Но, с другой стороны, возможно, что его на борту просто нет, поэтому вы и не нашли его...

— Я не могу предположить этого,

и мне не хотелось бы совершать прыжок, пока я не буду окончательно уверен. Пилорат просиял.

— Так вот почему мы, можно сказать, тащимся через космос. А я удивлялся, почему вы не делаете прыжка. Я слышал о нем, видите ли, и чуточку нервничал, и все думал, когда же вы прикажете мне привязаться, или принять пилюлю, или еще что-нибудь в этом роде.

Тревиз улыбнулся.

— Не волнуйтесь. Сейчас не старые времена. На таком корабле, как этот, все делается компьютером. Ему просто дается команда, а он уже сам делает все остальное. Мы не знаем, как все это происходит,

замечаем только, что космос неожиданно изменяется. Если вы когда-нибудь видели показ слайдов, то знаете, что происходит, когда один слайд вдруг заменяется другим. Так вот — прыжок похож на это.

— Подумать только! Ничего не чувствуешь? Поразительно! Мне кажется, это даже слегка разочаровывает.

— Лично я никогда ничего не чувствовал, а корабли, на которых я работал, не были такими усовершенствованными, как этот наш новорожденный. Но мы не совершили прыжка не из-за гипертранслятора. Нам нужно отойти чуть подальше от Терминуса

— и от солнца, конечно. Чем дальше мы будем от любого массивного объекта, тем легче будет управлять прыжком — снова возникнуть в пространстве в точно желаемых координатах. В случае крайней необходимости можно рискнуть совершить прыжок, находясь всего в двухстах километрах от поверхности планеты и надеяться, что вдруг повезет и мы благополучно вынырнем и сможем в разумных пределах рассчитывать на безопасность. Однако, всегда есть вероятность, что случайные факторы заставят вас появиться в нескольких миллионах километров от большой звезды или в ядре Галактики — и

тогда мы сгорим раньше, чем успеем моргнуть. Чем дальше вы от массы, тем меньше факторов такого рода, и меньше вероятность, что случится что-то неприятное.

— В таком случае, я хвалю вашу осторожность. Вас никто не торопит.

— Точно. Тем более, что я умираю от желания сначала отыскать гипертранслятор или убедиться, что его здесь нет...

Треви́з, похоже, снова погрузился в задумчивость, и Пилорат сказал, слегка повысив голос, чтобы преодолеть барьер озабоченности Треви́за:

— А что будет много позже?

— Что?

– Я хочу спросить – когда бы мы делали прыжок, если бы не занимались гипертранслятором, мой дорогой?

– При нашей теперешней скорости и траектории, я бы сказал, дня через четыре, но точное время я устанавливаю на компьютере.

– Ну, тогда вам остается на поиски еще два дня. Не могу ли я внести предложение?

– Давайте.

– Я всегда знал по своей работе – совсем отличной от вашей, разумеется, но мы можем в данном случае обобщить, что погружение в частную проблему целиком – самоубийственно. Почему бы не

расслабиться и не поговорить о чем-нибудь другом, тогда ваше подсознание, освобожденное от груза сосредоточенной мысли, сможет решить за вас важную проблему.

Треви́з посмотрел на него сначала с раздражением, но тут же улыбнулся.

— Ну, что ж, а почему бы и нет? Расскажите, профессор, почему вы интересуетесь Землей? Как возникла странная идея об особой планете, с которой мы все стартовали?

— Ах! — Пилорат закивал, вспоминая. — Это случилось давно. Больше тридцати лет назад. Когда я поступал в колледж, я собирался стать биологом.

Меня особенно интересовали вариации видов на различных планетах. Вариации эти, как вы знаете, а впрочем, может, и не знаете, только не обижайтесь на мои слова, — очень малы. Все формы жизни в Галактике, по крайней мере, с которыми мы сталкивались, имеют белково-нуклеиновый химизм на водной основе.

— Я учился в военном колледже с уклоном в нуклеотику и гравитацию, — сказал Тревиз, — но я не узкий специалист. Правда, я мало знаю насчет химической основы жизни, но нас учили, что вода, белки и нуклеиновые кислоты — единственная основа жизни.

— Пожалуй, слишком категоричное заключение. Лучше сказать, что мы еще не обнаружили других форм жизни — но пока оставим это. Самое удивительное в местной флоре и фауне — то, что видов, имеющих только на одной планете, очень незначительное количество. Большинство видов, включая гомо сапиенс, в частности, распространены по всем мирам Галактики и тесно связаны биохимически, физиологически и морфологически. С другой стороны, местные виды сильно отличаются по характеристикам, как от широко распространенных форм, так и друг от друга.

— Ну и что же?

— Отсюда вывод, что один мир в Галактике — единственный мир — отличен от всех остальных. На десятках миллионов миров Галактики — никто точно не знает, сколько их — развивалась жизнь. Простая жизнь, разбросанная, слабая, но очень разнообразная, нелегко сохраняющаяся и нелегко распространяющаяся. Один мир, единственный, развил жизнь — в миллионах видов. Мы были достаточно умны, чтобы основать цивилизацию, покорить гиперпространство и колонизировать Галактику. Распространяясь по Галактике, мы взяли с собой много

других форм жизни — форм, связанных друг с другом и с нами.

— Если вы стали думать об этом, — почти безразлично сказал Тревиз, — то, я полагаю, не без причины. Я хочу сказать, мы здесь в человеческой Галактике. Если предположить, что все началось на какой-то одной планете, то, значит эта планета должна быть совсем другой. Почему бы и нет? Шансы, что жизнь разовьется в такой пышный букет видов, должно быть, чрезвычайно малы — один на сто миллионов. Вполне вероятно, что это произошло в одном из сотен миллионов миров. Такое могло быть.

— Но что именно сделало этот

особенный единственный мир таким отличным от других? – возбужденно спросил Пилорат. – Какие условия сделали его таким уникальным?

– Может быть, просто случайность? В конце концов, человеческие существа и те формы жизни, которые они привезли с собой, существуют теперь на десятках миллионов планет, на всех, которые могут поддерживать жизнь, так что все эти миры должны быть достаточно хороши.

– Нет! Поскольку человеческий род эволюционировал, развил технологию, сплотился в тяжелой борьбе за выживание, он смог адаптироваться на любой планете,

которая оказалась хоть сколько-нибудь гостеприимной — на Терминусе, скажем. Но можете ли вы себе представить разумную жизнь, развившуюся на Терминусе? Когда Терминус был впервые заселен людьми во времена Энциклопедистов, самой высшей формой растительной жизни там были лишайники на скалах, высшей формой животной жизни — кораллоподобные скопления в океане и насекомоподобные летающие организмы на суше. Мы уничтожили их и населили моря и сушу: рыбой, кроликами, козами; засадили травой, злаками, деревьями и тому подобными. Мы не оставили ничего

от местной жизни, разве что в зоопарках и аквариумах.

– Хм-м-м, – произнес Тревиз.

Пилорат пристально посмотрел на него и продолжил после паузы:

– Вам плевать на это, не так ли? Замечательно! Я не знаю никого, кто бы думал иначе. Вероятно, в этом и моя вина, я не сумел никого заинтересовать, хотя самого меня это крайне беспокоит.

– Это интересно, – сказал Тревиз, – но... но... И что же?

– Вам не приходило в голову, что с научной точки зрения интересно изучить мир, давший подъем единственному по-настоящему расцветшему экологическому

резервуару Галактики?

— Возможно, если бы я был биологом. Я же, знаете ли, не биолог. Вы уж простите меня.

— Конечно же, мой дорогой! Кстати, я не нашел ни одного биолога, который бы заинтересовался этим. Я уже говорил вам, что хотел специализироваться по биологии в колледже. Я обратился с этим вопросом к своему профессору, но он тоже не заинтересовался и велел мне вернуться к какой-то практической задаче. Мне это стало так противно, что я переключился на историю, которая была моим хобби в юности и вытащил на свет божий «вопрос

происхождения».

— Если это дало вам работу на всю жизнь, — сказал Тревиз, — то вы должны быть благодарны своему профессору за то, что он оказался не таким любознательным.

— Да, я полагаю, что на этот вопрос можно взглянуть и так. Моя работа интересна и никогда не утомляет меня. Но я хотел бы заинтересовать этим вас. Терпеть не могу ощущения вечного разговора с самим собой.

Тревиз наклонился вперед и откровенно рассмеялся. На спокойном лице Пилората появилось выражение боли.

— Почему вы смеетесь надо

мной?

— Не над вами, Янов. Я смеялся над собственной глупостью. Что касается вас, то вы совершенно правы. Я очень признателен вам.

— Что я придаю такое значение происхождению человечества?

— Нет, нет. То есть, да, и это тоже. Но я хотел сказать, что вы были правы, когда сказали, что надо перестать сознательно думать о моей проблеме и занять мозг чем-нибудь другим. Когда вы мне рассказывали о способе развития жизни, это привело меня к мысли, что я знаю теперь, где найти этот гипертранслятор, если он существует.

— Вот как?

– Да! В настоящее время это моя мономания. Я представлял себе этот гипертранслятор, словно я был в своем старом учебном судне и изучал весь корабль глазами, которые помнили все тайные места этого корабля. Я упустил из виду, что этот корабль – развившийся продукт тысячелетней технологической эволюции. Дошло до вас?

– Нет, Голан.

– У нас на борту компьютер. Как я мог забыть о нем? – Он бросился в свою каюту, махнув рукой Пилорату, призывая его следовать за собой.

– Мне нужна только попытка связи, – сказал он, помещая руки в контакты компьютера.

Это была попытка связаться с Терминусом, который теперь находился в нескольких десятках тысяч километров.

Дошло! Отклик! Словно нервные окончания тянулись и вытягивались с захватывающей дух скоростью — со скоростью света, конечно — чтобы добиться контакта.

Треviz был тронут — ну, не совсем тронут, но чувствовал... нет, не то чтобы чувствовал, но... в общем, неважно, у него просто не было для этого подходящего слова.

Он узнал Терминус, и хотя расстояние между ними увеличивалось на двадцать километров каждую секунду, контакт

существовал, словно планета и корабль были неподвижны и разделялись несколькими километрами. Он ничего не сказал и отключил связь. Он просто хотел проверить принцип связи, общаться он не собирался.

По ту сторону Терминуса в восьми парсеках был Анакреон, ближайшая большая планета — на задворках, по галактическим стандартам. Послать сообщение с той же световой скоростью, которая только что сработала на связи с Терминусом, и получить ответ займет пятьдесят два года. Достичь Анакреона!

Думать об Анакреоне! Думать

насколько возможно отчетливее. Ты знаешь свое положение относительно Терминуса и ядра Галактики, изучал его планетографию и историю, решал военные проблемы, когда готовился захват Анакреона. Ты был на Анакреоне. Рисуй его! Ты почувствуешь себя на нем через гипертранслятор.

Ничего! Нервные окончания дрожали и оставались на месте. Тревиз убрал руки.

– На борту «Далекой Звезды» нет гипертранслятора, Янов. Я убедился. И, если бы я не последовал вашему совету, наверное, еще не скоро бы узнал об этом.

Пилорат положительно расцвел, хотя не шевельнул при этом ни одним лицевым мускулом.

— Я так рад, что помог вам. Значит, мы совершим прыжок?

— Нет, мы подождем еще два дня для полной гарантии. Мы должны отойти от массы, помните? Учитывая, что я на новом, неиспытанном корабле, с которым совершенно не знаком, мне, вероятно, понадобится дня два для расчета точной процедуры — правильного толчка для первого гиперпрыжка. Однако, у меня впечатление, что все это сумеет сделать мой компьютер.

— Дорогой мой! Мне кажется,

что время будет тянуться долго и скучно.

— Скучно? — Тревиз широко улыбнулся. — Нисколько! Мы с вами будем разговаривать о Земле.

— В самом деле? Вы хотите доставить удовольствие старику? Это очень великодушно. Очень...

— Бросьте! Я хочу доставить удовольствие самому себе. Янов, вы создали новообращенного. В результате ваших рассказов я понял, что Земля — самый важный и самый что ни на есть интересный объект во Вселенной.

Тревизу явно что-то пришло в голову в тот момент, когда Пилорат высказывал свои соображения о

Земле. Именно поэтому его мозг выдал что-то, связанное с проблемой гипертранслятора, но Тревиз не сразу отреагировал.

Однако как только задача была решена, он встрепенулся.

В одном из отчетов Хари Селдона, повторявшемся чаще всего, было замечание, что Второе Основание существует «на другом краю Галактики» по отношению к Терминусу. Селдон даже указывал место: «Там, где кончаются звезды».

Это было включено в отчет Гала Дорника в день суда перед императорским дворцом. «Другой край Галактики» — эти слова Селдона были употреблены Дорником.

Что связывает один край Галактики с другим? Прямая линия, спираль, круг или что-нибудь еще? И теперь Тревизу вдруг стало ясно, что это не было ни прямой линией, ни кривой, которую можно было нанести на карту Галактики. Это было куда тоньше.

Совершенно ясно, что один конец Галактики – Терминус. Он был краем Галактики, да, краем нашего Основания, что придавало слову «конец» буквальное значение. Однако это был самый новый мир Галактики, мир, только что начинающий осваиваться во времена Селдона, его еще нельзя было признать существующим.

В свете этого, что может оказаться другим концом Галактики? Край другого основания? Самый старый мир Галактики? Согласно аргументам, выдвинутым Пилоратом — он и сам не знал, что выдвинул — это могла быть только Земля. Значит, Второе Основание должно быть на Земле.

Но ведь Селдон еще говорил, что другой конец Галактики «там, где кончаются звезды»? Кто может сказать, не выразался ли он метафорически? След истории человечества теряется в веках, как говорил Пилорат, и эта линия должна тянуться от каждой планетной системы, от каждой звезды,

освещающей населенную планету, к какой-то другой планетной системе, от каждой звезды, куда пришли эмигранты, к предыдущей звезде — до тех пор, пока все линии не сойдутся на планете, породившей человечество. Звезда, сиявшая над Землей, и была последней.

Треви́з улыбнулся и сказал почти с нежностью:

— Янов, расскажите мне побольше о Земле.

Пилорат покачал головой.

— Я рассказал все, что знал. Остальное мы найдем на Транторе.

— Нет, Янов. Мы ничего там не найдем. Поэтому мы и не полетим на Трантор. Кораблем управляю я, и я

вас уверяю, что мы туда не полетим.

У Пилората отвисла челюсть Он задохнулся Затем удрученно сказал:

– О, мой дорогой друг!

– Полно, Янов, не смотрите на меня так Мы направимся искать Землю.

– Но ведь только на Транторе...

– Нет. Трантор – это место, где вы можете изучать ломкие от старости пленки и пыльные документы, и сами станете ломким и пыльным.

– Десятки лет я мечтал...

– Вы мечтали найти Землю.

– Но она только...

Треви́з встал, наклонился, схватил профессора за просторную

тунику и сказал:

– Не повторяйте этого, Янов. Не повторяйте. Когда вы впервые сказали мне, что мы направимся искать Землю – еще до того, как мы поднялись на корабль – вы были уверены, что найдете ее, и я процитирую ваши собственные слова-»У меня в голове есть великолепные идеи«. Я не хочу слышать от вас о Транторе. Я хочу, чтобы вы рассказали мне об этих великолепных идеях.

– Но их надо еще подтвердить. Это только мысль, надежда, смутная догадка.

– Хорошо, вот и расскажите мне об этих великолепных догадках.

– Вы не поняли... Все просто не поняли. Это не та область знаний, где любой, кроме меня, может проводить исследования. Здесь нет ничего исторически точного, ничего твердого, ничего реального. Люди говорят о Земле как о мифе. Миллион противоречивых рассказов.

– Тогда в чем же суть ваших исследований?

– Я был вынужден собирать все рассказы, все обрывки предполагаемой истории, все туманные мифы... Даже фантастику. Все, что включало в себя название Земли или идеи о первоначальной планете. За тридцать с лишним лет я собрал все. Я собирал со всех планет

Галактики. И если бы я мог найти что-то более надежное в Галактической библиотеке, но вы запретили мне произносить это слово.

— Правильно. Не говорите. Лучше скажите, что из всего этого привлекло ваше внимание, и почему вы подумали, что именно это должно быть правильным?

Пилорат покачал головой.

— Голан, простите меня, но вы говорите как солдат или политик. С историей так не обращаются, извините.

Треви́з глубоко вздохнул, но сдержал свой темперамент.

— Тогда скажите мне, как с ней

обращаются. У нас есть еще два дня. Просветите меня.

– Вы не можете положиться на один миф, даже на какую-то группу их. Я собрал все, анализировал, группировал, установил символы для разных аспектов их содержания – рассказы о невыносимых погодных условиях, астрономические детали планетных систем, противоречащие тому, что существует в действительности, происхождение героев, особенно выдающихся – буквально сотни всякого такого. Перечислять все – двух дней не хватит. Я потратил на это тридцать лет.

Затем я работал над программой

компьютера, чтобы выбрать из всех этих мифов общие компоненты и отбросить невероятные. Постепенно я разработал модель Земли. В конце концов, если все человеческие существа произошли с одной планеты, то к ней должны относиться все мифы, все рассказы о героях, вообще все! Вы хотите, чтобы я перешел к математическим выкладкам?

— В данный момент — нет, спасибо. Но откуда вы знаете, что вас не обманула ваша математика? Мы знаем как факт, что Терминус основан всего пять столетий назад, и что первые люди прибыли на него как колонисты с Трантора, но были

собраны из десятков, если не сотен миров. Однако те, кто этого не знает, могли бы предположить, что Хари Селдон, Сальвор Хардин и все, родившиеся не на Терминусе, пришли с Земли и что Трантор, каким он описывался во времена Селдона, и есть планета прародительница.

Пилорат смотрел на него с удовольствием.

— Мой друг, я беру назад свое заявление насчет солдата и политика. У вас удивительное чутье. Конечно, я поставил контрольные опыты. Я придумал сотню фальсификаций, основанных на искажении действительной истории,

и имитировал мифы по типу собранных мною. Я пытался вставить свои выдумки в модель. Одна из таких выдумок была основана на ранней истории Терминуса.

Компьютер все отбросил. Все до одной. Конечно, это могло означать, что у меня просто не хватило беллетристических талантов, но я старался как мог.

— Я уверен, что вы старались, Янов. И что ваша модель показала?

— Множество вещей разной степени вероятности. Нечто вроде профиля. Например, около девяноста процентов обитаемых миров Галактики имеют период вращения между 22 и 36 стандартными часами.

Ну...

— Надеюсь, — прервал его Тревиз, — вы не обратили на это никакого внимания, Янов. Тут нет тайны. Вы же не хотите, чтобы обитаемая планета вращалась с такой скоростью, что циркуляция воздуха стала бы вызывать невообразимые штормы, или так медленно, что изменения температуры были бы экстремальными.

Люди предпочитают жить на планетах с подходящими условиями; конечно же, когда все обитаемые планеты похожи одна на другую, кто-то скажет. «Поразительное совпадение!», хотя тут нет ничего поразительного и даже нет совпадения.

– Собственно говоря, – спокойно заметил Пилорат, – это общеизвестный феномен в социальной науке. И в физике, кажется, тоже, но я не физик, и поэтому не уверен насчет этого. Во всяком случае, это называется «антропологическим принципом». Наблюдатель влияет на события, которые он наблюдает, самым актом наблюдения или своим присутствием. Но вот вопрос: какая планета совершает оборот точно за одни Стандартные Галактические Сутки и в 24 Стандартных Галактических Часа?

Тревиз задумчиво сидел, выпятив нижнюю губу.

– Вы думаете, что это Земля? Галактический Стандарт мог быть основан на характеристиках любого мира. Ведь мог?

– Вряд ли. Это не свойственно человеческому духу. Трантор был столичной планетой Галактики в течение двенадцати тысяч лет, самой густонаселенной планетой, однако он не распространил свой период обращения в 1,08 СГС на всю Галактику. Период обращения Терминуса – 0,91 СГС, но мы не оказываем давление в этом смысле на подчиненные нам планеты. Все планеты ведут свой собственный счет по своему местному времени, а для межпланетных отношений

делают с помощью компьютера пересчет с МГС на СГС. Так что СГС должно идти с Земли!

— Но почему обязательно с Земли?

— Во-первых, Земля была когда-то единственной обитаемой планетой, и естественно, что ее сутки и год, при заселении других миров, стали по социальной инерции стандартом. Во-вторых, модель, которую я сделал, оборачивалась, как и Земля, вокруг своей оси точно за 24 СГЧ и обходила вокруг своего солнца точно за один Стандартный Год.

— Это не могло быть совпадением?

Пилорат засмеялся.

– Теперь и вы заговорили о совпадении. Стали бы вы держать пари, что такие вещи могут произойти случайно?

– Ладно, ладно, – пробормотал Тревиз.

– В сущности, есть еще кое-что: есть архаическая мера времени, называемая месяцем...

– Я слышал об этом.

– Эта мера, по-видимому, охватывает период обращения земного спутника вокруг Земли. Однако...

– Да?

– Вот, один поражающий фактор: спутник, о котором я упомянул, огромный, больше

четверти диаметра самой Земли.

— Никогда не слышал о подобном. Ни у одной населенной планеты Галактики нет такого спутника.

— Вот и хорошо, — с воодушевлением воскликнул Пилорат. — Если Земля — единственный мир, породивший самые разнообразные факты и формы жизни, а также эволюцию разума, мы ждем от нее и какой-то физической уникальности.

— Но что общего между большим спутником, разнообразием форм, разумом и прочим?

— Вот теперь мы наткнулись на трудность. Я и сам этого не знаю. Но

это ценный вопрос, вы не думаете?

Треви́з встал и скрестил руки на груди:

– Но в чем же тогда проблема? Посмотрите статистические данные об обитаемых планетах и найдите ту, у которой период обращения вокруг оси солнца точно равны СГС и СГГ. И если у нее есть гигантский спутник, то мы нашли то, что хотели. Я предполагаю по вашему заявлению относительно «великолепных идей», что вы это сделали и нашли свою планету.

Пилорат выглядел растерянным.

– Ну... случилось не совсем так. Я проглядел статистические данные – вернее сказать, это сделал

астрономический департамент — и...
зашел в тупик: такой планеты там
нет.

Треви́з снова сел.

— Но это означает, что все ваши
аргументы ошибочны.

— Мне кажется, не все.

— Что значит — не все? Вы
сделали модель с детальным
описанием, но не нашли ничего
подходящего под эту модель.
Выходит, модель бесполезна. Вам
нужно начинать все с самого начала.

— Нет. Это значит, что данные о
населенных планетах не полны. В
конце концов, их десятки миллионов,
и некоторые из них совершенно
безвестны.

Например, не имеется точных данных о населении почти половины планет. А о шестистах сороках тысячах населенных миров нет никакой информации, кроме названия и, иногда, местонахождения. Некоторые галактиографы считают, что более десяти тысяч обитаемых планет вообще не вошли в список. Можно предположить, что эти миры рады. В императорскую эру это помогло им избежать налогов.

— А в следующие столетия, — цинично заметил Тревиз, — это помогло им служить базами для пиратов, что при случае могло их обогатить куда больше, чем обычная

торговля.

— Об этом я ничего не знаю, — с сомнением сказал Пилорат.

— Точно так же, мне кажется, Земля могла быть в списке обитаемых планет, будь на то ее желание. Она — старейшая из всех, и ее не могли проглядеть в первые столетия галактической цивилизации. А, попав в список, она бы там и осталась. Тут мы можем рассчитывать на социальную инерцию.

Пилорат колебался и выглядел скорбно.

— На самом-то деле... в списке обитаемых планет есть планета, называемая Землей...

Треви́з устави́лся на него.

— Мне кажется, что вы только что говорили, что Земли в списке нет?

— Земли как таковой нет. Есть планета Гея.

— При чем тут Гея?

— Гея означает «Земля».

— А почему именно «Земля», Янов, а не что-нибудь иное? Название «Гея» мне ничего не говорит.

Обычно спокойное лицо Пилората готово было исказиться.

— Я не уверен, что вы мне поверите... Если исходить из моего анализа мифов, в языках Земли были некоторые различия,

взаимонепонятные.

— Что?

— Да, да. В конце концов, у нас тоже тысяча различных способов объяснения по все Галактике.

— В Галактике есть, конечно, диалекты, но отнюдь не взаимонепонятные. Но даже если некоторые из них трудно понять, то у нас есть стандартный Галактический.

— Конечно, но у нас есть постоянные межзвездные путешествия. А что, если какой-нибудь мир долгое время был в изоляции?

— Но ведь вы говорите о Земле. Об одной планете. Где же изоляция?

— Земля — прародина. Не забывайте. Вероятно, человечество там какое-то время было невероятно примитивным. Никаких межзвездных полетов, никаких компьютеров, никакой технологии вообще.

— Это же нелепо!

Пилорат смущенно опустил голову.

— Может быть, об этом не стоит спорить, дружище. Я никогда не собирался убеждать в этом кого-то. Виноват...

Тревиз тут же рассмеялся.

— Янов, прошу прощения. Я сказал, не подумав. Я ведь не привык к таким точкам зрения. Вы развивали

свои теории свыше тридцати лет, а я был посвящен в них сразу. Примите это во внимание. Ну, я представляю себе примитивный народ на Земле, говорящий на двух совершенно различных языках.

— Возможно, что даже не на двух, а на полудюжине, — застенчиво заметил Пилорат. — Земля могла разделяться на несколько больших земельных массивов, и между ними могло не быть никакого сообщения. Жители каждого такого массива должны были развить особый язык.

Тревиз спросил с осторожной серьезностью.

— И на каждом таком массиве, как только узнавали о другом,

вероятно, спорили о «Вопросе происхождения», о том, кто первый из них вышел из животного состояния.

— Наверное, так, Голан. И это было вполне естественным поведением.

— И на одном из этих языков Земля называлась «Гея». А само слово «Земля» произошло из другого языка.

— Да, да.

— И в то время, как Стандартный Галактический произошел от того языка, на котором Земля называлась «Землей», народ Земли имеет некоторые основания называть свою планету «Геей» на другом языке.

– Точно! Вы очень быстро схватываете суть, Тревиз.

– Но мне кажется, из этого не следует делать тайны. Если Гея то же самое, что и Земля, несмотря на разницу в названиях, тогда Гея, согласно вашим предыдущим аргументам, должна иметь период обращения точно в Галактические Сутки, период обращения вокруг солнца – точно один Галактический Год, а гигантский спутник оборачиваться точно за месяц.

– Да, должно быть именно так...

– Ну, и как же, соблюдены эти условия или нет?

– Не могу вам сказать. Таблицы не дают информации.

– Да? Ну, тогда, Янов, полетим на Гею, посчитаем ее периоды и поглазеем на ее спутник.

– Я бы очень хотел этого, Голан. – Пилорат засмеялся – Беда в том, что ее местонахождение точно не указано.

– Вы хотите сказать, что нашли название и больше ничего, и это и есть ваша великолепная идея?

– Вот как раз поэтому я и хотел побывать в Галактической библиотеке.

– Постойте, вы сказали, что таблица не дает точного местонахождения. Но вообще какую-то информацию она дает?

– Есть списки в Сейшел-

Секторе. И там же
исследовательские заметки.

– Ну, тогда, Янов, не горюйте.
Полетим в Сейшел-Сектор и
разыщем Землю!

Фермер

Стор Джиндибел бежал трусцой по сельской дороге по другую сторону Университета. Люди Второго Основания обычно не практиковали путешествия в фермерский мир Трантора. Случалось, конечно, но если уж они ездили, то недалеко и ненадолго.

Джиндибел представлял собой исключение, и в свое время сам удивлялся этому. Удивление вызвало исследование собственного мозга, что поощрялось, в особенности для Спикера. Их мозг был одновременно и оружием, и мишенью, и они

держали защиту и нападение в хорошо отточенном состоянии.

Джиндибел решил, к своему собственному удовлетворению, что одна из причин его отличия от других была в его происхождении с планеты более холодной и обладающей большей массой, чем многие другие планеты. Когда мальчиком он был взят на Трантор (сетью, что была раскинута агентами Второго Основания по всей Галактике в поисках талантов), он очутился в поле меньшей гравитации и в восхитительно мягком климате. Вполне естественно, что ему было гораздо приятнее бывать на воздухе, чем многим другим.

В ранние годы на Транторе он сознательно развивал свой хилый мелкий костяк и боялся, что жизнь в мягком климате сделает его еще более слабым. Он предпринял серию упражнений для саморазвития, которые, хотя и не изменили его телосложения, но дали выносливость и хорошие дыхание. В эти упражнения входили долгие прогулки и пробежки, по поводу чего кое-кто из Совета Спикеров злословил, но Джиндибел не обращал внимания на их перешептывания.

Он действовал по-своему, несмотря на то, что был из первого поколения.

Все прочие в Совете Спикеров

были из второго или третьего, их отцы и деды были членами Второго Основания, И все они были старше его. Стоило ли удивляться перешептываниям?

По заведенному давно обычаю, мозг всех ораторов был открыт (предположительно полностью, хотя редкий Спикер не оставлял какой-то личный угол – разумеется, надолго это не удавалось), и Джиндибел знал, что они были завистливы. И они это знали. Точно так же Джиндибел знал, что его позиция была оборонительной, и в тоже время сверх скомпенсированной честолюбием. И они это знали.

Мысли Джиндибела вернулись к

причинам его путешествия в
глубинные районы, он провел
детство в родном мире, обширном и
развивающемся, с многообразием
пейзажей, на плодородной равнине,
окруженной самыми прекрасными,
как ему казалось, горными грядами.
Те были невероятно эффектны
суровой зимой. Он вспомнил свое
прошлое и радости далекого теперь
детства.

Они часто снились ему. Как же
он мог теперь ограничивать себя
несколькими десятками миль
древней архитектуры?

Он с пренебрежением
осматривался, пока бежал. Трантор
был мягким и приятным миром, но

он не был ни сильным, ни прекрасным. Он был фермерским миром, но плодородным он тоже не был. Возможно, это было одним из многих факторов, сделавших Трантор административным центром сначала союза планет, а потом Галактической Империи. Не было сильного толчка, чтобы он стал чем-нибудь другим.

После великого Разграбления только одно дало Трантору возможность развиваться: его огромные запасы металла. Планета была громадным рудником, снабжавшим добрую полусотню планет дешевыми сплавами стали, алюминия, титана, меди, магния, возвращая таким образом все, что он

скопил за тысячелетия, транжируя свои запасы в сотни раз быстрее, чем они в свое время накапливались.

Здесь все еще оставались громадные запасы руд, но они находились под землей, и их трудно было добывать. Фермеру-хэмиш (которые никогда не называли себя транторианцами и рассматривали это слово как злое, и поэтому члены Второго Основания сохраняли его для себя) все более и более неохотно имели дело с металлом. Суеверие, не иначе.

Дурачье! Тот металл, что оставался под грунтом, мог отравить почву и еще более понизить ее плодородность. Но, с другой

стороны, плотность населения была мала, и земля поддерживала людей. И какая-то торговля металлом все-таки еще продолжалась.

Взгляд Джиндибела obeжал горизонт. Трантор был геологически живой, как почти все обитаемые миры, но прошло по меньшей мере сто миллионов лет после главного геологически образующего периода. Возвышенности съелись до мелких холмов, да и те, в основном, были выравнены во время великих периодов металлопокрытия Трантора.

На юге тянулся берег Столичной Бухты, за ним – Восточный океан. То и другое было восстановлено после

разрушения подземных цистерн.

На севере расположились башни Галактического университета, скрывавшие относительно приземистую, но обширную библиотеку (большая часть которой находилась под землей), а еще дальше на север — остатки императорского дворца.

По другую сторону раскинулись фермы, построенные как попало. Он бежал мимо коров, коз, цыплят — на всех фермах было множество самых разнообразных домашних животных. Они не обращали на Джиндибела ни малейшего внимания.

Джиндибел подумал, что нигде в Галактике он не увидел бы таких

животных и что нет двух миров, где они были бы одинаковыми. Он вспомнил коз у себя на родине и собственную ручную козу, на чьем молоке он вырос. Они были гораздо крупнее и решительнее, чем мелкие и задумчивые образцы, завезенные на Трантор после Великого Разграбления. В противоположность другим обитаемым планетам, здесь один и тот же вид животных разделялся на бесчисленные породы — по мясу, молоку, шерсти и тому, что там они еще давали.

Как обычно, ни одного хэмиш не было видно. Джиндибел чувствовал, что фермеры избегают попадаться на глаза тем, кого они называют

«скаулерами» видимо, искаженное «сэлер» – ученый, «грамотей».

Джиндибел взглянул на солнце Трантора. Оно спокойно висело в небе, но жар его не был изнуряющим. В этом месте, на этой широте, всегда было тепло.

Джиндибел даже скучал иногда по укусам мороза – или ему это просто казалось. Он никогда больше не бывал на своей родной планете. Возможно, сам не хотел, боясь утратить иллюзии детства.

Возникло приятное ощущение напряженных мышц, он решил, что бежал достаточно долго, и, глубоко дыша, перешел на шаг.

Необходимо быть готовым к

предстоящему заседанию Совета и решающим переменам в политике, к новой позиции понимания растущей опасности от Первого Основания и чего-то еще, что положит конец роковой уверенности в «безукоризненной работе» плана. Когда же они поймут, что эта безукоризненность – верный признак опасности?

Если бы это предложил не он, а кто-нибудь другой, то дело наверняка прошло без затруднений. Но в данном случае затруднения будут, хотя дело все равно должно пройти, потому что старый Шандисс поддержал его и, без сомнения, будет поддерживать. Он не захочет войти в

историю как Первый Спикер, при котором Второе Основание захирело Хэмиш!

Джиндибел вздрогнул Он уловил далекий усик мысли задолго до того, как увидел самого человека. Это был мозг хэмиш-фермера, грубый и негибкий Джиндибел осторожно отступил от этого мозга, оставив лишь самое легкое, неопределимое прикосновение. Политика Второго Основания была очень тверда в этом отношении. Фермеры были невольным щитом для Второго Основания. Их нужно было оставлять в неприкосновенности, насколько это возможно. Но те, кто приезжал на Трантор для торговли или как

туристы, никогда не видели никого, кроме фермеров да, иной раз, редких ученых, живущих мыслями о прошлом. Удалить фермеров или оказать давление на их простодушие — означало стать более заметным что привело бы к катастрофическим последствиям. (Это была одна из классических демонстраций для новичков в университете Первоисточник показал ужасающее Отклонение, когда мозг фермеров даже очень слабо искажался удивлением)

Джиндибел увидел. Да, конечно, это был фермер, самый настоящий хэмиш. Он был почти карикатурой на транторианского фермера — высокий,

широкоплечий, темноглазый и темноволосый, в грубой одежде, с голыми руками, он шел неуклюжими большими шагами. Джиндибел почувствовал как от фермера исходит запах хлева. Не следует выражать презрение, решил он. Прим Палвер не гнушался играть роль фермера, когда это было необходимо для его планов. Какой уж фермер был из него – маленького толстенького, мягкого? Юную Аркадию одурачил его мозг, а не тело.

Фермер подходил к Джиндибелу, спотыкаясь и явно нацеливаясь на него. Что-то заставило Джиндибела нахмуриться: ни один хэмиш, ни мужчина, ни женщина, никогда не

смотрели на него так. Даже дети отбегали и поглядывали издалека.

Джиндибел не сбавил шага. Здесь хватит места, чтобы пройти мимо фермера, не глядя, и это было самое разумное. Джиндибел взял в сторону но фермер не собирался пропускать его. Он остановился, расставив ноги, и раскинул длинные руки, как бы перегораживая дорогу.

— Нет! — сказал фермер — Ты быть грамотей?

Джиндибел при всем старании не мог избавиться от ощущения волны драчливости в приближающемся мозгу. Он остановился. Нечего было думать, чтобы пройти мимо без разговора,

что, вероятно, будет само по себе нелегкой задачей. Обычный быстрый и легкий обмен звуками, впечатлением и мыслью, что включалось в общение между людьми Второго Основания, здесь должно было замениться утомительным обращением к одной комбинации слов, все равно что поднимать камень плечом, а лом отложить в сторону.

Джиндибел сказал спокойно, стараясь не выражать эмоций.

– Да Я ученый.

– Ха! Ты грамотей. Мы что говорить по-иностранному? Разве я не видеть, что ты грамотей? – Он наклонил голову в насмешливом

поклоне. — Такой как ты быть — маленький высохший, курносый.

— Чего ты хочешь от меня, хэмиш-мужчина? — спросил Джиндибел не двигаясь.

— Я быть назван Референт. А Кэрол — мое предшествующее имя. — Его акцент был заметно хэмишским: «Р» звучало раскатисто.

— Чего ты от меня хочешь, Кэрол-Референт? — спросил Джиндибел.

— А как быть твое название, грамотей?

— Какая разница? Можешь продолжать называть меня грамотеем.

— Если я спрашиваю, значит, я

получать ответ, маленький, курносый грамотей.

– Ну, ладно, меня зовут Стор Джиндибел. А теперь я пойду по своим делам.

– Что быть твои дела?

У Джиндибела ошетинился затылок. Тут были другие мозги. Ему не нужно было оглядываться, он знал, что позади него еще трое хэмиш. А на некотором расстоянии были еще. От фермера распространялся резкий запах.

– Мое дело, Кэрол-Референт, явно не твое.

– Ты так говорить? – Референт возвысил голос – Парни, он говорить, что его дело быть не наша.

Позади Джиндибела раздался смех, и чей-то голос произнес.

– Правильно он быть, потому что его дело лезть в книги и ползать по ним зря, и это тошнит настоящего мужчину.

– Однако это моя работа, – твердо ответил Джиндибел – А теперь я пойду заниматься ею.

– Как ты сделаешь это, крошка-грамотей?

– Пройду мимо тебя.

– Ты попробоваться? Ты не боишься останавливающей руки?

– Рук всех ваших парней? Или только твоей? – Джиндибел внезапно перешел на грубый диалект Хэмиш.

– Ты не испугаешься одного?

Строго говоря, ничто не побуждало его к такой манере, но это могло остановить массовую атаку, а остановить ее было необходимо, чтобы не вызывать еще большей невежливости по отношению к нему. Это сработало. Референт понизил тон.

— Если быть испуган книжником — это быть дураком. Эй, парни, дать место Стать назад и пустить его пройти, чтобы он видеть, как я бояться одного.

Референт поднял свои громадные руки и развел их. Джиндибел не боялся, что фермер может быть знаком с кулачным боем, но случайный удар пропустить не

хотел. Джиндибел осторожно подошел, быстро и деликатно обработал мозг Референта. Не сильно, легко прикасаясь, нечувствительно, но достаточно, чтобы замедлить рефлексy в решающий момент. Затем – умы остальных, собравшихся теперь целой толпой.

Мозг Спикера Джиндибела виртуозно метался взад и вперед, не задерживаясь нигде, чтобы его работа не была замечена, но достаточно долго для того, чтобы обнаружить что-то полезное. Он двинулся к фермеру по-кошачьи осторожно, зная наверняка, что никто не вмешается.

Референт ударил внезапно, но Джиндибел увидел двигательный сигнал в мозгу фермера раньше, чем напряглись мускулы фермера, и шагнул в сторону. Кулак пронесся со свистом, но мимо. Джиндибел остался невредим. Все остальные одновременно выдохнули.

Джиндибел не старался парировать или нанести ответный удар парировать ему было бы трудно, а возвращать «должок» — бесполезно, потому что фермер перенес бы его, не моргнув. Он мог только маневрировать, заставляя фермера промахиваться. Может, это сломает фермера морально, чего не даст прямое сопротивление.

Референт с рычанием ударил. Джиндибел был готов и отскочил в сторону равно настолько, чтобы фермер промахнулся. Снова удар, и снова промах.

Джиндибел чувствовал, что его собственное дыхание начинает усиливаться до свиста. Физические усилия были малы, но ментальные направленные на контроль фермерского мозга, были чудовищно велики и трудны. Долго ему не продержаться.

Он сказал как можно спокойнее, одновременно стараясь возбудить в минимальной степени тот суеверный страх, который фермеры питали к ученым:

– А теперь я пойду по своим делам.

Лицо Референта исказилось от ярости, но он не двинулся. Джиндибел чувствовал его мысли. Маленький грамотей исчезал, словно по волшебству.

Джиндибел чувствовал страх фермера. Сейчас этот страх станет сильнее, и...

Но ярость хэмиша перехлестнула осторожность.

– Парни! – закричал Референс. – Грамотей танцевать. Он нырять на цыпочках и презирать правила честных хэмиш – удар за удар. Хватать его. Держать его. Держать его. Пусть он будет первобьющим, я

быть последнебьющим.

Джиндибел обнаружил брешь среди тех, кто теперь окружал его. Единственным выходом для него было расширить брешь, чтобы пробиться сквозь нее и бежать, веря в свои силы и способность притормозить всех фермеров. Он увертывался в стороны, мозг его трещал от усилий.

Но это не сработало. Их было слишком много, а необходимость придерживаться правил транториан обязывала.

Он почувствовал на своих руках чужие пальцы. Его держали.

Он мог бы вмешаться в несколько мозгов. Но это было

недопустимо, его карьера была бы погублена. Но его жизнь — его собственная жизнь висела сейчас на волоске.

Как же все это произошло?

Собрание Совета было неполным.

Если Спикер опаздывал, ждать было неприято. Сегодня, думал Шандисс, Совет во всяком случае не настроен ждать. Стор Джиндибел был самым младшим и недостаточно осознавал этот факт. Он действовал так, словно юность сама по себе была добродетелью, и пренебрегал возрастом тех, кто знал больше.

Джиндибел не был популярен

среди других Спикеров. Строго говоря, он не пользовался любовью даже у самого Шандисса. Но популярность была здесь ни при чем.

Делора Даларме нарушила задумчивость Шандисса. Она смотрела на него большими голубыми глазами, ее круглое лицо с привычным невинным и дружелюбным выражением маскировало – от всех, кроме членов Второго Основания ее ранга – острый ум и дьявольскую сосредоточенность. Она спросила с улыбкой:

– Первый Спикер, долго мы будем ждать?

Официально собрание еще не

началось, поэтому она могла начать разговор, хотя другие ждали, чтобы Первый Спикер заговорил первым, в соответствии с его званием.

Шандисс посмотрел на нее обезоруживающе.

— Обычно мы не ждем, Спикер Деларме, но поскольку Совет собрался послушать именно Спикера Джиндибела, можно не столь строго следовать правилам.

— Где же он, Первый Спикер?

— Этого я, Спикер Деларме, не знаю.

Деларме оглядела всех. Здесь присутствовал Первый Спикер и, видимо, одиннадцать других. Всего должно было быть двенадцать. В

течении пяти столетий Второе Основание расширяло свою мощь и свои обязанности, но все попытки расширить Совет за пределы двенадцати провалились.

Спикеров было двенадцать после смерти Селдона, когда второй Первый Спикер (Селдон всегда считался первым в списке) установил это, и теперь все еще оставалось двенадцать.

Почему двенадцать? Это число легко делилось на две группы. Число было достаточно мало для совещания в целом и достаточно велико, чтобы работать в подгруппах. Большее число было бы слишком громоздким, меньшее — слишком негибким.

Таковы были объяснения. В сущности, никто не знал, почему было выбрано именно это число или почему его нельзя было изменить. Второе Основание могло считать себя рабом традиций.

Все это промелькнуло в голове Деларме, когда она переходила взглядом от лица к лицу, от мозга к мозгу, а затем ядовито посмотрела на пустое сиденье – младшего.

Она была удовлетворена тем, что ни у кого не было симпатий к Джиндибелу. Молодой человек – она всегда это чувствовала – обладал очарованием сороконожки, а иметь дело с ним было столь же приятно, как с сороконожкой. Только его

беспспорные способности и талант удерживали остальных от открытого предложения созвать суд и исключить его (за всю пятисотлетнюю историю Второго Основания только два Спикера были обвинены – но не осуждены).

Однако столь явное пренебрежение к собранию Совета было хуже, чем преступление, и Деларме с удовольствием ощущала, что настроение Спикеров склоняется скорее к суду, чем к замечанию.

– Первый Спикер, – сказала она, – если вы не знаете, где Спикер Джиндибел, я буду рада сообщить вам это.

– Да, Спикер.

— Кто из вас не знает, что этот молодой человек — она говорила о нем без всякой почтительности, и это, конечно, было замечено всеми, — постоянно ищет работу среди хэмиш? Что это за работа, я не спрашивала, но сейчас он у них, и его отношения с ними явно более важны, чем присутствие на этом Совете.

— Я уверен, — сказал другой Спикер, — что он просто гуляет или бегают.

Деларме снова улыбнулась. Это ей ничего не стоило — радостно улыбнуться.

— Университет, библиотека, дворец и весь окружающий их район — наши. Это немного по сравнению

со всей остальной планетой, но для физических упражнений места тут достаточно, я думаю. Первый Спикер, может быть, начнем?

Первый Спикер вздохнул про себя. Он имел достаточно власти для того, чтобы заставить Совет ждать, или даже отложить заседание до появления Джиндибела.

Но Первый Спикер не мог уверенно руководить хотя бы без пассивной поддержки других Спикеров, и раздражать их было неразумно. Даже Прим Палвер был вынужден время от времени прибегать к лести. К тому же, отсутствие Джиндибела было неприятно и самому Первому

Спикеру. Молодому Спикеру пора понять, что он не сам себе закон.

И теперь, поскольку Первый Спикер говорит первым, он сказал:

— Начнем. Спикер Джиндибел представил поразительные выводы из информации первоисточника. Он уверен, что существует некая организация, поддерживающая план Селдона более эффективно, чем мы, и делающая это для своих собственных целей. Следовательно, мы, по его мнению, должны узнать о ней побольше — в целях самозащиты. Вы все были информированы об этом, и это заседание должно было дать нам возможность задать вопросы Спикеру Джиндибелу,

чтобы привести нас к какому-то решению относительно политики Второго Основания на будущее.

В сущности, он мог и не говорить так много, поскольку держал свой мозг открытым, так что все и так знали. Он говорил просто из вежливости.

Деларме быстро оглянулась вокруг. Остальные десять ораторов решили позволить ей играть роль особы, высказывающейся против Джиндибела.

Она заявила:

— Однако, Джиндибел, — она снова опустила почетный титул, — не знает и не может сказать, что это за организация.

Она высказала это как утверждение, граничащее почти с грубостью. Это было все равно что сказать: «Я могу анализировать твой мозг, так что не трудись объяснять».

Первый Спикер понял грубости и быстро решил игнорировать ее.

— Да, Спикер Джиндибел, — он тщательно избегал опускания титула и даже не делал ударения на нем, — не знает и не может сказать, что это за организация, но это не означает, что она не существует. Люди Первого Основания большую часть своей истории фактически ничего не знали о нас, да и теперь не знают. Но разве вы сомневаетесь в нашем существовании?

— Но отсюда не следует, — возразила Деларме, — что если о нас не знают, а мы существуем, то и что-то другое должно существовать, если только о нем не знают.

Она засмеялась.

— Справедливо. Вот поэтому утверждение Спикера Джиндибела должно быть проверено самым тщательным образом. Утверждение это основано на точном математическом выводе, который я посмотрел сам и требую, чтобы рассмотрели вы все. Если это... — он задержал бросок мысли, чтобы лучше выразить свою точку зрения, — ... и неубедительно.

— А что за член Первого

Основания Голан Тревиз, который прыгает в вашем мозгу и о котором вы не упомянули? – Опять грубость, и на этот раз Первый Спикер слегка вспыхнул.

– Спикер Джиндибел предполагает, – сказал он, – что этот человек, Тревиз, является орудием – возможно, невольным – этой организации, и мы не должны игнорировать его.

– Если, – сказала Деларме, снова садясь в кресло и откидывая с глаз прядь седеющих волос, – эта организация, какова бы она ни была, существует и если ее ментальные способности опасно сильны и так тщательно скрываются, вряд ли она

будет открыто маневрировать таким заметным лицом, как советник Первого Основания.

Первый Спикер серьезно заметил:

— Не все думают одинаково. Однако я заметил кое-что, наиболее тревожащее. Я не понял этого. — Он почти невольно похоронил мысль в глубине мозга, стыдясь того, что другие могли прочесть ее.

Каждый Спикер заметил мысленное действие и, как строго требовалось, отнесся уважительно к чувству стыда. Деларме тоже отнеслась так, но очень нетерпеливо. Она сказала в соответствии с принятой формулировкой:

– Не можем ли мы попросить, чтобы вы показали нам вашу мысль, поскольку мы понимаем и прощаем любое чувство стыда, которое вы можете испытывать.

Первый Спикер сказал:

– Как и вы, я не знал, на чем основано предположение, что советник Тревиз является орудием другой организации, и если так, то какой цели он служит. Но Спикер Деларме, похоже, уверена в этом, и нельзя игнорировать возможную ценность информирования любого, кто квалифицирован как Спикер.

Поэтому я попробовал приложить к Тревизу план.

– К одной личности? – тихо и

удивленно спросил кто-то из Спикеров и сразу же высказал раскаяние, потому что вопрос сопровождался мыслью, совершенно эквивалентной выражению: «Вот дурак!».

— К одной личности, — согласился Первый Спикер, — и вы правы: ну и дурак же я! Я прекрасно знаю, что план не может быть приложен не только к индивидууму, но и даже к небольшой группе индивидуумов. И все-таки мне было любопытно. Я экстраполировал межличностные пересечения далеко за разумные пределы, но сделал это шестнадцатью различными способами и выбирал скорее область,

чем точку. Затем я использовал все, что знаю о Тревице – советник Первого Основания не приходит полностью незамеченным – и о мэре Основания.

Затем бросил все это вместе, как попало, и испугался, – он сделал паузу.

– Ну, и?.. – спросила Деларме. – Были поразительные результаты?

– Не было никаких результатов, как вы все можете предположить, – ответил Первый Спикер. – С одним индивидуумом ничего нельзя сделать. Однако же...

– Однако?

– Я сорок лет анализировал результаты, и у меня образовалась

привычка ясно чувствовать их еще до того, как они проанализированы. И я очень редко ошибался. В этом случае пусть результатов и не было, я отчетливо почувствовал, что Джиндибел прав, и что Тревиза нельзя предоставить самому себе.

— Почему нельзя, Первый Спикер? — спросила Деларме, ошеломленная сильным ощущением в мозгу Первого Спикера.

— Мне было стыдно, — сказал Первый Спикер, — что я сделал попытку использовать его для цели, к которой он непригоден. И стыдно теперь, что я позволил себе поддаться влиянию чего-то чисто интуитивного. Но я должен был

позволить себе это, потому что ощущение слишком сильно. Если Спикер Джиндибел прав, если нам грозит опасность неведомо откуда, я чувствую: когда придет время кризиса нашего дела, на решающей струне будет играть Тревиз.

— На каком основании вы это почувствовали? — спросила потрясенная Деларме.

Первый Спикер Шандисс жалобно посмотрел на Спикеров Совета.

— У меня нет обоснования. Психологическая математика не дала ничего, но когда я следил за взаимодействием отношений, мне казалось, что Тревиз — ключ ко всему.

На этого человека следует обратить особое внимание.

Джиндибел понимал, что не вернется вовремя к заседанию Совета. Может быть, и вообще не вернется.

Его крепко держали, и он отчаянно прощупывал окружение, соображая, как заставить их ослабить хватку.

Референт торжествующе стоял перед ним.

— Ты готов теперь, грамотей? Удар за удар, тычок за тычок, по обычаю хэмиш. Давай, малыш, ты быть первым.

— А будет кто-нибудь держать

тебя, как держат меня? – спросил Джиндибел.

Референт сказал:

– Дать ему свободы. Чуток. Руки освободить, ноги держать. Мне не хотеть танцующего.

Джиндибел почувствовал себя приклеенным к земле. Руки его были свободны.

– Бей, грамотей, – сказал Референт. – Показать нам удар.

И тут ищущий мозг Джиндибела обнаружил что-то ответное: негодование, чувство несправедливости и жалости. У него не было выбора: он должен был пойти на риск прямого усиления, а затем импровизировать на основе...

Оказывается, не нужно! Он коснулся этого нового мозга, и тот реагировал именно так, как он ожидал. Точно так.

Он внезапно увидел невысокую фигуру, коренастую, с длинными спутанными волосами, размахивающую руками. Она сердито толкала фермера.

Это была женщина. Джиндибел угрюмо подумал, что его напряжение и озабоченность помешали ему заметить ее раньше.

– Кэрол-Референт! – кричала она. – Задира и трус! Удар за удар, по обычаю хэмиш? У тебя два раза размер твоего грамотея. Ты быть в большей опасности, если ты

нападешь на меня. Ты быть прославившимся, что побьешь этого беднягу? Это позор, я думаю. На тебя всякий показывать пальцем и всякий дурак сказать: «Вот наш Референт, знаменитый убийца младенцев!». Все смеяться, я думаю, и ни один порядочный хэмиш-мужчина не пить с тобой, ни одна порядочная хэмиш-женщина ничего не иметь с тобой.

Референт пытался сопротивляться грозе, отводя удары и делая слабые попытки отвечать умиротворяюще:

— Хватит, Сара. Ну... хватит, Сара.

Джиндибел осознал, что руки больше не держат его. Референт уже

не паялился на него, ничего больше о нем не думая.

Сара тоже ничего не думала о нем: ее ярость была полностью сосредоточена на Референте. Джиндибел, придя в себя, решил принять меры, чтобы сохранить эту ярость и усилить неприятное чувство стыда, заполняющего мозг Референта, но сделать это так легко и ловко, чтобы не дать заметить. Но и этого тоже не понадобилось.

Женщина сказала:

— Ну-ка, все шаг назад! Не хватать того, что этот дурак Кэрол быть гигант против этого доходяги, так тут еще вас пять-шесть дружков, все разделить с ним позор и идти

обратно на ферму со славным рассказом, как убивать детей. «Я держать доходягу за руки, – сказать им, – а гигант Референт бить его в лицо, когда он не возвращать удар». А ты сказать: «Я держать его за ноги, мне тоже дать славу». А громадина Референт сказать: «Я не мог иметь его на пути, мои дружки прижать его, и я с помощью всех шестерых победить его».

– Ну, Сара, – жалобно сказал Референт, – я же сказать грамотею, чтобы он бить первый.

– И ты не бояться мощного удара его тощих рук, тупоголовый Референт? Иди. Оставь его идти, куда он хотеть, и вы, остальные, ползти по

домам, если в этих домах еще хорошо встретить вас. Вам лучше надеяться, чтобы этот день был забыт. А он может не быть забыт, потому что я громко и далеко говорить об этом, если заставите меня еще сердиться, чем я сердиться сейчас.

Они молча пошли обратно, опустив головы и не оглядываясь. Джиндибел посмотрел им вслед, потом взглянул на женщину. Она была в брюках и блузе, на ногах грубая обувь. Лицо ее было мокрым от пота, она тяжело дышала. У нее был широкий нос, тяжелые груди (насколько Джиндибел мог разглядеть под свободной блузой) и мускулистые голые руки. Ясно, что

хэмиш-женщины работали в поле вместе с мужьями. Она сурово посмотрела на него, подбоченившись.

— Ну, грамотей, зачем тут бегать? Иди в место грамотеев. Ты бояться? Я проводить тебя.

Джиндибел ощущал запах пота от давно не стиранной одежды, но в данных обстоятельствах было крайне невежливо показать какое-либо отвращение.

— Спасибо, мисс Сара...

— Имя — Нови, — сказала она сердито. — Сара Нови. Ты можешь говорить Нови. Больше ничего не надо.

— Я благодарю тебя, Нови. Ты

мне очень помогла. Рад буду, если ты проводишь меня, но не из-за моего страха, а ради приятной компании с тобой. — И он изящно поклонился, как кланялся молодым женщинам университета.

Нови покраснела, неуверенно глядя на него, и попыталась имитировать его поклон.

— Удовольствие быть мне, — сказала она, как бы подбирая слова для точного выражения и придавая ему оттенок вежливой изысканности.

Они пошли вместе. Джиндибел знал, что каждый медленный шаг заставляет его все более непростительно опаздывать на

собрание Совета, но теперь он имел возможность подумать о значении того, что произошло, и он почувствовал холодное удовлетворение от того, что позволяет себе опоздать еще больше.

Впереди показались университетские здания. Сара Нови остановилась и недоуменно сказала:

– Мастер грамотей!

Джиндибел отметил, что приближаясь к месту, которое она называла «местом грамотеев», она стала более вежливой. Ему хотелось сказать: «Ты обращаешься к доходяге», но он не хотел смущать ее.

– Да, Нови?

– В месте грамотеев быть очень

красиво и богато?

— Так... мило, — сдержанно ответил Спикер.

— Я однажды видеть во сне, что я в месте... и я быть грамотеем.

— Когда-нибудь, — вежливо сказал Джиндибел, — я покажу тебе его.

Ее взгляд явно свидетельствовал о том, что она не приняла эти слова за простую вежливость.

— Я могу писать, — сказала она. — Я учиться у учителя. Если я написать тебе письмо, — она пыталась сказать это небрежно, — как надписать его, чтобы оно дойти до тебя?

— Напиши: «Спикер-Хауз, квартира 27» и оно придет ко мне. А

теперь я должен идти, Нови.

Он еще раз поклонился, и она опять имитировала это действие. Они направились в разные стороны, и Джиндибел быстро выкинул ее из головы. Он стал думать о заседании Совета и, особенно, об Спикере Деларме. И мысли его не были нежными.

Фермерша

Спикеры сидели за столом, застывшие под своими ментальными щитами.

Словно все они сговорились спрятать свои мысли, чтобы избежать непоправимого оскорбления Первого Спикера после его заявления относительно Тревиза. Они исподтишка поглядывали на Деларме, и это выдавало многое. Она была больше всех известна своей непочтительностью — даже Джиндибел, и тот больше обращал внимание на обычаи.

Деларме чувствовала эти

взгляды и знала, что у нее нет другого выбора, кроме как выступить против. В сущности, она не хотела искать выхода. За всю историю Второго Основания ни одного Первого Спикера не обвиняли в не правильном анализе (за этим выражением, которое она употребила как прикрытие, скрывалось невысказанное «некомпетентность»). Теперь такое обвинение стало возможным, и она его обязательно выскажет.

– Первый Спикер, – сказала она мягко, ее тонкие бесцветные губы стали еще более незаметными на бледном лице. – Вы сами сказали, что не имеете обоснования вашего

мнения, что психоисторическая математика ничего не показала. И вы просите нас основывать ключевое решение на мистических ощущениях?

Первый Спикер поднял глаза. Его лоб сморщился. Он ощущал всеобщий щит Совета. Он знал, что это значит и холодно заявил:

— Я не скрываю нехватку очевидности. Я не представляю вам никакой фальши. Я лишь предложил вам сильное интуитивное ощущение Первого Спикера, человека с многолетним опытом, потратившего всю свою сознательную жизнь на тщательный анализ Плана Селдона. — Он огляделся вокруг с суровой

горделивостью, которую редко показывал, и ментальные щиты стали один за другим смягчаться и падать. Щит Деларме, когда Шандисс повернулся и взглянул на нее, упал последним.

Она сказала с обезоруживающей искренностью, заполнившей ее мозг:

— Конечно, я принимаю ваше утверждение, Первый Спикер. Тем не менее, я думаю, вы, возможно, захотите пересмотреть его. Что вы думаете о нем теперь, уже устыдившись того, что опирались на интуицию? Не захотите ли вы, чтобы ваши замечания были вычеркнуты из записи — если, по вашему суждению, они должны быть...

– Какие замечания должны быть вычеркнуты из записи?

Все глаза одновременно повернулись на звук голоса Джиндибела. Если бы их щиты не были подняты перед решающим моментом, они знали бы о его приближении раньше, чем он оказался в дверях.

– Все щиты были подняты минуту назад Никто не знал, что я вхожу? – ядовито спросил Джиндибел. – Какое же банальное заседание Совета у нас здесь! И никто не опасался моего появления? Или все были абсолютно уверены, что я приду позже?

Эта вспышка была вопиющим

насилием над всеми традициями. Опоздание Джиндибела было уже само по себе достаточно вызывающим, он вошел без разрешения — это было еще хуже, и заговорил раньше, чем Первый Спикер признал его присутствие — а это было уже из ряда вон выходящим.

Первый Спикер повернулся к нему. Все остальное было отложено: вопрос о достойном поведении стал главным.

— Спикер Джиндибел, — спокойно сказал он, — вы опоздали. Вы вошли без разрешения. Вы заговорили первым. У вас есть уважительные причины, иначе вы будете отстранены от своего места на

тридцать дней?

— Конечно, есть. Дело о временном отстранении не должно рассматриваться до тех пор, пока не рассмотрим, кто заставил меня опоздать и почему. — Джиндибел говорил холодно и размеренно, но мысли его были окутаны яростью, и он плевал на то, что все это чувствуют.

Конечно, Деларме не удержалась. Она убежденно заявила:

— Этот человек — безумен.

— Безумен? Безумна женщина, которая сказала это. Или же она чувствует свою вину. Первый Спикер, я сам обращаюсь к вам и выдвигаю пункт личной привилегии, — сказал

Джиндибел.

— Какого рода личной привилегии, Спикер?

— Первый Спикер, я обвиняю кое-кого в попытке убийства.

Все Спикеры вскочили с мест, и комната взорвалась одновременным бормотанием слов, экспрессией мыслей. Первый Спикер поднял руку и крикнул:

— Спикер должен иметь возможность выразить свой пункт личной привилегии! — Он сам заметил, что мысленно усиливает свой авторитет в самой что ни на есть неподходящей к обстоятельствам манере, но выбора у него не было.

Бормотание стихло.

Джиндибел неподвижно стоял и ждал, когда наступит полная тишина, затем он заговорил:

— Направляясь сюда, я шел по дороге хэмиш с такой скоростью, которая бы обеспечила мое прибытие на Совет вовремя. Меня остановили несколько хэмиш, и я был близок к тому, чтобы меня избили, а то и попросту убили.

Из-за этого я и опоздал, и прибыл только сейчас. Я должен указать с самого начала: я не помню примера, чтобы после Великого Разграбления кто-то из народа хэмиш разговаривал бы непочтительно — не говоря уж о прямом насилии — с

членом Второго Основания.

— И я не помню, — подтвердил Первый Спикер.

Деларме закричала.

— Люди Второго Основания обычно не ходят в одиночку по территории хэмиш! Вы сами спровоцировали нападение своими действиями!

— Правильно, — сказал Джиндибел, — я обычно хожу по территории хэмиш. Я сотни раз проходил там в разных направлениях, однако ко мне никто никогда не пристававал. Другие ходят свободно, как я, но никто не изгоняет себя из мира и не запирается в университете, и ни к кому не пристают. Я

вспоминаю случаи, когда Деларме, — тут он, как бы запоздало вспомнив о вежливости, сознательно превратил ее в страшное оскорбление, — я хотел сказать, я вспомнил, когда Спикер Деларме бывала на территории хэмиш, однако к ней не приставали!

— Возможно, потому, — сказала Деларме, — что я не заговаривала с ними первой и держалась на расстоянии. Я вела себя как заслуживающая уважения, и мне его оказывали.

— Интересно, — сказал Джиндибел, — а я хотел сказать, причина в том, что вы представляли куда более грозное зрелище, чем я. В конце концов, даже здесь очень

немногие рискуют подойти к вам. Но скажите, почему хэмиш выбрали для вмешательства именно тот день, когда меня ждало важное собрание в Совете?

– Если тому причиной не ваше поведение, – сказала Деларме, – тогда это произошло случайно. Я не слышала чтобы математика Селдона исключала роль случая – конечно, не в индивидуальных событиях. Или вы тоже говорите по внушению интуиции? – Тут один из Спикеров издал слабый мысленный вздох.

– Это произошло не из-за моего поведения и не случайно. Это было намеренное вмешательство, – возразил Джиндибел.

– Откуда вы это знаете? – мягко спросил Первый Спикер. Он не мог помочь, но смягчил для Джиндибела последний выпад Деларме.

– Мой мозг открыт вам, Первый Спикер. Я передаю вам – и всему Совету – мои воспоминания о событиях.

Передача заняла несколько минут. Первый Спикер сказал:

– Ужасно! Вы вели себя очень хорошо, Спикер, в обстоятельствах большого давления. Я согласен, что поведение хэмиш аномально и требует расследования. А пока, пожалуйста, присоединитесь к нашему заседанию...

– Минуточку! – прервала

Деларме. – Какая у нас гарантия, что объяснение Спикера правдиво?

Ноздри Джиндибела раздулись от нанесенного оскорбления, но он сохранил хладнокровие.

– Мой мозг открыт.

– Я знавала открытый мозг, который не был таковым.

– Не сомневаюсь в этом, Спикер, – сказал Джиндибел, – поскольку вы, как впрочем, и все мы, держите свой мозг под постоянным контролем. Мой мозг если открыт, то открыт.

– Давайте не будем... – начал Первый Спикер.

– Пункт личной привилегии, Первый Спикер, извините, что

прерываю вас, – заявила Деларме.

– Какого рода личная привилегия, Спикер?

– Спикер Джиндибел обвинил одного из нас в подстрекательстве к убийству, предположительно при помощи фермеров, совершивших нападение на него. Поскольку обвинение не отведено, я должна считать себя потенциальной убийцей, как и все в этой комнате, включая и вас, Первый Спикер.

– Вы отведете обвинение, Спикер Джиндибел? – спросил Первый Спикер.

Джиндибел сел в кресло, крепко вцепился в подлокотники и сказал:

– Я сделаю это, как только кто-

нибудь объяснит мне, почему фермер-хэмиш намеренно вынудил меня опоздать на это заседание.

— Ну, тут может быть тысяча причин, — сказал Первый Спикер. — Я повторяю, что это происшествие будет расследовано. А теперь Спикер Джиндибел, в интересах продолжения дискуссии возьмите обратно ваше обвинение?

— Не могу, Первый Спикер. Я потратил долгие минуты на попытки самым деликатным образом обыскать мозг хэмиш, чтобы, не нанося ущерба, заставить фермера изменить поведение, но не смог. Его мозгу не хватало эластичности, какую он должен был иметь. Эмоции

были как бы навязаны извне.

Деларме сказала с неожиданной легкой улыбкой:

— И вы думаете, их навязал кто-то из нас? Может, это сделала ваша таинственная организация, состояющаяся с нами и более мощная, чем мы?

— Возможно, — согласился Джиндибел.

— В таком случае, мы не члены этой организации, о которой знаете только вы, и не виноваты, поэтому вы должны забрать свое обвинение. А может, вы обвиняете кого-то из нас в том, что он находится под контролем этой странной организации? Может, один из нас не тот, кем кажется?

– Возможно, – флегматично согласился Джиндибел, отлично понимая, что Деларме накидывает на него веревку с петлей.

– Похоже, – сказала Деларме, готовая затянуть петлю, – что ваш сон о тайной, скрытой организации есть кошмар паранойи. И это вполне соответствует вашим параноидальным фантазиям, что фермеры-хэмиш под влиянием и что Спикеры под тайным контролем. Я хотела бы, тем не менее, проследить дальше эту вашу своеобразную мысль. Кто же из нас, Спикер, по вашему мнению, под контролем? Не я ли?

– Не думаю, Спикер, – сказал

Джиндибел. — Если бы вы хотели взять надо мной верх таким сложным способом, вы бы не извещали открыто о своей неприязни ко мне.

— Двойная хитрость, может быть? — спросила Деларме, прямо-таки мурлыкая. — Это, вероятно, обычный полет параноидальной фантазии.

— Вполне может быть. Вы более опытны в таких делах, нежели я.

Спикер Лестим Джайни горячо вмешался:

— Послушайте, Спикер Джиндибел, если вы реабилитируете Спикера Деларме, то направите свое обвинение против всех остальных. Какие основания могли быть у

любого из нас желать вашего опоздания на это заседание, не говоря уже о вашей смерти?

Джиндибел словно бы ожидал этого вопроса:

– Когда я вошел, речь шла о том, чтобы вычеркнуть из записи замечания Первого Спикера. Я – единственный Спикер, не слышавший этих замечаний, ознакомьте меня с ними, и я, по всей вероятности, объясню присутствующим, по каким мотивам меня не хотели здесь видеть!

– Я утверждал, – сказал Первый Спикер, и Спикер Деларме и другие приняли это с серьезными поправками, – основываясь на

интуиции и используя методы психоисторической математики, что все будущее плана, возможно, зависит от высылки из Первого Основания Голана Тревиза.

– Другие Спикеры могут думать, как хотят, а что касается меня, то я согласен с этой гипотезой. Тревиз – ключ. Я нахожу, что его внезапное изгнание из Первого Основания слишком любопытно, чтобы быть невинным.

– Не хотите ли вы этим сказать, Спикер Джиндибел, – проговорила Деларме, – что Тревиз в когтях этой таинственной организации, или в ней те люди, что изгнали его? Может, все и вся под контролем, кроме вас,

Первого Спикера и меня – раз уж вы объявили, что я неподконтрольна?

Джиндибел ответил:

– Этот бред не требует даже ответа. Лучше позвольте мне спросить, есть ли какой-нибудь Спикер, кто выразил бы согласие с Первым Спикером и со мной в этом деле? Вы читали, я полагаю, математические выкладки, которые я, с разрешения Первого Спикера, передал вам?

Молчание.

– Я повторяю свой вопрос: есть ли кто-нибудь?

Молчание.

– Первый Спикер, – сказал Джиндибел, – вот вам и мотив,

чтобы заставить меня опоздать.

— Объясните.

— Вы выразили необходимость иметь дело с Тревизом. Это важнейшая инициатива в политике, и если бы Спикеры прочитали мои выкладки, они бы знали, в основном, что носится в воздухе. Однако, если бы они единогласно не согласились с вами — тогда, по традиционному самоограничению, вы не смогли бы идти дальше. При поддержке хотя бы одного Спикера, вы имеете возможность осуществить эту новую политику. Я — единственный Спикер, который поддержал вас, как всем известно, кто читал мои расчеты, поэтому было необходимо любой

ценой удалить меня из Совета. Этот трюк почти удался, но я все-таки здесь, и я поддерживаю Первого Спикера. Я согласен с ним, и он может, в соответствии с традициями, не обращать внимания на несогласие остальных одиннадцати Спикеров.

Деларме ударила кулаком по столу.

— Предполагается, что кто-то заранее знал о поддержке Спикера Джиндибела, а остальные — нет. Этот кто-то знал то, чего не мог знать. В таком случае, остается допустить, что эта инициатива не нравилась некой созданной болезненным воображением Спикера Джиндибела группе, и она постаралась

предотвратить такой поворот событий, и, следовательно, кто-то из нас находится под ее контролем.

— Предположение существует, — согласился Джиндибел. — Ваш анализ сделан мастерски.

— Кого вы обвиняете? — выкрикнула Деларме.

— Никого. Я призываю Первого Спикера заняться этим делом. Совершенно ясно, что в нашей организации есть кто-то, работающий против нас. Я предлагаю, чтобы все работающие на Второе Основание прошли ментальный анализ. Все, включая Спикеров, даже меня и Первого Спикера.

Совет взорвался в беспорядке и возбуждении сильнее, чем когда-либо. И когда Первый Спикер, наконец, объявил перерыв, Джиндибел, никому не говоря, отправился к себе домой. Он хорошо знал, что у него нет ни одного друга среди ораторов, и даже поддержка Первого Спикера может дать ему неохотное согласие, не больше.

Он даже не мог сказать, боится ли он за себя лично или за все Второе Основание, но чувствовал во рту привкус беды. Джиндибел спал плохо, его мысли, как его сны, были одинаковы заняты ссорой с Долорей Деларме. В одном сне была даже смесь Деларме и фермера Референта,

так что Джиндибел встретился с непропорционально огромной Деларме, которая наступала на него с гигантскими кулаками и сладкой улыбкой, обнажавшей, острые, как иголки зубы.

Наконец он проснулся, позднее, чем обычно, с ощущением, что нисколько не отдохнул. Его разбудил приглушенный зуммер на ночном столике. Он протянул руку и включил контакт.

— Да?

— Спикер! — прозвучал голос этажного проктора, менее почтительный, чем полагалось бы. — К вам посетитель.

— Посетитель? — Джиндибел

включил свой график встреч, но экран не показал никого раньше полудня. Он нажал кнопку часов: 8.32 и раздраженно спросил:

– Кто это в такое время?

– Не говорит имени, Спикер, – сказал проктор и с явным неодобрением добавил:

– Из этих хэмиш, Спикер. По вашему приглашению. – Последняя фраза была произнесена с еще большим неодобрением.

– Пусть подождет в приемной, пока я спущусь. Это займет некоторое время.

Джиндибел не спешил. Во время утреннего омовения он терялся в догадках.

Кто-то воспользовался фермером, чтобы помешать ему, Джиндибелу, двигаться – это имело смысл, и Джиндибел очень хотел бы знать, кто это сделал. Но к чему это вторжение хэмиш в его квартиру? Какая-нибудь ловушка?

Но как, черт побери, фермер-хэмиш попал в университет? Какой предлог он высказал? И какова его истинная цель?

На мгновение Джиндибел подумал, не взять ли ему оружие, но тут же решил, что не нужно, поскольку он был уверен, что способен контролировать любого фермера на территории университета без всякой опасности для себя и без

каких-либо неизгладимых меток в мозгу хэмиш.

Джиндибел решил, что он был чересчур взволнован инцидентом с Кэролом-Референтом. Кстати, настоящий ли он фермер? Не находясь более под влиянием кого бы то ни было, он, возможно, пришел извиниться за то, что хотел сделать, опасаясь возмездия. Но откуда Референту знать, куда идти? И к кому?

Джиндибел решительно прошел по коридору, вошел в приемную и ошеломленно повернулся к проктору, который делал вид, что работает за своей стеклянной перегородкой.

— Проктор, вы не сказали, что

посетитель – женщина.

– Спикер, я сказал-хэмиш. А вы больше ничего не спрашивали, – спокойно ответил проктор.

– Минимальная информация, проктор? Я забыл, что это одна из ваших характеристик. – (Ему следовало проверить, не был ли проктор ставленником Деларме, и следовало отныне помнить, что надо замечать окружающих его служащих, а не игнорировать с высоты его еще совсем недавнего «ораторства».) – Есть какая-нибудь подходящая комната для беседы?

– Только одна, Спикер, – ответил проктор, – № 4. Она будет свободна в течение трех часов. – Он быстро

взглянул на женщину-хэмиш, а затем на Джиндибела с полнейшим простодушием.

— Мы воспользуемся ею, проктор, и я бы советовал вам следить за своими мыслями.

Джиндибел невежливо ударил, и щит проктора запоздало закрылся.

Джиндибел хорошо знал, что управлять низшим мозгом было ниже его достоинства, но личность, не умеющая скрывать неуместные предположения от высшего, должна знать, что снисхождения не будет. У проктора будет несколько часов побаливать голова. Он это заслужил.

Джиндибел не сразу вспомнил ее имя и не был в настроении

вспоминать. Во всяком случае, она вряд ли могла надеяться, что он вспомнит.

— Я быть Нови, мистер Грамотей, — сказала она на одном дыхании — Мое имя быть Сара, но меня называть просто Нови.

— Да, Нови. Мы встретились вчера, я помню. Я не забыл, что ты защищала меня. Как ты попала сюда?

— Мастер, вы сказать, что я могу написать письмо. Вы сказать, что на нем написать «Спикер-Хауз, квартира 27». Я сама принесла его и показать письмо, мое собственное писание, Мастер. — Она сказала это с застенчивой гордостью. — Они спросить: «Для кого это писание?».

Я слышала ваше имя, вы его говорить этому дураку Референту, и я сказать, письмо для Мастера Стора Джиндибела.

— И они пропустили тебя, Нови? Они не просили показать письмо?

— Я была очень напугана. Я думаю, они пожалели. Я сказала: «Грамотей Джиндибел обещал показать мне Место Грамотеев», и они улыбнулись. Один у ворот сказал другому: «Он покажет ей не только это». И они сказали мне, куда идти, и сказать — никуда в другое место не идти, иначе меня тут же вытолкать вон.

Джиндибел слегка покраснел. Черт побери, если бы он хотел

поразвлечься с хэмиш, он не делал бы это столь открыто и выбирал бы более тщательно. Он смотрел на транторианку, мысленно покачивая головой.

Она была совсем молода, несмотря на то что тяжелая работа наложила свой отпечаток. Ей было никак не больше двадцати пяти, а в этом возрасте женщины-хэмиш обычно уже замужем. Темные волосы были заплетены в косы, и это означало, что она незамужняя — фактически девственница. Он не удивился. Ее вчерашние действия доказывали, наличие громадных задатков сварливой бабы, и Джиндибел сомневался, что легко

найти хэмиш-мужчину, который стал бы терпеть ее язык и всегда готовые к действию когти. Да и внешность у нее была не слишком привлекательная. Хотя она и постаралась выглядеть более респектабельной, лицо ее было угловатым и плоским, руки и ноги узловаты.

Насколько он мог судить, ее тело было создано скорее для выносливости, чем для грации.

Она смутилась под внимательным взглядом Спикера, нижняя губа бедняжки задрожала. Он отчетливо почувствовал ее смущение и страх, и ему стало жаль девушку. Ведь она в самом деле помогла ему

вчера, и это следовало учесть.

Он сказал, стараясь говорить добрым и мягким тоном:

— Значит, ты хочешь посмотреть... э... Место Ученых?

Она широко раскрыла темные глаза (они, пожалуй, были красивые) и сказала:

— Мастер, не сердитесь, но я пришла быть грамотеем сама.

— Ты хочешь быть ученой? — Джиндибела как громом ударило. — Дорогая моя женщина...

Он замолчал. Как можно объяснить бесхитростной фермерше уровень интеллигентности, обучения и ментальной силы, требуемой для того, чтобы стать, как говорят на

Транторе, «грамотеем»?

Но Сара Нови горячо продолжала говорить:

— Я быть писатель и читатель. Я читать кучу книг до конца и сначала тоже. И я хотеть быть грамотеем. Я не желаю быть женой фермера, я не быть особа для фермы. Я не выйти за фермера или иметь детей от фермера. — Она подняла голову и гордо добавила:

— Меня просить. Много раз. Я всегда говорить — нет. Вежливо, но — нет.

Джиндибел ясно видел, что она лжет. Ей никто не делал предложения. Но он не подал виду и спросил:

– Как же ты будешь жить, если не выйдешь замуж?

Нови положила ладони на стол:

– Я хочу быть грамотеем. Я не быть фермершей.

– А если я не смогу сделать тебя ученой?

– Тогда я быть никто и ждать смерти. Я быть никто в жизни, если не быть грамотеем.

У него был импульс обыскать ее мозг и найти мотивацию. Но поступить так было не правильно. Спикер не должен развлекаться просмотром беспомощного мозга. Наука и техника ментального контроля, как и всякая другая профессия, имела свой кодекс. Или

должна была иметь. Он вдруг пожалел, что ударил мозг проктора.

— А почему тебе не быть фермершей, Нови?

Небольшими манипуляциями, вероятно, можно было добиться ее согласия, а потом внушить какому-нибудь вшивому хэмиш желание жениться на ней. Может быть, это было бы даже и доброе дело. Но это было противопоказано и совершенно немыслимо.

— Нет, — сказала она. — Фермер — ком земли. Он работать с глыбами земли и сам стать глыбой. Если бы я была фермершей, я тоже стать глыбой земли. У меня не быть времени читать и писать, и я все

забыть. Моя голова, – она прижала руки к вискам, – прокиснуть, протухнуть. Нет. Грамотей быть другим. Думающим! Грамотей жить с книгами и с... я забыть, как называть, – она сделала жест, которого Джиндибел не понял бы, если бы ему не подсказало излучение ее мозга.

– Микрофильмы, – сказал он. – Откуда ты знаешь о микрофильмах?

– В книгах я читать про многие вещи, – гордо сказала она.

Джиндибел больше не мог бороться с желанием узнать больше. Она не была обычной хэмиш; но он и подумать не мог о том, что такие бывают. Хэмиш никогда не

вербовали, но будь Нови моложе — скажем, лет десяти...

Ерунда! Он не встревожит ее. Он ни в коем случае не должен беспокоить ее, но что толку быть Спикером, если не можешь понаблюдать необычный мозг и увидеть, что в нем. И он сказал:

— Нови, я хочу, чтобы ты посидела минуту спокойно. Ничего не говори и не думай о каком-нибудь разговоре. Просто думай, что хочешь спать. Ты поняла?

Ее страх вернулся.

— Зачем я должна так делать, Мастер?

— Потому что я должен подумать, как ты можешь стать

ученой.

В конце концов, что бы она там ни читала, она все равно не может знать, что в действительности означает слово «ученый». Следовательно, нужно узнать, что она думает об ученом.

Очень осторожно и бесконечно деликатно он зондировал ее мозг. Он по-настоящему и не прикасался к нему — так человек кладет руку на полированный металл, не оставляя отпечатков пальцев.

Для нее ученый был человеком, всегда читающим книги. Она не имела ни малейшего представления, для чего человек их читает, для нее самой быть ученым — это делать

знакомую ей работу: прислуживать, стряпать, выполнять приказания, но на почве университета, где книги доступны, можно иметь время для их чтения и — очень неопределенно — стать «ученой». Иначе говоря, она хотела быть служанкой — его служанкой.

Джиндибел нахмурился.
Служанка-хэмиш, некрасивая,
неграциозная, невоспитанная, едва
грамотная — немыслимо!

Он должен отвлечь ее. Каким-то
способом удалить желания,
заставить ее согласиться стать
фермершей, способом, не
оставляющим следов, способом, с
которым согласилась бы даже

Деларме.

А не подослала ли ее Деларме? Может, это сложный план соблазнить его на вмешательство, чтобы поймать его на этом и потом обвинить?

Нет, вздор! Ему и в самом деле угрожает паранойя. Где-то в одном усике ее мозга струйка ментального потока нуждалась в отклонении. Нужен лишь крошечный толчок.

Правда, это против буквы закона, но вреда не принесет, и никто не заметит.

Он сделал паузу.

Дальше. Дальше. Дальше.

Черт возьми, он почти упустил это!

Неужели он, Джиндибел, жертва

иллюзии?

Нет! Когда он сосредоточил свое внимание, он ясно увидел. Тончайший усик был в беспорядке – аномальное состояние. Но он был такой слабый, такой свободно разветвляющийся.

Джиндибел вышел из ее мозга и сказал:

– Нови.

Ее глаза сфокусировались.

– Да, Мастер?

– Ты можешь работать со мной.

Я сделаю тебя ученой.

Ее глаза радостно заблестели.

– Мастер...

Он определил сразу: она собиралась упасть ему в ноги. Он

положил руку ей на плечо и удержал.

— Не двигайся, Нови. Сиди. Сиди!

Он говорил с ней, как с плохо выдрессированным животным. Увидев, что приказ дошел до нее, он разжал руки и почувствовал твердые мускулы ее плеч.

— Если ты хочешь стать ученой, ты должна вести себя соответственно.

Это значит — ты всегда будешь спокойной, всегда будешь говорить мягко, всегда будешь делать то, что я скажу, и ты должна учиться говорить так, как я. Ты встретишься также с другими учеными. Будешь бояться?

— Я не бояться, Мастер, если вы

быть со мной.

— Я буду с тобой. Но первым делом я должен найти тебе комнату, устроить, чтобы тебя обеспечили ванной, местом в столовой и одеждой. Ты будешь носить одежду, более подходящую ученому, Нови.

— Но это единственное, что у меня есть... — начала она жалобно.

— Мы достанем другое.

Ясно, что ему придется обратиться к женщине, чтобы достать Нови другую одежду. И нужно, чтобы кто-нибудь научил хэмиш зачаткам личной гигиены. В конце концов, она, хоть вероятно, и надела лучшее свое платье и явно прихорашивалась, от нее все равно

шел ошутимый и довольно неприятный запах.

И он должен постараться, чтобы отношения между ними были понятны всем.

Ни для кого не было секретом, что мужчины Второго Основания (да и женщины тоже) иной раз делали набеги на хэмиш в поисках развлечения. Если при этом отсутствовало вмешательство в мозг хэмиш, то на такие развлечения никто не обращал внимания. Сам Джиндибел никогда не позволял себе подобных вольностей, и всегда считал, что не чувствует склонности к сексу, более грубому и прямому, чем принято в университете.

Женщины Второго Основания, может быть, и уступали в этом отношении по сравнению с хэмиш, но они, по крайней мере, были чистыми и с гладкой кожей.

Но даже если дело будет понято превратно и пойдут смешки насчет Спикера, который не просто побаловался с хэмиш, но и привел ее в свою квартиру, ему придется терпеть. Дело стоит того: эта фермерша, Сара Нови, его ключ к победе в предстоящей неизбежной дуэли с Спикером Деларме и остальными.

Джиндибел снова увидел Нови только после обеда, когда ее привела к нему женщина, которой он долго

объяснял ситуацию. Та поняла или, во всяком случае, не показала недостатка понимания, что немного утешало.

Нови стояла перед ним робкая, гордая, смущенная, торжествующая — и все это вместе в невообразимой смеси.

— Ты выглядишь очень мило, Нови, — заметил он ей.

Одежда, которую ей подобрали, удивительно шла ей, и она ничуть не выглядела в ней смешной. Ее сузили в талии? Подняли груди? Или просто все это было незаметно в ее прежней грубой одежде? Зад заметно выдавался, но вовсе не неприятно. Лицо, конечно, оставалось плоским,

но когда загар жизни на задворках сойдет, и она научится соответственным образом ухаживать за ним, оно уже не будет казаться откровенно безобразным.

В старой Империи женщина вроде Нови была бы его любовницей. Она и пыталась сделать себя красивой для него.

Впрочем, почему бы и нет, подумал он. Нови должна предстать перед Советом Спикеров, и чем привлекательнее она будет казаться, тем больше преимуществ будет на его стороне.

Он был занят этими мыслями, когда его достигло послание Первого Спикера. Этот способ был обычен и

уместен в ментальном обществе. Его более или менее неофициально называли «Эффект Совпадения». Если человек смутно думает о ком-то и этот кто-то смутно думает о нем, то появляется взаимно усиливающаяся стимуляция, которая делает обе мысли резкими и, по всей вероятности, одновременными.

Это могло испугать даже тех, кто понимал лишь рассудком, особенно если предварительные смутные мысли были настолько тусклыми — с одной или обеих сторон — что проходили совершенно незамеченными для сознания.

— Я не могу быть с тобой сегодня вечером, Нови, — сказал

Джиндибел. – Мне нужно делать ученую работу. Я отведу тебя в твою комнату. Там должно быть несколько книг, можешь попрактиковаться в чтении. Я покажу тебе, как пользоваться сигналами, если тебе понадобится какая-то помощь, а завтра мы увидимся.

– Здравствуйте, Первый Спикер, – вежливо поздоровался Джиндибел.

Первый Спикер ограничился легким кивком. Он выглядел суровым и старым.

После долгой паузы, он, наконец, сказал:

– Я «позвал» вас.

— Без посланца. По
непосредственному «зову» и я
предположил, что это очень важно.

— Так и есть. Ваша добыча —
член Первого Основания Тревиз...

— Да?

— Не прибыл на Трантор.

Джиндибел не выглядел
удивленным.

— Почему? Информация,
которую мы получили, говорила, что
он уехал с профессором древней
истории, который ищет Землю.

— Да, легендарную
Первоначальную Планету. Поэтому
он и должен был прибыть на
Трантор. В конце концов, разве
профессор знает, где находится

Земля? Вы знаете? А я? Можем мы с уверенностью сказать, что она вообще существует или когда-нибудь существовала? Конечно, они должны были прилететь сюда, в Библиотеку, и получить необходимую информацию — если ее можно получить. До этого часа я чувствовал, что ситуация не на уровне кризиса, что член Первого Основания прибудет сюда, и через него мы узнаем, что нам нужно.

— Может быть это стало причиной, из-за которой он решил не лететь к нам.

— Но куда же он тогда собирается?

— Похоже, мы этого еще не

знаем.

– Вас, кажется, это не слишком тревожит? – с раздражением заметил Первый Спикер.

– Я подумал, не лучше ли это. Вы хотели привести его на Трантор, беречь его, использовать как источник информации. А не станет ли он источником более важной информации, включая сведения о других, еще более важных, чем он сам, если он поедет, куда хочет, и будет делать, что хочет – при условии, что мы не выпустим его из поля зрения.

– Пожалуй, – согласился Первый Спикер. – Вы убедили меня в существовании этого нашего нового

врага, и я уже не смогу отступить. Более того, я сам убежден, что мы должны оберегать Тревиза, иначе потеряем все. Я не могу отделаться от ощущения, что ключ — он, и никто другой.

Джиндибел возбужденно
откликнулся:

– Чтобы ни произошло, мы не пропадем, Первый Спикер. Это могло бы произойти лишь в том случае, если бы Анти-Мул продолжал бы незаметно подкапываться под нас. Но теперь мы знаем о их существовании. Мы больше не действуем вслепую. Если мы, Спикеры, сможем работать сообща, то на следующем заседании Совета

начнем контратаку.

— Но я звал отнюдь не из-за Тревиза, — сказал Первый Спикер. — Я начал с него потому, что это дело казалось мне личным поражением. Я плохо проанализировал ситуацию. Я ошибся, поставив личное над общей политикой и прошу извинить меня за это. Есть еще кое-что.

— Более серьезное, Первый Спикер?

— Более серьезное, Спикер Джиндибел. — Первый Спикер вздохнул и забарабанил пальцами по столу, в то время как Джиндибел терпеливо стоял перед ним и ждал.

Наконец, Первый Спикер сказал очень мягко, как если бы ожидал

взрыва:

— На чрезвычайном заседании Совета, созванном Спикером Деларме...

— Без вашего согласия, Первый Спикер?

— Для того, что она хотела, достаточно было согласия трех Спикеров, не включая меня. Так вот, на этом заседании, вы были обвинены, Спикер Джиндибел, в неспособности занимать пост Спикера, и вы должны предстать перед судом. Впервые за три столетия закон об импичменте коснулся Спикера.

Джиндибел поинтересовался, стараясь скрыть волнение:

– Надеюсь вы не голосовали за обвинение?

– Нет, но я оказался в одиночестве. Все остальные проголосовали единогласно – десять против одного – за обвинение. Вы знаете, что для импичмента требуется восемь голосов, включая Первого Спикера, или десять – без него.

– Но я не присутствовал.

– Вы и не могли присутствовать.

– Я мог бы защищаться.

– Не на этой стадии.

Прецедентов было мало, но они ясны. Ваша защита будет на суде, который состоится, естественно, как можно скорее.

Джиндибел опустил голову и задумался. Затем он сказал:

– Это не очень огорчает меня, Первый Спикер. Я думаю, ваш первоначальный инстинкт был верным. Дело Тревиза превышает всего. Я не могу просить об отсрочке суда на основании этого?

Первый Спикер поднял руку.

– Я не осуждаю вас за то, что вы не поняли ситуацию, Спикер. Импичмент – явление столь редкое, что я сам был вынужден просмотреть законные процедуры. Ничто не предшествует суду. Мы вынуждены идти прямо в суд, отложив все остальные дела.

Джиндибел уперся кулаками в

стол и наклонился к Первому Спикеру.

— Вы это всерьез?

— Таков закон.

— Закон не может быть поставлен на пути явной, существующей опасности.

— Для Совета, Спикер Джиндибел, явная и существующая опасность — вы! Нет, послушайте меня. Закон, обосновывающий это, опирается на убеждение, что нет ничего более важного, чем возможность коррупции или злоупотребления властью со стороны Спикера.

— Но я не виновен ни в том, ни в другом, Первый Спикер, и вы это

знаете. Это дело – личная месть со стороны Спикера Деларме. Если и есть злоупотребления властью, то только с ее стороны. Мое преступление в том, что я никогда не искал популярности – это я признаю – И мало обращал внимания на дураков, которые достаточно стары, чтобы выжить из ума, но достаточно молоды, чтобы иметь власть.

– Вроде меня, Спикер?

Джиндибел вздохнул.

– Ну вот, опять я сказал не то. Я не имел в виду вас, Первый Спикер. Ладно, пусть будет немедленно. Хоть завтра. Даже лучше – сегодня вечером. Освободимся от него и перейдем к делу Тревиза. Мы не

имеем права ждать.

— Спикер Джиндибел, мне кажется, что вы не до конца поняли ситуацию.

Перед нами обвинение, а нас только двое. Убедить никого не удастся. В любом случае вы будете осуждены! И тогда вы уже не будете членом Совета и ничего более не скажете в общественной политике. Вы, в сущности, даже не сможете голосовать на ежегодном собрании Ассамблеи.

— И вы ничего не сделаете, чтобы предотвратить это?

— Я не могу. Я буду провален единогласно, и тогда мне останется только уйти в отставку, что, я думаю,

порадует Спикеров.

– И Первым Спикером станет Деларме?

– Это более чем вероятно.

– Но этого нельзя допустить!

– Поэтому я буду голосовать за ваше осуждение.

Джиндибел глубоко вздохнул.

– Все равно, я требую немедленного суда!

– Вам нужно время, чтобы подготовить свою защиту.

– Какую защиту? Они ведь не станут ничего слушать. Немедленный суд!

– Совету нужно время, чтобы подготовить свою защиту и свое дело.

– Дела у них нет, да они его и не хотят. Они уже осудили меня в своих мыслях, больше ничего не требуется. В сущности, они скорее осудят меня завтра, чем послезавтра, и сегодня вечером скорее, чем завтра. Предложите им это.

Первый Спикер встал. Они смотрели друг на друга через стол.

Шандисс спросил:

– Почему вы так торопитесь?

– Дело Тревиза не может ждать.

– Когда вы будете осуждены, я останусь беспомощным против объединившегося Совета, что мы можем сделать?

Джиндибел громко прошептал:

– Не бойтесь! Несмотря ни на

что, я не буду осужден!

Гиперпространство

– Вы готовы, Янов? – спросил Тревиз.

Пилорат поднял голову от книги.

– Вы имеете в виду – к прыжку, дружище?

– Да. К гиперпространственному прыжку.

Пилорат сглотнул.

– Но вы меня уверили, что в нем нет ничего неприятного. Я знаю, что бояться глупо, но мысль, что я уменьшусь до нематериального тахиона, который нельзя даже увидеть и определить...

– Ну, Янов, это же отличная

вещь! Клянусь честью! Прыжком пользуются уже двадцать две тысячи лет, но я никогда не слышал хотя бы об одном роковом случае в гиперпространстве. Мы можем попасть из гиперпространства в неподходящее место, но тогда несчастный случай произойдет в космосе, а не в то время, когда мы состоим из тахионов.

— Мне кажется, что это небольшое утешение.

— Сказать по правде, я думал произвести прыжок, не сообщая вам, чтобы вы ничего не знали. Но потом решил, что вам необходимо пережить ощущение сознательно, увидеть, что ничего страшного нет, а потом

забыть о нем.

— Ну, — с сомнением сказал Пилорат. — Полагаю, что вы правы, но, честно говоря, я не спешу совершать прыжок...

— Уверяю вас...

— Нет, нет, дружище, я полностью принимаю ваши уверения. Это просто... вы читали «Сэнтристл Мэтт»?

— Конечно. Я не малограмотный.

— Конечно, конечно. Не надо было и спрашивать. Так вы его помните?

— Я пока не страдаю амнезией.

— Мне кажется, у вас удивительный талант обижаться. Я только хотел сказать, что подумал об

эпизоде, когда Сэнтристл и его друг Бен уходят от планеты 17 и теряются в космосе. Вспомнил о тех гипнотических сценах среди звезд, лениводвигающихся в глубокой тишине, в вечной неизменности, в... нельзя поверить в это, знаете ли. Мне это нравилось, я стремился к этому, но никогда реально не верил. Но теперь, когда уже привык, к космосу, познал его на опыте и... Это глупо, я знаю... но я не хочу отдаться ему. Как будто я — Сэнтристл...

— Я же — Бен, — сказал Тревиз с некоторым нетерпением.

— В какой-то мере. Небольшой разброс тусклых звезд, неподвижных,

за исключением нашего солнца, конечно, которые должны сжиматься, но мы этого не видим. Галактика остается неизменной в своем туманном величии, космос молчалив, и мне не на что отвлечься...

— Кроме меня.

— Кроме вас. Но, дорогой мой Голан, разговаривать с вами о Земле и пытаться научить вас предыстории — тоже удовольствие. Я не хочу, чтобы этому тоже пришел конец.

— Его и не будет. Немедленно, во всяком случае. Вы же не предполагаете, что мы совершим прыжок и сразу окажемся на планете? Мы будем все еще в

космосе, а прыжок вообще не займет времени. Возможно, пройдет неделя, прежде чем мы приземлимся на планете, так что успокойтесь.

— Под планетой вы, конечно, не подразумеваете Гею? Может быть, мы и близко не подойдем к Гее, когда вынырнем из прыжка.

— Я знаю, Янов, но мы будем в правильном секторе, если ваша информация справедлива. Если же нет — ну...

Пилорат печально покачал головой.

— Как мы попадем в нужный сектор, если не знаем координат Геи?

— Янов, представьте, что вы на

Терминусе, и направляетесь в городок Агриропль, но не знаете, где он. Вам известно лишь, что он где-то на перешейке?

Пилорат помедлил, чувствуя, что от него ждут какого-то страшного ответа. Наконец прошептал:

– Полагаю, что спросил бы кого-нибудь.

– Точно! Что же еще вы можете сделать? Итак, вы готовы?

– Вы хотите сказать – сейчас? – Пилорат силился встать на ноги. Его приятное спокойное лицо стало почти встревоженным. – Что я должен делать? Сидеть? Стоять? Что?

– Со временем и пространством,

Пилорат, вы ничего не сделаете. Вы просто пойдете со мной в мою комнату, где я могу пользоваться компьютером, и там можете сидеть, стоять или кувыркаться — как вам нравится. Я бы лично посоветовал, сесть перед видеоэкраном и ждать. Уверен, что вам будет весьма интересно. Пойдемте!

Они прошли по короткому коридору до комнаты Тревиза. Там Тревиз уселся за пульт.

— Не хотите ли вы сами все сделать, Янов? — неожиданно спросил он. — Я дам вам цифры, и вам останется только думать о них, все остальное сделает компьютер.

— Нет, спасибо, — ответил

Пилорат, — компьютеру будет, наверное, как-то, не с руки работать со мной. Я знаю, вы скажете, что мне надо попрактиковаться, но я не верю, что из этого что-нибудь получится. Что-то тут связано с вашим мозгом, Тревиз...

— Не глупите...

— Нет, нет, этот компьютер как раз для вас. Вы с ним составляете единый организм. Если попытаюсь я, — нас будет двое: Янов Пилорат и компьютер. Это совсем другое дело.

— Смешно, — отшутился Тревиз, но в глубине души был польщен, и любовно коснулся компьютера кончиками пальцев.

— Я лучше подожду. Просто буду

сидеть. — Он тревожно уставился в видеоэкран, на туманную Галактику с тонкой пылью тусклых звезд на переднем плане. — Дайте мне знать, когда это должно случиться. — И он медленно откинулся на спинку кресла, обхватив себя руками.

Треви́з улыбнулся, положив руки на упоры, и почувствовал мысленный союз.

С каждым днем это происходило все легче, доверительнее, и, хотя он и рассмеялся над словами Пилората, он и в самом деле ощущал связь с машиной.

Ему казалось, что почти не нужно сознательно думать о координатах. Компьютер как бы сам

знал, чего хочет Тревиз, даже без сознательного процесса человеческого «думания». Он сам брал информацию из мозга Тревиза.

За две минуты до прыжка Тревиз сказал:

– Все хорошо, Янов. Осталось две минуты: 115, 110... следите за видеоэкраном.

Пилорат так и сделал, слегка сжав уголки рта и затаив дыхание.

Без какого-либо заметного движения, без видимого ощущения, вид на экране изменился. Звезды стали заметно плотнее, и Галактика исчезла.

– Что это? – вздрогнув, спросил Пилорат.

– Это? Вы вздрогнули, но зря: ничего же не почувствовали, признайтесь?

– Признаюсь.

– Так и есть. Судя по книгам, когда гиперпространственные путешествия были еще в новинку, у людей были неприятные ощущения, у некоторых кружилась голова, кого-то тошнило. Может, это была болезненная реакция психики, а может, и нет. Во всяком случае, в дальнейшем, при большем опыте и с лучшим оборудованием, эти ощущения исчезли. С компьютером вроде нашего, эффекты значительно ниже порога чувствительности. По крайней мере, я так думаю.

– Должен признаться, что, по-моему, тоже. Где мы, Голан?

– Точно на один шаг впереди, в калганском регионе. У нас еще долгий путь, и прежде чем мы сделаем второй шаг, мы проверим точность прыжка.

– Меня беспокоит, где Галактика?

– Вокруг нас, Янов. Если мы правильно сфокусируем видеоэкран, мы увидим более далекие ее части как светящуюся полосу через все небо.

– Млечный путь! – радостно воскликнул профессор. – Почти все миры видят его на своем небосклоне, но не на Терминусе. Покажите мне

его, дружище!

Видеоэкран повернулся, плывущее через небо звездное сияние почти заполнило небо. Экран поворачивался за сиянием, оно утончалось, а затем разрасталось снова.

Треви́з пояснил:

— Оно утолщается к центру Галактики. Млечный путь был бы шире и ярче, если бы не темные облака в витках спирали. Нечто подобное мы бы увидели с большинства планет.

— И с Земли тоже.

— Млечный путь — не отличительный признак. Он не может служить определяющей

характеристикой.

— Ну, конечно, нет. Однако, вы не знаете... Вы изучали историю науки?

— Не всерьез, хотя кое-что поклевал. Во всяком случае, если у вас есть вопросы, не рассчитывайте на меня как на эксперта.

— Как раз в связи с этим прыжком мне пришло в голову кое-что, смутившее меня. Можно разработать описание Вселенной, в которой гиперпространственные путешествия невозможны, и где скорость света является окончательной?

— Конечно.

— В этих условиях геометрия Вселенной такова, что нельзя

совершить путешествие, только что проделанное нами, в меньшее время, чем этот путь прошел бы луч света. А если мы совершим его со скоростью света, наше представление о времени не совпадет с общим во Вселенной. Если это место, скажем, в сорока парсеках от Терминуса и если мы пройдем его со скоростью света, мы почувствуем ошибки во времени, но на Терминусе и во всей Галактике должно пройти около ста тридцати лет. А мы совершили это путешествие не со скоростью света, а в тысячи раз быстрее, однако же, мы не опередили время.

Надеюсь, по крайней мере.

— Не надейтесь получить от

меня математические расчеты гиперпространственной теории. Могу сказать только, что если бы вы путешествовали со скоростью света в нормальном пространстве, время действительно опережалось бы на 3, 26 года с каждым парсеком, как вы и подсчитали. Так называемая релятивистская Вселенная, которую человечество понимало очень давно, еще в предыстории – хотя это уже по вашему ведомству – остается, и ее законы не были отменены. В наших гиперпространственных прыжках, однако, мы каким-то образом нарушаем эти условия. Здесь действует относительность, но правила другие. В

Гиперпространстве Галактика — крошечный предмет, бесконечно малая точка, и релятивистских эффектов вообще нет.

В математических формулировках космологии для Галактики существует два символа: «Р» — для «релятивистской» Галактики, где скорость света является максимумом, и «Г» — для «гиперпространственной»

Галактики, где скорость реально не изменяется. В гиперпространстве оценка всей скорости — нуль, и мы не двигались; относительно же самого пространства скорость бесконечна. Вряд ли я смогу объяснить лучше.

Все остальные расчеты

теоретической физики оставим студентам. Больше чем уверен — студент попадет в капкан, и будет оставаться там, потея, пока кто-нибудь из старших не поможет ему выбраться. Я когда-то и сам чуть не пропал.

Пилорат некоторое время серьезно обдумывал услышанное, а потом спросил с некоторой растерянностью:

— А которая же Галактика настоящая?

— И та, и другая, в зависимости от того, что вы собираетесь делать.

Если вы вернетесь на Терминус, вы можете проехать по поверхности на каре, а через океан перелететь в

самолете. В том и в другом случае условия различны, так что, который же Терминус настоящий – твердая поверхность или океан?

Пилорат кивнул.

– Аналогии всегда рискованны, – сказал он, – но я, скорее, приму их, чем стану напрягать разум, размышляя насчет гиперпространства. Я лучше сосредоточусь на том, что мы сделали и делаем сейчас.

– Рассматривайте произошедшее, – предложил Тревиз, – как первую остановку на пути к Земле.

И про себя подумал: «или на пути куда-нибудь еще».

– Ну, – сказал Тревиз, – я зря потратил день.

– Да? – Пилорат посмотрел на него из-за своего аккуратного каталога. – В каком смысле?

– Я не поверил компьютеру, и поэтому сравнил наше теперешнее положение с его расчетами. Разница незначительна. Заметной ошибки нет.

– Но ведь это хорошо, не так ли?

– Более чем хорошо, это невероятно. Я никогда не слышал ни о чем подобном. Я совершал прыжки и управлял ими различными способами. В училище я разработал прыжок с ручным компьютером, а

затем послал гипертранслятор проверить результат.

Естественно, я не мог послать настоящий корабль – по недостатку опыта я запросто мог загнать его внутрь звезды. Ничего плохого я ни разу не сделал, конечно, но ошибка всегда была значительной. Ошибка бывает всегда, даже у специалистов. Она просто должна быть, потому что слишком много переменных.

Геометрия пространства слишком сложна, а гиперпространство включает в себя все ее сложности плюс и свои собственные, на понимание которых мы даже претендовать не можем. Вот поэтому мы идем шажочками вместо

того, чтобы сделать один большой прыжок отсюда в Сейшел. Чем больше расстояние, тем больше ошибок.

— Но вы сказали, что этот компьютер не сделал ошибки.

— Компьютер сказал, что он не сделал ошибки. Я велел ему сравнить наше положение с расчетным. Он сказал, что оба положения идентичны в границах их измерения, и я подумал: а что, если он лжет?

До этих слов Пилорат держал свой каталог в руках, теперь он отложил его и выглядел потрясенным.

— Вы шутите? Компьютер не может лгать. Или вы думаете, что он

неисправен?

— Нет, этого я не думал. Я подумал, что он солгал. Этот компьютер настолько совершенен, что я думал о нем как о человеке. Он достаточно человечен, чтобы гордиться — и, возможно, солгать. Я дал ему команду разработать путь через гиперпространство ближе к Сейшел-столице Союза Сейшел. Он это сделал и начертил курс в двадцать девять прыжков, что является высокомерием самого худшего сорта.

— Почему высокомерием?

— Ошибка в первом прыжке делает второй значительно менее определенным, а добавленная

ошибка делает третий шатким и ненадежным, ну и так далее. Как вы рассчитаете сразу все двадцать девять прыжков? Ведь двадцать девятый может закончиться в любом месте Галактики, вообще где угодно. Поэтому я велел ему сделать только первый прыжок. Затем я решил проверить его, прежде чем выполнять второй.

— Осторожное продвижение, — горячо откликнулся профессор, — я одобряю!

— Да, но сделав первый шаг, компьютер мог почувствовать себя задетым моим недоверием? Может он, спасая свою гордость, сказал мне, что никакой ошибки вообще не было,

когда я спросил его об этом. Он, сознавая собственное превосходство, не счел нужным признаваться в ошибке? Если так, можно считать, что у нас нет компьютера.

Длинное доброе лицо Пилората опечалилось.

— Что же мы можем сделать в этом случае, Голан?

— Мы можем сделать то, что сделал я — потратить зря день. Я проверил положение окружающих нас звезд самыми примитивными методами: телескопическим наблюдением, фотографией и ручным измерением. Эта работа заняла у меня целый день и ничего не дала.

– Я не совсем понимаю...

– Я обнаружил две чудовищные ошибки, но оказалось, что они в моих расчетах. Я сам ошибся. Я выправил расчеты и ввел их в компьютер, чтобы увидеть, придет ли он к тем же результатам. Он обработал их и оказалось, что мои цифры правильны, и что компьютер не может ошибаться. Вообще-то, компьютер может быть надменным, как сын Мула, но наш экземпляр еще более надменен.

Пилорат вздохнул.

– Ну, вот и хорошо.

– Да, конечно. Так что я позволил ему сделать остальные двадцать восемь прыжков.

– Все сразу. Но...

– Не все сразу. Не бойтесь. Я еще не настолько безрассуден. Он будет делать один за другим, и после каждого будет проверять окружение, и если все окажется в допустимых пределах, только тогда сделает следующий прыжок. Если обнаружится значительная ошибка, произойдет остановка и пересчет остальных прыжков.

– И когда он начнет?

– Да прямо сейчас. Я вижу, вы работаете со своим каталогом?

– О, наконец-то мне выдался случай сделать это, Голан. Я собирался не один год, но всегда что-нибудь мешало.

– Я не возражаю. Занимайтесь им и не огорчайтесь. Сосредоточьтесь на каталоге, а я позабочусь обо всем остальном. Пилорат отрицательно покачал головой.

– Бросьте. Я не могу расслабиться, пока все это не будет позади. Я напряжен от страха.

– Мне, вообще-то, не следовало вам об этом говорить, но я должен с кем-нибудь поделиться, а здесь, кроме вас, никого нет. Разрешите мне высказаться откровенно. Всегда существует возможность, что мы окажемся как раз в том месте пространства, где будет метеорит или черная мини-дыра.

Корабль разрушится, а мы умрем. Теоретически такое может случиться, хотя вероятность этого ничтожна. В сущности, мы можем сидеть дома, заниматься своими делами, или спать, а метеорит пролетит сквозь атмосферу Терминуса и угодит вам прямо в голову. Но это очень маловероятно.

Шанс оказаться в одном месте с чем-то роковым, так же чрезвычайно мал, потому что компьютер знает об этом, когда делает прыжок, этот шанс даже меньше, чем попадание метеорита в ваш дом: за всю историю гиперпространственных путешествий такого случая не было. А другие типы риска – вроде того,

чтобы очутиться в середине звезды — еще менее вероятны.

— Тогда зачем вы говорите все это мне, Голан?

Тревис пожал плечами.

— Сам не знаю. Наверное, вот почему: как ни малы шансы, катастрофа все-таки может произойти и, если это произойдет, то все закончится мгновенно. Хотя я и уверен, что ничего не правильного не сделал, что-то во мне говорит: «А вдруг случится?», и я чувствую себя виноватым. Янов, если что-нибудь произойдет не так, простите меня!

— Ну, дорогой мой Голан, если что-нибудь произойдет не так, мы умрем мгновенно. Ни я не успею

простить вас, ни вы – получить мое прощение.

– Я понимаю, поэтому простите меня сейчас, ладно?

Пилорат улыбнулся.

– Не знаю почему, но меня это утешает. В этом есть что-то приятное, юмористическое. Конечно, я прощу вас, Голан, в мировой литературе куча мифов о потусторонней жизни, и если случится, что мы угодим в черную мини-дыру или еще куда-нибудь – мы оба окажемся в одном месте, и я засвидетельствую, что вы честно сделали все, что смогли, и что моя смерть не на вашей совести.

– Спасибо! Теперь и я спокоен.

Я готов рисковать, но меня не радовала мысль, что вместе со мной рискуете и вы.

Пилорат протянул Тревизу руку.

— Вы знаете, Голан, я знаком с вами меньше недели и полагаю, что не следовало бы делать поспешных суждений, но я думаю, что вы отличный товарищ. А теперь давайте, делайте, что надо, и покончим с этим.

— Отлично! Мне всего и дела, что коснуться этого маленького контакта. Компьютер имеет инструкцию и ждет только, когда я скажу: «Старт!». Может, вы сами хотите...

— Ни в коем случае! Это ваш

компьютер.

— Прекрасно. И он под моей ответственностью. Следите за экраном!

Улыбнувшись абсолютно искренне, Тревиз твердой рукой нажал контакт.

Секундная пауза — и звездное поле изменилось — и еще, и еще раз. Звезды стали плотнее и ярче.

Пилорат отсчитывал каждый со вздохом. На пятнадцатом произошла заминка, словно заело какую-то деталь аппарата. Пилорат прошептал, явно опасаясь, что резкий звук может роковым образом повлиять на механизм.

— Что-то не так? Что случилось?

– Я думаю, что перерасчет. Какой-нибудь объект в космосе добавил заметное возмущение к общей форме гравитационного поля, объект неучтенный – не отмеченный на картах карлик или блуждающая планета...

– Это опасно?

– Поскольку мы еще живы, почти наверняка нет. Планета может быть за сто миллионов миль позади, но, все-таки, вносить достаточно ощутимую гравитационную модификацию, которая требует перерасчета. Звезда-карлик может быть в десяти миллиардах километров...

Экран снова изменился, и

Треви́з замолчал. Снова изменение, еще — и когда, наконец, Пилора́т произнес: «Двадцать восемь», движение прекратилось.

Треви́з поглядел на компьютер.

— Приехали, — сказал он.

— Я считал первый прыжок за «1» и эту серию начал с двойки. — Сказал Пилора́т. — Все вместе составляет двадцать восемь прыжков. А вы говорили, что их будет двадцать девять.

— Перерасчет пятнадцатого прыжка сэкономил нам один прыжок. Я смогу проверить на компьютере, если хотите, но это, в сущности, ни к чему. Мы вблизи Сейшел. Так утверждает компьютер,

и я не сомневаюсь в этом.

Если я точно сориентирую экран, мы увидим приятное яркое солнце, но нет смысла напрягать отражательные способности экрана. Планета Сейшел – четвертая, а мы около третьей. От нашего теперешнего местоположения два миллиона километров назад – и мы подойдем к завершающему прыжку.

Мы будем на месте через три дня, даже через два, если поспешим. – Тревиз глубоко вздохнул, пытаясь снять напряжение. – Вы понимаете, что это означает, Янов? Все корабли, на которых я бывал или о которых я слышал, сделали бы эти прыжки с

интервалом, по крайней мере, в сутки для тщательного расчета и перепроверки, даже с компьютером. Путешествие заняло бы почти месяц. Может, три недели, если бы люди торопились. А мы его совершили за полчаса. Когда все корабли будут снабжены такими компьютерами...

– Я вот все думаю, – перебил его Пилорат, – почему мэр дала нам такой корабль? Он ведь, наверное, страшно дорогой.

– Он экспериментальный, – сухо ответил Тревиз. – Видимо, эта очаровательная женщина очень хотела, чтобы мы его опробовали и увидели, какие недостатки в нем обнаружатся.

– Вы это серьезно?

– Не переживайте. В конце концов, печалиться не о чем. Мы не обнаружили никаких недостатков. Но это не ее заслуга. Если бы что-нибудь и было, ее чувство человечности не пострадало бы. К тому же, она не дала нам оружия, а это заметно снизило стоимость корабля.

– Я думаю насчет компьютера, – задумчиво признался Пилорат. – Он очень хорошо пригнан к вам... Со мной он вряд ли стал бы работать.

– Для нас хорошо, что он хоть с кем-то сработался.

– Да, но разве это может быть случайностью?

— Что вы этим хотите сказать?

— Мэр наверняка хорошо знала вас.

— Думаю, да.

— Не могла она заказать компьютер специально для вас?

— Зачем?

— Мне вдруг пришло на ум, могли бы мы отказаться идти туда, куда компьютер хочет нас доставить?

Треви́з оторопел.

— Вы хотите сказать, что в то время, когда я связан с компьютером, управляет он, а не я?

— У меня мелькнула такая мысль.

— Это же нелепо! Парадоксально! Бросьте, Янов. —

Тревиз повернулся спиной к компьютеру, чтобы сфокусировать на экране Сейшел-планету и начертить курс к ней в нормальном пространстве.

Совет

Прошло два дня, и Джиндибел заметил, что он не столько удручен, сколько зол. Не было никаких причин, почему бы не провести немедленное слушание.

Даже если он не подготовлен и ему нужно время, они должны были настаивать на немедленном суде, в этом он был уверен.

Но поскольку перед Вторым Основанием не стояло больше ничего, кроме величайшего кризиса со времен Мула, они тратили время только на то, чтобы злить Джиндибела.

Они действительно знали его, и, черт побери, это сделает его контрудар тяжелее. И он решился на него.

Советник оглянулся вокруг. Приемная была пуста. Уже два дня. Он был отмечен, все знали, что Спикер скоро потеряет свое положение — случай беспрецедентный за всю историю Второго Основания. Он будет понижен в звании до положения члена Второго Основания, просто и ясно.

Одно дело, и очень почетное — быть в рядах Второго Основания, особенно если иметь респектабельное звание — это

Джиндибел смог бы иметь даже после осуждения – и совсем другое дело быть Спикером, а потом быть пониженным.

Этого не должно произойти, думал Джиндибел, хотя его уже избегают два дня. Только Сара Нови относилась к нему как прежде, но она была слишком наивна, чтобы понимать ситуацию, для нее Джиндибел все еще был «Мастером».

Джиндибел видел в этом определенное удобство, и это его раздражало. Он сам себя стыдился, когда замечал, что ее почтительный взгляд вызывает в нем душевный подъем. Неужели он теперь благодарен даже за такие ничтожные

дары?

Появился клерк из Палаты и сообщил, что Совет ждет Джиндибела, и он прошествовал туда. Советник был знаком с клерком: этот человек знал до тонкости, какой степени вежливости заслуживает каждый Спикер. В данный момент по отношению к Джиндибелу эта степень была ужасающе низкой. Даже клерк считал его виновным.

Все чинно сидели вокруг стола, одетые в черные судейские мантии. Спикер Шандисс выглядел чуточку стесненным, но не позволил себе выразить хоть какое-нибудь дружелюбие.

Деларме – одна из трех женщин-Спикеров – даже не взглянула на Джиндибела.

Первый Спикер произнес:

– Спикер Стор Джиндибел, вы обвиняетесь в несоответствующем званию Спикера поведении. Вы перед всеми нами обвинили Совет – неопределенно и без каких-либо доказательств – в измене и покушении на убийство. Вы предложили, чтобы все члены Второго Основания, подверглись ментальному анализу, для выяснения, кому из нас нельзя доверять. Такое поведение нарушает общественные связи, без которых Второе Основание не может управлять сложной и

потенциально враждебной
Галактикой и не может с
уверенностью строить
жизнеспособную Вторую Империю.

Поскольку все мы были
свидетелями этих оскорблений, мы
отказываемся от официального
судебного разбирательства. Итак,
перейдем непосредственно к
следующей стадии. Спикер
Джиндибел, что вы можете сказать в
свою защиту?

Деларме, по-прежнему не глядя
на Джиндибела, позволила себе
кошачью улыбочку.

Джиндибел сказал:

— Если правду можно
рассматривать как защиту, я ее имею.

Здесь есть почва для подозрения, брешь в безопасности. Эта брешь может включать ментальный контроль над одним или несколькими членами Второго Основания — исключая присутствующих здесь — и это представляет опасность для Второго Основания. Если вы действительно спешили с этим судом, потому что не могли тратить попусту время, вы, возможно, смутно осознали опасность кризиса, но, в таком случае, зачем вы потратили два дня после того, как я официально потребовал от вас немедленного суда? Я утверждаю, что именно этот страшный кризис вынудил меня

сказать то, что я сказал. Я вел себя не как приличествует Спикеру — но иначе я не мог.

— Он просто повторяет свои оскорбления, Первый Спикер, — мягко заметила Деларме.

Кресло Джиндибела было отодвинуто от стола дальше, чем другие — явное понижение в звании. Джиндибел отодвинул его еще дальше, словно ничуть не был задет, и встал.

— Вы осудите меня сразу, в нарушение закона, или я могу представить свою защиту в деталях?

Первый Спикер ответил:

— Здесь не незаконное собрание, Спикер. Не имея прецедентов, мы

будем склоняться в вашем направлении, сознавая, что если наши общечеловеческие слабости могут отклонить нас от абсолютной справедливости, то лучше оправдать виновного, чем осудить невинного. Следовательно, хотя это дело настолько серьезно, что мы не можем отнестись к вам снисходительно, мы разрешаем вам вести свою защиту в той манере, в какой вы желаете, и время для вас будет ограничено только в том случае, если будет решено единогласно, включая и мой голос, — он возвысил голос при этой фразе, — что выслушано достаточно.

Джиндибел начал:

– Тогда позвольте мне начать с того, что Голан Тревиз, член Первого Основания, который был изгнан с Терминуса и которого Первый Спикер и я считаем режущим краем надвигающегося кризиса – улетел внезапно и в неожиданном направлении.

– Не много информации, – мягко заметила Деларме. – Кстати, откуда Спикер (интонация ясно показывала, что это слово уже не главное) знает это?

– Я узнал об этом от Первого Спикера, – ответил Джиндибел, – но готов подкрепить и собственными сведениями. Однако, учитывая мои подозрения относительно Палаты

безопасности, я позволю себе сохранить в тайне источник моей информации.

— Я прерву суд на этом, — вмешался Первый Спикер. — Давайте продолжать без этого пункта информации, но если в суде Совета информация понадобится, Спикер Джиндибел выдаст ее.

Деларме подвела итог:

— Если Спикер не выдал информацию сразу, то справедливо заметить: я предполагаю, что у него есть агент, нанятый частным образом и совершенно неответственный перед Советом. Мы не можем быть уверены, что такой агент следует правилам поведения, требующимся

от персонала Второго Основания.

Первый Спикер сказал с некоторым неудовольствием:

– Я знаю все положения, Спикер Деларме. Нет нужды напоминать мне о них.

– Я просто упомянула об этом для протокола, Первый Спикер, потому что это усиливает степень оскорбления, а этот параграф не был внесен в обвинение, кстати сказать, и не был зачитан полностью. Я хотела бы, чтобы этот параграф был добавлен.

– Клерк добавит параграф, – сказал Первый Спикер, – и точная формулировка будет сделана в свое время. Спикер Джиндибел, ваша

защита и в самом деле сделала шаг назад. Продолжайте.

И Джиндибел продолжил:

– Этот Тревиз не только ушел в неожиданном направлении, но и с беспрецедентной скоростью. По моей информации, которой Первый Спикер еще не имеет, он прошел меньше чем за час почти десять тысяч парсеков.

– За один прыжок? – недоверчиво спросил один из Спикеров.

– За две с лишним дюжины прыжков, один за другим, без заметных интервалов, – ответил Джиндибел. – Это еще труднее представить! Даже если его теперь

обнаружат, нужно время, чтобы последовать за ним, а если он заметит нас и имеет реальные возможности уйти от преследования, мы не сможем его перехватить. А вы тратите время на игру в обвинение, да еще пропустили два дня, чтобы посмаковать его.

Первый Спикер сумел скрыть свою боль.

– Пожалуйста, скажите нам, Спикер Джиндибел, что вы думаете о значении этого?

– Это указание, Первый Спикер, на технологическое продвижение Первого Основания, оно стало куда мощнее, чем во времена Прима Палвера. Нам не выстоять против

них, если они найдут нас и будут свободно действовать.

Спикер Деларме встала.

— Первый Спикер, наше время расходуется нерационально. Мы не дети, чтобы нас пугали бабушкиными сказками. Не имеет значения, насколько развилась техника Первого Основания: в случае какого-либо кризиса их мозг будет под нашим контролем.

— Что вы скажете на это, Спикер Джиндибел? — спросил Первый Спикер.

— Только то, что мы перейдем к вопросу о мозге в должное время. А сейчас я просто хотел подчеркнуть технологическую мощь Первого

Основания.

— Перейдем к следующему пункту, Спикер Джиндибел. Ваш первый пункт, должен вам сказать, не произвел на меня впечатления.

От всего Совета последовал отчетливый жест одобрения.

— Я продолжаю, — сказал Джиндибел. — У Тревиза есть компаньон в этом путешествии, некий Янов Пилорат, посредственный ученый, посвятивший свою жизнь сбору мифов и легенд о Земле.

— И вы все о нем знаете? Действует тайный источник? — спросила Деларме, которая вела роль обвинения с явным удовольствием.

— Да, я знаю о нем все, — спокойно ответил Джиндибел. — Несколько месяцев назад мэр Терминуса, энергичная и способная женщина, вдруг заинтересовалась этим ученым по непонятным причинам, поэтому, естественно, заинтересовался и я. И я не хранил эти сведения при себе: вся информация, добытая мною, была предоставлена Первому Спикеру.

— Я свидетельствую, — тихо сказал Первый Спикер. Самый старый Спикер переспросил:

— Что такое Земля? Первоначальный мир, о котором говорится в мифах? Не о ней ли попусту тревожились в

староимперские времена?

Джиндибел кивнул.

– В бабушкиных сказках, как выразилась Спикер Деларме. Я подозревал, что Пилорат мечтал приехать на Трантор в Галактическую библиотеку и получить информацию о Земле, поскольку он не смог найти ее в фондах межзвездной библиотеки, доступной Терминусу.

Когда он покинул Терминус с Тревизом, у него, вероятно, было впечатление, что его мечта сбудется. Конечно, мы надеялись заполучить их обоих и при случае освидетельствовать — для нашей пользы.

Но это провалилось — как вы уже знаете. Они направились в какое-то другое место, пока еще не ясно куда, и по каким-то причинам, пока еще неизвестным.

Круглое лицо Деларме выглядело почти ангельским, когда она спросила:

— А к чему это беспокойство? Нам ничуть не хуже от их отсутствия. В самом деле, поскольку они так легко ускользнули от нас, мы можем вывести заключение, что Первое Основание не знает истинной природы Трантора и мы можем только поаплодировать работе Прима Палвера.

Джиндибел сказал:

— Если не задумываться о дальнейшем, можно прийти к такому удобному решению. Однако, вполне вероятно, что они свернули с пути по другим соображениям? Они боялись, что на Транторе узнают о Земле!

За столом зашевелились.

— Любой, — холодно заметила Деларме, — может измыслить чудовищные предположения, но нам-то какой смысл придумывать их? Зачем кому-то беспокоиться о том, что Второе Основание думает о Земле? Истинно первоначальная ли она планета, есть ли другие — это может интересовать только историков, антропологов и собирателей фольклора вроде вашего

Пилората. А нам это зачем?

— В самом деле, зачем? — переспросил Джиндибел. — Почему тогда в библиотеке нет ссылок на Землю?

В первый раз в атмосфере Совета почувствовалось нечто иное, кроме враждебности.

— А их там нет? — спросила Деларме.

Джиндибел ответил совершенно спокойно:

— Когда мне стало известно, что Тревиз и его спутник могут прилететь сюда в поисках информации о Земле, я, естественно, взялся за наш библиотечный компьютер, чтобы составить список

документов, содержащих
информацию о Земле.

Я слегка заинтересовался, но компьютер не дал ничего. Ни единой мелочи.

Ничего!

Но затем вы стали настаивать, чтобы я ждал два дня перед тем, как состоится это слушание, и в то же время мое любопытство усилилось известием, что члены Первого Основания решили не лететь сюда. Мне надо было чем-то отвлечься. Пока вы, как говорится, потягивали вино в рушащемся доме, я просмотрел несколько исторических книг, имеющихся у меня. Я пробежал по отрывкам, упоминавшим о каких-

то исследования — «Вопросах Происхождения» — в постимперские времена. Были ссылки на отдельные документы, напечатанные на пленке, и цитаты из них. Я вернулся в библиотеку и заставил персонал искать их. Будьте уверены, персонал перерыл все, их там не оказалось.

— Если и так, — сказала Деларме, — в этом нет ничего удивительного. Если Земля — миф...

— Тогда я нашел бы это в мифологических ссылках. Если бы это была бабушкина сказка, я нашел бы ее в сборнике бабушкиных сказок. Если же это плод воображения больного мозга, я нашел бы ее в психопатологии. Что-то насчет

Земли существует, – это факт, иначе никто из нас не слышал бы о ней и не признал бы немедленно предполагаемой прародины человеческого рода. Так почему же в библиотеке нет нигде никаких упоминаний о ней?

Деларме некоторое время молчала, поэтому выступил другой Спикер, Леонис Чинг, маленький человек с энциклопедическими знаниями деталей плана Селдона и с несколько близоруким отношением к современной Галактике. Он сказал:

– Хорошо известно, что Империя в последние дни пыталась оказывать давление на общественное мнение, делая акцент на всеобщем

интересе к доимперским временам.

Джиндибел кивнул.

– Оказывала давление – точное выражение, Спикер Чинг. Вы знаете лучше, чем кто-либо, что одним из признаков распада Империи является внезапная тяга к ранним, предположительно, лучшим временам. Я как раз и упомянул об интересе к «Вопросу Происхождения» во времена Хари Селдона.

Чинг громко откашлялся.

– Я это прекрасно знаю, молодой человек, и знаю много больше, чем вы думаете, о социальных проблемах распада Империи. Процесс «империализации»

подавил дилетантские игры вокруг Земли. А при Клеоне во времена последнего возрождения Империи, через два столетия после Селдона, империализация достигла своего пика, и все рассуждения по вопросу Земли закончились. Во времена Клеона уже была директива не упоминать о таких вещах. Думаю, что процитирую правильно: «Избитые и непродуктивные размышления об этом подрывают любовь народа к императорскому трону».

Джиндибел улыбнулся.

— Значит вы, Спикер Чинг, считаете, что уничтожение всех упоминаний о Земле произошло во времена Клеона II?

– Я не делал выводов. Я просто сказал то, что хотел сказать.

– Это весьма мудро с вашей стороны – не делать заключений. Во времена Клеона Империя могла возродиться, но Университет и Библиотека были, по крайней мере, в наших руках, вернее, в руках наших предшественников.

Немыслимое дело, чтобы какой-то материал был изъят из библиотеки без ведома Второго Основания. В сущности, такая задача должна была возлагаться именно на Спикеров, хотя умирающая Империя не знала об этом. – Джиндибел сделал паузу, но Чинг ничего не сказал, а только смотрел поверх головы Джиндибела.

Тот продолжил:

— Ясно, что во времена Селдона их не могли изъять, потому что «Вопрос Происхождения» был тогда популярен. Позже их тоже не могли изъять, потому что Библиотека была на попечении Второго Основания. Однако теперь Библиотека, в этом смысле, опустошена. Как это могло случиться?

Деларме нетерпеливо прервала его.

— Бросьте сочинять, Джиндибел! На какое решение вы намекаете? Уж не сами ли вы изъяли документы?

— Вы, Деларме, как всегда, проникаете в самую суть, — Джиндибел склонил голову в

насмешливом поклоне, на что она слегка дернула губой. — Единственное решение — чистку произвел Спикер Второго Основания, хорошо знающий, как обращаться с хранителями Библиотеки, чтобы не оставить о себе памяти, и с компьютерами, чтобы не осталось записей.

Первый Спикер Шандисс вспыхнул.

— Этого не может быть, Спикер Джиндибел. Я не могу представить, чтобы Спикер мог совершить такое. Да и по каким мотивам? Но даже если по каким-то причинам материал о Земле был изъят, зачем хранить это в тайне от других

Спикеров Совета? Зачем человеку рисковать своей карьерой, подделывая что-то в Библиотеке, когда шансы быть уличенным столь велики? К тому же, я не думаю, чтобы самый умелый Спикер смог повернуть это дело, не оставив абсолютно никаких следов.

— Значит вы, Первый Спикер, не согласны со скептиками, Спикером Деларме, с ее намеками в мой адрес?

— Конечно не согласен, — сказал Первый Спикер. — Я много раз сомневался в ваших суждениях, но никогда не считал вас ненормальным!

— Значит, это не могло случиться, Первый Спикер?

Материалы по Земле должны по-прежнему лежать в Библиотеке, поскольку мы, кажется, перебрали все возможные пути по их изъятию. Однако материалов там нет.

Деларме сказала с усталой ноткой в голосе:

– Ладно, давайте закончим. Так на какое решение вы намекаете? Я уверена, что оно у вас есть.

– Если уверены вы, Спикер, должны так же быть уверены и все мы. Я предполагаю, что Библиотека была очищена кем-то из Второго Основания, находящимся под контролем неуловимой силы извне. Чистка произошла незамеченной, потому что та же сила следила,

чтобы никто ничего не видел.

— Однако, вы увидели, —
засмеялась Деларме. — Вы —
неконтролируемый и
неконтролирующий. Если эта тайная
сила существует, каким образом вы
обнаружили исчезновение
материалов из Библиотеки? Почему
вас не контролировали?

Джиндибел серьезно ответил:

— В этом нет ничего смешного,
Спикер. Они, наверное, как и мы,
чувствуют, что всякое вмешательство
должно быть минимальным. Когда
несколько дней назад моя жизнь
была в опасности, я больше
занимался удержанием себя от игры
с мозгом хэмиш, чем самозащитой.

По всей вероятности, так и с этими другими — когда они чувствуют, что все в порядке, они прекращают вмешательство. Это очень опасно, страшно опасно! Факт, что я обнаружил случившееся, означает, что их больше не тревожат мои дела, и это, в свою очередь, означает, что они уже чувствуют свою победу. А мы продолжаем играть в игрушки!

— Но какова их цель во всем этом? Какой смысл в игре? — спросила Деларме, шаркая ногами и покусывая губы. Она чувствовала, что ее влияние падает, поскольку Совет все более заинтересовывается...

— Подумайте! — ответил

Джиндибел. – Первое Основание, с его огромным арсеналом технической мощи, ищет Землю. Оно послало двух изгнанников, надеясь заставить нас думать, что тут нет ничего такого, но снабдило их невероятно мощным кораблем, который способен пройти десять тысяч парсеков меньше чем за час – это как?

Что касается Второго Основания, то мы не ищем Землю, и были сделаны шаги, чтобы без нашего ведома лишить нас какой-либо информации о Земле.

Первое Основание теперь так близко к отысканию Земли, а мы так далеки от этого, что... – Джиндибел

сделал паузу, и Деларме нетерпеливо спросила:

– Что? Кончайте ваши детские сказки. Знаете вы что-нибудь еще или нет?

– Я не знаю всего, Спикер. Я не проник в самую глубину паутины, окружающей нас, но я знаю, что эта паутина существует. Я не знаю, какое значение может иметь обнаружение Земли, но я уверен, что Второе Основание в страшной опасности, а с ним и план Селдона и все будущее человечества.

Деларме встала. Она уже не улыбалась и говорила напряженно, но строго контролируемым голосом:

– Вздор! Первый Спикер,

положите этому конец! То, что рассказывает нам обвиняемый, не только глупо, но и неуместно. Он не может изменить свое поведение набором хитроумных теорий, которые исполнены смысла только для него. Я призываю к голосованию — единодушно проголосовать за осуждение.

— Подождите! — резко запротестовал Джиндибел. — Мне было заявлено, что я буду иметь возможность защищаться. Осталась еще одна деталь — всего одна. Разрешите мне ее представить — и потом можете голосовать без дальнейших возражений с моей стороны.

Первый Спикер устало протер глаза.

— Вы можете продолжать, Спикер Джиндибел. Позвольте мне указать Совету, что осуждение обвиняемого Спикера так тяжело и беспрецедентно, что мы не можем не позволить ему полной защиты. Вспомните также, что если даже вердикт удовлетворит нас, он может не удовлетворить тех, кто придет после нас. Давайте действовать так, что бы быть полностью уверенными в одобрении тех братьев-ораторов, которые придут нам на смену в грядущих столетиях.

Деларме с горечью посетовала:

— Мы рискуем, Первый Спикер,

что последующие поколения будут смеяться над нами, изучая, как мы бились над очевидным. Продолжать защиту – это ваше решение.

Джиндибел глубоко вздохнул.

– Тогда, согласно с вашим решением, Первый Спикер, я хотел бы вызвать свидетеля – молодую женщину, которую я встретил три дня назад и без которой я не просто бы опоздал на заседание Совета, а, вероятно, не появился бы вовсе.

– Женщина, о которой вы говорите, известна Совету? – спросил Первый Спикер.

– Нет, Первый Спикер. Она уроженка этой планеты.

Глаза Деларме широко

раскрылись.

— Женщина-хэмиш?

— Именно так.

— Зачем она нам? — сказала Деларме. — Хэмиш не могут сказать ничего вразумительного. Они просто не существуют!

Джиндибел жестко осклабился, что никак нельзя было назвать улыбкой, и резко произнес:

— Физически хэмиш все же существуют. Это человеческие существа и они играют свою роль в плане Селдона. В своей непрямой защите Второго Основания они играют ключевую роль. Я хочу отделить себя от бесчеловечности Спикера Деларме и надеюсь, что ее

замечание останется в записи и будет рассматриваться в дальнейшем как очевидность ее возможной непригодности к положению Спикера. Согласен ли Совет с невероятным замечанием Спикера и не лишит ли он меня моего свидетеля?

– Вызывайте вашего свидетеля, Спикер, – сказал Первый Спикер.

Губы Джиндибела расслабились, лицо приняло обычное бесстрастное выражение. Его мозг был насторожен и загорожен, но за этим защитным барьером он чувствовал, что опасность миновала, и он победил.

Сара Нови выглядела скованно. Глаза ее были широко раскрыты,

нижняя губа слегка дрожала. Руки сжимались и разжимались, грудь поднималась учащенно. Волосы были зачесаны назад и собраны в узел. Загорелое лицо время от времени подергивалось. Руки мяли складки длинной юбки. Она торопливо оглядела стол — от Спикера к Спикеру. Глаза ее расширились от страха.

Они тоже рассматривали ее с разной степенью презрения и неловкости.

Деларме смотрела поверх Нови, словно вообще не замечая ее.

Джиндибел осторожно прикоснулся к коре мозга Нови, успокаивая и расслабляя. Он мог бы

добиться того же, погладив руками Нови или похлопав ее по щекам, но здесь, в данных обстоятельствах, это было, конечно, недопустимо.

Он сказал:

– Первый Спикер, я сознательно притупляю знания этой женщины, так что ее свидетельство не будет искажено страхом. Не хотите ли вы все присоединиться ко мне и понаблюдать за моей работой?

Нови в ужасе оглянулась на Джиндибела, услышав его голос. Он понимал, что она еще никогда не слышала, как говорят между собой члены Второго Основания высокого ранга; она никогда не испытывала этой странной комбинации звука,

тона, выражения и мысли. Но ужас ее исчез так же быстро, как и возник, когда Джиндибел погладил ее мозг. Ее лицо стало безмятежным.

— Позади тебя кресло, Нови, — сказал Джиндибел. — Присядь, пожалуйста.

Нови сделала неловкий реверанс и напряженно села.

Она говорила вполне ясно, но Джиндибел заставлял ее повторять, когда ее произношение становилось очень уж грубым. И, поскольку он держал официальную речь, из уважения к Совету повторял для нее свои вопросы.

Столкновение между Джиндибелом и Референтом было

описано спокойно и точно.

— Ты сама все это видела, Нови? — спросил Джиндибел.

— Нет, Мастер, иначе я раньше прекратила бы это. Референт хороший парень, но головой не быстрый.

— Но ты описала все. Как ты могла это сделать, если не видела всего?

— Референт мне рассказал потом на мои вопросы. Ему было стыдно.

— Стыдно? Ты не знаешь, вел ли он себя таким образом когда-нибудь раньше?

— Референт? Не-а, Мастер. Он быть мягкий, хотя и большой. Он не быть драчун, и он бояться грамотеев.

Он часто говорить – они могучие и обладают властью.

– Почему же он не чувствовал этого, когда встретил меня?

– Это было странно. Я этого не понимать – Она покачала головой. – Он быть не в себе. Я сказать ему: «Ты тупоголовый, быть ли твое дело – нападать на грамотея?», и он сказать. «Я не знать, как это случилось. Я словно стоять в стороне и смотреть на не-я».

Спикер Чинг перебил:

– Первый Спикер, какую цену имеет сообщение этой женщины о том, что ей сказал мужчина? Разве сам мужчина не пригоден для допроса?

— Пригоден, — согласился Джиндибел — Если Совет желает, в дополнение к свидетельству этой женщины услышать более очевидное, я готов вызвать этого Референта, моего недавнего противника. Если нет — Совет может прямо судить, когда я закончу с этой свидетельницей.

— Очень хорошо, — заявил Первый Спикер, — продолжайте с вашей свидетельницей.

Джиндибел спросил:

— А ты, Нови? Что заставило тебя вмешаться таким образом в эту стычку?

Нови молчала. Между ее густыми бровями появилась складка,

которая скоро исчезла.

— Я не знать. Я не желать вреда грамотеям. Меня тянуть, и я без всякой мысли оказаться в самой середине дела. — Она опять сделала паузу. — Я сделать это еще раз, если нужда возникнуть.

Джиндибел сказал:

— Нови, сейчас ты уснешь. Не будешь ни о чем думать. Ты будешь отдыхать и даже не увидишь сна.

Нови что-то пробормотала в ответ. Глаза ее закрылись, голова откинулась на спинку кресла. Джиндибел подождал немного и сказал:

— Первый Спикер, почтительно прошу вас последовать за мной в

мозг этой женщины. Вы обнаружите, что он удивительно прост и симметричен, и это очень кстати, потому что вы увидите то, что в ином случае не было бы видно. Вот!

Вы заметили? Если остальные хотят войти, то лучше, если это будет одновременно.

За столом зажужжали.

— Есть какие-нибудь сомнения? — спросил Джиндибел.

— Я сомневаюсь, — заявила Деларме, — потому что... — Она остановилась на краю того, что даже ее красноречие не смогло бы описать.

Джиндибел договорил за нее.

— Вы думаете, что я намеренно

вмешался в ее мозг, чтобы фальсифицировать очевидность? Следовательно, вы думаете, что я способен осуществить такую деликатную поправку, выделить одну ментальную нить, ничего больше не потревожив в окружении? Если бы я мог это делать, зачем мне сейчас было бы иметь дело с вами? Зачем я подверг себя унижению суда? Зачем я старался убедить вас? Если бы я мог делать то, что мы видим в мозгу этой женщины, вы были бы беспомощны передо мной, если только бы не подготовились достаточно хорошо. Явный факт, что никто из нас не мог манипулировать мозгом этой женщины, так как это было

проделано. И я не могу. Однако это, все же, было сделано. — Он помолчал, оглядев по очереди все Спикеров и задержался взглядом на Деларме. — Теперь, — медленно продолжал он, — если кто-нибудь требует большего, я вызову фермера-хэмиш Кэрола-Референта, которого я освидетельствовал, и в чей мозг было проведено такое же вмешательство.

— В этом нет необходимости, — сказал Первый Спикер, уставший от сильного впечатления. — То, что мы видели, потрясает разум.

— В таком случае, — задал вопрос Джиндибел, — могу я разбудить эту женщину-хэмиш и отпустить ее? Я договорился, что снаружи ее будут

ждать люди, чтобы проводить.

Джиндибел довел Нови до двери, мягко поддерживая под локоть, и, вернувшись, сказал:

— Позвольте мне быстро все подытожить. Мозг был изменен способом, находящимся за пределами нашей власти. При таком способе можно повлиять на хранителей библиотеки, чтобы те изъяли материалы о Земле — без нашего ведома и без ведома самих хранителей. Мы сами видели, как было устроено, что я опоздал на заседание Совета. Мне угрожали, меня спасли. В результате я был обвинен.

Результатом этой, казалось бы,

естественной цепи событий явилось то, что я могу быть отстранен от своего положения, и курс действий, за который я боролся и который угрожает этим людям, кто бы они ни были, может сойти на нет.

Деларме наклонилась вперед. Она была явно потрясена:

– Если это тайная организация настолько хитра, как вы сумели открыть все это?

Джиндибел почувствовал, что теперь он может открыто улыбнуться.

– Не хвалите меня. Я не претендую на звания более высокие, чем у других Спикеров и, тем более, чем у Первого Спикера. Однако, эти

анти-Мулы, как очаровательно называли их Первый Спикер, не так мудры. Вероятно, они выбрали именно эту женщину-хэмиш в качестве орудия только потому, что ей была нужна только незначительная правка. Она по своему характеру склонна симпатизировать тем, кого называет «Грамотеями», и искренне восхищается ими.

Но затем, когда все было сделано, ее непродолжительный контакт со мной усилил ее мечту стать «ученой». Она пришла ко мне на другой день с этим намерением. Удивленный таким необычным явлением, я изучил ее мозг — ничего другого я, конечно, не делал — и

случайно натолкнулся на исправление и отметил его значение. Анти-Мулы просчитались – или не учли непредвиденное.

Такой промах ободряет!

Деларме воскликнула:

– Первый Спикер, и вы называете эту организацию «Анти-Мулы», я думаю, из-за того, что они, похоже, работают на удержание Галактики на тропе плана Селдона, а не переделывают план, как поступал сам Мул. Но если так, почему они опасны?

– Зачем тратить силы, если нет цели? Мы этой цели не знаем. Циник сказал бы, что они намерены шагнуть в будущее и повернуть течение в ту

сторону, которая нравится им больше, чем нам. Таково и мое ощущение. Может, Спикер Деларме предполагает — из любви и доверчивости, что, как вы все знаете, является основными чертами ее характера — что эти космические альтруисты делают за нас нашу работу без надежды на вознаграждение?

Легкий смешок пронесся по Совету, и Джиндибел понял, что окончательно выиграл. А Деларме поняла, что проиграла: всплеск ярости пробился сквозь ее жесткий ментальный контроль, как яркий солнечный луч на миг проходит сквозь толстую пелену облаков.

Джиндибел продолжил:

— Когда я впервые обдумал инцидент с фермером-хэмиш, я пришел к заключению, что за этим стоит кто-то из Спикеров. Когда я заметил исправление в мозгу женщины-хэмиш, я понял, что был прав насчет заговора, но ошибался в отношении заговорщиков. Я приношу свои извинения за неверные толкования и прошу принять обстоятельства как частичное оправдание.

Первый Спикер сказал:

— Я уверен, что они могут служить извинением...

Деларме перебила его. Она снова была абсолютно спокойна,

лицо светилось дружелюбием, голос был просто сахарным:

– Прошу прощения, Первый Спикер, что перебиваю. Давайте оставим тему об обвинении. В данный момент я не буду голосовать за осуждение и думаю, что никто не будет. Я даже предложила бы вычеркнуть обвинение из незапятнанной ораторской записи. Спикер Джиндибел умело реабилитировал себя. Я поздравляю его с этим и с обнаружением кризиса, который мы, остальные Спикеры, вполне бы могли оставить тлеть неограниченно, с неопределенными результатами.

Я приношу Спикеру

Джиндибелу мои чистосердечные извинения в моей недавней враждебности.

Она лучезарного улыбнулась Джиндибелу, и он почувствовал невольное восхищение манерой, с какой она мгновенно изменила напряжение, чтобы скрыть свое поражение. Он чувствовал также, что все это лишь подготовка к нападению с новой стороны. И он был уверен, что готовящееся не будет приятным.

Когда Спикер Деларме старалась быть очаровательной, она могла главенствовать в Совете Спикеров. Ее голос становился мягким, улыбка — снисходительной, глаза блестели, все

в ней было сладким. Никому не хотелось прерывать ее, но все ждали, когда она нанесет удар. Она сказала:

— Благодаря Спикеру

Джиндибелу теперь, как я думаю, мы все понимаем, что должны делать. Мы не видели Анти-Мулов, мы ничего о них не знаем, кроме того, что они прикоснулись к человеческому мозгу прямо здесь, в цитадели самого Второго Основания. Мы не знаем, что планирует центр власти Первого Основания. Может быть, мы обнаружим связь Анти-Мулов с Первым Основанием? Мы не знаем.

Мы знаем, что Голан Тревиз и его спутник, чье имя сейчас вылетело

у меня из головы, летят в неизвестном нам направлении, и что Первый Спикер и Джиндибел чувствуют в Тревизе ключ от этого страшного кризиса, если можно так выразиться. Что же мы должны делать? Ясно, что мы должны узнать все, что можно о Тревизе: куда он направляется, что он задумал, какие у него мысли, какая цель, либо он их не имеет, а просто является орудием более могучей силы.

— Он под наблюдением, — вмешался Джиндибел.

Деларме поджала губы в снисходительной усмешке.

— Под чьим? Кто-нибудь из наших многочисленных агентов?

Разве такие агенты могут надеяться устоять против людей с только что продемонстрированными здесь силами? Конечно, нет! Во времена Мула и в более поздние времена Второе Основание не колебалось посылать — и даже жертвовать — добровольцами, самыми лучшими. Когда стало необходимо возродить план Селдона, сам Прим Палвер рыскал по Галактике как транторианский торговец, чтобы привезти обратно эту девушку, Аркадию. Мы не можем сидеть здесь и ждать, когда кризис разрастется сильнее, чем когда-либо раньше. Мы не можем полагаться на младших служащих — охранников и

рассыльных.

Джиндибел спросил:

– Конечно, вы не предлагаете, чтобы Первый Спикер оставил Трантор в такое время?

– Конечно, нет, – ответила Деларме. – Он нам чертовски нужен здесь.

С другой стороны, есть вы, Спикер Джиндибел. Как раз вы правильно почувствовали и оценили ситуацию. Именно вы заметили легкое вмешательство извне в библиотеке и мозгу хэмиш. Вы поддерживали свою точку зрения против объединенной оппозиции всего Совета – и вы победили. Ни у кого из здесь присутствующих нет

такого ясного видения, как у вас, и только на вас можно положиться. Поэтому, именно вы должны встретиться с врагом. Могу я узнать мнение Совета?

Не требовалось официального голосования, чтобы выразить это мнение.

Каждый Спикер чувствовал мозг других, и потрясенному Джиндибелу сразу стало ясно, что в миг его победы и своего поражения Деларме, эта страшная женщина, задумала послать его безвозвратно в ссылку с такой задачей, которая займет неопределенно долгий период, а сама она в это время возглавит Совет, и, следовательно, будет управлять

Галактикой и, вполне возможно, что все это приведет к гибели.

А если высланный Джиндибел сумеет каким-то образом собрать информацию, полезную Второму Основанию для отведения надвигающегося кризиса, устроить все это доверят Деларме, и его успех только укрепит ее позицию. Чем проворнее будет Джиндибел, чем эффективнее он будет действовать, тем крепче будет ее власть.

Прекрасный маневр, невероятное возрождение!

И так было ясно — она главенствует на Совете и практически узурпирует власть Первого Спикера. Мысль

Джиндибела об этом эффекте была перекрыта ощущением ярости, исходящей от Первого Спикера.

Джиндибел оглянулся. Первый Спикер делал усилия, чтобы скрыть эту ярость, и скоро стало ясно, что на смену только что развалившегося внутреннего кризиса наступает другой.

Квиндор Шандисс, двадцать пятый Первый Спикер, не имел никаких исключительный иллюзий на свой счет.

Он знал, что он не из тех немногих решительных Первых Спикеров, которые освещали пятисотлетнюю историю Второго Основания, но от него этого и не

требовалось. Он управлял Советом в период процветания Галактики, это было время не для динамизма, а вроде бы для игры в управление, и он был создан как раз для этой роли. Его предшественник выбрал его как раз по этой причине.

— Вы не авантюрист, вы — ученый, — говорил двадцать четвертый Первый Спикер, — вы будете оберегать план там, где авантюрист может разрушить его.

Оберегать! Пусть это станет ключевым словом для вашего Совета.

Он старался, но это означало пассивность Первого Спикера и иногда рассматривалось как слабость. Периодические начинались

разговоры, что он, якобы, собирается выйти в отставку, и шли открытые интриги, чтобы обеспечить преемственность в том или ином направлении.

Шандисс не сомневался, что Деларме была лидером в борьбе. Она была наиболее сильной личностью Совета, и даже Джиндибел, при всем своем огне и безумии молодости, отступил сейчас.

Но, черт возьми, Первый Спикер может быть пассивным и даже слабым, но у него есть одна прерогатива, которую никто не может у него отнять. И он ей воспользуется...

Он встал, и за столом сразу же

наступила тишина. Когда Первый Спикер говорил стоя, никто не мог его прервать. Даже Деларме и Джиндибел не осмеливались на это.

— Спикеры! — сказал он. — Я согласен, что мы стоим перед опасным кризисом и должны принять сильные меры. Это значит, что я должен отправиться на встречу с врагом. Спикер Деларме с характерной для нее добротой освободила меня от этой задачи, утверждая, что я нужен здесь. Истина, однако, в том, что я не нужен ни здесь, ни там. Я очень стар и слаб. Многие давно надеются, что в один прекрасный день я выйду в отставку, и, наверное, я должен это

сделать. И когда кризис благополучно минует, я поступлю именно так!

Но у Первого Спикера есть привилегия выбрать себе преемника. Я собираюсь сделать это сейчас.

Есть один Спикер, который давно доминирует в работе Совета; этот Спикер благодаря своей личной силе часто захватывает лидерство. Вы все знаете, что я говорю об Спикере Деларме. – Он сделал паузу и продолжил:

– Только вы один, Спикер Джиндибел, показали неодобрение. Могу я спросить, почему? – и он сел, чтобы дать Джиндибелу право ответить.

– Я не показывал неодобрения,

Первый Спикер, – тихо ответил Джиндибел. – Выбрать преемника – ваша прерогатива...

– И я это сделаю. Когда вы вернетесь, успешно начав процесс, который положит конец кризису, настанет время для моего ухода. Тогда мой преемник сразу же займется проведением той политики, которая потребуется для возвращения истории в русло плана Селдона. У вас есть что сказать по этому поводу, Джиндибел?

Тот спокойно ответил:

– Когда вы сделаете Спикера Деларме своим преемником, Первый Спикер, я надеюсь, что вы найдете нужным посоветовать...

Первый Спикер резко прервал его:

— Я говорил об Спикере Деларме, но не назвал ее своей преемницей. Теперь, что вы желаете сказать?

— Простите, Первый Спикер. Я предположил, что вы сделаете Спикера Деларме своим приемником после моего возвращения, и подумал, что вы найдете нужным посоветовать ей...

— Я не сделаю ее своей преемницей ни при каких обстоятельствах. Теперь, что вы скажете? — Первый Спикер сделал это заявление не без удовлетворения. Это был удар по Деларме. Более

унизительной формы просто нельзя было найти. — Ну, Спикер Джиндибел, — повторил он, — что вы скажете?

— Что я сбит с толку...

Первый Спикер снова встал и сказал:

— Спикер Деларме доминирует и ведет, но для Первого Спикера необходимы и другие качества. Спикер Джиндибел увидел то, чего не видели мы. Он смело восстал против объединенной враждебности Совета, вынудил Совет заново обдумать дело и добился согласия Совета. У меня есть основания подозревать о мотивах Спикеров, Деларме, в частности, взвалившей

розыск Голана Тревиза на плечи Спикера Джиндибела, но сейчас речь не об этом. Я знаю, что ему это удастся – я доверяю своей интуиции – и когда Спикер Джиндибел вернется, он станет двадцать шестым Первым Спикером.

Он резко сел, и каждый Спикер начал отчетливо выражать свое мнение в бедламе звука, тона, мысли и впечатления. Первый Спикер не обращал внимания на какофонию и безразлично смотрел перед собой. Теперь, когда дело было сделано, он осознал, с некоторым удивлением, какое это великое облегчение – снять с себя бремя ответственности. Он давно должен был сделать это, но не

мог.

Этого нельзя было сделать, пока он не нашел истинного преемника.

А затем его мысли почему-то перешли на Деларме, и он взглянул на нее.

Черт побери, она была спокойна и даже улыбалась. Она не показала своего разочарования — она не уступала. Он подумал, не сыграл ли ей на руку. Что еще она предпримет?

Делора Деларме открыто показала бы свое отчаяние и разочарование, если бы это могло принести какую-то пользу.

Ей доставило бы большое удовольствие наброситься с кулаками на этого дряхлого дурака,

правлящего Советом, и на молодого идиота, с которым фортуна была в заговоре — но она хотела не удовлетворения, а чего-то большего.

Она хотела стать Первым Спикером. И у нее еще оставалась карта, и она сыграла ею.

Деларме мило улыбнулась и подняла руку, как бы прося разрешения говорить и выдержала достаточно долгую паузу. Когда она заговорила, стояла не просто обычная тишина, а абсолютная.

— Первый Спикер, — сказала она, — как недавно сказал Спикер Джиндибел, я не испытываю неодобрения. Это ваша привилегия — выбрать себе преемника. Если я

говорю сейчас, то только потому, что я надеюсь способствовать успеху миссии Спикера Джиндибела. Могу я пояснить свою мысль, Первый Спикер?

— Давайте, — коротко ответил Первый Спикер. Ему показалось, что она слишком уж мягка, слишком уступчива.

Деларме серьезно наклонила голову. Она больше не улыбалась.

— У нас есть корабли, — сказала она. — Не такие совершенные, как корабли Первого Основания, но они могут везти Спикера Джиндибела. Я уверена, что он сумеет пилотировать корабль, как и все мы. У нас есть представители на всех главных

планетах Галактики, и он везде будет хорошо принят. Кроме того, он может защитить себя даже от Анти-Мулов, поскольку он теперь знает об опасности. Даже когда мы ничего не знали, я подозреваю, что они предпочитали работать с низшими классами, даже с фермерами-хэмиш. Конечно, мы тщательно проверим мозг всех членов Второго Основания, но я уверена, что они остались нетронутыми насилием. Здесь Анти-Мулы не посмеют вмешиваться.

Тем не менее, нет никаких причин, почему Спикер Джиндибел должен рисковать больше, чем необходимо. Ему потребуется проявить безрассудную храбрость, и

будет лучше, если его миссия будет замаскирована – в случае, если он ненароком натолкнется на них. Ему полезно было бы выступить в роли торговца по примеру Прима Палвера.

Первый Спикер заметил:

– У Прима Палвера была особая цель, у Спикера Джиндибела таковой нет. Если будет необходимость в какой-либо маскировке, я уверен, что он достаточно изобретателен, и придумает ее.

– Простите, Первый Спикер, я хотела указать на мелкую маскировку. Прим Палвер, как вы понимаете, взял с собой жену. Ничто так точно не указывало на его деревенскую природу, как факт, что

он путешествует с женой. Это отметало всякие подозрения.

– У меня нет жены, – вмешался Джиндибел. – Подруги у меня были, но никто из них не согласится сейчас принять на себя роль супруги.

– Это известно, Спикер Джиндибел, – сказала Деларме, – но люди поверят в эту роль, лишь бы с вами была какая-нибудь женщина. Добровольцев, конечно, можно найти. А если понадобится представить документальные доказательства, в этом тоже не будет проблем. Я думаю, с вами обязательно должна быть женщина.

Джиндибел чуть не задохнулся. Не имеет ли она в виду... Может, это

хитрость, чтобы разделить успех? Может, она обыгрывает возможность объединенного или поочередного пребывания на месте Первого Спикера?

Он угрюмо сказал:

– Я польщен, Спикер Деларме, что вы считаете...

И Деларме открыто рассмеялась, глядя на Джиндибела с почти настоящим чувством. Он попал в ловушку, и выглядит из-за этого глупо. Совет не забудет этого.

– Спикер Джиндибел, – сказала она, – у меня не хватило бы нахальства участвовать в этом деле. Это ваше, и только ваше дело, так же пост Первого Спикера будет ваш и

только ваш. Не думаю, что вы хотели бы взять с собой меня. Да и сказать по правде, Спикер, в моем возрасте я уже не считаю себя чаровницей.

За столом заулыбались, даже Первый Спикер постарался скрыть улыбку.

Джиндибел почувствовал удар и даже не старался ответить на него с такой же расторопностью. Это был напрасный труд. И он сказал как можно вежливее:

— Так что же вы советуете? Уверяю вас, у меня даже в мыслях не было, что вы захотите сопровождать меня. Вы гораздо лучше справитесь в Совете, чем в суматохе галактических дел.

– Согласна, Спикер Джиндибел, согласна. Мой совет относится к вашей роли торговца-хэмиш. Для бесспорной достоверности самой лучшей спутницей будет для вас женщина-хэмиш.

– Женщина-хэмиш? –

Джиндибел второй раз подряд был удивлен, и Совет возрадовался.

– Да, женщина-хэмиш, – продолжала Деларме. – Та, что спасла вас от избиения. Та, что смотрит на вас как на бога. Та, чей мозг вы зондировали и которая спасла вас от гораздо более неприятного, чем побои. Я советую вам взять ее с собой.

У Джиндибела возникло

желание отказаться, но он знал, что именно этого она и ждет. Это означало еще большую радость для Совета. Теперь стало ясно, что Первый Спикер, жаждавший удалить Деларме, сделал ошибку, назвав Джиндибела своим преемником, или же Деларме сумела быстро обернуть это в ошибку.

Джиндибел был самым молодым из Спикеров. Он разозлил Совет, а затем избежал осуждения. Он самым настоящим образом унизил их, и теперь все с негодованием смотрели на него как на бесспорного наследника. Преодолеть это и так достаточно трудно, а теперь они еще будут вспоминать, как легко Деларме

сделала его посмешищем, и как им всем было весело. Она воспользуется этим и убедит их, что он слишком молод и неопытен для роли Первого Спикера.

Их объединенное давление заставит Первого Спикера изменить свое решение, пока Джиндибел будет занят своей миссией. Если же Первый Спикер будет держаться твердо, Джиндибел, в конечном счете, обнаружит, что его должность стала синекурой перед лицом объединенной оппозиции.

Он сразу же все понял и сумел ответить без колебаний:

— Спикер Деларме, я восхищаюсь вашей прозорливостью.

Я-то думал удивить вас всех! Мое намерение как раз и состояло в том, чтобы взять с собой женщину-хэмиш, но не совсем по тем причинам, о которых вы говорили. Я хочу взять ее с собой ради ее мозга. Вы все осмотрели его. Вы видели его таким, каков он есть: удивительно смышленный и, что более важно: чистый, простой, абсолютно бесхитростный. Ни одно чужое прикосновение к нему не пройдет незамеченным, как я думаю, вы и сами убедились. Не знаю, приходило ли вам на ум, Спикер Деларме, что она может служить великолепной системой раннего обнаружения? С помощью ее мозга я могу определить

симптомы присутствия ментализма раньше, чем собственным мозгом.

В Совете возникло недоуменное молчание, и он быстро добавил:

— Ага, никто из вас не сообразил этого. Ну, ладно, неважно! А теперь я пошел. Нельзя терять времени.

— Подождите, — сказала Деларме, в третий раз почуяв инициативу. — Что вы намерены делать?

Джиндибел слегка пожал плечами.

— Зачем вдаваться в детали? Чем меньше Совет знает, тем меньше Анти-Мулы и им подобные будут беспокоить его.

Он сказал это, как если бы безопасность Совета была его

первейшей обязанностью. Он наполнил этим свой мозг и показал его.

Это должно было польстить им. А главное — удовлетворение, полученное им, может удержать их от размышлений, знает ли точно Джиндибел, что намерен делать.

Вечером Первый Спикер разговаривал с Джиндибелом наедине.

— Вы были правы, — сказал он. — Я не мог помочь вам. Я видел, что вы рассматриваете мое заявление как ошибку. Я давно хотел поставить Деларме на место, запретить ей узурпировать мою роль, и стереть с

ее лица эту вечную улыбку.

Джиндибел мягко заметил:

– Мне кажется, надо было сказать об этом в частном разговоре, а затем подождать моего возвращения...

– Тогда я не смог бы стукнуть ее. Я понимаю, что это жалкий мотив для Первого Спикера.

– Это не остановит ее, Первый Спикер. Она будет продолжать интриговать ради этого и, возможно, по веским причинам. Я уверен, есть кое-кто, кто будет доказывать, что я должен отказаться от этого назначения. Нетрудно будет доказать, что Спикер Деларме – лучший мозг Совета и будет лучшим Первым

Спикером.

– Лучший мозг – на Совете, но не вне его, – проворчал Первый Спикер.

– Она не видит других врагов, кроме Спикеров. Ее вообще нельзя было делать Спикером. Послушайте, а если я запрещу вам брать с собой женщину-хэмиш? Это маневр Деларме, я знаю.

– Нет, нет, причина, которую я выдвинул, чтобы взять хэмиш, истинная.

Эта женщина будет системой раннего оповещения, и я благодарен Спикеру Деларме, что она подтолкнула меня к этой мысли. Я убежден, что женщина-хэмиш

окажется очень полезной.

— Ну, тогда ладно. И между прочим, я тоже не солгал. Я искренне убежден, что вы выполните все, что нужно, и положите конец кризису — если вы можете верить моей интуиции.

— Думаю, что могу верить, потому что я согласен с вами. Я обещаю вам, что бы ни случилось с вами, я вернусь. Я вернусь, чтобы стать Первым Спикером, чтобы там не делали Анти-Мулы и Спикер Деларме.

Говоря это, Джиндибел излучал удовлетворение. Почему он так рад, так настаивает на этом путешествии? Честолюбие, конечно. Прим Палвер

однажды проделал такую штуку и Стор Джиндибел хочет доказать, что он тоже может это сделать. После этого никто не откажет ему в должности Первого Спикера. Но нет ли тут чего-то большего, чем честолюбие? Соблазн сражения? Неопределенный энтузиазм человека, которого всю взрослую жизнь держали в рамках тайной тропы на отсталой планете?

Он не вполне разобрался в причинах, но знал только, что очень хочет лететь.

Сейшел

После того, что Тревиз назвал «микрорпрыжком», Янов Пилорат впервые в жизни наблюдал, как яркая звезда постепенно выходит на орбиту. Четвертая планета Сейшел, их теперешнее место назначения, увеличивалась в размерах более медленно.

Компьютер смоделировал карту планеты и представил на переносном экране, который Пилорат держал на коленях.

Тревиз с апломбом человека, повидавшего в свое время десятки планет, сказал:

– Янов, еще слишком рано напряженно наблюдать. Мы сначала пройдем через приемную станцию, а это может оказаться утомительным.

Пилорат поднял глаза.

– Это, конечно, чистая формальность.

– Так-то это так...

– Но ведь сейчас мирное время!

– Конечно. Это означает, что нас пропустят. Но сначала займутся экологической проверкой. Каждая планета имеет свой баланс и не хочет его нарушать. Поэтому они, разумеется, проверят корабль на предмет нежелательных организмов или инфекций. Это разумная предосторожность.

— Но, мне кажется, у нас нет ничего такого.

— Да, но они сами хотят удостовериться в этом. Не забывайте, также, что Сейшел — не член федерации Основания, так что у них наверняка будет некоторый крен назад, чтобы доказать свою независимость.

Прибыл маленький корабль для инспекции, и сейшелский таможенник вошел к ним на борт. Тревиз говорил быстро и отрывисто, вспомнив свои армейские дни.

— «Далекая Звезда», с Терминуса. Бумаги корабля. Невооружен. Частное судно. Мой паспорт. Один пассажир. Его

паспорт. Мы туристы.

Таможенник был в нарядной форме, в которой доминировал малиновый цвет.

Щеки и верхняя губа были гладко выбриты, по обеим сторонам подбородка торчали пучки разделенной надвое короткой бородки.

— Корабль Основания? — спросил он, произнося эти слова очень не правильно. Тревиз остерегся поправлять его или даже улыбнуться. В Галактическом Стандартном было столько диалектов, сколько планет. Но, коль скоро люди понимали друг друга, диалекты не имели значения.

— Да, сэр, — сказал Тревиз. —

Корабль Основания. Частная
собственность.

— Очень приятно. Ваш фрахт,
пожалуйста.

— Мой — что?

— Ваш фрахт. Что вы везете?

— А... мой груз. Вот предметный
список. Только личная
собственность. Мы здесь не для
торговли. Как я уже сказал, мы
просто туристы.

Таможенник с любопытством
огляделся.

— Не слишком ли
усовершенствованный корабль для
туристов?

— По стандартам Основания —
нет, — сказал Тревиз с добродушным

юмором. — Я обеспечен, и могу себе это позволить.

— Не намекаете ли вы, что я мог бы обогатиться? — таможенник быстро взглянул на Тревиса и затем оглянулся назад.

Тревис помедлил, интерпретируя смысл слов, и тут же наметил курс действия.

— Нет, — сказал он, — я не имею намерения подкупать вас. У меня нет для этого причин, да и вы не выглядите человеком, которому можно дать взятку — даже если бы я намеревался это сделать. Если желаете, можете, осмотреть корабль.

— Не требуется, — сказал таможенник, выключая свой

карманный записывающий аппарат. — Вы уже проверены на контрабандную инфекцию, и у вас все в порядке. Корабль поручен длинным радиоволнам, которые послужат вам посадочным лучом.

Он ушел. Вся процедура не заняла и пятнадцати минут.

Пилорат тихо спросил:

— Он не наделает неприятностей? Может, он и в самом деле рассчитывал получить взятку?

Треви́з пожал плечами.

— Чаевые таможенникам стары, как Галактика, и я охотно дам их, если он предпримет вторую попытку. Но, я думаю, он предпочитает не связываться с кораблем Основания.

Старая мэр, спаси господи, ее сморщенную шкуру, сказала, что имя Основания защитит вас и меня повсюду, куда бы мы ни поехали, и она не ошиблась. Это может нам помочь и в дальнейшем.

— Он, кажется, узнал все, что хотел.

— Да, но он был достаточно любезен и проверил нас сканирующим лучом. При желании он мог бы обойти корабль с ручным аппаратом, и это заняло бы несколько часов. Он мог засунуть нас в полевой госпиталь и продержаться там несколько дней.

— Что?! О, мой дорогой друг!

— Не расстраивайтесь. Он этого

не сделал. Мог бы, я думаю, но не сделал. Это значит, что мы можем спокойно осуществлять посадку. Я предпочел бы спуститься на тяготении, это заняло бы пятнадцать минут, но я не знаю, где разрешенные для посадки места, и не хочу причинять неприятности. Мы пойдем по радиолучу, а это довольно долго, потому что мы пойдем по спирали через атмосферу.

Пилорат выглядел довольным.

— Но это же великолепно, Голан. Мы пойдем достаточно медленно, чтобы следить за планетой? — он поднял переносной видеоэкран с изображением слабо увеличенной карты планеты.

— Как положено. Мы пойдем ниже слоя облаков со скоростью несколько километров в секунду. Это не бог весть какое наблюдение, но планетографию вы определите.

— Отлично! Великолепно!

Треви́з сказал задумчиво:

— Я вот думаю, если мы пробудем на Сейшел-планете достаточно долго, нужно ли переводить корабельные часы на местное время?

— Я полагаю, это зависит от того, что мы собираемся делать. Как вы думаете, Голан, что мы будем делать?

— Наша задача — найти Гею, но я не знаю, сколько времени это займет.

— Мы можем перевести наши наручные часы, — предложил Пилорат, — а корабельные оставить как есть.

— Годится! — сказал Тревиз, разглядывая планету. — Больше ждать нечего. Сейчас я настрою компьютер на предписанный нам луч, и пусть он пользуется гравитационными двигателями для имитации обычного полета.

Янов, смотрите, что мы можем обнаружить.

Он задумчиво изучал планету, пока корабль спускался по гладко выправленной гравитационной кривой.

Тревиз никогда не бывал в

Союзе Сейшел, но знал, что за последнее столетие Союз был стойко недружелюбен по отношению к Основанию. Тревиз был удивлен – и слегка испуган – тем, что они так быстро прошли таможеню.

Что-то тут было не так.

Таможенника звали Джогорот Собхаддарта, и он половину своей жизни провел, работая на станции.

Он не обижался на жизнь, потому что она давала ему возможность один месяц из трех посвящать книгам, музыке и быть подальше от жены и подрастающего сына.

Конечно, в последние два года

главой таможни был Спящий, и это раздражало. Ему был неприятен человек, объясняющий свои необычные действия только тем, что получил указания на них во время сна.

Сам Собхаддартта решил, что ничему такому не верит, хотя из осторожности не говорил этого вслух, поскольку большинство народа на Сейшел не слишком одобряло антипсихические настроения. Прослыть материалистом значило рисковать будущей пенсией.

Он расправил пучки волос на подбородке — один вправо, другой влево, громко откашлялся и спросил

с неуместной небрежностью:

— Как насчет корабля, шеф?

Начальник, носивший сейшелское имя Намарат Годисавата, был занят выданными компьютером данными и, не поднял головы.

— Какого корабля?

— «Далекая Звезда». Корабль Основания, только что проинспектированный мной. Который телеграфировали со всех углов. Ваши сны ни о чем не предупреждали?

Годисавата поднял на него глаза. Это был невысокий человек с почти черными глазами, окруженными тонкими морщинами, никогда не улыбавшийся.

– Почему вы спрашиваете?

Собхаддарта вытянулся и сдвинул роскошные черные брови.

– Они говорят, что они туристы, но я еще никогда не видел подобного корабля, и мое личное мнение – что они агенты Основания.

– Послушайте, по правде сказать, я не помню, чтобы я спрашивал ваше мнение.

– Но, шеф, я считаю своим патриотическим долгом указать вам, на...

Годисавата опустил руки на грудь и строго уставился на мелкую сошку, которая, хотя впечатляла физической силой и происхождением, но тут же

согнулась и приняла приниженный вид под пристальным взглядом начальника.

Годисавата предупредил:

— Если вы понимаете, что есть благо для вас, то вы либо будете делать свою работу без комментариев, либо я позабочусь, чтобы у вас не было пенсии, когда вы выйдете в отставку, что, кстати, может произойти скоро, если я еще раз услышу о предметах, которые вас не касаются.

Собхаддарта тихим голосом сказал:

— Да, сэр, — и добавил с подозрительной степенью услужливости. — Входит в круг моих

обязанностей, сэр, сообщить, что на наших экранах появился второй корабль?

– Считайте, что уже сообщили, – раздраженно сказал Годисавата и вернулся к своей работе.

– С характеристиками, – сказал еще более униженным тоном Собхаддарта, – точно подобными тому кораблю, который я только что пропустил.

Годисавата положил руки на стол и встал:

– Второй корабль?

Собхаддарта улыбнулся про себя. Проклятый ублюдок от незаконной связи (он имел в виду шефа), ясное дело, я не видел во сне двух кораблей.

– По-видимому, сэр, – сказал он. – Теперь я вернусь на свой пост и буду ждать приказов, и я надеюсь, сэр...

– Да?

Собхаддарт не мог удержаться, даже рискуя лишением пенсии:

– Я надеюсь, сэр, что мы не сделали ошибки, пропустив первый.

«Далекая Звезда» быстро шла к Сейшел-планете, и Пилорат зачарованно следил за ней. Слой облаков был тоньше и разреженнее, чем над Терминусом, и поверхность суши была более однообразной – включая обширные районы пустынь – если судить по ржавому цвету

большей части континента.

Не было признаков жизни. Планета казалась миром бесплодной пустыни, серой равнины, бесконечных складок, которые, видимо, представляли собой горные области, и, конечно, океаны.

— Она кажется мертвой, — пробормотал Пилорат.

— Напрасно вы надеетесь различить признаки жизни с такой высоты, — сказал Тревиз. — Вот опустимся пониже, и вы увидите на почве зеленые пятна.

А еще раньше вы увидите мерцающий ландшафт на ночной стороне. Человеческие существа склонны освещать свои планеты,

когда наступает тьма. Я никогда не слышал, чтобы хотя бы одна планета была исключением из этого правила. Иными словами, первым признаком жизни, который вы увидите, будет не человек, а технология.

Пилорат задумчиво произнес:

— Человеческие существа — дневные по своей природе. Мне кажется, что одной из первых задач развития технологии было превращение ночи в день. В сущности, можно судить о прогрессе технологического развития планеты по интенсивности освещенности темной поверхности. Как вы считаете, далеко ли до замены темной униформы на светлую?

Треви́з рассмеялся.

— У вас возникают поразительные сравнения, я полагаю, это происходит от увлечения мифологией. Вряд ли униформа, возможна. Ночное освещение должно соответствовать плотности населения, так что континенты сверкают узлами и полосами. Даже Трантор в своем величии, когда он был огромной единой структурой, позволял свету обегать эту структуру лишь разбросанными точками.

Почва стала зеленой, как и предсказывал Треви́з, и на последнем витке он указал на то, что, по его словам, было городами.

— Это не полностью

урбанизированный мир. Я никогда не бывал в Союзе Сейшел, но, согласно выданной компьютером информации, здесь тенденция придерживаться традиций прошлого. В глазах всей Галактики технология ассоциируется с Основанием, а поскольку Основание тут непопулярно, они и цепляются за прошлое — конечно, за исключением вооружения. Уверяю вас, в этом отношении Сейшел — вполне современная планета.

— Дорогой мой Голан, это сулит неприятности? Мы — члены Основания, и, оказались на вражеской территории...

— Это не вражеская территория,

Янов. Не бойтесь, они будут предельно вежливы. Основание здесь непопулярно, но и только. Сейшел не относится к Федерации Основания, следовательно, они гордятся независимостью, и не хотят помнить, что они куда слабее Основания; позволяют себе роскошь не любить нас, оставаясь свободными только потому, что мы согласились на это.

— Боюсь, что это может, все-таки, быть неприятным, — уныло сказал Пилорат.

— Вовсе нет, — возразил Тревиз. — Бросьте, Янов. Я говорил об официальном отношении правительства Сейшел. Народ на планете — обычные люди, и если мы

благожелательны и не изображаем из себя Лордов Галактики, они тоже будут к нам благосклонны. Мы приехали на Сейшел не для того, чтобы устанавливать здесь главенство Основания. Мы просто туристы и задаем вопросы о Сейшел, как всякие другие туристы. И если ситуация позволит, мы можем иметь небольшое законное послабление. Ничего плохого, если мы остановимся здесь на несколько дней и посмотрим, что нам предложат. У них может быть интересная культура, интересные пейзажи, интересная пища и — интересные женщины.

Деньги у нас есть.

Пилорат нахмурился.

— О, мой дорогой...

— Не скромничайте, — сказал

Треviz, — вы не так стары. Разве это вас не интересует?

— Не скажу, что не было такого времени, когда я не отдавал дань подобным занятиям, но сейчас не время для этого. У нас миссия! Мы хотим найти Гею. В подходящее время я ничего не имею против, но если мы запутаемся, трудно будет вырваться. — Он покачал головой и коротко добавил:

— Я думаю, вы боялись, что я застряну в Галактической библиотеке на Транторе и задержу вас. Конечно, библиотека для меня также

привлекательна, как для вас черноглазая девица, а то и пять-шесть девиц.

— Я не распутник, Янов, но и аскетом быть не собираюсь. Ладно, я обещаю вам, что мы продолжим это дело с Геей, но если мне по дороге встретится нечто приятное, то нет никаких причин, почему бы не отреагировать нормально.

— Если вы действительно поставите на первое место Гею...

— Поставлю. Старайтесь только не упоминать, что мы из Основания. Тут будут знать об этом, потому что мы тратим деньги Основания и говорим с сильным терминусским акцентом, но если мы не будем

подчеркивать это, нас сочтут чудаками и будут лояльнее. Если же мы станем напирать на то, что мы члены Основания, с нами будут вежливы, но ничего нам не расскажут, ничего не покажут, никуда не сводят и предоставят нас самим себе.

— Никогда не понимал людей... — вздохнул Пилорат.

— Тут и понимать нечего. Вглядитесь пристальнее в себя и поймете любого другого. Мы не так уж сильно отличаемся. Как бы Селдон разработал свой план — при всей его хитрой математике — если бы он не знал людской психологии? И как бы он создал этот план, если

бы людей было трудно понять?

Вы пытаетесь предстать человеком, который не может понять других, а я покажу вам человека, который создал фальшивый образ себя самого — не в обиду будет сказано.

— Не обижаюсь. Я готов признать, что неопытен, что прожил сосредоточенную жизнь отшельника. Может быть, поэтому я никогда не вглядывался в себя, так что ведите меня и давайте советы насчет людей.

— Договорились! Тогда примите мой совет сразу же: следите за пейзажем. Мы скоро приземлимся, и я уверяю, что вы не почувствуете посадки. Следите, а все остальное

сделаем мы с компьютером.

— Голан, вы не сердитесь. Если появится молодая женщина...

— Забудем об этом! Сейчас я должен позаботиться о посадке.

Пилорат снова стал разглядывать планету. Это первая чужая планета, на которую он ступит. Мысль наполнила Пилората каким-то дурным предчувствием, хотя все миллионы обитаемых планет в Галактике были колонизированы людьми не рожденными на них.

«Все, кроме одной», — подумал он с дрожью и восхищением.

Космопорт, по стандартам Основания, был невелик, но

содержался хорошо.

Треви́з наблюдал, как «Далекая Звезда» точно вошла в предназначенное для нее место и была зафиксирована там. Им выдали хитро закодированную квитанцию.

Пилорат тихо поинтересовался:

– Значит, мы оставим его здесь?

Треви́з кивнул и успокаивающе положил руку ему на плечо.

– Не беспокойтесь, – сказал он тоже шепотом.

Они наняли наземный кар, и Треви́з углубился в карту города, башни которого виднелись на горизонте.

– Сейшел-Сити, – сказал он. – Город, планета, звезда – все

именуется Сейшел.

— Я, все-таки, беспокоюсь о корабле, — сказал Пилорат.

— Насчет него можно не беспокоиться, — сказал Тревиз. — Вечером мы вернемся на корабль и будем ночевать в нем, если останемся здесь на несколько дней. Поймите, межзвездный этический кодекс космопорта, насколько я знаю, никогда не нарушался, даже в военное время. Космические корабли, пришедшие с миром, неприкосновенны. Если бы это было не так, никто не мог бы оставаться в безопасности, и торговля остановилась бы. Любая планета, нарушившая этот кодекс, была бы

бойкотирована всеми космопортами и космопилотами Галактики. Уверяю вас, ни одна планета не пойдет на такой риск. Тем не менее...

— Что — тем не менее?

— Ну, я, все-таки, договорился с компьютером, что любой, непохожий на нас и с другим голосом, может быть убит, если попытается войти на борт. Я объяснил это командующему портом. Я сказал ему, что хотел бы выключить это специальное устройство из уважения к репутации космопорта Сейшел-Сити, известной всей Галактике, но, пояснил я, корабль новой модели, и я не знаю, как выключается этот прибор.

— Он, конечно, не поверил...

– Конечно, нет! Но сделал вид, что верит, иначе ему оставалось только одно – обида. А поскольку он ничего не может сделать, обида привела бы к унижению. А унижаться он не хочет, и значит, самое простое – поверить моим словам.

– Это еще один штрих к портрету человечества?

– Да, возьмите это на вооружение.

– А как вы узнали, что этот кар не снабжен «жуком»?

– Я подумал, что такое возможно, и поэтому, когда мне предложили один кар, я взял другой – наугад. Если они все с «жуками» –

ну, что же, ничего ужасного мы не сказали!

Пилорат загрустил.

— Не знаю, как это выразить. Вроде бы жаловаться невежливо, но мне не нравится запах...

— В машине?

— Да, нет... Не только... в космопорту тоже. Я подумал, что пахнет только там... но машина прихватила запах с собой. Нельзя ли открыть окна?

Треви́з засмеялся.

— Полагаю, что мог бы сообразить, какая часть контрольной панели производит этот трюк открывания окна — но это не поможет. Воняет сама планета.

Очень скверно?

— Запах не очень сильный, но заметный и довольно противный. Неужели вся планета так пахнет?

— Я забыл, что вы никогда не бывали в других мирах. У каждого обитаемого мира свой запах. В основном растительность, но я полагаю, что животные и даже люди вносят свою долю. И, насколько я знаю, ни одному человеку не нравится запах планеты, на которую он только что ступил. Но вы привыкнете к нему, Янов. Я обещаю вам, что через несколько часов вы перестанете его замечать.

— Не хотите же вы сказать, что все миры пахнут вроде этого?

– Нет. Как я уже говорил, у каждого мира свой запах. Когда я только что поступил во Флот, я никогда не мог есть первый день на новой планете.

Затем я выучился старому трюку космолетчиков: начиная посадку, я нюхал носовой платок, пропитанный запахом планеты. К тому времени, когда я выходил на открытый воздух, я уже не чувствовал запаха. А с течением времени я вообще переставал его ощущать. Просто привыкаешь не обращать на него внимания. Хуже всего – возвращаться домой.

– Почему?

– Вы думаете, Терминус не

пахнет?

– Вы хотите сказать – пахнет?!

– Конечно. Когда вы привыкнете к запаху другого мира, вроде Сейшел, вы удивитесь, до чего на Терминусе воняет. В прежние дни, когда после большого объема работ открывали люки на Терминусе, вся команда кричала: «Закройте этот сортир!»

Пилората покорило.

Башни города заметно приблизились, но Пилорат изучал только ближнее окружение. В обоих направлениях мчались наземные кары, иной раз пролетало воздушное такси. Пилорат внимательно разглядывал деревья.

– Растительная жизнь выглядит

странно. Как вы думаете, что из нее — местного происхождения?

— Затрудняюсь ответить... — рассеянно отозвался Тревиз. Он изучал карту и пытался наладить компьютер кара. — На любой заселенной людьми планете местной жизни не так уж много. Переселенцы всегда импортировали свои растения и животных — либо сразу после заселения, либо чуть позже...

— Однако растительность выглядит странно.

— Янов, вы надеялись, что из мира в мир переходят одни и те же виды? Я как-то говорил вам, что создатели Галактической Энциклопедии сделали атлас видов.

Он занял восемьдесят семь компьютерных дисков, тем не менее, был неполным и, в какой-то мере, устарел уже к моменту окончания.

Наземный кар подъехал к городу и углубился в предместья. Пилорат слегка вздрогнул.

— Я невысокого мнения об архитектуре города.

— Каждому свое, — сказал Тревиз с безразличием космического путешественника.

— Куда мы, кстати, едем?

— Ну, — сказал Тревиз с некоторым раздражением, — я пытался заставить компьютер вести эту штуку в туристский центр. Надеюсь, в отличие от меня,

компьютер знает правила уличного движения.

— Что мы там будем делать, Голан?

— Во-первых, мы — туристы, следовательно, туристский центр — место, куда мы обязательно должны заехать и быть естественными и беззаботными, насколько это возможно. А во-вторых, куда бы вы отправились за информацией насчет Геи?

— В университете, возможно, есть сведения, — ответил Пилорат, — в антропологическом обществе или в музее, но никак не в туристском, центре.

— Вы не правы. В туристском

центре мы будем интеллектуальными типами, жаждущими получить список городских университетов, музеев и тому подобного.

Мы решим, куда направиться первым делом, узнаем, где найти нужных людей, чтобы проконсультироваться насчет древней Истории, галактографии, мифологии, антропологии и всякого другого, что вы там придумаете. Но все начинается с туристского центра.

Пилорат молчал, машина двигалась, виляя, как только стала частью уличного движения. Они нырнули в подземный переход и проехали мимо знаков, которые, видимо, указывали направление и

давали инструкции по движению, но были исполнены в местном стиле, что делало их совершенно нечитаемыми.

К счастью, кар вел себя так, словно знал дорогу и, когда остановился и сам припарковался на «островке»; они увидели табличку, гласившую: «Место иноземцев на Сейшел» в том же затруднительном для чтения стиле, но ниже была надпись легко читаемыми буквами Галактического Стандартного языка: *«Сейшелский Туристический Центр»*.

Они вошли в здание, которое внутри оказалось гораздо меньше, чем выглядело снаружи. Оживления явно не было.

Там был ряд кабин для ожидания. Одна была занята мужчиной, читавшем новости на маленьком экране, в другой сидели две женщины и играли в какую-то сложную карточную игру. За широким столиком-стойкой с мигающими кнопками сидел скучающий чиновник. Стойка казалась слишком широкой для него, кнопки — слишком сложными. Одежда его напоминала многоцветную шахматную доску.

Пилорат уставился на него и прошептал:

— Этот мир явно интересуется только одеждой.

— Да, — сказал Тревиз, — я это

заметил. Что ж, люди изменяются от мира к миру, иной раз даже от одного городского района к другому. Пятьдесят лет назад на Сейшел все носили черное, насколько мне известно. Так что примиритесь с этим, Янов.

— Полагаю, что так и сделаю, — отозвался Пилорат, — но предпочитаю нашу моду. Она, по крайней мере, не давит на глазной нерв.

— Поскольку все мы серые на сером? А некоторых это раздражает. Я слышал, как говорили: «Словно в пыли вывалился». Возможно, эта бесцветность Основания и заставила здешних жителей носить радугу — чтобы подчеркнуть свою

независимость. Пойдемте, Янов!

Они направились к стойке, и мужчина, изучавший новости, встал и, улыбаясь, пошел им навстречу. Его одежда была в серых тонах.

Тревис не сразу обратил на него внимание, но затем остановился, как вкопанный, и глубоко вздохнул:

— Черт побери! Мой друг-предатель!

Агент

Манн Ли Кампер, Советник Терминуса, неуверенно протянул руку Тревизу.

Тот сурово посмотрел на нее и сказал в пространство:

— Я не склонен создавать ситуацию, при которой окажусь арестованным за нарушение порядка на чужой планете, но мне придется пойти на это, если этот тип подойдет хотя бы на один шаг ближе.

Кампер сразу остановился в нерешительности и, наконец, сказал тихо, неуверенно взглянув на Пилората:

– Не могли бы мы поговорить, чтобы объясниться? Может быть, ты выслушаешь меня?

Пилорат, слегка нахмурившись, переводил взгляд с одного на другого.

– Что это, Голан? Не успели мы прилететь на такую далекую планету, как сразу встретили вашего знакомого?

Тревиз не спускал глаз с Кампера, но слегка развернулся, чтобы было ясно, что отвечает он Пилорату.

– Это... человеческое существо, если судить по внешнему виду, когда-то было моим другом на Терминусе. Как и всегда с друзьями, я был откровенен с ним. Я высказывал ему

свои мнения, о которых, вероятно, все же не следовало кричать на улицах. Он передал их властям, по-видимому, весьма детально, но не потрудился сообщить мне об этом. По этой причине я был ловко пойман в ловушку, и теперь нахожусь в ссылке. А сейчас это человеческое существо желает, чтобы его опять признали другом. — Он повернулся к Камперу и ткнул пальцем ему в волосы, несколько нарушив аккуратную укладку волос.

— Слушайте, вы! У меня к вам один вопрос: что вы здесь делаете? Почему вы выбрали из всех миров Галактики именно этот? И почему — сейчас?

Рука Кампера, остававшаяся протянутой в течение всей речи Тревиза, теперь опустилась. Улыбка исчезла. Самоуверенный вид, свойственный ему, пропал, а без него Кампер выглядел моложе своих тридцати четырех лет.

— Я объясню, — сказал он, — но только с самого начала.

Тревиз быстро огляделся.

— Здесь? Вы хотите говорить об этом здесь, в общественном месте? Вы хотите, чтобы я ударил вас тут, после того как наслушаюсь вашей лжи?

Кампер поднял руки, сложив ладони.

— Поверь мне, это самое

спокойное место. – Но увидев, что Тревиз собирается что-то возразить, поспешно добавил: – Можешь не верить мне – это все равно. Но я говорю правду. Я пробыл на планете несколько дольше, чем вы, и проверил. Сегодня на Сейшел какой-то особенный день. День медитации. Почти все сидят по домам – или должны сидеть. Сам видишь, как здесь пусто. Не думай, что это всегда так.

Пилорат кивнул и заметил:

– А я-то удивлялся, почему здесь так безлюдно. – Он наклонился к уху Тревиза и прошептал:

– Почему бы вам не позволить ему рассказать, Голан? Он выглядит

таким несчастным, бедняга, может, он попытается извиниться. Мне кажется несправедливым — отказывать ему.

Треви́з сказал:

— Доктор Пилорат, кажется, желает выслушать вас. Я хотел бы угодить ему, но вы весьма обяжете меня, если будете говорить кратко. Возможно, это удачный день для высвобождения моего темперамента. Если все заняты медитацией, никакое нарушение с моей стороны не привлечет стражей закона. Завтра мне может не повезти. Стоит ли надеяться на случайность?

Кампер напряженно сказал:

— Если хочешь вздуть меня —

давай. Я даже защищаться не стану. Ясно? Но сначала выслушай меня.

– Говорите.

– Во-первых, Голан...

– Обращайтесь ко мне по фамилии, пожалуйста. Я не желаю быть с вами на «ты».

– Во-первых, Тревиз, вы проделали хорошую работу, чтобы убедить меня в своих взглядах...

– Вы это хорошо скрывали. Я мог бы поклясться, что вы просто смеялись надо мной.

– Я пытался смеяться, скрывая от самого себя тот факт, что вы были исключительным нарушителем душевного спокойствия. Давайте сядем у стенки. Хотя здесь и пусто,

но кто-нибудь может зайти, а я не думаю, что нам стоит привлекать внимание.

Они сели в кресла, которые мягко прогнулись по форме их тела. Пилорат удивился и сделал попытку встать.

— Расслабьтесь профессор, — остановил его Кампер. — Я уже прошел через это. Они во многом опередили нас. Этот мир любит комфорт. — Он повернулся к Тревизу, положил руку на спинку его кресла и мягко заговорил:

— Вы смутили меня. Вы заставили меня почувствовать, что Второе Основание существует, и это глубоко потрясло меня. Я прикинул

последствия. Не ясно ли, что они могут следить за вами каким-то образом? Устранить вас как потенциальную угрозу? А заодно и меня? Вы улавливаете мою мысль?

— Мысль труса — да!

— А что хорошего в том, чтобы стать храбрецом, каких много в истории? — по-прежнему мягко спросил Кампер, но его голубые глаза сузились от негодования. — Можем ли вы или я противостоять организации, способной переплавить ваш мозг и эмоции? Единственный путь эффективной борьбы — скрыть наше знание и начать сначала.

— Значит, вы скрыли и спаслись? Однако, вы не скрыли этого от мэра

Бранно. Тот же риск!

— Да! Но я думал, что дело стоит этого. Разговор между собой не даст ничего, кроме того, что нас возьмут под мысленный контроль или сотрут нашу память. С другой стороны — если я сказал мэру, то потому, что она хорошо знала моего отца. Мы с отцом эмигрировали со Смирно, а бабушка мэра...

— Да, да, — нетерпеливо перебил его Тревиз, — и вы нашли след далеких предков в Секторе Сириуса. Вы так часто об этом рассказывали, что это известно всем. Дальше!

— Ну, я ей и сказал. Если бы я мог убедить мэра, пользуясь вашими аргументами, что налицо опасность,

Федерация могла бы предпринять какие-то действия. Мы теперь не так беспомощны, как во времена Мула, и — что хуже всего — это опасное знание стало бы распространяться. Лично мы оказались бы в исключительной опасности.

— Подвергнуть опасности Основание, лишь бы обезопасить себя. Вот где истинный патриотизм! — ядовито заметил Тревиз.

— В худшем случае — да. Но я надеялся на лучшее. — Кампер слегка вспотел. Казалось, на него давило неподвижное ожидание Тревиза.

— А мне вы не сообщили о столь мудром плане...

– Нет, и очень сожалею об этом, Тревиз. Мэр приказала мне молчать. Она сказала, что хочет знать все, что знаете вы, но вы такой человек, что замкнетесь, если узнаете, что ваши замечания кому-то переданы.

– Она права!

– Я не знал... не предполагал... я и подумать не мог, что она собирается арестовать вас и выкинуть с планеты.

– Она поджидала подходящего политического момента, когда мой статус Советника не сможет защитить меня. Этого вы не предвидели?

– Как я мог предвидеть? Вы и сами не предвидели...

— Если бы я знал, что мои взгляды ей известны, я бы предвидел.

Кампер парировал неожиданным налетом наглости:

— В ретроспективе легко рассуждать.

— Ладно, ну и что вам понадобилось от меня здесь? Тоже что-нибудь из ретроспективы?

— Поправить все. Исправить вред, который я — неумышленно — нанес вам.

— Красота, — сухо заметил Тревиз. — На вас очень похоже! Но вы так и не ответили на мой самый первый вопрос. Как вы попали сюда? Как получилось, что вы оказались на той же планете, что и я?

— Ответ прост. Я следовал за вами.

— Через гиперпространство? Когда мой корабль сделал серию прыжков?

— Тут нет никакой тайны. У меня такой же корабль, как и у вас, с таким же компьютером. Вы знаете, что я всегда обладал способностью угадывать направление движения кораблей через гиперпространство. Догадка не всегда бывала удачной, я раза два ошибался, но с компьютером мне было значительно легче. Вы колебались на старте, и это дало мне возможность оценить направление и скорость, с которой вы шли перед входом в

гиперпространство. Я вложил эти сведения плюс мои собственные интуитивные экстраполяции в компьютер — и он сделал все остальное.

— И вы действительно попали в город раньше меня?

— Да. Вы не пользовались гравитацией, как я. Я сообразил, что вы направитесь в столицу, так что опустил ся прямо, в тоже время, как вы, — Кампер сделал пальцем спиралевидное движение, показывая, как корабль шел по направленному лучу.

— Вы рисковали поссориться с таможней Сейшел.

— Ну, — лицо Камера засияло от

улыбки и стало таким бесспорно очаровательным, что почти тронуло Тревиза, — я не всегда и не во всем трус.

Тревиз ожесточил себя.

— А как вы сумели получить такой же корабль, как и я?

— Так же, как и вы. Старая леди — мэр Бренно — записала его на меня.

— Зачем?

— Я буду полностью откровенен с вами. Я обязан следить за вами. Мэр хотела знать, куда вы полетите и что будете делать.

— И вы честно сообщили ей, я полагаю. Или вы были бесчестны по отношению к мэру тоже?

— Я сообщил ей. Впрочем, у меня

не было выбора. Она установила на мой корабль гипертранслятор, который я не предполагал найти, но нашел.

— Ну и?..

— К несчастью, он вмонтирован так, что я не мог уничтожить его, не обездвижив корабль. По крайней мере, я не смог его испортить. Следовательно, она знает, где я, и знает поэтому, где вы.

— Допустим, что вы не сумели бы последовать за мной. Тогда она не узнала бы, где я. Вы подумали об этом?

— Конечно. Я подумал, не сообщить ли мне, что я потерял вас, но я отнюдь не был уверен, что она

поверит мне. А тогда я не смог бы вернуться на Терминус неопределенно долгое время. А ведь я не вы, Тревиз, не свободная личность без привязанностей. У меня на Терминусе жена, которая беременна, и я хочу вернуться к ней. Вы имеете возможность думать только о себе, а я — нет. К тому же, я пришел предупредить вас. Ей-богу, я пытаюсь это сделать, а вы не хотите слушать. Вы все время говорите о другом.

— Меня не интересует ваша неожиданная забота обо мне. Против чего вы можете меня предупредить? Мне кажется, меня нужно было предупреждать только против вас.

Вы продали меня и теперь идете за мной, чтобы продать вторично. Никто другой не причинил бы мне большего вреда.

Кампер убедительно сказал:

— Бросьте вы этот драматический тон! Тревиз — вы громоотвод! Вас послали вызвать реакцию Второго Основания, если только оно существует. У меня интуитивное чутье не только к гиперпространственному преследованию, и я уверен, что мэр запланировала именно это. Если вы попытаетесь найти Второе Основание, оно будет знать об этом и предпримет действия против вас. Им стоит только пальцем шевельнуть. А

когда они это сделают, мэр Бранно узнает о них.

— Какая жалость, что ваша хваленая интуиция не сработала тогда, когда Бранно планировала мой арест.

Кампер вспыхнул и пробормотал:

— Вы знаете, что она не всегда срабатывает.

— А теперь она говорит вам, что мэр планирует атаковать Второе Основание? Бранно не посмеет!

— Думаю, что посмеет. Но дело даже не в этом. Главное, что она подбросила вас в качестве приманки.

— Итак?

— Итак, ради всех черных дыр в

космосе, не ищите Второе Основание. Ей наплевать, если вас убьют, а мне не наплевать, я чувствую себя ответственным за это и тревожусь.

— Весьма тронут, — холодно сказал Тревиз, — но получилось так, что в данный момент у меня совсем другая задача.

— Какая?

— Пилорат и я идем по следам Земли, планеты, которая, по мнению некоторых, была первым домом человеческой расы. Это ведь так, Янов?

Пилорат закивал.

— Да, это чисто научный поиск и моя давняя мечта.

Кампер некоторое время отупело смотрел на них.

– Найти Землю? А зачем?

– Изучить ее, – сказал Пилорат, – как единственный мир, на котором развились человеческие существа – предположительно из низших форм жизни, а не просто появились в готовом виде, как на других планетах. Это будет потрясающее по уникальности исследование.

– И, – добавил Тревиз, – как мир, где, возможно, я узнаю кое-что о Втором Основании. Конечно, это только предположение.

– Но никакой Земли нет, – сказал Кампер. – Разве вы не знаете?

– Нет Земли? – лицо Пилората

стало отчужденным, как бывало всегда, когда он упрямился. — Вы говорите, что не было планеты, на которой возник человеческий род?

— О, нет! Конечно, Земля была, вне всяких сомнений! Но сейчас ее нет. То есть, нет обитаемой Земли. Она погибла.

— Басни, — пренебрежительно сказал Пилорат.

— Подождите, Янов, — вмешался Тревиз. — Скажите, Кампер, откуда вы это знаете?

— То есть как это — откуда? Это мое родовое знание. Я ведь веду свой род из Сектора Сириуса, если я могу повторить это, не раздражая вас. Поэтому нам все известно о Земле.

Она существовала в этом секторе, и это означало, что она не была частью Федерации Основания, потому что никто на Терминусе, по-видимому, не интересовался ею. Но Земля там была, та самая.

— Такое указание было, да, — подтвердил Пилорат. — Во времена Империи был большой энтузиазм по поводу «Альтернативного Сириуса», как тогда называли Землю.

Кампер горячо возразил:

— Это не альтернатива, это — факт!

— А что вы скажете, — сказал Пилорат, — если я перечислю множество планет в Галактике народы которых называют их

Землей?

— Но эта Земля вполне реальна, — ответил Кампер. — Сектор Сириуса — самая древняя населенная часть Галактики. Это все знают.

— Так уверяют сирианцы, — равнодушно возразил Пилорат.

— Я говорю... — начал было Кампер, но Тревиз перебил его.

— Что случилось с Землей? Вы сказали, что она давно необитаема. Почему?

— Из-за радиоактивности, вся планета радиоактивна, что было вызвано вышедшими из-под контроля ядерными реакциями или из-за ядерных взрывов — точно не знаю — жизнь на ней невозможна.

Все трое переглянулись и Кампер почувствовал, что надо повторить.

— Я сказал вам, что Земли нет. Бесполезно искать ее.

Лицо Янова Пилората на этот раз не казалось отчужденным. Его глаза сузились и все лицо наполнилось чем-то вроде гордой энергии. И в голосе ученого не было и следа обычного для него не совсем уверенного тона, когда он сказал:

— Откуда, вы сказали, стало об этом известно?

— Я уже говорил — из моей родословной.

— Не валяйте дурака, молодой человек. Вы — Советник. Это

означает, что вы родились на одной из планет Федерации – на Смирно, кажется, так вы упомянули в начале разговора.

– Правильно.

– Тогда о какой родословной может идти речь? Не хотите же вы сказать, что в вас присутствуют сирианские гены, дающие вам врожденное знание мифов Сириуса о Земле?

Кампер, казалось, был захвачен врасплох.

– Нет, конечно, нет.

– Тогда что же вы имеете в виду?

Кампер немного помолчал, собираясь с мыслями. Затем спокойно сказал:

— В моей семье хранятся старинные книги по истории Сириуса. Так сказать, внешнее наследство, а не внутреннее. Мы об этом особенно не распространялись, особенно те из нас, кто намеривался заняться политической карьерой. Тревиз, кажется думает, что я-то как раз и болтал, но поверьте, я упоминаю об этом только близким друзьям. — В его голосе звучала горечь. — Теоретически все граждане Основания равны, но люди из старых миров Федерации более достойны, чем люди из новых, а те, кто происходят из внешних миров, достойны меньше всех. Но речь не об этом. Я не только читал старые

книги, но и посещал когда-то старые миры... Эй, Тревиз, куда...

Тревиз отошел к треугольному окну. Видно было небо и маленький кусочек города. Много света, и полная безлюдность. Тревиз вытянулся, чтобы заглянуть вниз.

Он повернулся в комнату.

— Оригинально сделано это окно. Вы что-то хотели мне сказать, Советник?

— Да, помните круиз, который я совершил после колледжа?

— Прекрасно помню. Мы же были друзьями. Друзьями, так сказать, навек. Надеждой Основания. Двое против всего мира. Вы отправились в свое турне.

Переполненный патриотизмом, я поступил на Флот. Почему-то мне тогда не захотелось путешествовать с вами — наверное, инстинкт предостерег меня. Хотел бы я, чтобы этот инстинкт остался со мной и в дальнейшем.

Кампер не поддался на провокацию.

— Я побывал на Кампаралоне. В семейных легендах говорилось, что мои предки вышли оттуда — по крайней мере, со стороны отца. В древние времена мы были правящей фамилией, до того, как нас поглотила Империя, и моя фамилия происходит оттуда. Звезда, вокруг которой вращается Кампарелон, имела

древнее поэтическое название — Эпсилон Эридана.

— Что оно означает? — спросил Пилорат.

Кампер покачал головой.

— Не знаю, означает ли оно вообще что-нибудь. Скорее всего — традиция. Там очень любили старину. Мир — древний, имеются детальные записи по истории Земли, но об этом помалкивают. Какое-то суеверие. Каждый раз, упоминая слово «Земля», они поднимают руки со скрещенными пальцами, чтобы уберечься от несчастий.

— Вы говорили об этом кому-нибудь по возвращении?

— Конечно, нет. Да и кому это

интересно? Мне надо было делать политическую карьеру, и я вовсе не собирался подчеркивать свое чужеземное происхождение.

— А как насчет спутника? Опишите спутник Земли, — резко сказал Пилорат.

Кампер растерялся.

— Я ничего не знаю о нем.

— Но у нее есть спутник?

— Не помню, чтобы читал или слышал об этом. Но я уверен, что если вы сами познакомитесь с записями Кампарелона, то найдете это.

— А вы, значит, ничего не знаете?

— Насчет спутника — нет. Не помню...

– Хм! А каким образом Земля стала радиоактивной?

Кампер молча покачал головой.

– Вспомните! – настаивал Пилорат. – Вы должны были слышать что-нибудь.

– Я был на Кампарелоне семь лет назад, профессор. Я не знал тогда, что вы будете меня об этом расспрашивать. Существует, правда, там какая-то полулегенда-полумиф, который считается историческим.

– Что такое?

– Земля была радиоактивной. Империя пренебрегала и помыкала ею. Ее население сокращалось и хотело каким-то образом уничтожить Империю.

– Один вымирающий мир хотел уничтожить целую Империю? – удивился Тревиз.

Кампер сказал извиняющимся тоном:

– Я же говорю, что это – легенда. Деталей я не помню, но вспоминаю, что в ней упоминался Арвардан.

– Кто это? – спросил Тревиз.

– Историческая личность. Я с уважением отношусь к нему. Это был честный галактический археолог в ранние времена Империи, и он уверял, что Земля находится в Секторе Сириуса.

– Я слышал это имя, – сказал Пилорат.

— Он — народный герой Кампарелона. Так что, если вы захотите узнать подробнее, поезжайте на Кампарелон. Здесь торчать бесполезно.

— Так как же Земля, по вашим сведениям, планировала разрушить Империю? — спросил Пилорат.

— Не знаю, — голос Кампера стал угрюмым.

— Радиация имела к этому какое-нибудь отношение?

— Не знаю. Были рассказы о каком-то мозге-расширителе, сконструированном на Земле — синапсере или что-то в этом роде.

— Он что, создал супермозг? — спросил Пилорат с видом глубокого

недоверия.

— Не думаю. Я запомнил только, что этот план не сработал. Люди становились очень смышленными, но умирали молодыми.

— Это, очевидно, мораль мифа. Если просишь слишком много — теряешь то, что имеешь, — заметил Тревиз.

Пилорат недовольно повернулся к нему.

— А вы-то что знаете о морали мифов?

Тревиз поднял брови.

— Хотя мое поле деятельности отлично от вашего, Янов, но это не означает, что я полный невежда.

— Что вы еще помните об этом

синапсере, советник Кампер? – спросил Пилорат.

– Ничего, я не хочу больше подвергаться перекрестному допросу. Видите ли, я последовал за вами по приказу мэра. Но мне не приказывали установить с вами личный контакт. Я сделал это лишь потому, что хотел предупредить о слежке и о том, что вас послали служить личным целям мэра. Больше мне не о чем говорить с вами, но вы удивили меня неожиданным интересом к Земле. Так вот, позвольте мне повторить: что бы там ни существовало в прошлом – Бел Арвардан, синапсеры, что угодно – все это не имеет ничего общего с

тем, что существует сейчас. Говорю еще раз: Земля – мертвый мир. Я очень советую вам поехать на Кампарелон, где вы найдете все, что хотите знать. Самое главное – уезжайте отсюда.

– И вы, конечно, доложите мэру, что мы поехали на Кампарелон, и последуете за нами – для гарантии. А может, мэр уже все знает? Я представляю, как тщательно она вас инструктировала насчет каждого слова, какое вы нам здесь скажите, потому что она, как видно, хочет зачем-то отправить нас на Кампарелон. Правильно?

Кампер побледнел, встал и, почти заикаясь от усилий управлять

своим голосом, сказал:

— Я пытался объяснить. Я хотел помочь. Напрасно... Можете проваливаться в черную дыру, Тревиз!

Он повернулся и вышел не оглядываясь. Пилорат опешил.

— Наверное, это было бестактно с вашей стороны, Голан, дружище. Я мог бы еще что-нибудь вытянуть из него.

— Нет, не могли бы, — серьезно сказал Тревиз. — Вы не вытянули бы из него ничего, кроме того, что он хотел выдать вам, Янов, вы не знаете, что он такое... До сегодняшнего дня и я этого не знал.

Пилорат боялся потревожить

Треви́за, который неподвижно сидел в кресле, глубоко задумавшись. Наконец, Пилорат все же решился.

— Мы так и просидим здесь всю ночь, Голан?

Треви́з вздрогнул.

— Нет, вы совершенно правы. Нам будет лучше без людей вокруг. Пойдемте!

Пилорат встал.

— Вокруг нас и не будет людей. Кампер говорил, что сегодня какой-то день медитаций.

— Говорил. А когда мы ехали из космопорта, уличное движение было?

— Да, какое-то было.

— Небольшое, по-моему. А когда

мы въехали в город, он был пустым?

— Нет, вообще-то. Но согласитесь, в этом помещении пусто.

— Да. Я обратил внимание на эту особенность. Пошли, Янов, я проголодался. Тут должно быть какое-нибудь место для еды, и мы можем себе позволить взять что-нибудь хорошее. Найдём уголок, где можно попробовать интересную сейшельскую новинку, или, в крайнем случае, хорошую галактическую еду. Пошли. Как только мы окажемся в безопасном окружении, я скажу вам, что, по моему мнению, здесь случилось.

Треви́з откинулся на спинку

стула с приятным чувством обновления.

Ресторан был, по стандартам Терминуса, не первоклассным, но он был явно новым. Частично он обогревался открытым очагом, где готовилась еда. Мясо, в основном, подавалось крошечными порциями, в самых разнообразных соусах. Его вылавливали пальцами, а для защиты от кипящего жира пользовались зелеными листьями, холодными, влажными, с неопределенным мятным вкусом. Для каждого кусочка мяса полагался отдельный листок, и все вместе отправлялось в рот.

Официант вежливо объяснил,

как это делается. Видимо, привыкший к инопланетным гостям, он отечески улыбался, пока Тревиз и Пилорат осторожно вылавливали исходящие паром кусочки мяса, и был явно восхищен, когда иноземцы с облегчением констатировали, что листья не только предохраняют пальцы, но и охлаждают мясо при жевании.

– Восхитительно! – воскликнул Тревиз и тут же повторил заказ. Пилорат последовал его примеру.

Они сидели за губчатым, довольно сладким десертом и чашкой кофе с карамельным запахом, по поводу которого они с сомнением покачали головами.

Мужчины добавили в него сироп, на этот раз головой покачал официант.

— Итак, — спросил Пилорат, — что же произошло там, в туристском центре?

— Вы имеете в виду — с Кампером?

— А разве там было что-то еще, о чем стоит поговорить?

Треviz огляделся, они были в глубоком алькове, в относительном уединении, но в ресторане было много народу, и естественный многоязычный гул был отличным прикрытием. Треviz тихо сказал:

— Не странно ли, что он последовал за нами на Сейшел?

– Но он же сослался на свои интуитивные способности?

– Да, он действительно был чемпионом колледжа по слежке в гиперпространстве. До сегодняшнего дня, я никогда не задавался этим вопросом. Я понимаю, что имея определенные рефлексy, определенную развитую ловкость, можно судить, куда кто-то отправился в прыжке, по его подготовке к прыжку. Но я не понимаю, как выслеживающий может судить о серии прыжков. Вы готовите только первый прыжок, а все остальное делает компьютер. Следопыт может судить о первом, но какая магия позволит ему угадать,

что делает компьютер?

– Но он же это выполнил, Голан.

– Верно, – согласился Тревиз, –

и я вижу только одну возможность: он заранее знал, куда мы направляемся. Именно знал, а не угадал.

Пилорат задумался.

– Но это совершенно невозможно, мой мальчик. Как он мог знать? Мы же договорились о месте назначения уже на борту «Далекой Звезды».

– Верно! А как насчет этого дня медитации?

– Кампер не солгал. Официант подтвердил, что сегодня день медитации.

– Да, верно, но еще он сказал, что ресторан открыт. Вот его дословные слова: «Сейшел-Сити не деревня, он не закрывается». Иными словами, народ занят медитацией, но в громадном городе, где все потеряло простоту нет места набожности маленького городка. Поэтому уличное движение не прекращается и все службы работают – возможно, не в такой мере, как в обычные дни, но работают.

– Но, Голан, пока мы находились в туристском центре, туда никто не заходил. Я следил – не было ни одного человека.

– Я тоже обратил на это внимание. Я даже подошел к окну и

ясно увидел, что улица вокруг центра усеяна людьми — и пешими, и на машинах. Однако в туристский центр никто не заходил. День медитации — хорошее прикрытие. Мы не нашли бы более удачного уголка, если бы я не настроился на недоверие к этому сыну чужаков.

— Что все это означает? — спросил Пилорат.

— По-моему, все просто, Янов. Здесь есть кто-то, кто сразу же узнал, куда мы направляемся, хотя мы с этим кем-то были в разных кораблях, и здесь есть кто-то, кто может держать общественное здание пустым, когда кругом полно людей, для того, чтобы мы могли поговорить

в подходящем месте.

— Вы хотите уверить меня, что он может творить чудеса?

— Именно. Так могло случиться только если Кампер — агент Второго Основания и может контролировать мозг; если он может читать мои и ваши мысли в далеком космическом корабле; если он может повлиять на таможенню; если он может приземлиться гравитационно, не оскорбляя пограничный контроль недоверием к радиолучу; если он может влиять на сознание людей таким образом, чтобы они не входили в здание, когда он того не желает. Клянусь звездами! — Тревиз был заметно расстроен. — Я могу

проследить это даже последовательно по прошлому. Я не ездил с ним в турне. Я помню, что не хотел этого. Не было ли мое нежелание результатом его воздействия? Он хотел быть один. Где он был на самом деле?

Пилорат отодвинул стоящее перед ним блюдо, словно собираясь очистить место вокруг себя, чтобы было где подумать. Это оказалось сигналом для робота-уборщика — самопередвигающегося столика, который остановился рядом и ждал, чтобы они поставили посуду на него.

Затем Пилорат воскликнул:

— Это безумие. Все произошло естественным путем. Вы вбили себе

в голову, что кто-то управлял событиями, и все стали интерпретировать в этом свете, но не пришли ни к чему разумному. Бросьте, дружище, все это произошло случайно. Не впадайте в паранойю!

— Я не собираюсь впадать в благодущие!

— Давайте рассуждать логически. Допустим, он агент Второго Основания. Зачем ему идти на риск вызвать наши подозрения, держа пустым туристский центр? Что он сказал такого важного, чтобы ему помешали несколько человек, занятых своими делами?

— На это легко ответить. Он должен был держать наш мозг под

близким наблюдением и не хотел помех со стороны других. Ничего нестатичного. Никакого случайного беспорядка.

— Это, опять-таки, ваша интерпретация. Что важного в его разговоре с нами? Разумно предположить, как он сам утверждает, что он встретился с нами, чтобы объяснить свое поведение, извиниться за него и предупредить нас о неприятностях. Зачем нам искать чего-то большего?

В дальнем конце стола ненавязчиво поблескивал приемник для кредиток, быстро мелькали цифры, показывающие стоимость съеденного. Тревиз нашарил

карточку, которая имела хождение по всей Галактике, в любом месте, куда бы ни приехали граждане Основания, и вставил ее в щель автомата. Трансакция была произведена мгновенно, и Тревиз со свойственной ему внимательностью проверил оставшийся баланс, прежде чем снова убрать карточку в карман.

Он небрежно огляделся, не проявляет ли кто-нибудь из присутствующих в ресторане повышенного интереса к нему, и сказал:

— Зачем искать большего? Он ведь говорил не только об этом. Он говорил о Земле. Он говорил, что она мертва, и очень настойчиво толкал

нас на Кампарелон. Поедем мы туда?

— Думаю, да... — признался

Пилорат.

— Сразу уехать отсюда?

— Проверив Сириус-Сектор, мы можем вернуться сюда.

— А вам не пришло в голову, что он встретился с нами с единственной целью: заставить нас убраться с Сейшел? Отправить нас куда угодно, только долой отсюда?

— Зачем?

— Я не знаю. Видите ли, они надеялись, что мы полетим на Трантор. Вы хотели этого и, возможно, поэтому они считали, что мы так и сделаем. Я испортил всю игру, настояв, чтобы мы летели на

Сейшел, а этого они хотели меньше всего и вот теперь выталкивают нас отсюда.

Пилорат выглядел явно несчастным.

— Но, Голан, вы можете объяснить почему они не хотят, чтобы мы были на Сейшел?

— Я этого не знаю, Янов, но для меня достаточно, что они хотят вытравить нас. Поэтому я здесь остаюсь. Я не собираюсь уезжать.

— Но... но... Голан, если бы Второе Основание хотело изгнать нас, разве не могли они просто повлиять на наш мозг, чтобы мы сами пожелали уехать? Зачем им потребовался такой обходной путь?

– Раз уж вы подняли этот вопрос – не сделали ли они этого с вами, профессор? – Тревиз прищурился с внезапным подозрением. – Вы захотели уехать?

Пилорат с удивлением посмотрел на него.

– Я просто подумал, что в этом есть некоторый смысл.

– Конечно, вы должны так думать, если вы под влиянием.

– Но я не...

– Естественно, что вы поклянетесь, что нет, если вы под влиянием.

– Если вы пугаете меня таким образом, – сказал Пилорат, – у меня нет никакой возможности

опровергнуть ваши голословные утверждения. Что вы намериваетесь делать?

— Я остаюсь на Сейшел. Вы не можете вести корабль без меня, так что, если Кампер повлиял на вас, он сделал ошибочный выбор.

— Прекрасно, Голан. Мы останемся на Сейшел, пока у нас не будет объективных причин отъезда. Самое худшее, что мы можем сделать, хуже чем уехать или остаться — это рассориться. Ну, дружище, если бы я был под влиянием, мог бы я изменить свое мнение и бодро идти с вами, как я собираюсь это сделать?

Треви́з подумал, улыбнулся и

протянул руку.

— Согласен, Янов. А сейчас давайте-ка вернемся на корабль и завтра начнем сначала. Если надумаем.

Ман Ли Кампер не помнил, когда его завербовали и кто. Во-первых, он был тогда ребенком, а во-вторых, агенты Второго Основания тщательно заматали свои следы, насколько это было возможно.

Кампер был «наблюдателем» и, как член Второго Основания, был тут же признан таковым. Это означало, что Кампер познакомился с менталистами и мог общаться с членами Второго Основания в их

манере, но числился в самом низком ранге иерархии. Он мог мельком просматривать чужой мозг, но не мог управлять им. Воспитание, которое он получил, никогда не заходило так далеко. Он был наблюдателем, но не деятелем.

Это давало ему, самое большее, второй класс, но он не обижался... не очень. Он признавал свою значимость в общей схеме.

В первые столетия своего существования Второе Основание недооценило задачу, стоящую перед ним. Оно воображало, что горстка его членов может вести всю Галактику и что План Селдона, если его поддерживать, потребует лишь

случайных, самых легких прикосновений то тут, то там.

Мул избавил их от иллюзий. Явившись неизвестно откуда, он захватил Первое Основание (что, впрочем, не имело особого значения) и почти парализовал деятельность Второго Основания. Должно было пройти пять лет, прежде чем была организована контратака, да и то ценой многих жизней.

При Палвере произошло почти полное возрождение, но, опять-таки, слишком дорогой ценой, и Палвер, наконец, принял соответствующие меры. Операции Второго Основания, решил он, должны распространяться очень широко, но при этом не

должна возрастать возможность его обнаружения. Поэтому он настоял на создании Корпуса Наблюдателей.

Кампер не знал, много ли наблюдателей в Галактике или хотя бы только на Терминусе. Это его не касалось. В идеале, не должно было быть заметной связи между двумя наблюдателями, чтобы потеря одного не влекла за собой потерю другого. Все связи шли через высшие ступени на Транторе.

Поехать когда-нибудь на Трантор было честолюбивой мечтой Кампера. Он считал эту мечту почти несбыточной, хотя знал, что иной раз наблюдателей вызывают на Трантор и дают повышение, но такое

случается редко. Качества, требуемые для хорошего наблюдателя, отнюдь не вели к Совету.

Вот, например, Джиндибел: он был на четыре года моложе Кампера, завербован был, вероятно в детстве, как и Кампер, но его взяли прямо на Трантор, и теперь он Спикер. Кампер не имел иллюзий по поводу того, как и почему так должно случиться. Позднее он бывал в контакте с Джиндибелом и на опыте знал силу мозга этого молодого человека. Ему, Камперу, и секунды не выстоять против него.

Кампер не часто задумывался о своем статусе: размышлять об этом почти никогда не было повода. В

конце концов, думал он, положение наблюдателя кажется низким лишь по стандартам Трантора, в нементальных обществах, наблюдателю легко добиться высокого положения.

Камперу, например, не стоило никаких трудов поступить в хорошее учебное заведение или найти хорошую компанию. Он мог пользоваться ментальностью, чтобы усилить свою природную интуицию (он был уверен, что его завербовали именно из-за этой его природной способности), и таким путем он стал звездой гиперпространственного преследования. Он был героем колледжа, и это послужило первым

шагом на пути к политической карьере. Когда теперешний кризис закончится, неизвестно, как далеко сможет продвинуться Кампер.

Если кризис успешно разрешится сам собой, как, похоже, и будет, вспомнят ли, что именно Кампер обнаружил Тревиза – не как человека, это мог сделать любой – а как мозг?

Он столкнулся с Тревизом в колледже и обратил на него внимание сначала только как на веселого, остроумного компаньона. Однажды утром, медленно выпутываясь из сонливости, в потоке сознания, сопровождающего нереальную почву сна, Кампер вдруг

почувствовал сожаление, что этого парня никогда не завербуют.

Треви́за, конечно, нельзя было завербовать, ведь он был уроженцем Терминуса, а не какого-нибудь другого мира, как Кампер. Кроме того было уже поздно. Только совсем юный ум достаточно пластичен, чтобы воспринять ментальное обучение. Болезненное введение этого искусства во взрослый мозг (а оно было больше чем наукой), грубо входившего в сознание, практиковалось только в течение двух столетий после Селдона.

Но если Треви́з не подходил ни по рождению, ни по возрасту, почему Кампер подумал о нем?

В следующую их встречу Кампер глубоко проник в мозг Тревиса и обнаружил то, что с самого начала встревожило его. Характеристика мозга Тревиса не соответствовала тем правилам, которые Кампер изучал, снова и снова ускользая от контроля. Следя за работой мозга, Кампер нашел щели — нет, это не могло быть подлинными щелями — какие-то прыжки небытия. Так бывало, когда работа мозга Тревиса делалась слишком сложной, чтобы за ней можно было следить.

Кампер не мог установить, что это означает, но наблюдая за поведением Тревиса в свете обнаруженного, он заподозрил, что

Треви́з имеет сверхъестественную способность делать правильные выводы из, казалось бы, совершенно незначительных фактов.

Имело ли это какое-нибудь отношение к щелям? Ясно, что это была задача для менталиста, куда более сильного, нежели Кампер — возможно, даже для самого Совета. Он с беспокойством отмечал, что сила решений Треви́за в ее полной мере не была известна и самому Треви́зу, и что Треви́з, может быть, способен к...

К чему? Знаний Кампера не хватало. Он почти нащупал, чем обладал Треви́з — но только почти. Это было всего лишь интуитивное

заключение, а может, просто догадка, что Тревиз, вероятно, личность величайшей значимости.

Кампер мог бы воспользоваться шансом и рискнуть. В конце концов, если он окажется прав...

Теперь, оглядываясь назад, он не понимал, как набрался храбрости и продолжил исследования. Он не мог перейти административный барьер, окружавший Совет, не рискнул погубить свою репутацию. Он отчаянно втирался к самому младшему члену Совета, и, наконец, Джиндибел откликнулся на его призыв.

Джиндибел терпеливо выслушал его замечания, и с этого времени

между ними возникли особые отношения. В интересах Джиндибела Кампер поддерживал отношения с Тревизом, по приказу Джиндибела тщательно подготовил ситуацию, в результате которой Тревиз оказался высланным. И теперь Кампер начал надеяться, что через Джиндибела исполнится его мечта о переводе на Трантор.

Все приготовления шли таким образом, чтобы вынудить Тревиза отправиться на Трантор. Его отказ направиться туда поверг Кампера в полнейшее изумление, и, как он думал, Джиндибел тоже не предвидел такого поворота событий.

Во всяком случае, Джиндибел

спешил на место, и это усилило в Кампере ощущение тревоги.

Кампер послал гиперсигнал.

Джиндибела разбудило прикосновение к его мозгу. Оно было эффективным и, в меньшей степени, тревожным. Поскольку оно действовало непосредственно на возбуждающие центры, Джиндибел просто проснулся и сел в постели.

Простыня сползла с гладкомускулистого торса. Он узнал прикосновение, различающиеся у менталистов, как голоса тех, кто примитивно общается звуками.

Джиндибел послал стандартный сигнал с просьбой небольшой отсрочки, если она возможна, и

получил ответ: «Не аварийно».

Без чрезмерной спешки Джиндибел занялся утренней процедурой. Он был еще в корабельном душе, когда снова включился контакт.

— Кампер?

— Да, Спикер.

— Вы разговаривали с Тревизом и с тем, другим?

— Пилоратом, Яновом Пилоратом. Да, Спикер.

— Хорошо. Дайте мне еще пять минут, и я налажу видеосвязь.

Он привел Сару Нови в кабину управления. Она вопросительно взглянула на него и хотела что-то спросить, но он приложил палец ко

рту, и она сразу умолкла. Джиндибел все еще чувствовал некоторую неловкость от интенсивного почтительного обожания в ее мозгу, но это становилось в какой-то мере утешительно-нормальной частью его окружения. Он присоединил маленький усик своего сознания к ее мозгу, и теперь нельзя было подействовать на его мозг, не подействовав и на нее. Мозг этой женщины — а созерцать его непрекращающуюся симметрию было огромным эстетическим удовольствием — делал невозможным существование поблизости любого постороннего влияния без обнаружения.

Джиндибел

почувствовал прилив благодарности за вежливый импульс, овладевший им, когда они с Нови стояли возле университета, и приведший ее к нему именно тогда, когда она была ему нужнее всего.

— Кампер?

— Да, Спикер?

— Расслабьтесь, пожалуйста. Я должен изучить ваш мозг. В этом нет никакого оскорбления.

— Как пожелаете, Спикер. Могу я узнать, зачем?

— Для уверенности, что к вам не прикасались.

— Я знаю, что у вас есть политические соперники в Совете, Спикер, но, конечно, никто из них...

— Не рассуждайте, Кампер. Расслабьтесь. А теперь, если хотите объединиться со мной, мы установим визуальный контакт.

То, что последовало вслед за этим, было, в обычном смысле слова, иллюзией, потому что никто, кроме тех, кому помогала ментальная сила хорошо обученного члена Второго Основания, ничего не определил бы вообще — ни органами чувств, ни какими-то физическими приборами. Возникло сосредоточенное лицо, даже самый лучший менталист мог произвести только темное и довольно неопределенное изображение. Лицо Кампера как бы скрывалось тонкой, мерцающей

газовой завесой, и Джиндибел знал, что и сам выглядит так же.

На физической гиперволне можно было общаться через образы настолько четкие, что Спикеры сквозь расстояние в тысячи парсеков разговаривали как бы лицом к лицу. Корабль Джиндибела был оснащен всем необходимым для этой цели.

Однако, сейчас было выгодно ментальное видение. Главное – его нельзя было перехватить никаким прибором, известным Первому Основанию, и даже ни один член Второго Основания не мог перехватить ментальное видение другого. Можно было проследить игру мозга, но не легкое изменение

выражения лица, которое придавало общению изысканность. — Что же касается Анти-Мулов — что ж, чистоты мозга Нови достаточно, чтобы убедиться в отсутствии вмешательства.

— Передайте мне точно, Кампер, — сказал он, — свой разговор с Тревизом и Пилоратом. Точно, на уровне мысли.

— Конечно, Спикер, — ответил Кампер.

Он говорил недолго. Комбинация звука, выражение лица и потока сознания, основательно сжала все, несмотря на то, что на уровне мысли говорилось гораздо больше, чем если бы шел обычный

разговор.

Джиндибел внимательно следил. В ментальном видении все было немногословным. В подлинном общении, даже в физическом гипервидении через парсеки выдавалось неизмеримо больше битов информации, чем было необходимо для понимания, и можно было многое опустить, не теряя главного.

Ментальное видение давало абсолютную безопасность в обмен за роскошь избыточных битов, каждый из которых был на учете.

На Транторе ходили фантастические рассказы, передававшиеся от инструктора к

учащимся. Они предназначались для вдальблывания юношам важности сосредоточенности. Чаще всего повторялось наименее достоверное. Приводился, например, рапорт о продвижении Мула, еще до того, как он захватил Калган: младший чиновник, получивший рапорт, подумал, что речь идет о животном вроде лошади, потому что не увидел или не понял маленькую искру, означавшую «личное имя». И чиновник решил, что дело слишком незначительное, чтобы передавать его на Трантор. Когда пришло следующее сообщение, было уже слишком поздно предпринимать немедленные действия, и зря прошло

пять тяжелых лет.

Событие почти наверняка было выдуманно, но это уже не важно. История была драматична и побуждала каждого студента к напряженной сосредоточенности. Джиндибел вспомнил свои студенческие годы, когда он ошибся в приеме, который показался ему незначительным, и непонятным. Его учитель, старый Кипетс, тиран до мозга костей, только усмехнулся и съязвил:

«Животное вроде лошади, Щен Джиндибел?», и этого было достаточно, чтобы «Щен» сгорел от стыда.

Кампер кончил.

Джиндибел попросил:

– Пожалуйста, дайте вашу оценку реакции Тревиза. Вы знаете его лучше, чем я или кто-нибудь другой.

– Это было достаточно ясно, – сказал Кампер. – Ментальные показатели безошибочны. Он думает, что мои слова и действия означают страстное желание направить его на Трантор, в Сириус-Сектор или любое другое место, но только не туда, куда он действительно собирается. По моему мнению, это означает, что он твердо намерен остаться там, где он сейчас. Факт, что я придаю такое большое значение изменению его позиции, настораживает Тревиза, и

поскольку он чувствует, что его интересы диаметрально противоположны моим, он будет намеренно действовать вопреки тому, что считает моим желанием.

— Вы уверены в этом?

— Полностью уверен.

Джиндибел подумал и пришел к выводу, что Кампер прав.

— Я удовлетворен. Отлично справились! Ваш рассказ о радиоактивности Земли, о ее уничтожении был выбран умно, и вызвал нужные реакции без прямого вмешательства в мозг. Похвально!

Кампер, казалось, некоторое время боролся с собой.

— Спикер, — сказал он,

наконец, — я не могу принять вашей похвалы. Я не придумал эту историю. В Сириус-Секторе на самом деле есть планета под названием Земля, и ее действительно рассматривают как первоначальный дом всего человечества. Она была радиоактивна не с самого начала, а стала таковой в результате случайности, и радиоактивность усиливалась, пока планета не погибла. И там действительно был изобретен усилитель-сенсор мозга, но это ни к чему не привело. Все это считается историей родной планеты моих предков.

— Вот как? Интересно! — заметил Джиндибел без особого

воодушевления.

— Это еще лучше. Неправда никогда не может быть высказана с такой же искренностью, как истина. Палвер сказал однажды: «Чем ближе к правде, тем лучше ложь, а сама правда, когда ею можно воспользоваться, есть самая лучшая ложь».

— Еще об одном, — сказал Кампер. — Следуя инструкциям держать Тревиза в Сейшел-Секторе, пока вы не приедете, и сделать это любой ценой, я зашел так далеко в своих усилиях, что он наверняка подозревает, что я нахожусь под влиянием Второго Основания.

Джиндибел кивнул.

– Это, я думаю, неизбежно при данных обстоятельствах. При его мономании он может увидеть Второе Основание даже там, где его нет. Мы просто должны были учесть это.

– Спикер, если обязательно нужно, чтобы Тревиз оставался на месте, пока вы не доберетесь до него, дело упростится, если я встречу вас, возьму на борт своего корабля и привезу. Это займет меньше одного дня...

– Нет, наблюдатель, – резко ответил Джиндибел. – Вы этого не сделаете. Люди на Терминусе знают, где вы. На вашем корабле есть гипертранслятор, который вы не можете убрать, не так ли?

– Да, Спикер.

– Терминус знает, что вы высадились на Сейшел – их посол на Сейшел знает это и знает также, что высадился и Тревиз. Ваш гипертранслятор сообщит на Терминус, что вы снова полетели куда-то за сотни парсеков и вернулись. В этом случае посол информирует Терминус, что Тревиз, однако, оставался на Сейшел. Каковы будут догадки людей Терминуса? Мэр Терминуса, по общему мнению, женщина весьма проницательная, и она меньше всего хочет, чтобы ее тревожили темные догадки. Мы не хотим, чтобы она привела сюда часть своего флота. А шансы на это

неприятно высоки.

— Прошу прощения, Спикер, но какие основания у вас бояться флота, если мы можем управлять командирами?

— Какими бы незначительными ни были эти причины, их станет еще меньше, если флот не прибудет сюда. Оставайтесь на месте, наблюдатель. Когда я доберусь до вас, я перейду на ваш корабль, и тогда...

— И тогда, Спикер?

— Тогда я возьму верх.

Джиндибел активизировал ментальное видение, сел и начал размышлять.

В течение долгого путешествия на Сейшел, неизбежно долгого на

этом корабле, которому далеко до технических новшеств Первого Основания, он просмотрел все рапорты о Тревизе. Рапорты охватывали почти десятилетие.

Анализируя все вместе, в свете недавних событий, Джиндибел больше не сомневался, что Тревиз был бы чудесным приобретением для Второго Основания, если бы не правило никогда не вербовать уроженцев Терминуса, установленное во времена Палвера.

Нечего и говорить, сколько рекрутов величайшей квалификации было потеряно Вторым Основанием за столетия. Не было возможности оценить каждого из квадрильонов

людей, населяющих Галактику. Но, наверное, никто из них не обещал большего, чем Тревиз, и, конечно, никто не имел такой сенситивности.

Джиндибел слегка покачал головой, Тревиза нельзя упускать, хотя он и родился на Терминусе.

Теперь Тревиз был для них, конечно, бесполезен. Он уже стар для обучения, но у него была природная интуиция находить решения на основе негативной информации и что-то.... что-то...

Старый Шандисс, который, несмотря на то, что уже пережил свой расцвет, в целом, был хорошим Спикером, видел в Тревизе что-то еще, даже без корректирующих

сведений и аргументации, которые Джиндибел обрабатывал во время путешествия, Шандисс считал, что Тревиз — ключ ко всему, ключ к кризису.

Зачем Тревиз приехал на Сейшел? Что он замышляет? Что он делает? И его нельзя коснуться! В этом Джиндибел был уверен. Пока неизвестно точно, какова роль Тревиза, было бы величайшей ошибкой пытаться как-то модифицировать его.

В сражении с Анти-Мулами — кем бы они ни являлись — неправильный ход по отношению к Тревизу может быть подобным взрыву звезды.

Он почувствовал, что над его мозгом навис другой мозг, и он рассеянно смахнул его, как отмахнулся бы от надоедливой насекомого, только сделал это мыслью, а не рукой. Он тут же почувствовал чужую боль и поднял глаза.

Сара Нови прижала ладонь к глазам.

— Простите, Мастер, у меня вдруг разболелась голова.

Джиндибел немедленно раскаялся.

— Простите, Нови, я не подумал... или слишком задумался, — и он осторожно «погладил» сморщившийся усик мозга. Нови

улыбнулась.

— Прошла так же внезапно, как и появилась. Звук вашего голоса, Мастер, хорошо действует на меня.

— Хорошо, — сказал Джиндибел. — Что-нибудь не так? Почему ты здесь? — Он воздержался от вмешательства в ее мозг, боясь найти там себя. Он чувствовал все большее и большее желание не вторгаться в ее тайны.

Нови помедлила, и слегка склонилась к нему.

— Я беспокоилась. Вы смотрели в никуда, издавая непонятные звуки, ваше лицо дергалось. Я осталась здесь, замирая от мысли, что вам плохо, что вы больны... и не знала,

что делать.

— Это ничего, Нови. Бояться нечего, — он погладил ее по руке. — Нечего бояться, поняла?

Страх или любая сильная эмоция искажали и портили симметрию ее мозга.

Джиндибел предпочитал, чтобы ее мозг был спокойным, умиротворенным и счастливым, но избегал исправлять его внешним влиянием. Она чувствовала предшествующее исправление, как эффект его слов, и ему казалось, что этот способ предпочтительнее.

— Нови, а почему ты не хочешь, чтобы я звал тебя Сарой?

Она посмотрела на него с

обидай.

– О, Мастер, так не надо.

– Но ведь Референт называл тебя так в тот день, когда мы встретились. Теперь мы с тобой достаточно знакомы...

– Я знаю, что он называл меня так, Мастер. Мужчина говорит так девушке, которая не имеет мужа, не обручена, которая... ну, некомплектна. Для меня более уважительно, если вы скажите «Нови», и я быть гордой, что вы так говорите. Пусть у меня сейчас нет мужа, но зато есть Мастер, и я быть рада. Я надеюсь, для вас это не быть оскорбление – говорить «Нови»?

– Конечно, нет, Нови.

Ее мозг разгладился, и Джиндибел обрадовался.

Надо ли ему так радоваться?

С некоторым смущением он вспомнил, что на Мула предположительно воздействовала женщина Первого Основания, Бейта Даррел, и тем погубила его.

Тут, конечно, другое дело. Эта женщина-хэмиш была его защитой против другого мозга, и он хотел, чтобы она служила этой цели наиболее эффективно.

Нет, это не правда. Его функция, как Спикера, будет скомпрометирована, если он перестанет понимать собственный мозг или, что еще хуже, будет

сознательно истолковывать его не правильно, избегая истины. Истина состояла в том, что ему было приятно, когда Нови была спокойна и счастлива — без его вмешательства — и это ему нравилось просто потому, что она сама ему нравилась, и в этом, как он дерзко думал, нет ничего плохого.

— Сядь, Нови, — сказал он.

Она села, осторожно балансируя на кончике кресла, и села как можно дальше от Джиндибела. Ее мозг был наполнен почтительностью.

— Когда я издавал звуки, Нови, я разговаривал на далекое расстояние ученым способом.

Нови опустила глаза и сказала

печально:

— Я вижу, Мастер, что здесь много способов у грамотеев, что я не понимаю и не представляю. Это трудная гора — высокое мастерство. Мне быть стыдно, что я придти к вам, чтоб сделаться грамотеем. Как вы, Мастер, не смеяться надо мной?

— Нет никакого стыда в том, чтобы стремиться к чему-либо, даже если это за пределами твоих способностей. Ты теперь слишком взрослая, чтобы сделаться ученой вроде меня, но ты никогда не будешь слишком старой, чтобы узнать больше, чем ты уже знаешь, и научиться делать больше, чем ты можешь. Я буду рассказывать тебе об

этом корабле. Когда мы доберемся до цели, ты будешь кое-что знать.

Он был в восторге. А почему бы нет? Он сознательно выбрал народ ХЭМИШ.

Не так ли разнородная группа Второго Основания пришла к своему стереотипу? Ее молодежь только случайно оказывалась пригодной стать на высший уровень самого Второго Основания. Дети Спикеров почти никогда сами не становились Спикерами. Триста лет назад было три поколения Лингвистов, и всегда существовало подозрение, что средний Спикер реально относится к этой группе. И если это правда, кто были люди Университета,

поставившие себя на столь высокий пьедестал?

Он видел, как заблестели глаза Нови, и радовался этому.

– Я буду стараться, – сказала она, – учиться всему, чему вы учить меня, Мастер.

– Я уверен в этом, – ответил он и вдруг засомневался. Ему пришло на ум, что в разговоре с Кампером он ни разу не упомянул, что был не один. На спутницу не было и намека.

Женщина могла быть принята как должное, по крайней мере, Кампер ничего не заподозрил бы и не удивился. Но женщина-хэмиш?

В настоящее время, что бы Джиндибел ни делал, стереотип

властвовал над ним, он даже порадовался, что Кампер никогда не был на Транторе и поэтому не признает в Нови хэмиш.

Он отмахнулся от этих мыслей. Какая важность, знает Кампер или не знает, и вообще знает ли кто-нибудь. Джиндибел — Спикер Второго Основания, и может делать все, что хочет, в рамках плана Селдона, и никто не имеет права вмешаться.

— Мастер, — спросила Нови, — когда мы достигнем места назначения, мы разделимся?

Он посмотрел на нее и сказал, пожалуй, с большей нежностью, чем намеривался:

– Мы не расстанемся, Нови.

Женщина-хэмиш застенчиво
улыбнулась и стала похожей на
обыкновенную женщину.

Университет

Пилорат сморщил нос, когда они с Тревизом вернулись на «Далекую Звезду».

Тревиз пожал плечами.

— Человеческое тело — мощный источник запахов. Обменник не может сработать мгновенно, а искусственные запахи лишь смешиваются, но не заглушают прежний.

— И я полагаю, что нет двух кораблей с одинаковым запахом, если в них были какое-то время разные люди.

— Правильно, на втором часу

пребывания на планете вы ощущали запахи Сейшел?

– Нет, – признался Пилорат.

– Так вот, вы перестанете чувствовать через некоторое время и этот. В сущности, если достаточно долго находишься на корабле, то радуешься запаху, которым он вас встречает. Как бы возвращаешься домой. И поэтому, когда вы начнете бродить по Галактике, то узнаете, что невежественно говорить о запахе обитателям любого корабля или планеты. Между нами, конечно, это можно.

– Как ни странно, Голан, я воспринимаю «Далекую Звезду» как дом. По крайней мере, она сделана

Основанием. — Пилорат улыбнулся. — Знаете, я никогда не ощущал в себе патриотизма. Считал человечество своей нацией, но, должен признаться, покинув Основание, я чувствую как сердце мое наполняется любовью к нему.

Треви́з готовил себе постель.

— Знаете, а мы не так уж далеко от Основания. Сейшел-Союз почти окружен территорией Федерации. Здесь у нас посол и огромное представительство, начиная с консула. На словах сейшельцы оппозиционны нам, но весьма осторожны в действиях, которые могут нам не понравиться. Давайте спать, Янов. Сегодня мы ничего не

узнали. Завтра постараемся добиться большего.

Слышимость между двумя каютами была превосходной, и когда корабль погрузился в темноту, Пилорат, вертящийся в постели без сна, в конце концов, негромко окликнул:

— Голан?

— Да?

— Вы не спите?

— Пока вы говорите — нет.

— Мы кое-что, все-таки, получили сегодня. Ваш друг Кампер...

— Бывший друг, — проворчал Тревиз.

— Каков бы ни был его статус, он

поведал о Земле кое-что, чего я раньше не встречал в своих исследованиях. Радиоактивность!

Треви́з приподнялся на локте.

— Видите ли, Янов, если Земля действительно мертва, это не означает, что мы вернемся домой. Я все еще хочу найти Гею.

Пилорат фыркнул.

— Конечно, мой дорогой! Я тоже. И я не верю, что Земля мертва. Кампер мог считать это правдой, но едва ли в Галактике найдется сектор, где не говорили бы, что человечество появилось на местной планете. И почти везде называют ее Землей или эквивалентным именем.

В антропологии мы называем

это «глобоцентризм». У людей есть тенденция хвалиться, что они лучше соседей, что их культура древнее и выше, чем на других планетах, что все хорошее в других мирах заимствовано у них, а плохое искажено и испорчено при заимствовании, либо изобретено где-то в другом месте. Тенденция уравнивать превосходство в качестве с превосходством в продолжительности. Если они не могут разумно подтвердить, что их планета была Землей или ее эквивалентом — с началом человеческого рода — то из кожи лезут вон, чтобы поместить Землю в свой сектор, даже если не могут

указать на нее точно.

— И вы находите, — сказал Тревиз, — что Кампер следовал общей привычке, когда заявил, что Земля находится в Сириус-Секторе? Сириус-Сектор имеет древнюю историю, все миры там хорошо известны, все можно проверить, даже не приезжая туда.

Пилорат хихикнул.

— Даже если вы докажете, что в Сириус-Секторе нет мира, который мог бы быть Землей, это не поможет. Вы недооцениваете глубины, в которых мистицизм может похоронить реальность, Голан. В Галактике не меньше полудюжины секторов, где респектабельные

ученые повторяют торжественно и без тени улыбки местные легенды о том, что Земля — или планета, которую они решили так называть, — находится в гиперпространстве, и обнаружить ее можно разве лишь случайно. — А они не говорят, что кто-нибудь когда-нибудь уже находил ее?

— Опять же легенды и патриотическая вера в них, несмотря на то, что эти легенды абсолютно не правдоподобны, и в них не верит никто, кроме того мира, который их выдумал.

— Тогда, Янов, и мы не поверим. Давай-ка выйдем в наше личное гиперпространство сна.

– Но, Голан, меня интересует это дело с радиоактивностью Земли. Мне кажется, здесь есть следы истины – или намек на истину.

– Что значит – намек?

– Видите ли, радиоактивный мир – это такой мир, где жесткое излучение должно иметь более высокую концентрацию, чем обычно. Коэффициент мутации должен быть выше, эволюция происходит быстрее и более разнообразно. Я говорил вам, если помните, что одна из точек, на которой сходятся почти все легенды – это то, что жизнь на Земле была невероятно разнообразна: миллионы всевозможных видов жизни – взрывное развитие. Такое

разнообразие могло создать разум на Земле, а затем и выплеснуть за ее пределы, в Галактику.

Если Земля была по каким-то причинам радиоактивна — более радиоактивна, чем остальные планеты — это бы разъяснило многое о Земле, о ее уникальности.

Треви́з, помолчав, возразил:

— Во-первых, у нас нет основания верить Камперу. Он мог солгать, чтобы убедить нас уехать отсюда и отправить с дурацкими поисками на Сириус. Я убежден, что именно это он и сделал. Вы, кажется, забыли — он уверял нас, что Земля мертва!

— Но ведь изначально

радиоактивность там не была чрезмерно велика.

Жизнь на Земле развилась, а поддерживать уже возникшую жизнь легче, чем создать ее. Если допустить, что жизнь на Земле развилась и поддерживалась, значит, уровень радиоактивности не мог быть несовместим с жизнью и с течением времени мог только понижаться. Нет ничего, что могло бы поднять уровень.

— Атомные взрывы? — предположил Тревиз.

— При чем тут они?

— Я хочу сказать, вдруг на Земле были атомные взрывы?

— На поверхности Земли? Не

может быть. В истории Галактики нет ни одной записи, чтобы какое-то общество воспользовалось атомными взрывами как оружием. Мы не выжили бы. Во время трегелинского восстания, когда обе стороны были ослаблены голодом и отчаянием, Джиндиппур Корат намекнул на радиоактивный взрыв...

— ... и его повесили матросы его же собственного флота. Я знаю галактическую историю. Но я имел в виду несчастный случай.

— Нет данных о несчастных случаях, способных значительно поднять интенсивность излучения планеты. — Пилорат вздохнул. — Я полагаю, стоит отправиться в

Сириус-Сектор и покопаться там.

— Когда-нибудь, возможно, отправимся, но не сейчас.

— Да, да. Я умолкаю.

Он замолчал, и Тревиз с час лежал в темноте, обдумывая, не привлек ли он к себе слишком много внимания, и не разумнее ли улететь в Сириус-Сектор, а затем снова вернуться на Гею, после того, как внимание — любое внимание — будет от них отвлечено.

К окончательному решению он так и не пришел, потому что уснул. И сон его был тревожным.

Они снова отправились в город ближе к полудню. Туристский центр

на сей раз был забит народом, но им удалось получить нужные указания насчет библиотеки, а уж там им дали инструкции, как пользоваться местными моделями компьютеров-справочников.

Они тщательно проверили все о музеях и университетах, начав с тех, что поближе, и отметили информацию об антропологах, археологах и историках древности.

— Ага! — воскликнул Пилорат.

— Что — ага? — несколько резковато спросил Тревиз.

— Имя Квинтезетц. Оно мне знакомо!

— Вы знаете этого человека?

— Нет, конечно, но я, кажется,

читал его статьи. Когда мы вернемся на корабль, я посмотрю по своему каталогу...

— Если его имя вам знакомо, то с него и начнем. Если он не поможет нам, то наверняка сможет указать, к кому стоит обратиться. — Тревиз встал.

— Давайте отправимся в сейшельский университет. Но поскольку там никого не будет во время ленча, то сначала поедим.

Ближе к концу дня они вошли в университет, пробрались по его лабиринтам и оказались в приемной. Там они ждали молодую женщину, ушедшую за информацией. Эта женщина могла провести или не

провести к Квинтезетцу.

— Интересно, — недовольно проворчал Пилорат, — долго ли нам еще придется ждать. Может, до конца занятий?

Его слова оказались как бы сигналом: молодая леди, которую они видели полчаса назад, быстро шла к ним. Ее туфли отливали красными и фиолетовыми цветами и щелкали по полу резкими музыкальными тонами. Высота звука изменялась со скоростью и силой шагов.

Пилорат вздрогнул. Он предполагал, что каждый мир имеет свои способы обострять чувства; так же, как у каждого мира есть свой

запах. Он подумал, что, поскольку запаха он больше не замечает, то наверное, научится не замечать и какофонии, творимой молодыми женщинами при ходьбе.

Она подошла к Пилорату и остановилась.

– Могу я узнать ваше полное имя, профессор?

– Янов Пилорат, мисс.

– А ваша родная планета?

Треви́з поднял руку, словно призывая к осторожности, но Пилорат либо не увидел, либо не обратил внимания на нее и ответил:

– Терминус.

Женщина широко улыбнулась в ответ на это и, казалось, была

довольна.

— Когда я сообщила профессору Квинтезетцу, что профессор Пилорат хочет его видеть, он сказал, что увидится с вами лишь в том случае, если вы — Янов Пилорат с Терминуса.

Пилорат быстро заморгал.

— Вы... вы хотите сказать, что он слышал обо мне?

— Похоже, что так.

Пилорат почти со скрипом выдавил улыбку и повернулся к Тревизу:

— Он слышал обо мне. Я, честно говоря, не думал... я хочу сказать, я написал несколько статей, но не думал, что кто-нибудь... — Он покачал головой. — Они, в сущности,

не имели большого значения.

— Ну, тогда, — сказал Тревиз, тоже улыбнувшись, — перестаньте впадать в экстаз самоунижения и давайте пройдем. — Он повернулся к женщине. — Я полагаю, мисс, есть какой-нибудь транспорт, чтобы отправить нас к нему?

— Это недалеко. Мы даже не будем выходить из комплекса зданий, и я буду рада проводить вас. Вы оба с Терминуса? — и она, не ожидая ответа, пошла вперед.

Мужчины последовали за ней, и Тревиз ответил ей с чуть заметной неприязнью:

— Да, мы оба с Терминуса. Это что-нибудь меняет?

– О, нет, конечно, нет. Народ на Сейшел не любит членов Основания, знаете ли, но мы здесь, в университете, более космополитичны. Живи и дай жить другим – всегда так говорю. Я имею в виду – члены Основания тоже люди. Вы понимаете, что я хочу сказать?

– Да, я понимаю. У нас многие говорят, что сейшельцы – тоже люди.

– Именно так и должно быть. Я никогда не видела Терминус-Сити. Наверное, громадный город?

– Нет, – уверенно сказал Тревиз. – Мне показалось, что он меньше Сейшел-Сити.

– Вы шутите! – не поверила она. – Ведь Терминус – столица

Основания, так? Я хочу сказать – это не какой-нибудь другой Терминус?

– Нет, Терминус только один, насколько я знаю, и мы как раз оттуда – из столицы Первого Основания.

– Ну, в таком случае, он должен быть огромным. И вы проделали такой путь, чтобы увидеть профессора! Вы знаете, мы гордимся им. Он считается крупнейшим авторитетом во всей Галактике.

– В самом деле? – спросил Тревиз. – И в какой области?

Ее глаза широко расширились.

– Ну и шутник вы! Он знает о древней истории больше, чем я о своей семье. – И снова ее шаги

зазвучали музыкой.

Разумеется, человека можно назвать шутником и любителем розыгрышей, но это не всегда побуждает людей становиться таковыми. Тревиз улыбнулся и спросил:

– Я полагаю, о Земле профессор знает все?

Она остановилась у двери кабинета и озадаченно посмотрела на мужчин.

– О Земле?

– Да, о планете, где зародилось человечество.

– А... вы имеете в виду первоначальную планету. Я так и поняла. Думаю, он должен знать о

ней все. Ведь, в конце концов, она находится в Сейшел-Секторе. Это все знают. Вот его кабинет. Разрешите мне дать сигнал?

— Нет, — возразил Тревиз, — подождите минутку. Расскажите о Земле.

— Вообще-то я никогда не слыхала, чтобы ее называли Землей. Полагаю, что это название идет от Основания. У нас ее называют Гея.

Тревиз бросил быстрый взгляд на Пилората.

— Вот как? И где же она находится?

— А нигде. Она ушла в гиперпространство, и никто не может ее найти. Когда я была еще

маленькой, моя бабушка говорила, что Гея когда-то была в реальном пространстве, но была так отвратительна, что...

— ... а человеческие существа так преступны и глупы, — пробормотал Пилорат, — что от стыда она ушла в неизвестном направлении и отказалась иметь что-либо общее с людьми, отправленными в Галактику...

— Значит, вы тоже знаете эту историю? Моя подруга говорит, что это просто легенда. Ладно, я ей скажу. Если профессора Основания так считает...

Яркая надпись на темном стекле двери гласила: Сотейн Квинтезетц

Авт в трудно читаемой сейшельской транскрипции, а ниже было в той же манере: Департамент Древней Истории.

Женщина приложила палец к гладкому металлическому кружку. Звука не было, но темный цвет стекла сменился молочным, и через мгновение бесстрастный голос произнес:

– Назовите себя, пожалуйста.

– Янов Пилорат с Терминуса, – ответил Пилорат. – С Голаном Тревизом из того же мира.

Дверь тут же распахнулась.

Высокий, средних лет человек встал, обошел стол и вышел им навстречу.

Его кожа имела светло-коричневый оттенок, а серо-стальные волосы были уложенные жесткими кудрями. Он поднял руку в приветственном жесте и сказал мягким низким голосом:

– Я – С. К. Рад встрече с вами, профессор.

– Я не имею академического титула, – уточнил Тревиз, – просто сопровождаю профессора Пилората. Вы можете называть меня просто Тревиз. Я рад встрече с вами, профессор Авт.

Квинтезетц поднял руку в явном замешательстве.

– Нет, нет. Авт – это просто дурацкий титул, который вне Сейшел

ничего не значит. Не обращайтесь, пожалуйста, на него внимания и зовите меня С. К. Мы любим пользоваться инициалами в обычном общении. Я рад увидеть двоих, хотя ожидал встретить только одного.

Он слегка смутился, затем протянул правую руку, предварительно украдкой обтерев ее о брюки.

Тревиц принял руку, гадая, свойственна ли сейшельцам эта манера здороваться.

— Садитесь, пожалуйста, — сказал Квинтесетц. — Боюсь, вы найдете эти кресла немодными, но мне не нравится, когда кресла сжимают тело. Нынче все кресла

обнимают, но я предпочитаю объятия другого рода. Ха-ха!

Треви́з улы́бнулся.

— Кто же не предпочитает?!

Ваше имя, С. К., кажется, есть в «Кольце Миров», и оно не сейшельское. Простите, если мое замечание бестактное.

— Пустяки. Просто моя семья происходит из Аскони. Пять поколений назад мой предок оставил Асконь, где Основание стало слишком уж доминировать.

— За что, мы — члены Основания, — сказал Пилорат, — просим извинения.

Квинтезетц добродушно отмахнулся.

– Я не держу зла через пять поколений. Хотя такое, к сожалению, бывает. Хотите что-нибудь съесть? Выпить? Может быть, включить музыку?

– Если вы не против, – сказал Пилорат, – я бы предпочел сразу приступить к делу, если, конечно, обычаи Сейшел позволяют это.

– Обычаи Сейшел – не барьер, уверяю вас. Вы не представляете, как это замечательно, профессор Пилорат. Всего две недели назад я прочитал вашу статью в «Археологическом ревю» об исходных мифах, и меня поразили замечательный синтез – все так кратко!

Пилорат покраснел от удовольствия.

– Счастлив, что вы читали. Я сократил, разумеется, потому что «Ревю», не напечатало бы более полного исследования. Я предполагаю сделать трактат на эту тему.

– Хотел бы, чтобы вы это сделали. Во всяком случае, как только я прочитал статью, у меня возникло желание увидеть вас. Я даже хотел посетить Терминус с этой целью, хотя это очень сложно...

– Почему? – спросил Тревиз.

Квинтезетц выглядел смущенным.

– Простите, если я скажу, что

Сейшел не жаждет присоединиться к Федерации Основания и не приветствует какие-либо общественные связи с Основанием. Мы, видите ли, традиционно нейтральны. Даже Мул не тронул нас, если не считать того, что вырвал у нас официальное заявление о нейтралитете.

По этой причине любое заявление на разрешение посетить территорию Основания, а Терминус в особенности, вызывает подозрение, хотя такой ученый, как я, занятый академической работой, вероятно, все-таки добился бы паспорта. Но теперь в этом нет необходимости — вы сами прибыли ко мне. Я едва

верю этому и спрашиваю: почему? Или вы тоже слышали обо мне, как и я о вас?

— Я знаю ваши работы, С. К., и в моих записях есть выдержки ваших статей. Вот почему я и приехал к вам. Я исследую вопрос о Земле, как о планете, на которой появилось человечество, и о раннем периоде освоения и заселения Галактики. Я приехал сюда, в частности, узнать, как был основан Сейшел.

— По вашей статье, — заметил Квинтезетц, — я предположил, что вы, в основном, интересуетесь мифами и легендами.

— Но еще больше историей — действительными фактами, если

таковые существуют. Мифы и легенды само собой.

Квинтезетц встал и стал быстро расхаживать по кабинету взад и вперед, время от времени останавливаясь и разглядывая Пилората.

— Странно! Очень странно! Только вчера... — начал он и не закончил.

— Что — только вчера? — спросил Пилорат.

— Профессор Пилорат, могу я называть вас Я. П., по нашему обычаю? Мне как-то непривычно пользоваться полным именем.

— Сделайте одолжение.

— Я уже говорил вам, Я. П., что

восхищался вашей статьей и хотел увидаться с вами. Причина, по которой я хотел видеть вас, заключается в том, что у вас наверняка исключительная коллекция легенд и мифов, но в ней наверняка нет наших. Иными словами, я хотел встретиться с вами и рассказать вам, что именно вы можете найти у нас.

— А что же все-таки случилось вчера? — вмешался Тревиз.

— У нас есть легенда, важная для нашего общества, потому что она становится нашей основной тайной...

— Тайной?

— Я не имею в виду загадку или

что-то в этом роде. Это, я уверен, обычное значение слова в Галактическом Стандартном. В данном случае это специальный термин. Означает «нечто секретное», нечто такое, значение которого понимают лишь некоторые ученые, нечто такое, о чем не говорят посторонним. А вчера был день...

— День чего, С. К.? — подчеркнуто терпеливо переспросил Тревиз.

Пилорат, которого начал раздражать скучающий тон Тревиза, поспешил вмешаться:

— Мы кое-что слышали об этом, когда приехали.

— День из дней, — саркастически

заметил Тревиз. – Послушайте, С. К., как я уже сказал, я не ученый, но у меня есть вопрос. Вы сказали по поводу главной тайны, что она не доступна для посторонних. Тогда почему вы заговорили об этом с нами? Мы – посторонние.

– Вы-то посторонние, но я не наблюдатель дня, и глубина моего суеверия очень незначительна. Статья Я. П. подкрепила мое давнее ощущение. Миф или легенда не создаются на пустом месте, в них всегда есть зерно истины, возможно, искаженной, и, мне кажется, такое зерно есть в нашей легенде о Дне Бегства.

– Об этом не рискованно

говорить? – спросил Тревиз.

Квинтезетц пожал плечами.

– В какой-то мере – небезопасно, я полагаю. Наши консерваторы ужаснулись бы. Однако не они контролируют правительство. Секуляристы сильны и стали бы еще сильнее, если бы консерваторы не были выгодны для наших – извините меня – антифедеральных тенденций. Так что, поскольку я говорю о делах, связанных с моим научным интересом в древней истории, мне, в случае нужды, окажет большую поддержку Лига Академиков.

– В таком случае, – сказал Пилорат, – расскажете о вашей главной тайне, С. К.

– Да, но позвольте мне, все же, сначала удостовериться, что нас не прервут или, что важнее, не подслушают. Когда стоишь прямо перед быком, не следует бить его по морде, как говорится. – Он включил прибор на столе и сказал:

– Сейчас мы ни с кем не общаемся.

– Вы уверены, что у вас нет «жуков»? – спросил Тревиз.

– Каких жуков?

– Перехватчиков!

Подслушивающей аппаратуры, держащей вас под наблюдением – визуальным, слуховым или тем и другим вместе.

Квинтезетц был шокирован.

– На Сейшел!?

Треви́з пожал плечами.

– Вам виднее.

– Пожалуйста, продолжайте,

С. К., – попросил Пилорат.

Квинтезетц поджал губы, откинулся в кресле и соединил кончики пальцев. Похоже, он раздумывал, с чего начать.

– Вы знаете, что такое робот? – спросил он.

– Робот? Нет, – ответил Пилорат.

Квинтезетц взглянул на Треви́за, но тот покачал головой.

– Ну, а что такое компьютер?

– Конечно, – нетерпеливо ответил Треви́з.

– Ну так вот, подвижное

компьютерное устройство...

— Их бесконечное количество вариантов, — перебил его Тревиз, — но я не знаю никакого обобщающего слова, кроме подвижного компьютерного устройства.

— ... в точности похожее на человека и есть робот, — невозмутимо закончил С. К. — Отличительный признак робота — его человекоподобная форма.

— Почему человекоподобная? — спросил Пилорат с откровенным недоумением.

— Не знаю точно. Это удивительно неэффективная форма для инструмента, согласен с вами, но я просто передаю легенду. «Робот» —

старинное слово на неизвестном языке, хотя наши ученые считают, что оно связано со словом «работа».

— Не могу придумать ни одного слова, — скептически заметил Тревиз, — которое звучало бы сколь-нибудь похоже на «робот» и имело бы какую-нибудь связь с «работой».

— В Галактическом, конечно, ничего подобного нет, — согласился Квинтезепц, — но говорят именно так.

— Возможно, это гримасы этимологии, — сказал Пилорат. — Эти предметы использовались для работы, и это слово стало означать «работу». Но почему вы вспомнили о них?

– Потому что на Сейшел твердо знают и верят в предание: когда Земля была единственным миром в Галактике, а Галактика еще была необитаема, были изобретены и созданы роботы. И стало два вида человеческих существ: природные и искусственные, из плоти и металлические, биологические и механические, простые и сложные... – Квинтезетц сделал паузу и сказал с жалобным смехом. – Простите, но невозможно говорить о роботах, не цитируя при этом «Книгу Бегства». Люди Земли создали роботов – мне нечего больше добавить. Это и так ясно.

– А зачем они создали

роботов? – спросил Тревиз.

Квинтезец пожал плечами.

– Кто может ответить на это спустя такой промежуток времени? Может, людей стало мало и они нуждались в помощи, особенно для великой задачи освоения и заселения Галактики.

– Это разумное предположение, – сказал Тревиз, – но, как только Галактика была колонизирована, нужда в роботах отпала. Конечно, сегодня в Галактике нет гуманоидных передвижных компьютеров.

– В любом случае, – сказал Квинтезец, – легенда продолжается так – если отбросить множество

поэтических украшений, которые я, откровенно говоря, не признаю: вокруг Земли выросли колониальные миры, кружащиеся у соседних звезд, и эти миры были гораздо богаче роботами, чем сама Земля.

Роботов использовали, как правило, на новых, еще неосвоенных планетах. Земля фактически отказалась, не желая больше иметь роботов, и восстала против них.

— И что произошло? — спросил Пилорат.

— Внешние Миры оказались сильнее. С помощью своих роботов дети победили и взяли под контроль мать-Землю. Извините, но я не могу удержаться от цитат.

Но были люди, которые бежали из своего мира на более мощных кораблях и с более передовыми методами гиперпространственных путешествий. Они бежали к очень далеким звездам и планетам. Были основаны новые колонии — без роботов — где человеческие существа могли жить свободно. Это было так называемое Время Бегства, и день, когда первый землянин достиг Сейшел-Сектора, называется Днем Бегства и празднуется ежегодно в течение многих тысячелетий.

— Мой дорогой коллега, — сказал Пилорат, — по вашим словам выходит, что Сейшел-Сектор был заселен непосредственно с Земли.

– Конечно, я не знал, – сказал Пилорат. – Я сейчас впервые услышал об этом, и, мой дорогой С. К., я навеки ваш должник за то, что вы познакомили меня с ней. Я изумлен, что нигде на это не встретил и намека!

– Это показывает, – сказал Квинтезец, – как эффективна наша социальная система. Это наш сейшельский секрет, наша великая тайна.

– Возможно, – сухо сказал Тревиз. – Однако вторая волна колонизации – безработная волна – должна была двинуться во всех направлениях. Почему же этот великий секрет существует только на

Сейшел?

— Он может существовать где угодно и тоже как тайна. Наши консерваторы уверены, что только Сейшел был колонизирован с Земли, а все остальные планеты Галактики были основаны переселенцами с Сейшел. Но это, конечно, вздор.

— Эти второстепенные загадки могли сложиться со временем, — сказал Пилорат. — Теперь, когда у меня есть отправная точка, я могу найти подобную же информацию на других планетах. Ценно, что я теперь знаю, о чем спрашивать, а хороший вопрос, конечно, является ключом, с помощью которого можно получить бесконечное множество ответов.

Какая удача, что я...

— Да, Янов, — перебил Тревиз, — но добрейший С. К. рассказал нам явно не все. Что случилось с более старыми колониями и их роботами? Что говорят об этом ваши предания?

— Никаких деталей, только суть. Человек и гуманоидный компьютер, по-видимому, не могут ужиться вместе. Миры с роботами погибли. Они не были жизнеспособны.

— А Земля?

— Люди покинули ее и рассеялись здесь и предположительно — хотя консерваторы не согласны — также и в других мирах Галактики.

— Но ведь не все же

человечество оставило Землю?
Планета не была опустошена?

– Может, и нет. Не знаю...

– Она была радиоактивна? –
резко спросил Тревиз.

Квинтезетц ошеломленно
посмотрел на него.

– Радиоактивна? Не знаю... Я
никогда об этом не слышал.

Тревиз задумался, после
некоторой паузы он сказал:

– С. К., уже поздно, мы отняли у
вас достаточно много времени.

Пилорат сделал движение, как
бы собираясь протестовать, но рука
Тревиза крепко сжала его колено, и
растерявшийся Пилорат затих.

– Рад был оказаться полезным

вам, – сказал Квинтезетц.

– Вы были очень любезны, и если мы можем дать вам что-нибудь в обмен – скажите.

Квинтезетц вежливо хохотнул.

— Если добрейший Я. П. воздержится от упоминаний моего имени, когда будет писать что-нибудь о нашей тайне, это будет для меня достаточным вознаграждением.

Пилорат сказал с
воодушевлением:

— Вы могли бы получить известность, которой достойны, и, вероятно, были бы больше оценены, если бы согласились посетить Терминус и, может быть, остаться на некоторое время как приезжий

ученый в нашем университете. Мы могли бы устроить это. Пусть Сейшел не любит Основание, но он не сможет ответить отказом на прямую просьбу разрешить вам приехать на colloquium по некоторым аспектам древней истории.

Квинтезетц приподнялся в кресле.

– И вы можете устроить это?

– Ну, – сказал Тревиз, – я не думал об этом, но Я. П. совершенно драв. Это, вероятно, возможно – если он возьмется. И, конечно, чем больше вы поможете нам, тем активнее мы возьмемся за это.

Квинтезец помолчал, потом,

нахмурившись, спросил:

— Что вы имеете в виду, сэр?

— Вам остается только рассказать нам о Гее, С. К., — сказал Тревиз.

Радость сползла с лица Квинтезетца.

Квинтезец смотрел на свой стол. Его рука рассеянно перебирала короткие, туго завитые волосы. Потом он взглянул на Тревиза и крепко сжал губы, словно решил не говорить ни слова. Тревиз ждал, подняв брови. Наконец, Квинтезец сказал полузадушенно:

— Пожалуй, и в самом деле поздно. Совсем смутно...

Он все время говорил на

правильном Галактическом, но теперь как бы утратил свое классическое образование.

— Смутно, С. К.?

— Ну... сумрачно, темно, почти ночь.

Треви́з кивнул.

— Да, да. Я ужасно проголодался.

Не согласитесь ли вы поужинать с нами, С. К., за наш счет, конечно? Тогда мы и продолжим разговор о Гее.

Квинтезетц тяжело поднялся. Он был выше своих гостей, но из-за тучности не выглядел сильным. Он казался утомленным.

— Я совсем забыл о законах гостеприимства, — извинился он. —

Вы – гости, и вам не годится угощать меня. Пойдемте ко мне домой. Я живу на территории университета, это недалеко отсюда, и, если вы желаете продолжить разговор, дома я смогу держаться свободнее чем здесь. Очень сожалею, – ему было явно неловко, – что могу предложить вам лишь очень немного. Мы с женой вегетарианцы, и если вы предпочитаете мясную пищу, я могу только выразить сожаления и принести извинения.

Треви́з сказал:

– Я. П. и я вполне согласны один раз ограничить нашу плотоядную породу. Наша беседа полностью компенсирует эту жертву, я надеюсь.

– Я обещаю вам интересную еду, помимо беседы, – сказал Квинтезетц, – если вам не очень нравятся наши сейшельские пряности. Мы с женой редко употребляем их.

– Я согласен на любые экзотические вещи по вашему выбору, – спокойно ответил Тревиз, хотя Пилорат явно нервничал.

Все трое вышли из комнаты и пошли по бесконечным коридорам. Сейшелец то и дело раскланивался со студентами и коллегами, но не делал никаких попыток представить своих спутников. Тревиз с неудовольствием отметил, что все глазели на его серый пояс. По-

видимому, приглушенные цвета не были приняты в здешней одежде. Пилорат остановился и посмотрел вверх.

— Красота! — сказал он. — В стихотворении одного из наших лучших поэтов есть такая известная фраза: «Крапинки света высокого сейшельского неба».

Треви́з оценивающе взглянул и сказал негромко:

— Мы с Терминуса, С. К., и мой друг не видел другого неба. На Терминусе мы видим лишь гладкий край туманности Галактики и несколько едва мерцающих звезд. Вы куда больше оцените свое небо, если поживете под нашим.

Квинтезетц очень серьезно признался:

— Мы его очень ценим, уверяю вас. Но потому, что мы находимся не в переполненной области Галактики, а здесь, где звезды распределены очень равномерно. Не думаю, что вы найдете где-нибудь еще в Галактике столь равномерное распределение звезд первой величины. И их не слишком много. Я видел небеса миров внутри шарового скопления, там множество ярких звезд. Они растворяют черноту темного неба и заметно уменьшают великолепие ночи.

— Вполне согласен с вами, — ответил Тревиз.

— Видите ли вы почти правильный пятиугольник почти одинаково ярких звезд? Мы называем их Пять Сестер.

— Да, вижу, — отозвался Тревиз, — очень привлекательно.

— Верно. Считается, что они символизируют успех в любви, и нет любовного письма, которое не содержало бы пятиугольника из точек, указывающего на интимные желания. Каждая из пяти звезд символизирует свою стадию отношений, и знаменитые поэты соперничают друг с другом в эротическом описании каждой из них. В молодости я пытался сочинять стихи на личную тему и не думал,

что наступит время, когда я стану безразличен к Пяти Сестрам. Впрочем, это общая судьба. Видите тусклую точку в центре пятиугольника?

— Да.

— Она символизирует любовь без взаимности. Есть легенда, что эта звезда была такой же яркой, как и остальные, но погасла от скорби. — И Квинтезетц пошел быстрее.

Обед был восхитительным. Бесконечное разнообразие блюд, в которых пряности и приправы были неуловимы, но создавали изумительный эффект.

— Все эти овощи, — сказал он, — есть которые — наслаждение,

составляют часть галактической диеты, не так ли, С. К.?

— Да, конечно.

— Я полагаю, однако, что здесь употребляются и местные виды?

— Конечно. Сейшел-планета была кислородным миром, когда сюда прибыли первые поселенцы, так что она имела свою собственную флору. И мы сохранили кое-что из местных видов. У нас есть прекрасные естественные парки, где существуют флора и фауна древней Сейшел.

— Тогда вы опередили нас, С. К., — печально заметил Тревиз. — На Терминусе, к сожалению, когда туда прибыли люди, природа была

скудной и долгое время не было согласованных усилий для сохранения жизни в море, производившей кислород. Теперь экология Терминуса чисто Галактическая по своей природе.

— Сейшел, — с улыбкой скромной гордости сказал Квинтезетц, — славится традиционно бережным отношением к природе.

Треви́з выбрал момент, чтобы напомнить:

— Когда мы покинули ваш кабинет, С. К., вы собирались угостить нас обедом, а затем поговорить о Гее.

Жена Квинтезетца, симпатичная, пухленькая и почти

темнокожая женщина, мало говорившая во время ужина, ошеломленно подняла глаза, встала и, не говоря ни слова, вышла из комнаты.

— Моя жена, — неохотно ответил Квинтезетц, — очень консервативна, и ей несколько неприятно упоминание о... планете. Прошу вас извинить ее. Но почему вы спрашиваете меня? Мы говорили о Земле, о роботах, об основании Сейшел. Какое отношение все это имеет к тому, о чем вы спрашиваете?

— Может быть, и никакого, но вокруг этого вопроса слишком уж много недомолвок. Почему вашей жене неприятно упоминание о Гее?

Почему это неприятно вам? Разве трудно говорить о ней? Мы только сегодня слышали, что Гея и Земля — одно и то же, и что она исчезла в гиперпространстве из-за сделанного людьми зла.

На лице Квинтезеца отразилась боль.

— Кто сказал вам такую глупость?

— Кто-то в университете.

— Это чистое суеверие.

— Значит, это не входит в вашу главную догму легенд о Бегстве?

— Нет, конечно. Это просто сказка, бытующая среди обычных, необразованных людей.

— Вы в этом уверены? — холодно

спросил Тревиз.

Квинтезетц снова уселся на стул и уставился на остатки еды перед собой.

— Пойдемте в гостиную. Моя жена не может прибрать все и навести порядок, пока мы здесь говорим об... этом.

— Вы уверены, что это сказка? — снова спросил Тревиз, когда они уселись в другой комнате перед окном, выступающим вверх и наружу, для наблюдения за ночным небом Сейшел. Свет в комнате был притушен, чтобы не нарушать освещенность, и темное лицо Квинтезетца пряталось в тени.

— А вы не уверены? Вы серьезно

думаете, что какая-нибудь планета может раствориться в гиперпространстве? Вы должны понимать, что средний человек имеет весьма смутное представление о том, что такое гиперпространство.

— По правде сказать, — ответил Тревиз, — я и сам имею весьма смутное представление о том, что такое гиперпространство, хотя и проходил через него сотни раз.

— Тогда давайте поговорим о реальности. Уверяю вас, что Земля не находится в пределах Сейшел-Сектора и что мир, о котором вы упоминаете — не Земля.

— Но если вы не знаете, где находится Земля, С. К., то вы должны

знать, где находится планета, о которой вы упомянули. Она-то явно в пределах Сейшел-Сектора. Мы кое-что знаем об этом, верно, Пилорат?

Пилорат, сосредоточенно слушавший, вздрогнул от неожиданности и ответил:

— Если на то пошло, Голан, то я знаю, где Гея.

— И давно знаете, Янов?

— С сегодняшнего вечера, мой дорогой Голан. Вы, С. К., показали нам Пять Сестер, когда мы шли к вам домой. Вы показали на тусклую звезду в центре пятиугольника. Я убежден, что это — Гея.

Квинтезетц поколебался, но в конце концов сказал:

– Хорошо. Наши астрономы – в частных беседах – тоже так говорят. Планета, которая вращается вокруг этой звезды.

Треви́з задумчиво посмотрел на Пилората, но лицо профессора было непроницаемым. Тогда Треви́з обернулся к Квинтезетцу.

– Тогда расскажите нам об этой звезде. У вас есть ее координаты?

– У меня? Нет. У меня здесь нет звездных карт. Вы можете попытаться получить их в нашем астрономическом департаменте, хотя, я думаю, не без труда. Путешествия к этой звезде не разрешены.

– Почему? Она ведь на вашей

территории?

— Космографически — да, политически — нет.

Треви́з ожидал чего-то большего. Не дождавшись, он сказал:

— Профессор Квинтезетц, — сказал он официальным тоном, — я не политик, не солдат, не насильник. Я здесь не для того, чтобы силой выпытывать у вас информацию. Однако я буду вынужден, против своей воли, обратиться к нашему послу. Вы должны понять, что я прошу эту информацию не для себя, не в своих личных интересах. Это — дело Основания, и я не хочу делать из него межзвездный инцидент. Не думаю, чтобы и Сейшел-Союз хотел

этого.

Квинтезец неуверенно спросил:

— А что это за дело Основания?

— Об этом я не могу говорить с вами. Если Гея — нечто такое, о чем вы не можете сказать, мы передадим все это на правительственный уровень, и это, возможно, будет очень плохо для Сейшел. Союз держится за свою независимость от Федерации, и я не возражаю против этого. У меня нет причин желать Сейшел зла, и мне не хотелось бы идти к послу. По правде говоря, если я поступлю так, то могу повредить и собственной карьере, потому что мне даны точные инструкции получить эту информацию без привлечения

правительства. Так что, пожалуйста, скажите мне, есть ли у вас какие-нибудь серьезные причины не говорить о Гее. Может, вас за это арестуют или подвергнут какому-нибудь другому наказанию? Либо вы скажете мне правду, либо у меня нет никакого другого выбора, как идти к послу?

— Нет, нет, — совершенно смутившись, пробормотал Квинтезетц, — я ничего не знаю о делах правительства. Просто мы не говорим об этом мире.

— Из суеверия?

— Ну да, из суеверия! О, небо Сейшел, в этом смысле я ничуть не лучше того дурака, сказавшего вам,

что Гея – в гиперпространстве, или моей жены, не желающей даже оставаться в комнате, где упоминают о Гее, способной покинуть дом, из боязни, что он будет разрушен...

– Чем? Молнией?

– Чем-то, что бьет издалека. И даже я – ученый, опасаюсь произносить это название. Но я произнес его, и слово не повредило! Но, пожалуйста, верьте мне – я честно не знаю координат планеты. Я попытаюсь помочь вам получить их, но разрешите сказать вам, что мы, в Союзе, не говорим об этой планете. Я скажу вам, но немного, что известно – именно известно, а не предполагается – и сомневаюсь, что

вы узнаете сколько-нибудь больше на любой планете Союза.

Мы знаем, что Гея – древний мир, и некоторые полагают, что в далекие времена в этом секторе Галактики он был самым старым, но мы в этом не уверены. Из патриотизма мы считаем древнейшей Сейшел-планету, но страх говорит нам, что самая древняя все-таки Гея. Единственный путь объединить эти два утверждения – предположить, что Гея и есть Земля, поскольку Сейшел был заселен землянами.

Большая часть ученых (среди своих) полагает, что планета Гея была основана независимо. Они не думают, что ее колонизовал какой-

нибудь мир нашего Союза. Нет согласия и по сравнительному возрасту, была ли Гея заселена раньше или позже Сейшел.

— Знание о столь далеких временах мало чего стоят, — сказал Тревиз, — потому что любая возможность просто принимается на веру тем или иным ученым.

Квинтезетц горестно кивнул.

— Похоже, что так. Мы узнали о существовании Геи в сравнительно поздний период нашей истории. Сначала мы были заняты основанием Союза, затем отбивались от Галактической Империи, затем пытались играть роль имперской провинции с ограниченной властью

вице-короля. Во времена, когда слабость Империи стала быстро прогрессировать, один из вице-королей, который находился под очень слабым центральным контролем, узнал, что Гея существует и, похоже, поддерживает свою независимость от сейшельской провинции и даже от самой Империи. Она просто держалась в изоляции и секретности, о ней, в сущности, ничего не было известно — мы и теперь знаем о ней немногим больше. Вице-король решил захватить ее. Подробности нам неизвестны, но его экспедиция была разгромлена, и лишь считанные корабли флота вернулись. В те дни

корабли были не слишком хороши, да и управление ими оставляло желать лучшего.

Сам Сейшел радовался гибели вице-короля, который слыл имперским ставленником, и его крушение почти сразу же привело к восстановлению нашей независимости. Сейшел-Союз порвал связи с Империей, и мы до сих пор празднуем годовщину этого события, как День Объединения. Мы, можно сказать, из благодарности оставили Гею в покое почти на столетие, но настало время, когда мы всерьез задумались о собственной маленькой империалистической экспансии. Почему бы не захватить Гею? Почему

бы, по крайней мере, не брать с нее пошлины? Мы послали свой флот, и он тоже был разбит.

После этого мы ограничились редкими попытками торговли — эти попытки неизменно заканчивались неудачей. Гея твердо оставалась в изоляции и никогда не делала никаких попыток торговать или общаться с внешним миром. Не было и никакого, даже минимального, враждебного действия против кого-либо в любом направлении. А затем... — Квинтезетц включил свет, коснувшись кнопки на ручке своего кресла. На свету его лицо приняло явно сардоническое выражение.

Он продолжал:

— Поскольку вы граждане Основания, то, вероятно, вы помните Мула.

Треви́з вспыхнул. За пять столетий существования Основания оно только однажды потерпело поражение. Завоевание было непродолжительным и серьезно не отразилось на стремлении Основания к Второй Империи. Но, конечно, кто ненавидел Основание и желал уколоть его самолюбие, не преминул бы упомянуть о Муле, как о его завоевателе. Треви́зу показалось, что Квинтезетц нарочно повысил уровень освещения, чтобы видеть, как будет задето самолюбие граждан Основания. Он сказал:

– Да, мы помним о Муле.

– Мул, – сказал Квинтезетц, – правил Империей столько времени, сколько Основание теперь управляет Федерацией. Но нами он не правил. Он оставил нас в покое. Однако он один раз посетил Сейшел. Мы подписали декларацию о нейтралитете и заявление о дружбе. Больше он ничего не требовал. Мы были единственными, с кого он ничего более не требовал в те дни, до того, как болезнь остановила его экспансию и заставила его ждать смерти. Он был разумным человеком, знаете ли. Он разумно пользовался силой, не был кровожадным и правил человечно.

– Но он был завоевателем, – ядовито заметил Тревиз.

– Как и Основание, – парировал Квинтезец.

Тревиз, не найдя что возразить, раздраженно подгонял:

– Вы можете сказать что-нибудь еще о Гее?

– Да. О заявлении, которое сделал Мул. В исторической встрече Мула с президентом Союза Калло Мул подписал документ, и при этом сказал: «Судя по этому документу, вы нейтральны по отношению к Гее, и это ваше счастье. Даже я не стану приближаться к ней».

Тревиз покачал головой.

– Почему? Сейшел жаждал

объявить о нейтралитете, а Гея не доставляла никому неприятностей. Мул собирался завоевать всю Галактику сразу, так зачем задерживаться из-за мелочей? Вполне можно было вернуться на Сейшел и Гею, когда все остальное будет сделано.

– Возможно, возможно, – сказал Квинтезетц, – но, согласно показанию свидетеля той встречи, особы, которой мы верим, Мул положил ручку и добавил:

«Даже я не стану приближаться к Гее». Голос его упал до шепота, и он добавил почти про себя, чтобы его не слышали: «Снова».

– Вы говорите, чтобы не

слышали. Как же удалось узнать?

— Когда он клал ручку, она скатилась со стола. Один из присутствующих машинально наклонился поднять ее, и его ухо было близко к губам Мула, так он и услышал. Он никому ничего не говорил до самой смерти Мула.

— Как вы можете доказать, что это не выдумка?

— Не такова была жизнь этого человека, чтобы заподозрить его в придумывании таких вещей. Его рапорт был принят.

— А если, все-таки, выдумка?

— Мул никогда не был в Сейшел-Союзе или поблизости от него, за исключением одного случая, по

крайней мере, после его появления на галактической сцене. Если он когда-нибудь был на Гее, то это было раньше.

– Итак?

– Итак, где родился Мул?

– Не думаю, чтобы кто-нибудь знал это, – сказал Тревиз.

– В Сейшел-Союзе бытует мнение, что Мул родился на Гее.

– Из-за одного этого слова?

– Только отчасти. Мула нельзя было уничтожить, потому что у него была сильная ментальная власть. Гею тоже нельзя уничтожить.

– Гея не была уничтожена, но это не говорит о том, что ее нельзя уничтожить вообще.

– Даже Мул не захотел к ней приближаться. Посмотрите документы его Управления. Посмотрите, был ли хоть один регион, кроме Сейшел-Союза, с которым так осторожно обращались. А знаете ли вы, что никто из летавших на Гею с мирными торговыми целями не вернулся назад? Как вы думаете, почему мы так мало знаем о ней?

– Ваше поведение, – заметил Тревиз, – все больше смахивает на суеверие.

– Называйте, как хотите. Со времен Мула мы выкинули Гею из мыслей. Мы не хотим думать о ней, и только тогда чувствуем себя в

безопасности. Может быть, и само правительство тайно поддерживает легенду о том, что Гея исчезла в гиперпространстве, в надежде, что люди забудут, что есть звезда с таким названием.

— Значит, вы считаете, что Гея — мир Мулов?

— Возможно. Советую вам, для вашего же блага, не отправляться туда. Если вы это сделаете, вы никогда не вернетесь. Если Основание интересуется Геей, оно проявляет меньше ума, чем Мул. Это вы можете передать своему послу.

— Дайте мне координаты, и я тотчас же покину вашу планету. Я поеду на Гею и вернусь.

— Я дам вам координаты, — сказал Квинтезетц. — Департамент астрономии работает ночью, и я получу это для вас сейчас же, если смогу. Но примите мой совет: не пытайтесь достичь Геи.

— Я, все же, намерен совершить эту попытку, — кратко подвел итог Тревиз.

И Квинтезетц грустно произнес:

— Тогда вы намерены совершить самоубийство.

Вперед!

Пилорат смотрел на ландшафт, тусклый в сером свете рассвета, со странным ощущением сожаления и неуверенности.

— Мы были тут недостаточно долго, Голан. Мне, кажется, это приятный и интересный мир. Мне хотелось бы побольше узнать о нём.

Треви́з поднял глаза от компьютера и криво улыбнулся.

— Вы думаете, я не хочу того же? Мы три раза ели на планете — каждый раз по-разному и каждый раз отлично. Я очень доволен. Только вот женщин мы видели мельком, а

некоторые вполне соблазнительны...

Пилорат поморщился.

– О, мой друг! Эти их коровьи колокольчики, которые называются обувью; все женщины обернуты в кричащие цвета, и, к тому же, они что-то делают со своими ресницами. Вы видели их ресницы?

– Можете быть уверены, я заметил все, Янов. Вы судите поверхностно. Их легко можно убедить вымыть лицо и в нужное время снять обувь и все прочее.

– Я бы поймал вас на слове, Голан. Однако я больше думаю о дальнейшем исследовании. То, что нам говорили о Земле, так неполно, так противоречиво. Один говорил о

радиации, другой – о роботах.

– И в обоих случаях – смертельно.

– Вот именно, – неохотно подтвердил Пилорат. – Но одно слово может быть истинным, а другое – нет, или оба истинны в какой-то мере, или то и другое вранье. Голан, когда вы слышите рассказ, где суть окружена густым туманом сомнений, вы, конечно, должны чувствовать что распутать это и добраться до сути – дело чести.

– Я так и делаю, – сказал Тревиз, – клянусь всеми звездами-карликами.

Первоочередная проблема – это Гея. Как только мы справимся с ней, мы можем лететь

на Землю или обратно на Сейшел, чтобы задержаться там подольше. Но сначала Гея.

Пилорат кивнул.

— Первоочередная проблема. Если верить Квинтезетцу, на Гее нас ожидает смерть. Так надо ли нам туда стремиться?

— Я и сам себя об этом спрашиваю. Вы боитесь?

Пилорат замялся, как бы проверяя свои ощущения. Затем сказал просто и уверенно:

— Да. Ужасно!

Треviz повернулся к нему и сказал так же просто и уверенно:

— Янов, вам нет причин рисковать. Скажите только одно

слово, и я оставляю вас на Сейшел с вашим личным имуществом и половиной наших денег. А когда вернусь, заберу вас и мы отправимся в Сириус-Сектор, если захотите, и на Землю, если она там есть. Если же я не вернусь, наше посольство на Сейшел поможет вам вернуться домой, на Терминус. Никаких обид, если вы останетесь, мой дорогой друг.

Пилорат быстро заморгал и сжал губы, а затем сказал хриплым голосом:

— Дорогой друг? Сколько времени мы знакомы? Неделю? Не странно ли, что я отказываюсь покинуть корабль? Я боюсь, но

останусь с вами.

Треви́з недоуменно развел руками.

— Но почему? Я вам честно предложил.

— Сам не знаю, почему. Наверное... Голан, я верю в вас. Мне кажется, вы всегда знаете, что делать. Я хотел уехать на Трантор, где, как я теперь понимаю, делать было бы нечего. Вы настаивали на Гее, и Гея почему-то должна оказаться больным нервом Галактики. И все, что случилось, связано с Геей.

Если этого недостаточно, Голан, я следил, как вы выжимали информацию из Квинтезетца о Гее. Это был такой шикарный блеф! Я

был просто вне себя от восхищения.

— Значит, вы верите мне?

— Да, верю, — подтвердил

Пилорат.

Треви́з скрестил руки на груди и некоторое время, казалось, не мог найти слов. Наконец, он сказал:

— Янов, вы простите меня заранее, если мои суждения окажутся ошибочными и если мы тем или иным путем встретимся с чем-то неприятным?

— О, мой дорогой, зачем вы спрашиваете? Я принял решение свободно, по своему разумению, а не по-вашему. И прошу вас — давайте улетим побыстрее. Я не уверен, что трусость не схватит меня за горло и

не покроет стыдом до конца дней.

— Как скажите, Янов. Мы вылетим сразу же, как только позволит компьютер. На сей раз мы двинемся гравитационно — прямо вверх, когда удостоверимся, что в атмосфере над нами нет других кораблей. А когда атмосфера станет менее плотной, мы наберем скорость. Самое большее через час мы выйдем в открытый космос.

— Хорошо, — Пилорат снял крышку с пластикового контейнера для кофе.

Из отверстия почти сразу же повалил пар. Пилорат взял трубку в рот и начал потихоньку тянуть, чтобы воздух тоже входил в рот и

охлаждал кофе до приемлемой температуры.

Треви́з усмехнулся.

— Вы отлично научились пользоваться этими вещами. Вы — космический ветеран, Янов!

Пилорат посмотрел на пластиковый контейнер и сказал:

— Теперь, когда у нас есть корабли, управляющие гравитационным полем, мы, наверное, можем пользоваться обычными контейнерами?

— Конечно, но вам не удастся заставить космолетчиков отказаться от подобной аппаратуры. Видите кольца на стенах и на потолке? Они были приняты в космических

кораблях двадцать тысяч лет назад, если не больше, но в гравитационном корабле они абсолютно не нужны. Однако, они здесь есть. Во всем существует социальная инерция, даже в передовой технологии. Эти ненужные стенные кольца то же самое, что чашки с трубками.

Пилорат задумчиво кивнул и продолжал потягивать кофе. Потом спросил:

— Когда мы взлетим?

Треви́з захохотал.

— Я начал болтать о стенных кольцах, и вы не заметили, что в это время мы взлетели. Сейчас мы уже поднялись на милю.

– Не может быть!

– Посмотрите.

Пилорат так и сделал.

– Но я же ничего не почувствовал.

– Потому что вы ничего не знали.

– А мы не нарушаем правил? Мы, наверное, должны были идти по радиолучу вверх по спирали, как шли вниз, когда садились.

– А зачем, Янов? Нас никто не остановит.

– Когда мы садились вы говорили...

– Тогда было совсем другое дело. Они не были встревожены, когда мы прибыли, но они в восторге от того,

что мы уходим.

— Почему вы так говорите, Голан? Единственный человек, который говорила с нами о Гее — Квинтезетц, и он умолял нас не ехать.

— Не верьте этому, Янов. Все это притворство. Он хотел быть уверенным, что мы отправимся на нее. Янов, вы восхищались моим блефом, когда я вытягивал информацию из Квинтезеца. Мне очень жаль, но я не заслужил восхищения. Если бы я ничего этого не сделал, он все равно рассказал бы. Если бы я заткнул уши, он стал бы кричать во все горло.

— Почему вы так думаете, Голан?

Ведь это безумие!

— Параноидалдно! Да, я знаю. — Тревиз повернулся к компьютеру и сосредоточился. Затем продолжил: — Нас не остановили. Ни один корабль в просматриваемом пространстве не получил никаких предупреждений. — Он снова повернулся к Пилорату. — Скажите, Янов, как вы узнали о Гее? Вы знали о ней еще на Терминусе. Вы знали, что она в Сейшел-Секторе. Вы знали, что ее название является одним из названий Земли. Где вы слышали все это?

— Если бы я был сейчас в моем кабинете на Терминусе, я сверился бы с картотекой, но ведь я не все взял с собой и уж, конечно, не даты, когда

я нашел те или иные сведения.

— Ну так и не думайте об этом, — угрюмо сказал Тревиз. — Учтите, что сами сейшелцы держат язык за зубами. Они так неохотно говорят о Гее, словно это означает поощрение суеверий простого народа, уверенного, что такой планеты в пространстве нет. И я могу рассказать вам еще кое-что. Смотрите.

Тревиз повернулся к компьютеру. Запустил в него пальцы с легкостью и грациозностью, приобретенными в процессе долгой практики. Он, как всегда, почувствовал, что часть его воли утекает, и сказал:

— Это галактическая карта компьютера, существующая в его памяти до того, как мы высадились на Сейшел. Я хочу показать вам часть карты, представляющую ночное небо Сейшел, каким вы видели его прошлой ночью.

В комнате стемнело и на экране возникло ночное небо.

Пилорат тихо сказал:

— Такое же прекрасное, как мы видели на Сейшел.

— Еще прекраснее, — нетерпеливо перебил Тревиз. — Здесь нет никаких атмосферных помех, нет облаков, нет горизонта. Но подождите, дайте мне наладить.

Зрелище сдвинулось, доставляя

обоим зрителям неприятное ощущение, что двигаются они. Пилорат инстинктивно ухватился за подлокотники кресла.

— Вот! — воскликнул Тревиз. — Узнаете?

— Конечно. Это Пять Сестер — пятиугольник звезд, на который указывал Квинтезетц. Их ни с чем не спутаешь.

— Это верно. Но где Гея?

Пилорат заморгал. Тусклой звезды в центре не было.

— Ее нет, — сказал он.

— Правильно! Ее здесь нет. Это потому, что ее присутствие не заложено в память компьютера. Поскольку маловероятно, что этот

банк данных намеренно сделан неполным из уважения к нашему благополучию, я заключаю, что галактографы Основания, собравшие эти сведения и имеющие в своем распоряжении потрясающее количество информации, не знали о Гее.

— Вы предполагаете, что если бы мы поехали на Трантор... — начал Пилорат.

— Я подозреваю, что и там бы мы не нашли сведений о Гее. Сейшелцы держат ее существование в секрете, и, более того, думаю, что жители Геи — тоже. Вы сами сказали несколько дней назад, что это не так уж необычно и что некоторые миры

намеренно остаются в тени, чтобы избежать налогов или вмешательства извне.

— Обычно, — сказал Пилорат, — когда составители карт и статистики случайно наталкиваются на такой мир — обнаруживают его, выясняется что такие миры находятся в слабо населенных частях Галактики. Это изоляция и позволяет им скрываться. А Гея не изолирована.

— Правильно, и это еще одна сторона, делающая ее необычной. Итак, оставим эту карту на экране, чтобы продолжать думать о невежестве галактографов, и позвольте мне спросить еще раз: при таком невежестве со стороны

наиболее знающих людей, как вы могли услышать о Гее?

– Я более тридцати лет собирал сведения о мифах, земных легендах, земной истории, мой дорогой Голан. Без своих записей я не могу...

– Начнем по-другому, Янов. Узнали вы об этом, скажем, в первые пятнадцать лет ваших исследований или в последующие?

– Ох! Ну, если брать так широко, то это было позднее.

– Это уже лучше. Например, я выскажу предположение, что вы узнали о Гее год-два назад. – Тревиз посмотрел на Пилората в упор, почувствовал полную невозможность прочесть что-либо по выражению его

лица в темноте и прибавил света. Ночное небо на экране соответственно потускнело. Лицо Пилората было каменным и ничего не выражало.

– Ну? – спросил Тревиз.

– Я думаю, – коротко ответил Пилорат. – Возможно, вы правы. Когда я писал Джинберу из Ледбетского университета, я не упомянул о Гее, хотя в данном случае такое упоминание было бы вполне уместным, а это было... сейчас соображу... три года назад. Думаю, что вы правы, Голан.

– Так, как же вы наткнулись на это? – спросил Тревиз. – В разговоре? В книге? В научной

статье? В какой-нибудь древней песне? Как? Выкладывайте!

Пилорат впал в глубокое раздумье. Тревиз молча ждал. Наконец, Пилорат сказал:

– В частном сообщении. Но не спрашивайте меня, мой дорогой, от кого. Я не помню.

Тревиз провел руками по поясу. Они были влажными от усилий получить информацию, не слишком явно вталкивая слова в рот Пилорату.

– От историка? От эксперта по мифологии? От галактографа?

– Не старайтесь. Я не могу связать сообщения с конкретными именами.

– Возможно, потому что имени

вообще не было.

— Ох, нет, это едва ли возможно.

— Почему? Вы отбрасываете анонимные сообщения?

— Полагаю, что нет.

— Вы когда-нибудь получали такие?

— Изредка. В последние годы я был известен в некоторых академических кругах как собиратель особого типа мифов и легенд, и некоторые мои корреспонденты присылали мне иной раз достаточно интересный материал, который они добывали не из академических источников. Иногда его нельзя было приписать определенному лицу...

– Ладно, – сказал Тревиз, – а вы когда-нибудь получали анонимную информацию непосредственно, а не от какого-нибудь академического корреспондента?

– Случалось, но чрезвычайно редко.

– Вы уверены, что этого не было в случае с Геей?

– Такие сообщения имели место так редко, что я, вероятно, запомнил бы, что в данном случае это было именно так. Однако я не могу утверждать, что информация была не анонимного происхождения. Но не могу и утверждать, что получил ее из аномального источника.

– Понятно. Но возможность

остается. Так?

— Полагаю, что остается, — крайне неохотно согласился Пилорат. — Но к чему все это?

— Я еще не кончил, — властно сказал Тревиз. — Откуда вы получили эту информацию — анонимно или нет — из какого мира?

Пилорат пожал плечами.

— Не имею представления.

— Может быть, с Сейшел?

— Я же сказал вам, что не знаю.

— Я предполагаю, что вы получили ее, все же, с Сейшел.

— Можете предполагать все, что угодно, но это ничего не меняет.

— Нет? Когда Квинтезетц указал вам на тусклую звезду в центре Пяти

Сестер, вы сразу догадались, что это Гея. Вы сказали это Квинтезетцу опережая его объяснения. Вы помните?

— Да, конечно.

— Как это могло случиться? Как вы узнали, что тусклая звезда — Гея?

— Потому что в материале о Гее, который я имел, редко упоминалось именно это название. Обычный эвфемизм, несколько раз повторенный, был: «Младший брат Пяти Сестер», другой: «Центр Пятиугольника», а иногда: «Нуль-Пентагон». Когда Квинтезетц показал мне Пять Сестер и центральную звезду, эти намеки сразу же вспомнились.

– Вы не разу не упоминали мне об этих намеках.

– Я не знал, что они имеют значение, и не думал, что так важно говорить о таких вещах с вами, с... – Тут Пилорат замялся.

– С неспециалистом?

– Да.

– Вы, надеюсь, понимаете, что пятиугольник Пяти Сестер – форма относительная?

– Что вы имеете в виду?

Тревиц рассмеялся от души.

– Вы – поверхностный червь! Неужели вы думаете, что небо имеет объективную форму? Что звезды прибиты к месту? Форма пятиугольника видна с поверхности

миров той планетной системы, к которой принадлежит Сейшел-планета — и только оттуда. С планеты, вращающейся вокруг другой звезды, внешний вид Пяти Сестер будет другим. Один и тот же предмет рассматривается под другим углом. Кроме того, пять звезд пятиугольника находятся на разных расстояниях от Сейшел, и, если глядеть под другим углом, видимой связи между ними может не быть вообще. Одна или две звезды могут быть в одной половине неба, а остальные — в другой. Вот смотрите. — Он снова убрал освещение и склонился к компьютеру. — Сейшел-Союз состоит

из восьмидесяти шести планетных систем.

Давайте поставим Гею на место. — Пока он говорил, в центре пятиугольника появился маленький красный кружок. — И сдвинем небо, как видят его с любого из этих восьмидесяти шести миров.

Небо сдвинулось, и Пилорат заморгал. Красный кружок остался в центре экрана, а Пять Сестер исчезли. По соседству были яркие звезды, но они не составляли пятиугольника. Небо сдвинулось еще и продолжало сдвигаться.

Красный кружок оставался на месте, но маленький пятиугольник из одинаково ярких звезд не разу ни

появился. Иногда показывался искривленный пятиугольник, неравномерно яркий, но не было ничего похожего на ту красоту, что показал им Квинтезетц.

— Достаточно? — спросил Тревиз. — Уверяю вас, Пять Сестер, как мы их видели, нельзя увидеть ни с одного мира, кроме планетной системы Сейшел.

Пилорат предположил:

— Сейшелская точка зрения могла быть экспортирована на другие планеты. В имперские времена было множество поговорок — некоторые дожили и до наших времен — и все они, в сущности, сконцентрировались на Транторе.

– Если Сейшел так секретничает насчет Геи, откуда мы знаем, было ли такое? И почему миры вне Сейшел-Союза заинтересовались этим? И почему эти миры стали бы осторожничать с «Младшим Братом Пяти Сестер», если на небо нет ничего, на что можно указать?

– Наверное, вы правы...

– Разве вы не видите, что ваша первоначальная информация должна исходить с самого Сейшел? Не вообще из Союза, а именно с Сейшел-планеты, которая является столичным миром Союза?

Пилорат покачал головой.

– У вас это звучит очень логично, но я этого не помню.

Просто не помню.

— Тем не менее, вы признаете силу моих аргументов?

— Да, безусловно!

— Дальше, когда, по вашему предположению, могла возникнуть легенда?

— В любое время. Я бы предположил, что задолго до Имперской эры. Чувствуется древность...

— Ошибаетесь, Янов. Пять Сестер довольно близки Сейшел-планете, поэтому они такие яркие. Четыре из них имеют быстрое собственное вращение, а две — не часть семьи, так как движутся в другом направлении. Следите, что

получается, когда я буду медленно сдвигать картину назад во времени.

Снова красный кружок, отмечающий место Геи, остался на месте, но пятиугольник медленно расходился в стороны, когда четыре звезды плыли в разных направлениях, а пятая двигалась, все больше отставая от них.

– Посмотрите, Янов. Можете вы сказать, что это правильный пятиугольник?

– Явно кривобокий, – ответил Пилорат.

– А Гея в центре?

– Нет, она сильно отклоняется в сторону.

– Прекрасно. Так выглядело это

созвездие сто пятьдесят лет назад, то есть всего полтора столетия. Материал о «Центре Пятиугольника» и прочем, который вы получили, не имел до этого столетия реального смысла нигде, даже на Сейшел. Материал, который вы получили, произведен на Сейшел в этом столетии, возможно, в последнее десятилетие. И вы получили его, хотя Сейшел так упорно молчит о Гее.

Треви́з включил свет, убрал карту и сел, сурово глядя на Пилората.

— Я совсем сбит с толку, — растерянно пробормотал Пилорат. — К чему все это?

— Подумайте! Почему-то мне

пришла в голову мысль, что Второе Основание все еще существует. Я говорил об этом во время моей избирательной кампании.

Я выступил с небольшой эмоциональной оценкой, предназначенной для выжимания голосов из нерешительных, и начал с драматического: «Если бы Второе Основание все еще существовало...», а позже в тот же день подумал: «А что, если оно и в самом деле существует?». Я стал читать исторические книги и через неделю убедился. Не было никакой реальной очевидности, но я чувствовал, что могу вынести правильное заключение из путаницы

размышлений.

Но на этот раз... — Тревиз подумал и продолжал:

— Из всех людей я выбрал в доверенные Кампера, и он предал меня. В результате этого мэр Бранно арестовала меня и послала в ссылку. Почему в ссылку, когда значительно проще посадить меня в тюрьму или угрозами заставить замолчать? Почему мне дали корабль самой последней модели с исключительной мощностью? И почему мэр настаивала, чтобы я взял вас, и советовала мне помочь вам искать Землю? И почему я был так уверен, что не поеду на Трантор? Я был убежден, что вы имеете самый

лучший план для наших исследований, а вы сразу подошли к тайне мира Геи, о которой, как сейчас выяснилось, вы получили информацию при весьма запутанных обстоятельствах.

Мы прибыли на Сейшел – первую естественную остановку – и сразу же встретились с Кампером, который предоставил нам обстоятельный рассказ о Земле и ее гибели. Он уверял нас, что она в Сириус-Секторе, и понуждал нас ехать туда.

Пилорат сказал:

– Ну, похоже, вы хотите сказать, что все обстоятельства направляли вас к Гее, а Кампер, как вы сказали

пытался убедить нас ехать в другое место.

– И в ответ я решил продолжить нашу изначальную линию расследования из-за полнейшего недоверия к этому человеку. Вы не предполагаете, что у него мог быть какой-то расчет? Он мог намеренно уговаривать нас ехать куда-то именно для того, чтобы мы этого не сделали.

– Ну, это уж какая-то мистика, – пробормотал Пилорат.

– Да? Что ж, пойдем дальше. Мы встретились с Квинтезетцем только потому, что он подвернулся под руку...

– Вовсе и нет, – вставил Пилорат. – Я знал его имя.

— Наверное, оно просто показалось вам знакомым. Вы никогда не читали его работ — иначе вы вспомнили бы. А почему это имя показалось вам знакомым? Во всяком случае, оказалось, что он читал вашу статью и пришел от нее в восторг — но насколько это соответствует истине? Вы сами говорили, что ваша статья малоизвестна.

Более того, молодая леди, провожавшая нас к его кабинету, без всяких веских причин упомянула о Гее и даже сообщила нам, что Гея в гиперпространстве, как бы для уверенности, что мы сохраним это в памяти.

Когда мы спросили об этом Квинтезетца, он сделал вид, что не хочет отвечать, но не выгнал нас, хотя был почти груб с нами. Наоборот, он пригласил нас к себе домой и по дороге показал нам Пять Сестер. Он даже заставил нас обратить внимание на тусклую звезду в центре. Зачем? Неужели все это — исключительно цепь совпадений?

— Если вы расцениваете это...

— Расценивайте, как хотите, — сказал Тревиз, — но я не верю в цепь совпадений.

— Тогда что же это значит? Выходит, нас направили на Гею?

— Да.

— И кто же?

– Насчет этого просто не может быть сомнений. Кто способен регулировать мысли, подталкивать ту или другую, давая им развитие?

– Вы хотите сказать, что это Второе Основание?

– Ну, что нам сказали о Гее? Что она неуязвима. Флот, высланный против, нее уничтожен. Люди, проехавшие туда, не вернулись. Даже Мул не решился выступить против Геи, а Мул, видимо, родился там. Похоже, что Гея – это Второе Основание, а найти его – главнейшая моя цель.

Пилорат покачал головой.

– Но, как говорят некоторые историки, Мула остановило Второе

Основание. Как он мог быть одним из них?

– Ренегат, я полагаю.

– Но зачем Второму Основанию неустанно толкать нас к себе?

Треви́з нахмурился, его взгляд устремился в пространство.

– Давайте думать дальше. Для Второго Основания всегда важно, чтобы в Галактике распространялось как можно меньше информации о нем. В идеале оно хотело, чтобы само его существование оставалось неизвестным. Мы почти ничего не знаем о нем. Считалось, что сто двадцать лет назад Второе Основание вымерло, но когда я начал подозревать, что оно существует, его

члены ничего не предприняли. Кампер знал. Они могли воспользоваться им и заставить меня замолчать тем или иным способом, вплоть до убийства. Однако они ничего не сделали.

– Они вас арестовали, – сказал Пилорат, – если вы хотите возложить вину на Второе Основание. Судя по вашим словам, это было сделано, чтобы народ Терминуса ничего не узнал о ваших взглядах. Люди Второго Основания выполнили это без большого насилия, видимо, из уважения к Сальвору Хардину, говорившему, что «насилие – последнее убежище слабого».

– Но ничего не сделано, чтобы

сохранить это в тайне от людей Терминуса. Мэр Бранно знает о моих взглядах и меньше других сомневается в их правоте. Так что теперь Второму Основанию уже поздно вредить нам. Если бы они хотели избавиться от меня с самого начала, они были бы свободны. Даже оставив меня в покое, они могли успокоиться, потому что заставили Терминус поверить в мою эксцентричность, а то и просто безумие. Предполагаемое крушение моей политической карьеры также могло бы принудить меня молчать, как только я бы понял, к чему приведет декларация моих взглядов.

А теперь уже поздно что-либо

делать. Мэр Бранно явно подозревает о ситуации, раз она послала следом за мной Кампера и, не доверяя ему как и мне, поставила на его корабль гипертранслятор. В результате она знает, что мы на Сейшел. А в прошлую ночь, пока вы спали, я вложил в наш компьютер сообщение для передачи прямо в компьютер нашего посольства на Сейшел о том, что мы держим путь на Гею. Я даже взял на себя труд дать координаты Геи.

Если Второе Основание и теперь ничего не сделает, то, я уверен, мэр Бранно примется расследовать дело, а концентрация внимания Первого Основания ему

наверняка нежелательна.

— А зачем Первому Основанию беспокоиться о внимании Второго, если оно так могущественно?

— Да, — вынужденно согласился Тревиз. — Оно прячется потому, что в чем-то, видимо, слабо и потому что технология Первого Основания, возможно, шагнула так далеко, как не предвидел даже сам Селдон. Тот спокойный тайный способ, каким Второе маневрирует нами из своего мира, возможно, показывает его тайное желание не делать ничего, что привлекло бы внимание. Если так, Второе Основание уже пропало, по крайней мере частично, потому что привлекло внимание, и я

сомневаюсь, что оно сможет исправить положение.

– Но зачем им все это делать? – спросил Пилорат. – Зачем им губить себя, таща нас через всю Галактику? Что они хотят от нас?

Треви́з в упор взглянул на Пилората и покраснел.

– Янов, у меня есть дар делать правильные выводы почти из ничего. Во мне есть какая-то уверенность, что я прав, и сейчас я уверен. Они хотят чего-то, что есть у меня, и хотят настолько, что даже рискуют своим существованием. Я не знаю, что именно, но собираюсь узнать, потому что, если это так мощно, то я хочу уметь пользоваться этим на

благо того, что считаю правильным. — Он слегка пожал плечами. — Вы все еще хотите идти со мной, старый друг, хотя видите, насколько я безумен?

— Я сказал вам, что верю в вас, — сказал Пилорат. — И продолжаю верить.

Треви́з засмеялся с чувством огромного облегчения.

— Чудесно! У меня предчувствие, говорящее мне, что вы, по каким-то причинам, тоже необходимы в этом деле. В таком случае, Янов, мы полным ходом идем на Гею. Вперед!

Мэр Харла Бранно выглядела сейчас значительно старше своих

шестидесяти двух лет. Так бывало не всегда. Она настолько погрузилась в свои думы, что забыла отвернуться от зеркала и на пути в комнату с картами увидела свое отражение. Выглядела она ужасно.

Мэр вздохнула. Жизнь высушила. Пять лет мэрства, и до этого еще двенадцать лет фактической власти за двумя подставными лицами. Все было спокойно, все удачно — ни напряжения... ни провалов... ни крушений...

Для нее лично все не так плохо, решила она неожиданно. Действие укрепит ее. Страшно сознавать, что износило ее бездействие.

План Селдона развивался успешно, и Второе Основание убеждено, что так и должно продолжаться. Она, как сильная рука и шлем Основания (по-настоящему — Первого Основания, но никто на Терминусе и не думал добавлять числительное), явно была на гребне.

Надо думать, история мало, а то и совсем ничего не сохранит о ней. Она просто сидела за приборной доской корабля, в то время как корабль управлялся извне.

Даже Индбур III, который руководил Основанием во времена катастрофического нападения Мула, сделал что-то. Он, по крайней мере, хоть разрушал. А мэр Бранно была бы

ничем, если бы Голан Тревиз, этот безмозглый советник, этот громоотвод не сделал возможным...

Она задумчиво смотрела на карту. Карта была не из тех, что выдает современный компьютер: это был трехмерный световой пучок, который голографически рисовал в воздухе Галактику. Хотя изображение нельзя было сдвинуть, повернуть, вытянуть или сжать, можно было обойти его кругом и увидеть под любым углом.

Обширная часть Галактики, может быть, треть (если не считать «нежилого» ядра), окрасилась в красный цвет, когда мэр тронула кнопку. Это был цвет Федерации

Основания, более семи миллионов обитаемых планет, которыми управлял Совет и сама мэр Бранно семимиллионная Федерация, голосовавшая за нее.

Другая кнопка – слабый розовый цвет брызнул от краев Федерации наружу – сферы влияния! Это не было территорией Основания, но регионы, номинально независимые, никогда не помышлявшие о сопротивлении любому начинанию Основания.

Она не сомневалась, что никакая сила в Галактике не может противиться Основанию, даже Второе Основание (если бы только знать, где оно). При желании можно

выпустить флот новейших кораблей и создать Вторую Империю.

Но с начала действия плана прошло всего пять столетий. План требовал десяти столетий до того, как может быть основана Вторая Империя, и Второе Основание должно удостовериться, что план будет выполнен. Мэр покачала головой. Если Основание выступит сейчас, оно каким-то образом должно провалиться. Хотя его корабли непобедимы, немедленные действия потерпят крах.

Если только Тревиз, громоотвод, не притянет молнию Второго Основания... а молнию можно направить обратно к источнику.

Бранно оглянулась. Где Кодил? Сейчас ему не время опаздывать.

Эта мысль как бы вызвала Кодида, потому что он тут же вошел, добродушно улыбаясь и выглядя еще больше по-стариковски, чем обычно. Дед, но не старый.

Ну, конечно, он был на восемь лет моложе мэра.

Почему на нем нет следов напряжения? Неужели пятнадцать лет работы Директором Безопасности не оставили рубцов?

Кодил медленно склонил голову в официальном поклоне, что было необходимо при разговоре с мэром. Это была традиция, существовавшая с печальной памяти дней Индбуров.

Изменилось почти все, но не этикет.

— Простите, что я опоздал, мэр, но арест Советника Тревиза, в конце концов, начал пробиваться сквозь анестезированную кожу Совета.

— Да? — равнодушно спросила мэр. — У нас дворцовый переворот?

— Ни в коей мере. Мы контролируем. Но шум будет.

— Пусть шумят. Они будут чувствовать себя лучше, а я... я переживу. Надеюсь, я могу рассчитывать на общественное мнение?

— Думаю, что можете. Особенно вне Терминуса. Там никто не беспокоится, что стало с заблудшим Советником.

– А я беспокоюсь.

– Есть новости?

– Лионо, – сказала мэр, – я хочу узнать все о Сейшел.

– Я не двуногая книга по истории, – улыбаясь, ответил Кодил.

– Я не хочу истории. Я хочу правды. Почему Сейшел независим? Взгляните сюда. – Она указала на красный цвет Основания голографической карты. Там, во внутренней спирали, было белое пятно. – Мы почти закапсулировали его, почти всосали – однако оно белое. Наша карта не показывает его даже в розовом, как лояльного союзника!

Кодил пожал плечами.

– Официально он не союзник, но он никогда не ссорился с нами. Он – нейтрален.

– Правильно. Но посмотрите на это, – она тронула другую кнопку.

Красное растянулось заметно дальше. Оно покрыло почти половину Галактики.

– Это владение Мула перед его смертью. Если приглядитесь, то увидите, что Сейшел-Союз полностью окружен, но по-прежнему белый. Эта единственная окруженная территория, оставленная Мулом свободной.

– Сейшел и тогда был нейтрален.

– Мул не слишком-то считался с

нейтралитетом.

— В этом случае, видимо, считался.

— Видимо, считался! Что имеет Сейшел?

— Ничего! Поверьте, мэр, Сейшел будет нашим, как только мы захотим.

— Да? Однако он почему-то не наш.

— Он нам не нужен.

Бранно снова села в кресло и, взмахнув рукой над контрольной панелью, повернулась к Галактике спиной.

— Я думаю, что теперь он нам нужен.

— Простите, мэр?

— Лионо, я послала этого дурака-

советника в космос как громоотвод. Я чувствовала, что Второе Основание увидит в нем большую опасность, чем он собой представляет, и сочтет само Основание опасностью меньшей. Молния должна ударить в него и выдать нам свое происхождение.

— Да, мэр!

— Я хотела, чтобы он поехал в гниющие руины Трантора, порылся в их библиотеке — если от нее еще что-нибудь осталось — и нашел сведения о Земле. Это, вы, помните, мир, про который нудные мистики говорят, что оттуда произошло человечество, хотя это даже в самом невероятном случае не может быть правдой.

Второе Основание, вероятно, не поверит, что это настоящая причина его приезда, и постарается установить, что же он в действительности высматривает.

— Но он не поехал на Трантор.

— Нет... Совершенно неожиданно он оказался на Сейшел. Зачем?

— Я не знаю. Пожалейте, пожалуйста, старого сыщика, в обязанности которого входит подозревать всех, и скажите, как вы узнали, что Тревиз и Пилорат на Сейшел? Я знаю, что Кампер сообщал об этом, но можно ли ему верить?

— Гипертранслятор подтвердил,

что корабль Кампера на Сейшел-планете.

— Бесспорно, но откуда вы знаете, что Тревиз и Пилорат тоже там? Кампер вполне мог прилететь на Сейшел по личным соображениям, совершенно не интересуясь, где находятся те двое.

— Наш посол на Сейшел информировал о прибытии корабля, на который мы поместили Тревиза и Пилората. Я не склонна думать, что корабль пришел на Сейшел без них. Кроме того, Кампер сообщил, что разговаривал с ними, и, если он не врал, то у него есть сведения, что эти двое были в сейшелском университете и беседовали там с

малоизвестным историком.

– Ничего такого, – кротко сказал Кодил, – до меня не дошло.

Бранно фыркнула.

– Не считайте, что вам наступают на пятки. Я лично занимаюсь этим делом, а теперь и вы располагаете информацией – с отсрочкой на дорогу проделанную ко мне. Самые последние известия, только что полученные от посла, сообщают, что наш громоотвод пошел дальше. Он пробыл на Сейшел-планете два дня, а затем улетел. Он направился в другую планетарную систему, как он сообщил, что-то в десяти парсеках от Сейшел. Тревиз передал послу

название и галактические координаты места своего назначения, а посол передал нам.

— Кампер подтвердил это?

— Сообщение Кампера, что Тревиз и Пилорат оставили Сейшел, пришло даже раньше, чем известие от посла. Кампер еще не установил, куда направился Тревиз. Предполагается, что Кампер последует за ним.

— Не хватает сведений, почему создалась такая ситуация, — сказал Кодил, сунув в рот пастилку и сосредоточенно посасывая ее. — Зачем в таком случае Тревизу надо было посещать Сейшел? Почему он так быстро покинул его?

– Меня сейчас больше волнует вопрос – куда? Куда он отправился?

– Вы кажется сказали, мэр, что он дал послу название и координаты места? Или посол солгал нам?

– Даже если допустить, что каждый сказал чистую правду и никто не сделал ошибки, меня интересует название. Тревиз передал послу, что едет на Гею. Он даже позаботился передать по буквам: ГЕЯ.

– Гея? – переспросил Кодил. – Никогда не слышал о такой.

– Да? Ничего удивительного. – Бранно указала на место в воздухе, где была карта. – На карте в этой комнате я могу немедленно

установить любую звезду, вокруг которой предположительно вращается обитаемый мир, и множество известных звезд с необитаемыми мирами. Можно отыскать свыше тридцати миллионов звезд — если я буду правильно обращаться с управлением — единичных, парных и созвездий. Я могу отметить их любыми из пяти цветов, по одному или сразу. Но я не могу определить на карте Гею. На карте Гея не существует!

— На каждую звезду, отмеченную на карте, — заметил Кодил, — приходится десять тысяч неотмеченных.

— Согласна, но там нет

обитаемых планет, а зачем Тревизу лететь на необитаемую планету?

– Вы запрашивали Центральный компьютерный центр? В нем хранится информация обо всех трехстах миллиардах звезд Галактики.

– Могла бы, но что это даст? Мы с вами прекрасно знаем, что есть тысячи обитаемых планет, не вошедших в список наших карт – не только в нашем, но и в центральном компьютере. По-видимому, Гея – одна из них.

Голос Кодида оставался спокойным, почти ласковым:

– Мэр, во всем этом, может быть, ничего нет. Тревиз мог

отправиться охотиться на диких гусей, мог солгать нам, и нет звезды, называемой Геей, или вообще нет звезды с теми координатами, которые он дал. Он пытается сбить нас со следа, поскольку он встретил Кампера и, видимо, догадался, что за ним следят.

— Как он собьет нас? Ведь Кампер все еще идет за ним. Нет, Лионо, я думаю о другой возможности, потенциально куда более неприятной. Послушай.

Эта Гея находится, если верить информации, в десяти парсеках от Сейшел-планеты, и, следовательно, входит в Сейшел-Союз. Сейшел-Союз — хорошо изученная часть Галактики.

Все его звездные системы — обитаемые или необитаемые — записаны, а обжитые системы известны в деталях. Гея — единственное исключение. Обитаема она или нет — никто о ней не слышал, и на картах ее нет. Вдобавок, Сейшел-Союз поддерживает особое состояние независимости по отношению к Федерации Основания и поступал так же по отношению к владениям Мула. Он стал независимым после падения Империи.

— И что? — осторожно поинтересовался Кодил.

— Два соображения, которые я хочу связать: Сейшел-Союз включает

в себя полностью неизвестную планетную систему, и Сейшел неприкосновенна. И то, и другое должно быть связано. Какова бы ни была Гея, она защищает себя. Она следит, чтобы о ее существовании никто не знал, кроме ее непосредственного окружения, и защищает соседей, чтобы их не захватили пришедшие извне.

— Вы хотите сказать, мэр, что Гея — оплот Второго Основания?

— Я хочу пока только сказать, что Гея заслуживает инспектирования.

— Я могу указать на один странный пункт, который трудно объяснить этой теорией?

— Пожалуйста.

— Если Гея есть Второе Основание и если она столетиями защищала себя физически от вторжения и охраняла весь Сейшел-Союз как собственный широкий и глубокий щит и даже препятствовала утечке сведений о ней в Галактику — почему вся эта защита исчезла? Тревиз и Пилорат оставили Терминус и, хотя вы советовали им ехать на Трантор, без колебаний немедленно отправились на Сейшел, а оттуда на Гею. Более того, вы думаете о Гее. Почему?

Мэр Бранно долгое время не отвечала. Голова ее склонилась, седые волосы слабо отсвечивали на затылке под светом ламп. Затем

ответила:

— Потому, я думаю, что Советник Тревиз умеет каким-то образом все опрокидывать. Он сделал что-то — или намерен сделать — что в некотором смысле подвергает опасности план Селдона.

— Это просто невозможно, мэр!

— Я полагаю, у всего и у всех есть свои изъяны. Даже Хари Селдон наверняка не был идеалом. Значит, и план имеет цель, и Тревиз наткнулся на нее, возможно, даже не поняв этого. Мы должны знать, что происходит, и быть на месте.

Наконец и Кодил стал серьезным.

— Не решайте только за себя,

мэр. Мы не захотим действовать без соответствующего обсуждения.

– Не считайте меня идиоткой, Лионо. Я не призываю к войне. Я не собираюсь высаживать экспедиционный корпус на Гею. Я хочу только быть на месте или поблизости, если вы предпочитаете. Лионо, узнайте для меня – я сейчас не могу переговорить с военными ведомствами, у них до смешного узкий кругозор, но к вам это не относится – сколько военных кораблей находится вблизи Сейшел. Могу ли я произвести их перемещение вроде бы по распоряжку службы, а не по мобилизации.

– В мирное время там немного

кораблей, я уверен, но узнаю точно.

— Двух-трех будет вполне достаточно, если один из них будет суперкласса.

— Что вы хотите делать с ними?

— Я хочу подогнать их как можно ближе к Сейшел — не вызывая инцидента — и хочу, чтобы они были достаточно близко друг к другу, чтобы оказать взаимную поддержку.

— И зачем все это?

— Гибкость. Я хочу иметь возможность ударить, если это понадобится.

— Против Второго Основания? Если Гея могла оставаться изолированной и нетронутой во времена Мула, то теперь она явно

выстоит против нескольких кораблей.

Бранно сказала с боевым блеском в глазах:

— Мой друг, я сказала вам, что никто и ничто не совершенно, даже Хари Селдон. Он был математиком в дни заката Империи, когда технология замерла. Потому он не мог учесть в своем плане технологическое развитие. Гравитация — совершенно новое направление. Он, конечно, не имел возможности предвидеть ее, как и многие другие достижения.

— Гея тоже могла продвинуться вперед.

— В изоляции? Бросьте! В

Федерации Основания десять
квадрильонов людей, из которых
вперед могут выйти только
содействующие технологическому
прогрессу. Один изолированный мир
не может идти ни в какое сравнение.
Наши корабли пойдут вперед, и я
пойду с ними.

– Простите, мэр, что?

– Я сама поведу корабли и
доберусь до границы Сейшел. Я хочу
сама оценить ситуацию.

Кодил раскрыл рот и громко
сглотнул.

– Мэр, это... это неразумно! –
Если мужчина всегда хочет сделать
более резкое замечание, то Кодил не
составлял исключения.

– Разумно или нет, – резко сказала Бранно, – я это сделаю. Я устала от Терминуса и его бесконечных политических баталий, от его ближнего боя, от его союзов и компромиссов, контрсоюзов и измен, от всех этих повторений. Я семнадцать лет в центре этого и хочу делать что-то другое. Отсюда, – она махнула рукой в сторону, – может измениться вся история Галактики, и я хочу участвовать в этом процессе.

– Вы ничего не знаете о таких вещах, мэр.

– Ну и что, Лионо? – Она встала. – Как только вы дадите мне нужную информацию о кораблях и как только я смогу передать здешние

дурацкие дела, я улечу. И, Лионо, не пытайтесь отговорить меня от этого решения каким-либо способом, иначе я забуду нашу давнюю дружбу и сломаю вас. Это я еще могу сделать.

Кодил кивнул.

— Знаю, что можете, мэр, но прежде, хочу спросить — вы пересмотрели отношение к плану Селдона? То, что вы затеяли, может стать самоубийством.

— Этого я не боюсь, Лионо. Ошибка с Мулом уже произошла, а отсутствие предвидения в одном случае часто ведет за собой возможность провала в другом.

Кодил вздохнул.

– Ну, раз уж вы твердо решили, я буду поддерживать вас насколько хватит сил...

– Хорошо. Предупреждаю вас еще раз: вам лучше выучить наизусть данное мною обещание. Не забывайте этого, Лионо, и давайте двинемся на Гею. Вперед!

Захват

Сара Нови шагнула в рубку маленького и довольно старомодного корабля, который нес Стора Джиндибела и ее через парсеки в свободном прыжке.

Она явно побывала в компактной ванной, где масло, горячий воздух и минимум воды освежили ее тело. Она завернулась в халат и плотно прижала его к себе из скромности. Сухие волосы девушки спутались. Она тихо окликнула:

– Мастер!

Джиндибел поднял голову от карт и компьютера.

– Да, Нови?

– Я была нагружена печалью, – она замолчала и нерешительно начала снова:

– Простите, что надоедаю вам, Мастер, – и опять скатилась на хэмиш, – но я потерять свою одежду.

– Какую одежду? – Джиндибел с минуту тупо смотрел на нее, а затем вскочил в порыве раскаяния. – Нови, я забыл! Нужно было вычистить... она в контейнере – вымыта, высушена, сложена. Я должен был достать ее и положить на видное место, но забыл.

– Я не хотела... – она поглядела на себя, – ... обидеть.

– Ты не обидела, – добродушно

успокоил Джиндибел. – Я обещаю тебе, когда все это кончится, присмотреть, чтобы у тебя было много платьев – новых и сшитых по последней моде. Мы уезжали в спешке и мне не пришла в голову мысль взять запас, но мы, в сущности, здесь только вдвоем, Нови, и будем некоторое время в тесном соседстве, так что нет нужды быть... быть... что называется... – он неопределенно махнул рукой, потому что увидел ее испуганные глаза и подумал: «Ну, да, она всего лишь сельская девушка и у нее свои понятия. Вероятно, она не возражает против нарушения этикета всякого рода, но только не в одежде». Затем

он устыдился самого себя и порадовался, что она «не ученая», которая поняла бы его мысли. — Ну, так я пойду и принесу тебе одежду.

— Ох, нет, Мастер. Это быть не ваше дело. Я знаю, где это.

Потом он увидел ее в привычном платье, с причесанными волосами. В ней отчетливо чувствовалась радость.

— Мне стыдно, Мастер, вести себя так не... неприлично. Я могла бы и сама найти платье.

— Неважно, — сказал Джиндибел. — Ты очень хорошо справляешься с Галактическим... Ты очень быстро усваиваешь язык ученых.

Нови неожиданно улыбнулась. Зубы у нее были несколько неровными, но это не портило ее лица, когда оно сияло от радости и становилось почти привлекательным, подумал Джиндибел. Он уверял себя, что именно по этой причине старается порадовать ее.

— Хэмиш удивятся мне, когда я вернусь домой, — сказала она. — Они скажут, я быть... скажут, что я словоруб. Так они называют тех, кто говорит необычно. Им это не понравится.

— Сомневаюсь, что ты захочешь вернуться к хэмиш, Нови. Я уверен, что когда все это кончится, ты

останешься на своем месте в Комплексе – среди ученых.

– Я очень хотела бы этого, Мастер.

– Полагаю, что у тебя появится желание назвать меня «Спикер Джиндибел» или просто... Нет, я вижу, что не появится, – добавил он поспешно, глядя в широко распахнутые глаза девушки. – Ну и ладно.

– Так не годится, Мастер! Но могу я спросить, когда все это будет кончено?

Джиндибел покачал головой.

– Не представляю. Сейчас я только должен прибыть в определенное место как можно

скорее. Этот корабль вообще-то хорош для своего класса: но он идет медленно, и поэтому «как можно скорее» не будет слишком быстро. Видишь, — он махнул рукой в сторону карт и компьютера, — я должен разработать пути через большое пространство, а возможности компьютера ограничены, да и я не слишком ловок.

— Вы должны быть там быстро, Мастер, потому что там опасность?

— Почему ты думаешь, что там опасность, Нови?

— Потому что я служу вам и слежу за вами, когда думаю, что вы не видите, и ваше лицо кажется... я не знаю нужного слова. Не пугливое

– я хочу сказать, не испуганное а плохо надеющееся.

– С дурными предчувствиями, – пробормотал Джиндибел.

– Вы выглядите... озабоченным. Это слово годится?

– Смотря по обстоятельствам. Что ты имеешь в виду под озабоченностью, Нови?

– Я хочу сказать, что вы выглядите, словно говорите себе: «Что еще я буду делать в этой большой беде?»

Джиндибел опешил.

– Это и есть «озабоченность», и ты увидела это по моему лицу, Нови?

Вернувшись в Место Ученых, я буду исключительно осторожен,

чтобы никто ничего не видел по моему лицу, но я думал, что находясь в космосе один – не считая тебя – я могу расслабиться и сидеть, так сказать, в одних трусах...

Прости, это смутило тебя. Я только хотел сказать, что, если ты так восприимчива, мне следует вести себя более осторожно. Каждый раз я заново постигаю урок, что даже нементалисты могут быть проницательны.

Нови выглядела озадаченной.

– Я не поняла, Мастер.

– Я говорю это самому себе, Нови. Не беспокойся. Видишь, это тоже подходящее слово.

– Но опасность там есть?

– Там проблема, Нови. Я не знаю, что обнаружу, когда доберусь до Сейшел – места, куда мы направляемся. Может быть, я окажусь в большом затруднении.

– Разве это не означает опасность?

– Нет, потому что я смогу управлять ими.

– Как вы можете это говорить?

– Потому что я ученый. И я самый лучший из ученых. В Галактике нет никого, кем я не смог бы управлять.

– Мастер, – что-то похожее на отчаяние исказило лицо Нови, – я не хочу делать нападение... я имею в виду – нанести оскорбление и

рассердить вас. Я видела вас с этим неуклюжим Референтом, и вы тогда были в опасности, а он всего лишь фермер-хэмиш. А теперь я не знаю, что ждет вас — и вы тоже не знаете.

— Ты напугана, Нови? — Джиндибел почувствовал досаду.

— Не за себя, Мастер. Я боюсь... я напугана за вас.

— Ты могла сказать и «боюсь». На Галактическом это тоже правильно. — Он на минуту задумался, потом поднял глаза, увидел довольно крупные руки Нови и сказал:

— Я не хотел пугать тебя ничем. Сейчас объясню. Как ты узнала по моему лицу, что там есть или может

быть опасность? Вроде как читала мои мысли?

– Да...

– Я могу читать мысли лучше, чем ты. Ученые учатся этому, а я очень хороший ученый.

Глаза Нови широко раскрылись. Она, казалось, задержала дыхание.

– Вы можете читать мои мысли?

Джиндибел поспешно поднял палец.

– Я не делал этого, Нови. Я не читал их.

Он знал, что, практически, соврал. Нельзя было находиться вместе с Сарой Нови и не понять общего настроения ее мыслей. Для этого не нужно было быть членом Второго

Основания. Джиндибел почувствовал, что вот-вот покраснеет. Но такое отношение даже со стороны женщины-хэмиш льстило ему.

Однако, ее следовало успокоить... из простой гуманности.

— Я также могу изменить ход мыслей человека. Могу заставить его почувствовать боль. Могу...

Но Нови покачала головой.

— Как можете вы делать все это, Мастер? Референт...

— Забудь Референта, — раздраженно сказал Джиндибел. — Я мог остановить его в одно мгновение. Я мог заставить его упасть на землю. Я мог сделать с

ХЭМИШ все... — он внезапно замолчал и почувствовал неловкость, что расхвастался и пытается произвести впечатление на провинциалку.

А она все еще покачивала головой.

— Мастер, вы пытаетесь заставить меня вас не бояться, но ведь я боюсь только за вас, так что не нужно. Я знаю, вы великий ученый и можете заставить этот корабль лететь через пространство, где, как мне кажется, никто не может сделать ничего... я хотела сказать — потеряться. И вы пользуетесь машинами, которых я не могу понять — и никто из хэмиш не поймет. Но вам не нужно говорить мне о силах

мозга, которые, конечно, не могу! быть такими, поскольку все эти вещи, которые, как вы сказали, вы могли бы сделать Референту, вы не сделали, хотя и были в опасности.

Джиндибел поджал губы. Не оставить ли все это так, подумал он. Если женщина уверяет, что не боится за себя, пусть так и будет. Однако ему не хотелось, чтобы она считала его хвастуном и слабаком. Он просто не мог допустить этого.

— Если я ничего не сделал Референту, — сказал он, — то потому, что не хотел. Мы, ученые, не должны делать хэмиш ничего плохого... Мы гости в вашем мире. Ты понимаешь это?

– Вы – наши хозяева. Мы всегда так говорим.

Джиндибел на мгновение отклонился от темы.

– Как же тогда Референт напал на меня?

– Не знаю, – просто ответила она, – не думаю, чтобы он сам знал. У него, наверное, разум замутился, ну... он был не в себе.

– В любом случае мы не должны вредить хэмиш. Если бы я был вынужден остановить его с нанесением ему вреда, другие ученые стали бы очень плохо думать обо мне, и я мог бы даже лишиться своего положения. Но для защиты себя от тяжелого увечья я должен был

управлять хэмиш чуть-чуть, как можно деликатнее.

— Зачем же я ввязалась, как дура? — прошептала Нови.

— Ты поступила совершенно правильно, об этом я и говорю, иначе пришлось бы сделать ему плохо, повредить. Ты остановила его, и это хорошо. Я благодарен тебе.

Она снова блаженно улыбнулась.

— Тогда я понимаю, почему вы были так добры ко мне.

— Конечно, я был благодарен, — сказал Джиндибел, чутьчку взволнованный — но ты должна понять главное — там нет никакой опасности. Я могу управлять целой армией обычных людей. Всякий

ученый может, особенно крупный, а я самый лучший их всех. Никто в Галактике не выстоит против меня.

— Раз вы так говорите, Мастер, я верю.

— Ты все еще боишься за меня?

— Нет, Мастер, только... Мастер, а... другие ученые, в других местах, могут противиться вам?

Джиндибел на мгновение заколебался. У этой женщины поразительный дар проникновения в суть. Придется лгать.

— Таких ученых нет.

— Но в небе так много звезд. Я однажды хотела их сосчитать, но не смогла. А если так много миров с людьми, разве некоторые люди там

не могут быть учеными? Кроме ученых в нашем мире, я хочу сказать.

— Нет.

— А если есть?

— Они не могут быть так же сильны, как я.

— А если они внезапно нападут на вас, прежде чем вы об этом узнаете?

— Они не могут этого сделать. Если любой иноземный ученый станет приближаться, я об этом узнаю. Узнаю задолго до того, как он сможет повредить мне.

— Вы можете убежать?

— Бежать нет необходимости.

Но, — предупредил он возражения, — скоро я буду на другом конце

Галактики, на другом корабле, самом лучшем, и на нем меня никто не догонит.

— Они не могут изменить ваши мысли, заставить остановиться?

— Нет.

— А кто-нибудь мог бы? Ведь вы не единственный.

— Как только они появятся, я уже буду заранее знать и скроюсь. Весь наш ученый мир повернется против них, им не выстоять. Они должны знать, что не смогут повредить мне. В сущности, они не хотят, чтобы я догадывался о их существовании, но я все равно узнаю.

— Потому что вы лучше их? — спросила Нови, и ее лицо засияло от

восхищения.

Джиндибелу стало удивительно приятно. Общение с ней становилось радостью из-за ее природного ума и сообразительности. Сладкоголосое чудовище – Спикер Деларме оказала ему хорошую услугу, заставив взять с собой фермершу-хэмиш.

– Нет, Нови, не потому, что я лучше, хотя я и в самом деле лучше, а потому, что со мной ты...

– Я?!

– Именно, Нови. Ты догадывалась об этом?

– Нет, Мастер. Но что я могу сделать?

– Все дело в твоём мозге. – Он тут же поднял руку. – Я не читаю

твои мысли. Я просто вижу контур твоего мозга, невероятно гладкий контур.

Он поднес руку ко лбу девушки.

— Из-за того, что я неученая, Мастер? Из-за того, что я глупая?

— Нет, дорогая, — он сам не заметил, как слово сорвалось с губ. — Потому что ты честная и на тебе нет никакой вины; потому что ты правдива и говоришь, что думаешь; потому что у тебя горячее сердце... и тому подобное... Если другой ученый пошлет что-то, чтобы коснуться нашего мозга — твоего и моего, прикосновение будет тут же заметно на гладкой поверхности твоего. И я узнаю об этом даже раньше, чем

почувствую прикосновение к своему собственному. У меня будет время отразить его.

Возникла долгая пауза. Джиндибел понял, что в глазах Нови не только счастье, но еще радость и гордость. Затем она тихо спросила:

– Из-за этого вы и взяли меня с собой?

Джиндибел кивнул.

– Да, это была основная причина.

Ее голос опустился до шепота.

– Как я могу помочь, если это возможно, Мастер?

– Оставайся спокойной. Не бойся. А главное – оставайся собой.

– Я останусь такой, какая есть.

И я встану между вами и опасностью, как я сделала это в случае с Референтом.

Она вышла. Джиндибел глядел ей вслед. Просто удивительно, как много в ней заложено. Как могло это простое создание вмещать в себе такую сложность?

Под гладкой структурой ее мозга таится могучий разум, понимание и мужество.

Чего еще можно было бы желать?..

Он представил себе Сару Нови, которая не была ни Спикером, ни даже членом Второго Основания, необразованную, даже невоспитанную, но игравшую

жизненно важную роль в назревающей драме.

– Один прыжок, – пробормотал Тревиз, – и готово.

– Гея? – спросил Пилорат, заглядывая через плечо Тревиза на экран.

– Солнце Геи, – отозвался Тревиз. – Назовем его, если хотите Гея-С, чтобы избежать недоразумения. Галоктографы делают так иногда.

– А где же сама Гея? Или мы назовем ее Гея-П, то есть планета?

– Для планеты достаточно названия – Гея. Но мы пока не можем ее видеть. Увидеть планету труднее,

чем звезду, а мы еще в ста микропарсеках от Геи-С. Пока видно только, что это звезда, хотя и очень яркая. Мы недостаточно близко к ней, чтобы увидеть ее диск. И не надо таращиться на нее, Янов, — она достаточно яркая, чтобы повредить сетчатку. Я закончу свои наблюдения и поставлю фильтр, тогда смотрите сколько угодно.

— Сколько это — сто микропарсеков — в единицах, понятных мифологу, Голан?

— Три миллиарда километров. Приблизительно раз в двадцать больше расстояния от Терминуса до нашего солнца. Так понятно?

— Вполне. Но разве мы не

подойдем ближе?

– Нет! – Тревиз с удивлением взглянул на него. – Не сразу. После того, что мы слышали о Гее, зачем торопиться? Одно дело – быть храбрым, а другое – безрассудным. Давайте сначала оглядимся.

– На что, Голан? Вы же сами сказали, что мы не можем видеть Гею.

– Глазами нет. Но у нас есть телескопический обзор и великолепный компьютер для быстрого анализа. Мы можем приступить к изучению Геи-С и сделать несколько важных наблюдений. Спокойнее, Янов! – он протянул руку и похлопал Пилората

по плечу.

Помолчав, он сказал:

– Гея-С – одиночная звезда, или, если у нее есть компаньон, то он много дальше от нее, чем мы сейчас, и это, в лучшем случае, красный карлик и, значит, нам нет нужды знакомиться с ним. Гея-С относится к классу Ж-4, а значит, вполне способна иметь обитаемую планету, и это хорошо. Будь она класса А или М, мы тут же повернули бы и удрали обратно.

– Я только мифолог... – сказал Пилорат, – но разве мы не могли установить спектральный класс Геи-С с Сейшел-планеты?

– Конечно, могли, но проверить

на месте не повредит. Гей-С имеет планетарную систему, и это не удивительно. В поле зрения два газовых гиганта. Один из них значительно крупнее другого – если компьютер точно оценивает расстояние. Вполне может быть, что второй находится с другой стороны звезды и, следовательно, его легко определить, если нам повезет оказаться достаточно близко к планетному уровню. Я ничего не могу различить сейчас.

– Это плохо?

– Нет. Это обнадеживает.

Обитаемые планеты могут быть из камня и металла, кроме того они много меньше, чем газовые гиганты,

и находится гораздо ближе к звезде. В обоих случаях трудно увидеть отсюда. Это означает, что нам надо подойти значительно ближе и проверить район в четырех микропарсеках от Геи.

— Я готов.

— А я — нет. Мы совершим прыжок завтра.

— Почему завтра?

— А почему бы нет? Дадим им один день, чтобы подойти и взять нас, а нам — чтобы удрать, если заметим, что они подбираются украдкой.

Это был медленный и осторожный процесс. В течение предыдущего дня Тревиз угрюмо

проводил расчеты нескольких различных приближений и пытался выбрать какой-то из них. Не имея точных сведений, он мог рассчитывать только на интуицию, но она, к сожалению, молчала. Ему не хватало обычной ясности.

В конце концов он задал программу прыжка, который отнес их далеко за планетную систему.

— Это даст нам лучший обзор района в целом, — пояснил он, — поскольку мы увидим планету во всех частях ее орбиты на минимально возможном расстоянии до солнца. Они же — кто бы они ни были — не смогут как следует следить за регионами с той стороны. По

крайней мере, я надеюсь на это.

Теперь они были так же близко к Гее-С, как самый близкий и более крупный газовый гигант, а от него находились почти в полумиллиарде километров. Тревиз дал его на экран в полном увеличении — к радости Пилората. Это было впечатляющее зрелище, несмотря на то, что три редких и узких кольца облаков остались за рамкой обзора.

— Это обычный шлейф спутников, — пояснил Тревиз. — Но на этом расстоянии от Гей-С они не могут быть обитаемыми. Ни на одном нет поселений, где люди жили бы под стеклянными куполами или на других искусственных уровнях.

– Откуда вы это знаете?

– Нет радиошума с характеристиками, указывающими на присутствие разума. Конечно, – добавил он, смягчая свое утверждение, – возможно, научный аванпост пойдет на колоссальный труд экранировать свои радиосигналы, а газовый гигант создает радио фон, маскирующий то, что я ищу. Однако, наш радиоприемник очень чувствительный, а наш компьютер исключительно хорош. Я бы сказал, что шанс найти на спутниках людей чрезвычайно мал.

– Это означает, что Геи здесь нет?

– Нет. Это означает, что Гея, если она здесь, не потрудилась заселить эти спутники. Может быть не сумела, а может, и не стремилась.

– Так... Значит, Гея, все-таки, здесь?

– Терпение, Янов, терпение!

Треви́з осматривал светящееся пространство с неотступным вниманием. Он остановился на одной точке и сказал:

– Откровенно говоря, тот факт, что на нас не набросились, в какой-то мере расхолаживает. Конечно, если бы у них были возможности, о каких нам говорили, они бы уже воздействовали на нас.

– Возможно, – угрюмо отозвался

Пилорат, — что все это выдумки.

— Назовите это лучше мифом, Янов, — криво улыбнувшись сказал Тревиз, — и это будет как раз по вашей части. Однако, здесь есть планета, движущаяся в экосфере, а это означает, что она, вероятно, обитаемая. Я хотел бы понаблюдать за ней, по крайней мере, день.

— Зачем?

— Удостовериться, обитаема ли она, только и всего.

— Да, но вы сами только что сказали, что она в экосфере.

— В данный момент времени. Но ее орбита может быть эксцентрической и временами проходить в микропарсеке от звезды

или удаляться на пятнадцать микропарсеков. Нам нужно установить это и сравнить расстояние от планеты до Геи-С с орбитальной скоростью — это поможет определить направление ее движения.

— Орбита почти круговая, — сообщил на второй день Тревиз, — и это означает, что планета почти наверняка обитаема. Но даже теперь никто на нас не нападает. Попробуем взглянуть поближе.

— Зачем делать большой прыжок? — спросил Пилорат. — Давайте делать маленькие.

— Маленькие труднее контролировать. Что легче:

просверлить камень или крошечную песчинку? К тому же, Гея-С близко, и пространство резко изогнуто. Это сложный расчет даже для компьютера. Такие вещи должен понимать даже мифолог.

Пилорат заворчал, а Тревиз продолжил:

– Теперь можно видеть планету невооруженным глазом. Видите ее? Период обращения приблизительно равен 22 Галактическим часам, ось склонена на двенадцать. Это классический пример из учебника – пример обитаемой планеты, и жизнь на ней есть.

– Откуда вы знаете?

– В ее атмосфере значительная

часть волнового излучения. Конечно, может быть и так, что здешняя разумная жизнь отбросила технологию, но по-моему, это — маловероятно.

— Такие случаи бывали, — заметил Пилорат.

— Поверю вам на слово. Это ваша область. Но вряд ли планета, ничем не обладающая, смогла бы напугать Мула.

— У нее есть спутник? — спросил Пилорат.

— Да, — небрежно бросил Тревиз.

— Один? Большой? — спросил Пилорат внезапно дрогнувшим голосом.

— Точно не скажу. Километров

сто в диаметре.

— Дорогой мой, — тоскливо сказал Пилорат, — можете ругать меня, но есть один крошечный шанс...

— Вы хотите сказать, если спутник большой, то планета может быть Землей?

— Да, но это, скорее всего, не так.

— Ну, если Кампер не врал, то Земля вообще не в этом галактическом районе. Мне очень жаль, Янов. Мы подождем и рискнем на маленький прыжок. Если не обнаружим разумной жизни, то можем спокойно приземляться — вот только зачем, как по-вашему?

После следующего прыжка Тревиз ошеломлено сказал:

— Так и есть, Янов. Это — Гея, и она обладает технической цивилизацией. Вокруг планеты вращается космическая станция. Видите?

На экране появился объект. Для неискушенного глаза он выглядел ничем не примечательным, но Тревиз заявил:

— Искусственный, металлический, с источником радиоволн.

— Что мы теперь будем делать?

— Пока ничего. Если они находятся на таком уровне развития, то нас могут не заметить. Если в

течение некоторого времени они ничего не предпримут, я пошлю радиолуч с сообщением. Если и тогда ничего не произойдет, я стану осторожно приближаться.

— А если произойдет?

— Зависит от того, что. Если мне это не понравится, у меня будет преимущество — вряд ли они способны совершать прыжки.

— Вы хотите сказать, что мы сбежим?

— Как гиперпространственная ракета!

— Но мы уйдем не умнее, чем пришли.

— Не совсем так. Мы, по крайней мере, будем знать, что Гея

существует, что у нее работает технология, и что она отпугнула нас.

– Но, Голан, давайте не будем пугаться раньше времени!

– Видите ли, Янов, я знаю, что в Галактике вас больше всего интересует Земля, но, пожалуйста, не забывайте, что я не разделяю вашей мономании. Мы не вооружены, а этот народ внизу столетиями жил в изоляции. Допустим, они никогда не слышали об Основании и не научились уважать нас. Или, предположим, что здесь Второе Основание, и, как только мы попадем к ним в лапы – если не успеем им надоесть – мы, возможно, уже никогда не будем прежними.

Разве вы хотите, чтобы вам промыли мозги и вы больше не были мифологом, забыли о легендах и прочем?

Пилорат помрачнел.

— Если вы так считаете... А что мы сделаем, когда уйдем отсюда?

— Вернемся на Терминус с известиями. Или настолько близко к Терминусу, насколько позволит нам старуха. Затем можем снова вернуться на Гею на вооруженном корабле или даже с военным флотом. Тогда все может обернуться по-другому.

Они стали ждать. Ожидание уже стало привычным. Они потратили на ожидание больше времени, чем на

весь полет от Терминуса до Сейшел.

Треви́з поставил компьютер на автоматическую тревогу и задремал в своем мягком кресле.

Он проснулся сразу же, как только прозвучал сигнал. К нему вбежал испуганный Пилорат. Тревога застала его во время бритья.

— Мы получили сообщение? — спросил он.

— Нет, но мы двигаемся.

— Куда?

— К космической станции.

— Но зачем?

— Не знаю. Двигатели и компьютер не спросили меня, но мы двинулись. Янов, нас захватили! Мы слишком близко подошли к Гее.

Конвергенция

Когда Стор Джиндибел увидел на экране корабль Кампера, ему показалось, что невероятно долгому путешествию настал конец. Однако, это был не конец, а всего лишь начало. Путешествие от Трантора до Сейшел было не более чем прологом.

Нови казалась испуганной.

— Это другой космический корабль, Мастер?

— Да, Нови. Тот самый, к которому мы стремились. Он гораздо больше нашего и лучше. Он может лететь так быстро, что мы не смогли бы его догнать.

— Быстрее, чем корабль Мастеров? — Нови была поражена.

Джиндибел пожал плечами.

— У нас, ученых, нет таких кораблей, нет таких приборов, как на этом корабле.

— А почему у ученых нет таких кораблей, Мастер?

— Потому что мы мастера в более важном деле. Материальные достижения — это пустяки.

Нови снова сдвинула брови, размышляя.

— Мне кажется, идти так быстро, чтобы Мастера не могли догнать — вовсе не пустяки. Кто эти люди, которые имеют такие вещи?

— Они называют себя

Основанием. Ты когда-нибудь слышала об Основании?

Он и сам размышлял, знают ли хэмиш о Галактике и почему Спикеры никогда не задумывались над этим. Может, только он не задумывался, потому что считал, что хэмиш ничто не интересуется, кроме копания в земле.

Нови задумчиво покачала головой.

— Я никогда о нем не слышала, Мастер. Когда школьный мастер учил меня знать букварь — я имею в виду, учил читать, он говорил, что есть много других миров и называл некоторые. Он говорил, что наш хэмиш-мир называется Трантор и что

когда-то этот мир правил другими мирами. Он говорил, что Трантор был весь покрыт блестящим железом, и там жил Император — главный Мастер. — Она смотрела на Джиндибела с застенчивой радостью. — Я, правда, не всему этому верила. Мало ли историй рассказывают сказители во время долгих ночей. Когда я была маленькой, я верила во все, а став старше, поняла, что многое из этого — не правда. Я мало во что верю, почти ни во что. Даже школьные мастера говорят не правду...

— Этот рассказ учителя — правда, Нови, только это было очень давно, когда Трантор действительно был

весь покрыт металлом, и там жил Император, который правил всей Галактикой. Теперь же всеми мирами правит Основание и становится все сильнее.

— Они будут править всем миром?

— Ну, не сразу, только через пятьсот лет.

— И будут хозяевами мастеров?

— Нет, нет. Они будут править Галактикой, а мы будем править ими — для безопасности.

Нови снова нахмурилась.

— Мастер, у людей Основания много таких замечательных кораблей?

— Думаю, что да, Нови.

– И другие вещи тоже такие же... поразительные?

– У них мощное оружие всякого рода.

– Тогда разве они не могут захватить все миры сейчас?

– Нет, не могут. Время для этого еще не настало.

– А почему не могут? Время еще не настало, потому что мастера остановят их?

– Нам не нужно этого, Нови. Они и так не смогут захватить все миры.

– Что же их останавливает?

– Видишь ли, – сказал Джиндибел, – когда-то один мудрый человек придумал план... – Он

улыбнулся и покачал головой. — Трудно объяснить, Нови. Может, в другой раз. Когда ты увидишь, что произойдет до нашего возвращения на Трантор, ты, может быть, поймешь и сама, без моего объяснения.

— А что случиться, Мастер?

— Не знаю, Нови. Но все, что случится — к лучшему.

Он повернулся и приготовился к контакту с Кампером. И, делая это, не мог удержать внутреннюю мысль, говорившую: «По крайней мере, я надеюсь на это».

Он тут же рассердился на себя, потому что знал источник этой слабой и глупой мысли. Это был

образ громадной хитроумной мощи Основания, воплощенной в корабле Кампера, и его, Джиндибела, досада на откровенное восхищение Нови этой мощью.

Глупец! Как он мог позволить себе сравнивать обладание примитивной силой с способностью управлять событиями. Много поколений Спикеров называли это «обманчивостью руки на горле».

Подумать только, что он все еще не выработал иммунитета к их приманкам!

Манн Ли Кампер не имел ни малейшей уверенности в том, как он должен себя вести. Большую часть

своей жизни он мечтал о всемогущих Спикерах, существующих далеко за пределами его круга знаний – Спикеров, с которыми он изредка вступал в контакт и которые держали все человечество в таинственном плену...

Один из них – Стор Джиндибел, у которого он в последние годы получал инструкции. В большинстве случаев он даже не был голосом, а лишь присутствовал в мозгу Кампера – гиперречь без гипертранслятора.

Что ни говори, а Второе Основание далеко обогнало Первое. Без материальных средств, лишь одной развитой силой мысли они могли проходить сквозь парсеки, и

мысль эту нельзя было перехватить. Она была невидимой, неопределенной сетью, державшей все миры посредством немногих, предназначенных к этому, индивидуумов.

Кампер больше чем когда-либо испытывал подъем при мысли о своей роли.

Как мала была эта связь, звеном которой он был, какое огромное влияние она осуществляла и каким секретом все это было: даже жена Кампера ничего не знала о его тайной жизни. А нити держали Спикеры... И тот Спикер Джиндибел, который, вероятно, будет следующим Первым Спикером.

Теперь Джиндибел был здесь, в корабле с Трантора, и Кампер задыхался от разочарования, что эта встреча произойдет не на самом Транторе.

Неужели это корабли Трантора? В давние времена торговцы, провозившие товары через враждебную Галактику, имели, наверное, лучшие корабли.

Неудивительно, что Спикер так долго добирался до Сейшел.

У него не было даже стыковочного механизма, чтобы объединить два корабля, когда понадобится взаимный переход персонала. Даже презренный сейшельский флот был снабжен

такими механизмами. А Джиндибел просто уравнил скорость, перекинул через брешь между кораблями трос и закачался на нем, как в имперские времена.

Что же это, думал Кампер, не в силах подавить свои ощущения. Корабль был не более, чем старомодным имперским судном, и к тому же, маленьким.

По тросу передвигались две фигуры, одна – очень неумело. Ясно, что она еще никогда не выходила в открытый космос.

Наконец они добрались до борта и сняли скафандры. Спикер Джиндибел оказался человеком среднего роста, невыразительной

внешности: он не был ни крепок, ни силен, и даже не имел ученого вида. Лишь темные, глубоко сидящие глаза выдавали ум. Но сейчас Спикер глядел вокруг с явными признаками благоговейного трепета.

Второй оказалась женщина одного роста с Джиндибелом. Она, раскрыв рот, оглядывала все вокруг.

Переход не был так уж неприятен Джиндибелу. Он не был космонавтом — как и никто из членов второго Основания — но не был и земляным червем, потому что никто из членов Второго Основания не позволил бы себе этого.

Нужда в космических перелетах всегда могла возникнуть, хотя

каждый член Второго Основания надеялся, что такая необходимость будет возникать только изредка. Прим Палвер, чьи космические путешествия стали легендарными, однажды печально заметил, что мерой успеха Спикера является малое количество случаев, заставляющих его идти через космос ради обеспечения плана.

Джиндибел пользовался тросом уже три раза, это был – четвертый, и даже если бы он испытывал напряжение, оно исчезало бы в заботе о Саре Нови. Он почувствовал даже без ментовидения, что этот шаг в пустоту вывел ее из душевного равновесия.

– Я бояться, Мастер, – сказала она, когда он объяснил ей, что нужно делать. – Это быть пустота, в которую я шагать.

Уже один ее возврат к диалекту хэмиш свидетельствовал о полном смятении.

Джиндибел ласково уговаривал:

– Я не могу оставить тебя на борту этого корабля, Нови, потому что я, может быть полечу в другом, ты должна быть рядом. Опасности нет, потому что наши космические костюмы защитят нас, а упасть ты никуда не сможешь. Если ты отпустишь трос, то все равно останешься на месте, а я буду рядом, чтобы помочь тебе. Давай, Нови,

покажи, что ты достаточно храбрая и смышленная, чтобы стать ученой.

Она больше не возражала, и Джиндибел, не желавший ничего, что могло бы нарушить гладкость ее мозга, не пытался делать успокаивающих прикосновений.

– Ты можешь разговаривать со мной, – сказал он, когда они надели космические скафандры. – Если ты будешь сильно думать, я услышу. Говори медленно каждое слово отчетливо и твердо. Ты ведь слышишь меня?

– Да, Мастер.

Он видел, как шевелятся губы за прозрачной лицевой пластинкой.

– Говори, не шевеля губами,

Нови. В костюмах, какие делают ученые, нет микрофонов. Все делается мыслью.

Губы перестали двигаться, а взгляд стал тревожным.

– Вы слышите меня, Мастер?

– Очень хорошо! – подумал Джиндибел, – а ты меня?

– Слышу, Мастер.

– Тогда иди за мной и повторяй мои движения.

Для начинающей она справилась прекрасно, сумела побороть напряжение и следовала указаниям. Джиндибел опять почувствовал удовольствие.

Однако она явно была рада, что они снова оказались на борту –

впрочем, Джиндибел тоже. Он осматривался вокруг, пока снимал скафандр, и был ошеломлен роскошью и техническим уровнем оборудования. Он почти ничего не узнавал, сердце упало при мысли, что у него не хватит времени научиться управлять всем этим. Он мог бы извлечь опыт непосредственно от человека на борту, но это не дало бы такого удовольствия, как настоящее изучение.

Затем он сконцентрировал внимание на Кампере. Кампер был высок и худ, на несколько лет старше Джиндибела, довольно красив, с тугими волнами волос

поразительного масляно-желтого цвета.

И Джиндибелу стало ясно, что этот тип разочарован и даже пренебрежительно смотрит на Спикера, с которым встретился впервые. Более того, ему совершенно не удавалось скрыть эмоции.

Джиндибел не обижался. Кампер не был транторианином, не был полноправным членом Второго Основания, и у него, ясное дело, были иллюзии.

Даже самое поверхностное сканирование его мозга подтвердило предположение оратора. Среди прочих была иллюзия, что истинная мощь обязательно связана с внешней

силой. Что ж, пусть себе заблуждается, пока это не мешает делам Джиндибела, но в настоящий момент именно эта иллюзия мешала.

Джиндибел сделал мысленный эквивалент щелчка. Кампер слегка покачнулся под воздействием резкой, но кратковременной боли. Это было принуждение к сосредоточенности, которое дало человеку понять небрежную, но страшную силу, которую мог использовать только Спикер, если хотел. И Кампер тут же испытал громадное уважение к Джиндибелу.

Джиндибел приветливо объяснил:

— Я просто привлек ваше

внимание, Кампер, мой друг. Сообщите мне, пожалуйста, о настоящем местопребывании нашего друга Тревиза и его друга Пилората.

Кампер нерешительно спросил:

— Я должен говорить в присутствии женщины, Спикер?

— Эта женщина, Кампер, продолжение меня самого, опасения напрасны.

— Как прикажете, Спикер. Тревиз и Пилорат приближаются сейчас к планете, известной как Гея.

— Вы говорили об этом в своем последнем сообщении. Они уже наверняка высадились на Гее и, возможно снова взлетели. Они, однако, недолго пробыли на Сейшел-

планете.

— За то время, пока я следовал за ними, они еще не приземлялись. Они приблизились к планете с большой осторожностью, подолгу останавливаясь между микропрыжками. Мне было ясно, что они не располагают информацией об этой планете.

— А у вас она есть, Кампер?

— Нет, Спикер. По крайней мере, в моем компьютере нет ничего.

— Этот компьютер? — взгляд Джиндибел упал на контрольную панель, и он спросил с неожиданной надеждой:

— Он может помочь вести корабль?

— Он полностью ведет его, Спикер. Человек просто думает вместе с ним.

Джиндибел внезапно почувствовал досаду.

— Основание шагнуло так далеко?

— Да, но грубо. Компьютер работает неважно. Я должен повторять свои мысли по несколько раз, но и в этом случае получаю минимальную информацию.

— Я, наверное, сумел бы сделать лучше.

— Уверен в этом, Спикер, — почтительно согласился Кампер.

— Но в данный момент это неважно. Как получилось, что в нем

нет информации о Гее?

– Не знаю, Спикер. Он может требовать – если только так можно выразиться о компьютере – сведения о любой населенной людьми планете Галактике.

– Он не может иметь больше информации, чем в него заложено, и если те, кто этим занимался, считали, что располагают исчерпывающими сведениями обо всех заселенных планетах, компьютер должен находиться в том же заблуждении. Правильно?

– Совершенно верно, Спикер.

– Вы справлялись на Сейшел?

– Спикер, – неохотно сказал Кампер, – люди на Сейшел не

говорят о Гее, а если кто скажет, то какую-нибудь ерунду. Рассказывают сказки, что Гея – могущественный мир, устоявший даже перед Мулом.

– А что конкретно они говорят? – спросил Джиндибел, подавляя возбуждение. – Вы были настолько уверены, что это всего лишь суеверие, что даже не поинтересовались деталями?

– Нет, Спикер, я спрашивал о многом, но получал только то, что передал вам. Они могут говорить долго и много, но все сводится к тому, что я вам уже сказал.

– По-видимому, – произнес Джиндибел, – Тревиз тоже это слышал и отправился на Гею по

каким-то причинам, связанным с этой... с этой великой мощью. И он, видимо, тоже боится этой мощи, поэтому и действует так осторожно.

— Вполне может быть, Спикер.

— Однако вы не последовали за ним.

— Следовал, Спикер, достаточно долго, чтобы удостовериться, что он и в самом деле идет на Гею. Затем я вернулся сюда, на окраину системы Геи.

— Зачем?

— По трем причинам, Спикер. Первая — должны были прибыть вы, и я хотел вас встретить хотя бы на части пути и как можно раньше взять на борт, как вы и приказывали.

Поскольку на моем корабле установлен гипертранслятор, и я не мог далеко удаляться от Тревиза и Пилората, чтобы не вызывать подозрений на Терминусе, но решил, что сюда могу рискнуть отойти. Вторая – когда стало ясно, что Тревиз приближается к Гее очень медленно, я решил, что у меня хватит времени встретить вас, не вмешиваясь в события, тем более, что вы, конечно, более компетентны, чем я, чтобы проследовать за ним на планету и справиться с любой неожиданностью, какая может возникнуть.

– Справедливо. А третья причина?

– Со времени нашего последнего общения, Спикер, случилось нечто неожиданное, чего я не понимаю. Я чувствовал, что для меня лучше как можно скорее встретиться с вами.

– А что за событие, которого вы не ожидали и не поняли?

– Корабли флота Основания подходят к границам Сейшел. Мой компьютер перехватил информацию из сейшельской радиопередачи. Во флотилии, по крайней мере, пять современных кораблей, и у них достаточная мощь, чтобы подавить Сейшел.

Джиндибел не сразу ответил, поскольку не следовало показывать, что он не ожидал такого хода

событий и тоже не понимает его. Через минуту он небрежно сказал:

– Как вы полагаете, это имеет отношение к полету Тревиза на Гею?

– Это произошло сразу же после его отлета, а если «Б» следует за «А», то можно предположить, что «А» принуждает «Б» к этому, – ответил Кампер.

– Тогда похоже, что все сходиться в одну точку: на Гею – Тревиз, я и Первое Основание. Ну, вы хорошо поработали, Кампер, и вот что мы сделаем теперь: во-первых, вы покажете мне, как работает этот компьютер и как с его помощью можно управлять кораблем. Я уверен, что это не займет много времени.

После этого вы перейдете на мой корабль, как только я вложу в ваш мозг приемы управления им. У вас не будет никаких затруднений с маневрированием.

Хотя, должен сказать, вам он покажется весьма примитивным. Вы, конечно, уже догадались об этом по его виду. Взяв управление кораблем, вы останетесь здесь и будете ждать меня.

— Долго, Спикер?

— Пока я не вернусь. Я не рассчитываю исчезнуть надолго, чтобы вам не угрожало отсутствие продовольствия, но, если я все же задержусь чересчур, вы можете уйти на какую-нибудь обитаемую планету

Сейшел-Союза и ждать там. Где бы вы ни были, я вас найду.

– Как прикажете, Спикер.

– И не тревожьтесь. Я могу управлять этой таинственной Геей и, если понадобится, и пятью кораблями Основания в придачу.

Литерал Тубинг был послом Основания на Сейшел в течение семи лет. Ему нравилось его положение.

Высокий, довольно крепкий, пятидесятичетырехлетний, он носил пышные усы с тех времен, когда это было модно и на Основании, и на Сейшел. У него было множество морщин и заученно-безразличное выражение лица. Его отношение к

работе нелегко было угадать.

Но, все-таки, положение ему нравилось. Оно держало его в стороне от политических склок на Терминусе и давало возможность вести жизнь сейшелского сибарита и содержать жену и дочь в том же стиле, к которому они начали привыкать. Он не хотел, чтобы его жизнь изменилась.

С другой стороны, он недолюбливал Лионо Кодила, возможно, за то, что тот тоже щеголял усами, как у Тубинга, да еще седыми. В прежние времена только они двое из видных общественных деятелей отпустили усы, и между ними было нечто вроде соревнования

в этом деле. Теперь, думал Тубинг, никакого соперничества не могло быть: усы Кодила заслуживали презрения.

Кодил был Директором Службы Безопасности, когда Тубинг был еще на Терминусе и мечтал помешать Харле Бранно стать мэром, мечтал пока от него не откупились посольством. Бранно сделала это, спасая себя, но, в конце концов, Тубинг был благодарен ей. Но не Кодилу. Возможно, из-за его лживой манеры держаться дружелюбно — даже после того, как он точно наметил способ перерезать вам глотку. Теперь Кодил был здесь, в гиперпространственном

изображении, как всегда
жизнерадостный, излучающий
добродушие. Его истинное тело было,
конечно, далеко на Терминусе, что
избавляло Тубинга от необходимости
оказывать ему какие-либо знаки
гостеприимства.

— Кодил, — сказал он, — я хочу,
чтобы эти корабли были отозваны.

Кодил весело ухмыльнулся.

— Я бы тоже хотел этого, но
Старая Леди заупрямилась.

— Вы всегда умели убеждать ее.

— Иногда! Только когда она
хотела, чтобы ее убедили. Но на сей
раз она не хочет. Тубинг, делайте свое
дело. Держите Сейшел в равновесии.

— Я думаю не о Сейшел, Кодил, я

думаю об Основании.

— Как и все мы.

— Кодил, не уклоняйтесь.

Выслушайте меня.

— Охотно, но на Терминусе беспокойные времена, и я не могу слушать вас бесконечно.

— Я буду, насколько возможно, краток. Речь идет о возможном уничтожении Основания. Если эта гиперпространственная линия не перехватывается, я буду говорить открыто.

— Она не перехватывается.

— Тогда разрешите продолжить. Несколько дней тому назад я получил послание от некоего Голана Тревиза. Я помню Тревиза по тем

временам, когда занимался политикой: он был комиссаром по Перевозкам.

— Это был дядя молодого человека, — пояснил Кодил.

— А, значит, вы знаете этого Тревиза, пославшего мне сообщение. Согласно информации, что я с тех пор собрал, он был Советником, и после недавнего успешного разрешения Селдоновского Кризиса был арестован и выслан.

— Точно.

— Я этому не поверил.

— Чему именно не поверили?

— Тому, что он в ссылке.

— Почему?

— Когда же было в истории,

чтобы гражданина Основания
высылали? Он арестован или не
арестован, он проверяется или не
проверяется, он либо осужден, либо
нет, если осужден, он понижен,
смещен, разжалован, посажен в
тюрьму или казнен. Но в ссылку...

— Всегда что-то случается
впервые.

— Вздор. На первомклассном
военном корабле? Любой дурак
поймет, что он идет со специальной
миссией от вашей старухи. Кого она
надеется обмануть?

— Ну какая же может быть
миссия?

— Скажем, найти планету Гея.

Часть жизнерадостности

слетела с лица Кодила. В глазах появилась необычная твердость. Он заявил:

— Я знаю, вы не ощущаете непреодолимого импульса поверить моим утверждениям, господин посол, но убедительно прошу вас поверить мне в одном этом случае. Ни я, ни мэр ничего не слышали о Гее в то время, когда Тревиз был выслан. Мы впервые услышали о Гее значительно позже. Если вы поверите этому, мы продолжим разговор.

— Я придерживу скептицизм на срок, достаточный, чтобы принять это, Директор, хотя это трудно сделать!

– Это чистая правда, господин посол, и если я внезапно перешел на официальный тон, то это для того, чтобы вы ответили на вопросы. Вы говорите так, словно Гея – знакомый вам мир. Как получилось, что вы знаете что-то, а мы нет? Разве не ваш долг – следить за тем, чтобы мы знали все, что известно вам?

Тубинг мягко сказал:

– Гея – не часть Сейшел-Союза. Она, возможно, вообще не существует.

Неужели я должен передавать на Терминус все бабьи сказки, какие рассказывают о Гее суеверное простонародье? Кое-кто говорит, будто Гея находится в

гиперпространстве. По словам других, это планета сверхъестественным образом охраняет Сейшел. Третьи говорят, что она послала Мула завоевывать Галактику.

Если вы намерены сообщить правительству Сейшел, что Тревиз послан искать Гею и что пять сильнейших кораблей флота Основания даны в поддержку этого поиска, правительство вам не поверит. Люди могут верить в сказки о Гее – правительство не может, и его не убедишь, что Основание верит. Правительство будет убеждено, что вы намерены силой присоединить Сейшел к Федерации Основания.

– А если МЫ в самом деле планируем такую акцию?

– Это будет роковой ошибкой! Послушайте, Кодил, за пятисотлетнюю историю Основания мы вели захватническую войну? Мы сражались, чтобы предупредить агрессию – и однажды проиграли – но не было такой войны, которая бы закончилась расширением нашей Федерации. Присоединение к ней всегда носило добровольный характер, в силу мирных договоров. Мы объединялись с теми, кто видел в этом выгоду для себя.

– А разве не может случиться, что Сейшел увидит в объединении выгоду?

— Они никогда на это не согласятся, пока наши корабли будут оставаться у их границ. Отзовите корабли.

— Не могу.

— Кодил, Сейшел — отличная реклама благожелательности Федерации Основания. Ее территория почти смыкается с нашей, это в высшей степени уязвимое положение, однако до настоящего времени они были в безопасности, шли своим путем и даже позволяли себе открыто поддерживать антифедеральную иностранную политику. Как еще продемонстрировать Галактике, что мы никого не принуждаем, что мы со

всеми в дружбе? Захватив Сейшел, мы, в сущности, возьмем то, что у нас и так есть. В конце концов, мы господствуем над ними экономически, не афишируя этого. Но если мы захватим их силой, Галактика обвинит нас в экспансии.

— А если я скажу вам, что на деле мы интересуемся только Геей?

— Тогда я поверю в это не больше, чем Сейшел-Союз. Этот парень, Тревиз, прислал мне сообщение, что он на пути к Гее, и просил меня передать это на Терминус. Вопреки собственному суждению, я передал, поскольку был обязан, и не успела еще гиперпространственная линия

остыть, как флот Основания пришел в движение. Каким образом вы пройдете на Гею, не проникая в пространство Сейшел?

— Мой дорогой Тубинг, вы противоречите себе! Несколько минут назад вы утверждали, что Гея, если она вообще существует, не входит в Сейшел-Союз. И вы, как я полагаю, знаете, что гиперпространство свободно все целиком и не относится к территории отдельных союзов. На что может пожаловаться Сейшел, если мы пройдем с территории Основания, где сейчас стоят наши корабли, через гиперпространство на территорию Геи, не затронув при

этом ни одного кубического сантиметра сейшельской территории?

— Сейшел не поймет вас, Кодил. Гейя, если она существует, вплотную примыкает к зоне Сейшел-Союза, и есть прецеденты, делающие такие анклавны фактической частью окружающей их территории, когда дело касается вражеских военных кораблей.

— Но наши-то корабли — не вражеские. Мы в мире с Сейшел-Союзом.

— Я бы сказал, что Сейшел может объявить войну в такой ситуации. Он, конечно, не может рассчитывать на победу, последствия

будут непредсказуемыми. Новая экспансионистская политика Основания усилит рост союзов против него. Отдельные члены Федерации начнут пересматривать свои связи с нами. Мы спровоцируем беспорядочную междоусобную войну и этим наверняка подорвем процессы объединения, так хорошо служившие Основанию в течение пятисот лет.

— Ну, ну, послушайте, Тубинг, — спокойно сказал Кодил, — вы говорите так, словно пятьсот лет ничего не стоят, словно мы — все еще Основание Сальвара Хардина, сражающееся с карманным королевством Анакреона. Мы сейчас

куда сильнее, чем была Галактическая Империя в самом своем расцвете. Эскадрилья наших кораблей может уничтожить весь Галактический флот, занять любой сектор и даже не сочтет это за сражение.

— Мы не сражались с Галактической Империей. Мы в свое время воевали с планетами и секторами.

— Которые не стали передовыми, как мы. Сейчас мы могли бы объединить всю Галактику.

— По плану Селдона мы не можем делать этого еще пятьсот лет.

— Селдон недооценил скорость технического прогресса. Мы можем

сделать это сейчас! Поймите меня, я не говорю, что мы намереваемся это сделать. Я просто говорю, что мы можем сделать это уже сейчас.

— Кодил, вы всю свою жизнь прожили на Терминусе, вы не знаете Галактики. Наш флот и наша технология могут раздавить вооруженные силы других миров, но мы пока не можем править всей мятежной, охваченной ненавистью Галактикой — а она будет таковой, если мы применим к ней силу. Отзовите корабли!

— Нельзя, Тубинг. Подумайте, а если Гея — не миф?

Тубинг помолчал, вглядываясь в лицо собеседника.

– Планета в гиперпространстве

– не миф?

– Планета в гиперпространстве

– суеверие, но даже суеверие может быть создано вокруг зерна истины. Этот парень Тревиз, говорит о ней как о реальной планете в реальном пространстве. Что, если он прав?

– Ерунда. Я не верю этому!

– Нет? А попробуйте на минуту поверить. Реальная планета, обеспечивающая Сейшел безопасность против Мула и против Основания?

– Вы сами себе противоречите. Каким образом Гея обеспечивает безопасность Сейшел-Союзу против Основания? Разве вы не послали

против него корабли?

— Не против Сейшел, а против Геи, такой таинственной и неизвестной, она так тщательно избегает быть замеченной, что даже некоторые ее соседи убеждены, что она в гиперпространстве, в то время как она находится в реальном пространстве и даже ухитряется остаться неотмеченной на самых лучших галактических картах.

— Вероятно, это самый необычный мир, он должен уметь манипулировать людьми.

— Не вы ли сказали минуту назад, что на Сейшел есть легенда, по которой Мул был послан Геей завоевывать Галактику? Ведь Мул

мог действовать на мозг.

— Значит, Гея — родина Мула?

— А вы уверены, что этого не может быть?

— Почему бы ей не стать местом возрождения Второго Основания, в таком случае?

— А в самом деле, почему бы и нет? Разве не стоит это исследовать?

Тубинг становился все печальнее. В последнем обмене фразами он насмешливо улыбался, но теперь он опустил голову и глядел исподлобья.

— Если вы это всерьез, то не будет ли опасным такое расследование?

— А разве будет?

— Ваша манера отвечать вопросом на вопрос доказывает, что вам нечего сказать! Какую пользу принесут корабли Основания в борьбе против Мулов и членов Второго Основания? Разве не ясно, что если они существуют, то просто заняты тем, что заманивают нас на гибель? Вы только что сказали, что Основание может немедленно установить Империю, несмотря на то, что план Селдона прошел лишь полпути, и я предупреждаю вас, что вы можете зайти слишком далеко и что сложность плана может замедлить ваше движение. Если Гея существует и то, что вы сказали о ней — правда, то все это — оружие,

которое приведет к этому замедлению. Сделайте добровольно то, что скоро вас заставят сделать, сделайте мирно и без кровопролития то, к чему вас могут вынудить в результате страшного бедствия. Отзовите корабли!

– Этого нельзя сделать. Тубинг, никак нельзя! Мэр Бранно сама планировала соединить корабли, и корабль-разведчик уже летит через гиперпространство к предполагаемой территории Геи.

Тубинг вытаращил глаза.

– Значит, будет война, уверяю вас!

– Вы наш посол. Предупредите войну. Дайте сейшелцам любые

гарантии. Отрицайте любое зло с нашей стороны. Скажите им, если хотите, что для них же выгоднее сидеть тихо и ждать, пока Гея уничтожит нас. Говорите что угодно, только удержите их. — Кодил сделал паузу, взглядываясь в застывшее лицо Тубинга, затем продолжил:

— В сущности, это все. Насколько мне известно, ни один корабль не приземлится ни на одной планете Сейшел-Союза и не проникнет ни в одну точку реального пространства, принадлежащего этому Союзу. Однако любой корабль Сейшел, который попытается бросить нам вызов вне территории Союза — иначе говоря, на территории

Основания – будет превращен в пыль.

Это вы тоже хорошенько втолкните сейшель-цам, и пусть они сидят тихо. Если вы потерпите неудачу, вас призовут к ответу. Вы долгое время имели легкую работу, Тубинг, но сейчас у нас трудное время, и следующие несколько дней решат все. Если вы измените нам – для вас не будет безопасного места во всей Галактике.

В лице Кодида не было ни благодушия, ни дружелюбия, когда контакт прервался.

Тубинг, раскрыв рот, смотрел на то место, где только что находилось изображение Кодида.

Голан Тревиз вцепился себе в волосы, как бы пытаясь определить состояние своего разума. Он спросил Пилората:

— Каково ваше душевное состояние?

— Душевное состояние? — озадаченно переспросил Пилорат.

— Ну, да. Нас взяли вместе кораблем под контроль и неуклонно тащат к планете, о которой мы ничего не знаем. Вы не впадаете в панику?

Длинное лицо Пилората оставалось меланхоличным.

— Нет, — сказал он, — но и не радуюсь. Я несколько растерян, но отнюдь не паникую.

– Я тоже нет. Не странно ли это?

Почему мы не встревожены?

– Мы ведь ожидали чего-то такого, Голан. Чего-то вроде этого.

Треви́з повернулся к экрану. Тот был четко сфокусирован на космической станции. Теперь изображение стало шире – значит, они подошли ближе.

Треви́зу казалось, что в изображении станции нет ничего впечатляющего.

Не было ничего, что говорило бы о сверхзнании. Она, пожалуй, казалась даже чуточку примитивной, но корабль держала крепко.

– Я бесстрастно проанализировал свои чувства,

Янов, – сказал он. – Никогда не считал себя трусом, был уверен, что смогу хорошо держаться в сложной ситуации, но теперь думаю, что переоценил себя... Я должен был бы метаться туда-сюда и потеть. Пусть мы ожидали чего-то, но не беспомощности смерти!

– Я не совсем согласен с вами в выводах, Голан, – возразил Пилорат. – Если обитатели Геи смогли захватить корабль на таком расстоянии, что им стоит убить нас на расстоянии! Если мы все еще живы...

– Но нельзя сказать, что мы в полной безопасности. Мы слишком спокойны. Я думаю, нас успокоили.

– Зачем?

— Чтобы сохранить нас в хорошей ментальности, я думаю. Возможно, они хотят допросить нас. Ну, а после этого, могут и убить.

— Если они достаточно рациональны, чтобы допрашивать нас, у них хватит рациональности не убивать нас без причины.

Тревиз откинулся на спинку кресла и положил ноги на стол, там, где его рука обычно опускалась на пульт компьютера.

— Они могут оказаться достаточно изобретательными, чтобы придумать причины. Однако если они и касались нашего мозга, то очень деликатно. Будь это Мул, он заставил бы нас ликовать, каждая

клеточка нашего тела кричала бы от радости, что мы подходим туда. — Он показал на космическую станцию. — Вы не чувствуете радости, Янов?

— Определенно, нет.

— Вы видите, я все еще в состоянии рассуждать разумно. Очень странно! Но так ли это? Может, я в панике, расстроен, безумен, и мне только кажется, что я рассуждаю холодно, логично и разумно?

Пилорат пожал плечами.

— По-моему, вы в здравом уме. Возможно, я тоже не в своем уме и у нас одинаковые иллюзии. Но такая аргументация никуда не ведет. Все человечество могло бы впасть в

общее безумие и в общее заблуждение, живя в общем хаосе.

Это нельзя доказать, но у нас нет иного выбора, придется доверять чувствам.

Я и сам кое о чем поразмыслил.

— Да?

— Мы говорили о Гее, как о возможном мире Мулов или как о базе Второго Основания. Не приходила ли вам в голову мысль, что существует третий вариант, более разумный, чем два первых?

— Какой же?

Глаза Пилората, казалось, были обращены внутрь. Он не смотрел на Тревиза, и голос его был тихим задумчивым.

– Мы имеем мир – Гею, который делал все возможное, чтобы остаться изолированным. Он не предпринимал никаких попыток контакта ни с одним из миров, даже с соседним миром Сейшел-Союза. В каком-то смысле он развил науку, если рассказы об уничтожении им чужого флота правдивы, и, конечно, об этом говорит их способность управлять нами на расстоянии – однако они не пытались распространить свою власть. Они хотят лишь, чтобы их оставили в покое.

– Итак? – Тревиз прищурился.

– Это выглядит совершенно не по-человечески. Более двадцати

тысяч лет человеческая история полна непрекращающихся рассказов об экспансии и попытках экспансий. Почти все миры ссорились друг с другом, почти каждый мир в то или иное время давил своего соседа. Если Гея до такой степени не похожа на людей, то, может быть, она и в самом деле нечеловеческая.

— Не может быть!

— Почему же? Я ведь говорил вам о допущении, что разум в Галактике развила только человеческая раса. А если не только она? Разве не может быть планеты, где нет человеческой тяги к завоеваниям? — Пилорат все более вдохновлялся. — Что, если в

Галактике миллионы разумов, но экспансионистским оказался только один – наш? Может, есть другие миры, желающие оставаться дома, миры скрытные...

– Ерунда, – сказал Тревиз. – Мы натолкнулись бы на них. Мы высадились бы там. Они не могли пройти все стадии технологии и не сумели бы остановить нас. Но мы не встречали таких. Мы не видели даже руин нечеловеческих цивилизаций, не так ли? Вы историк, вот вы и скажите. Встречали?

Пилорат покачал головой.

– Нет. Но, Голан, один мир может быть. Вот этот!

– Не верю! Вы говорили, что

«Гея» на некоторых древних диалектах означает «Земля». Как она может быть нечеловеческой?

— Имя «Гея» дано планете человеческими существами, и кто знает, почему. Сходство с древним словом может быть и случайным. А если задуматься над тем фактом, что нас заманили на Гею — как вы недавно подробно объяснили мне — и теперь нас тащат против нашей воли, то этот аргумент в пользу нечеловеческой Геи.

— Почему? Что тут нечеловеческого?

— Они интересуются нами. Людьюми.

— Вы спятили, Янов. Они тысячи

лет живут в Галактике, в окружении людей. Чего бы им вдруг любопытствовать именно сейчас? Почему не раньше? А если вдруг они заинтересовались, почему именно нами? Если бы они хотели изучать человека и человеческую культуру, почему не на мирах Сейшел? Зачем им тянуться за нами до самого Терминуса?

— Может быть, их интересует Основание?

— Вздор! — запальчиво воскликнул Тревиз. — Янов, вы просто хотите встретиться с нечеловеческим разумом. Если бы нас окружили нелюди, вы не жалели бы о плене, о том, что мы

беспомощны, что нас могут даже убить — лишь бы удовлетворить любопытство!

Пилорат хотел было возмутиться, но раздумал, глубоко вздохнул и сказал:

— Что ж, может быть, вы и правы, Голан, но я пока буду придерживаться своего предположения. Не думаю, что нам придется ждать, чтобы выяснить кто из нас прав. Смотрите!

Он указал на экран. Тревиз, который от возбуждения перестал следить за ним, быстро обернулся.

— Что это?

— Может, от станции отошел корабль?

— Похоже... — неохотно согласился Тревиз. — Там есть нечто. Я не вижу деталей, но не могу больше увеличить изображение. Это максимум увеличения. — Через некоторое время он добавил: — Похоже, что к нам приближаются, и я полагаю, что это корабль. Поспорим?

— О чем?

— Если мы когда-нибудь вернемся на Терминус, давайте дадим большой обед для себя и гостей, который каждый из нас пригласит — скажем, по четыре человека. Плачу я, если этот приближающийся корабль несет нелюдей, если там люди — платить придется вам!

– Согласен.

– Значит, договорились! – Тревиз уставился на экран, пытаясь разглядеть детали и размышляя, можно ли по ним сразу определить нелюдей (или людей) на борту.

Седые волосы Бранно были тщательно уложены, сама она была невозмутима, словно находилась во дворце Мэрии. По ней не было видно, что она всего второй раз в жизни находится в далеком космосе. Кстати, первый раз, когда она вместе с родителями посетила праздники на Калгане, едва ли шел в счет – ей было всего три года.

Поднявшись на борт корабля

мэра, чтобы поговорить с глазу на глаз, Кодил доложил:

— Он слишком долго был на своем посту. Он стал думать, как сейшелец.

— Это профессиональная болезнь работников посольств, Лионо. Подождем, когда все закончится, дадим ему годовой отпуск, а затем пошлем куда-нибудь в другое место. Он человек способный. Во всяком случае, у него хватило ума немедленно переправить нам послание Тревиза.

Кодил улыбнулся.

— Да, он говорил, что сделал это вопреки собственному желанию. «Я был обязан», — сказал он. Видите ли,

мадам мэр, он сделал это скрепя сердце, потому что, едва только Тревиз появился в пространстве Сейшел-Союза, я приказал Тубингу сразу же передавать всю информацию о нем.

— Да? — Мэр повернулась в кресле, чтобы лучше видеть лицо Кодила. — И почему вы так поступили?

— Элементарная предосторожность. Тревиз пользовался последней моделью военного корабля Основания, и Сейшел не мог не обратить на это внимание. Он не дипломатический хлыщ, и это они тоже наверняка заметили. Следовательно, он мог

впутаться в затруднения, после чего ему остается только одно – кинуться в ближайшее представительство Основания. Лично я ничего не имел бы против, если бы Тревиз оказался в беде – это помогло бы ему повзрослеть и принесло бы благо, но вы послали его в качестве громоотвода, а я считал вас способной оценить любую молнию, которая может ударить, так что я счел нужным удостовериться, что ближайшее представительство Основания проследит за ним. Вот и все.

– Ясно! Ну, что ж, я теперь понимаю, почему Тубинг реагировал так энергично. Я ведь послала ему

точно такое же предупреждение. Поскольку он услышал это от нас обоих, едва ли можно порицать его мысль, что подход нескольких судов флота Основания, может и должен означать гораздо большее, чем это означает в действительности. Но почему, Лионо, вы не посоветовались со мной, прежде чем посылать ему это предупреждение?

Кодил холодно ответил:

— Если бы я вводил вас в курс всего, что я делаю, у вас не осталось бы времени управлять Федерацией. А почему вы не информировали меня о своих намерениях?

Бренно угрюмо ответила:

— Если бы я информировала вас

о всех своих намерениях, Лионо, вы знали бы чересчур много. Но это дело маленькое, и так как оно встревожило Тубинга, это подходящий предлог, чтобы сейшельцы завертелись. Я больше интересуюсь нашим Тревизом.

— Наши разведчики отметили Кампера. Он последовал за Тревизом, и теперь оба осторожно приближаются к Гее.

— У меня есть рапорты этих разведчиков, Лионо, что и Кампер, и Тревиз принимают Гею всерьез!

— Все глумятся над суеверными отношениями сейшельцев к Гее, мадам мэ, но каждый думает: «А что, если...». Даже посол Тубинг

вроде бы слегка не уверен. Может быть, это умная политика части сейшельцев. Нечто вроде защитной окраски. Если распространять слухи о таинственном и невидимом мире, люди будут сторониться не только этого мира, но и других миров, которые соседствуют с ним – то есть сторониться Сейшел-Союза.

– Вы думаете, поэтому Мул и отвернулся от Сейшел?

– Возможно.

– Надеюсь вы, не думаете, что Основание не трогает Сейшел из-за Геи, хотя не установлено, что мы когда-либо слышали об этом мире?

– Согласен, в наших архивах нет никакого упоминания о Гее, но нет и

какого-либо другого разумного объяснения нашей умеренности по отношению к Сейшел-Союзу.

— Давайте будем надеется на то, что правительство Сейшел, несмотря на убежденность Тубинга в обратном, само убеждено — хотя бы чуточку — в мощи Геи и ее опасной природе.

— Зачем?

— Затем, что тогда Сейшел-Союз не будет возражать против нашего продвижения к Гее. Чем меньше им будет нравится это продвижение, тем больше они будут убеждать себя, что это можно допустить: пусть Гея поглотит нас. Урок, подумают они, будет полезен Основанию и не

пропадет для всех будущих захватчиков.

— А что, если они окажутся правы, мэр? Что, если Гея на самом деле смертельно опасна?

Бренно улыбнулась.

— Вы и сами думаете «Что, если...», Лионо?

— Я должен думать обо всех возможностях, мэр. Это моя работа.

— Если Гея смертельно опасна, она захватит Тревиза. Это его работа как громоотвода. Надеюсь, что и Кампера тоже.

— Надеюсь? Почему?

— Потому что это придаст жителям Геи самоуверенности, что будет полезным для нас. Они

переоценят свое могущество, и с ними легче будет справиться.

— А что, если мы чересчур самоуверенны?

— Мы — нет, — спокойно возразила Бренно.

— Обитатели Геи — кем бы они ни были — могут оказаться чем-то таким, с чем мы не сталкивались, и не можем правильно оценить опасность.

— Да? С чего бы такая мысль запала в вашу голову, Лионо?

— Потому что, я думаю, вы чувствуете, что в худшем случае Гея — это Второе Основание. Мне кажется, вы именно так думаете... Однако у Сейшел была интересная история

даже во времена Империи.

Сейшел – единственный – имел, в какой-то степени, самоуправление.

Только один Сейшел был частично избавлен от тяжелых налогов при так называемых «плохих Императорах». Короче говоря, Сейшел, похоже, находился под защитой Геи даже в имперские времена.

– Ну и что?

– Но Второе Основание появилось на свет в то же время, что и наше Основание. В имперские времена Второго Основания не существовало, а Гея была. Следовательно, Гея – не Второе Основание. Она что-то другое, и

вполне возможно более опасное...

— Меня не пугает неизвестность, Лионо. Есть только два возможных источника опасности: физическое оружие и ментальное, а мы полностью готовы и к тому, и к другому. Возвращайтесь на свой корабль и отходите к сейшельской границе. Мой корабль повернет к Гее один, но все время будет в контакте с вами, а вы, если понадобится, в один прыжок подойдете. Идите, Лионо, не стоит расстраиваться, мой друг.

— Последний вопрос: вы твердо знаете, что делаете?

— Да, — решительно ответила она. — Я тоже изучала историю Сейшел и поняла, что Гея не может

быть Вторым Основанием, но, как я уже говорила, я имею полный рапорт разведчиков, и из него...

— Да?

— Ну, в общем, я знаю, где находится Второе Основание, и мы позаботимся и о том, и о другом, Лионо. Сначала о Гее, а потом уж о Транторе.

Гея

Кораблю с космической станции понадобился час, чтобы подойти к «Далекой Звезде» – для Тревиза этот час тянулся очень долго.

В нормальной ситуации Тревиз постарался бы дать сигнал и надеялся на ответ. Не получив его, он произвел бы уклоняющийся маневр.

Поскольку он не был вооружен, а ответа не могло быть, ему оставалось только ждать. Компьютер не отвечал ни на какие запросы о том, что было снаружи корабля.

Внутри, по крайней мере, все работало нормально.

Жизнеобеспечивающие системы были в полном порядке, так что ему и Пилорату было вполне удобно.

Однако и это не помогало. Жизнь продолжалась, а неопределенность того, что происходило, изматывала. Тревиз с раздражением заметил, что Пилорат выглядит спокойным. В то время, как Тревиз не испытывал никакого аппетита, Пилорат, как назло, открыл банку с кусками цыпленка, подождал, пока она автоматически разогреется и теперь с аппетитом ел.

Тревиз сказал раздраженно:

– О, космос, Янов! Ведь воняет!

Пилорат испуганно взглянул на него и принялся к банке.

– Пахнет, как обычно, Голан.

Треviz потрянул головой.

– Не обращайтесь внимания.

Нервы взвинчены! Но возьмите вилку, иначе ваши пальцы будут целый день пахнуть цыпленком.

Пилорат с удивлением взглянул на свои пальцы.

– Простите! Я как-то не подумал; мои мысли были заняты другим.

Треviz заметил не без ехидства:

– Наверное, вы гадаете, какой тип людей находится на приближающемся корабле? – и тут же устыдился, что он не так спокоен, как Пилорат. Он – ветеран флота (хотя он, конечно, никогда не бывал в

сражениях), а Пилорат – историк, однако ведет себя мужественнее.

Пилорат попытался
предположить:

— Наверное, возможно представить себе направление эволюции в условиях, отличных от земных. Возможностей может быть бесконечное множество. Во всяком случае, я могу сказать заранее, что они не бессмысленно жестокие, и будут обращаться с нами цивилизованно. Если бы это было не так, мы были бы уже мертвы.

– Вы, по крайней мере, можете еще рассуждать, Янов, друг мой, и еще можете быть спокойным. А мои нервы, похоже, пробиваются сквозь

любые транквилизаторы, которые нам ввели. У меня необычное желание вскочить и бежать. Скоро ли придет этот проклятый корабль?

— Я человек пассивный, Голан, — сказал Пилорат. — Я всю жизнь просматривал записи, ожидая пополнить их другими. Сейчас я могу только ждать. Вы же — человек действия, и вам больно, когда действие невозможно.

Треви́з почувствовал, что его напряжение спадает. Он пробормотал:

— Я недооценил ваш здравый смысл, Янов.

— Нет, вы не недооценивали, — мирно возразил Пилорат, — но даже

наивный ученый может иногда понять смысл жизни.

– И даже мудрейший политик может иногда промахнуться в этом.

– Я не говорил этого.

– Зато я говорю. Так что позвольте мне стать активным. Я еще могу наблюдать. Корабль подошел уже достаточно близко, и было заметно, что он выглядит примитивно. Если это продукт нечеловеческих мозгов и рук, он может казаться примитивным, хотя в действительности он просто создавался не для людей.

– Вы думаете, что это артефакт? – спросил Пилорат, слегка покраснев.

– Не могу сказать. Предполагаю, что артефакты, как бы они ни изменялись от культуры к культуре, никогда не могут быть пластичны, как продукт генетики.

– С вашей стороны это только догадка. Все мы знаем, что есть разные культуры, но мы не знаем разных видов разума, и поэтому не можем судить, насколько различны могут быть артефакты.

– Рыбы, дельфины, пингвины, головоногие, даже амбифлексы – все обтекаемой формы, так как вынуждены перемещаться в вязкой среде. Может быть, так и с артефактами?

– Щупальца головоногих и

спиральные вибраторы амбифлексов, — ответил Пилорат, — резко отличаются друг от друга и от плавников, лап и ног позвоночных. Так может быть и с артефактами.

— Во всяком случае, — сказал Тревиз, — я чувствую себя лучше. Поговорите со мной о пустяках, Янов, успокойте мои нервы. Мы очень скоро узнаем, кто нас захватил. Корабль, кажется, неспособен состыковаться с нами, значит, с него перейдут по старомодному тросу — или нас принудят идти по нему — если только нелюди не пользуются какой-нибудь другой системой соединения.

— Корабль большой?

— Не имея возможности воспользоваться корабельным компьютером для определения расстояния радаром, мы не можем определить размер.

Перед «Далекой Звездой» зазмеилась струна троса. Тревиз подытожил:

— Люди там или нелюди, но они пользуются такими же приспособлениями, что и мы. Видимо, ничего, кроме троса, работать здесь не может.

— Можно было бы приспособить трубу, — сказал Пилорат, — или горизонтальную лестницу.

— Это все негибкие вещи. С ними было бы гораздо сложнее. Тут

нужны одновременно и гибкость, и прочность.

Трос глухо стукнулся о «Далекую Звезду». Затем последовало обычное скольжение, до тех пор, пока корабли не уравнили скорости. Наконец, трос занял неподвижное положение относительно обоих кораблей.

В корпусе неизвестного корабля появилось отверстие и стало расширяться, как зрачок в глазу.

— Расширяющаяся диафрагма вместо скользящей панели, — пробормотал Тревиз.

— Нелюди?

— Не обязательно.

Возникла фигура.

Губы Пилората на секунду сжались, и он разочарованно сказал:

– Плохо. Человек.

– Не обязательно, – снова возразил Тревиз. – Мы видим только то, что у него пять выступающих частей. Это могут быть голова, руки и ноги, а могут и не быть. Подождем!

– Чего?

– Он движется более быстро и плавно, чем должен был бы. А!

– Что?

– Тут какая-то силовая установка. Это не ракетная техника, насколько я могу судить, но и не передвижение при помощи только рук. Но, все-таки, это не обязательно и человек.

Наконец раздался звук контакта.
Тревис сказал:

– Оно входит. У меня возникло желание схватить его, как только оно появится... – он сжал кулаки.

– Я думаю, что вам лучше расслабиться, – заметил Пилорат. – Оно может оказаться сильнее нас. Оно может контролировать наши мысли. Да и на том корабле наверняка есть и другие. Вам стоит подождать, пока мы не узнаем, что нам предстоит.

– Вы с каждой минутой становитесь все более рассудительным, Янов, а я – все менее.

Воздушный люк пришел в

движение, и фигура, наконец, появилась внутри корабля.

— Размер нормальный, — пробормотал Пилорат. — Космический скафандр вполне пригоден для человеческого существа.

— Я никогда не видел такого фасона, но он не выпадает из рамок человеческого производства, как мне кажется. Но это еще ни о чем не говорит.

Фигура в космическом скафандре стояла перед ними, подняв верхнюю конечность к округлому шлему, который, если и был сделан из стекла, то был прозрачен лишь с одной стороны.

Снаружи ничего не было видно.

Конечность быстро коснулась чего-то, и шлем сразу отделился от костюма.

Его сняли.

Показалось лицо молодой и, бесспорно, очаровательной женщины.

Невыразительное лицо Пилората сделало, что могло, чтобы выглядеть ошеломленным. Он спросил с запинкой:

— Вы — человек?

Брови женщины поднялись, губы недовольно дернулись. Нельзя было с уверенностью сказать, то ли она не поняла незнакомого языка, то ли поняла и удивилась вопросу.

Ее рука быстро пробежала по левой стороне костюма, который тут же раскрылся. Она шагнула из него, и костюм, постояв несколько мгновений пустым, с легким, почти человеческим вздохом упал.

Теперь она выглядела еще моложе. На ней было свободное прозрачное платье до колен: под платьем — минимум прочего, да и то напоминало лишь легкую тень. У нее были маленькие груди, тонкая талия и полные округлые бедра, стройные ноги к лодыжкам изящно сужались. Темные волосы до плеч, большие карие глаза и полные, слегка асимметричные губы.

Она оглядела себя, а затем

разрешила недоумение, заметив:

– Разве я не похожа на человека?

Она говорила на Галактическом Стандартном с легкой запинкой, словно старалась произносить слова совершенно правильно. Пилорат поклонился и ответил, слегка улыбнувшись.

– Не спорю, настоящий человек, к тому же – очаровательный.

Женщина развела руки, как бы приглашая осмотреть ее еще лучше.

– Надеюсь на это, джентльмены. Мужчины говорят, что готовы умереть ради тела.

– Я предпочел бы жить ради него, – сказал Пилорат, обнаружив галантность, которой сам удивился.

— Хороший выбор, — торжественно произнесла женщина. — Как только добиваются тела, все вздохи становятся вздохами экстаза.

Она засмеялась, и Пилорат рассмеялся вместе с ней.

Треви́з, хмуро выслушавший этот диалог, резко спросил:

— Сколько вам лет?

Женщина казалась удивленной.

— Двадцать три... джентльмен.

— Зачем вы сюда пришли? Что вам здесь надо?

— Я пришла, чтобы проводить вас на Гею, — ее Галактический Стандарт слегка исказился, гласные стали округляться в дифтонги.

– Нас будет провожать девушка?

Женщина выпрямилась и вдруг стала выглядеть ответственным лицом.

– Я – Гея, как и другие. Это моя работа на станции.

– Ваша? Разве вы одна на борту?

– У меня есть все необходимое, – гордо ответила она.

– И что, сейчас там больше никого нет?

– Меня там нет, джентльмены, но станция не пуста. Там это.

– Это? О чем вы?

– О станции. Это Гея. Она держит ваш корабль.

– Тогда что вы делаете на станции?

– Это моя работа.

Пилорат дернул Тревиза за рукав.

– Голан, – сказал он полушепотом, – не кричите на нее. Она всего лишь девушка. Дайте, я поговорю с ней.

Тревиз сердито затряс головой, но Пилорат сказал:

– Молодая женщина, а как вас зовут?

Женщина радостно улыбнулась, как бы в благодарность за мягкий тон.

– Блис.

– Блис? Очень приятное имя. Это, конечно не полное?

– Конечно, нет. Было бы смешно,

если бы имя было односложным. Оно дублировалось бы в каждом секторе, и вы не знали бы, о ком речь, и мужчины умирали бы не за то тело. Полное мое имя — Блиссенуббиарелла.

— И не произнести!

— Что? Семь слогов? Это не так много. У меня есть подруги с именами в пятнадцать слогов, и они не сокращают их. А я сократила до Блис, когда мне минуло пятнадцать. Моя мать звала меня Нубби.

— На Галактическом Стандартном «Блис» означает «экстаз» или «высшее счастье».

— На нашем — тоже. Он не очень-то отличается от Стандартного.

– Меня зовут Янов Пилорат.

– Я знаю. А другого джентльмена – крикуна – Голан Тревиз. Нам сообщили с Сейшел.

Тревиз спросил, нахмурившись:

– А как вы получили это сообщение?

Блис обернулась к нему и спокойно ответила:

– Не я – Гея получила.

– Мисс Блис, – сказал Пилорат, – не считите за дерзость, но не разрешите ли вы мне поговорить приватным образом со своим партнером?

– Да, конечно, но нам надо идти.

– О, я недолго, – он потянул Тревиза за локоть, и тот неуверенно

пошел за ним в другую сторону, направляясь в соседнее помещение. Там он прошептал:

– К чему это? Я уверен, что она все слышит. Это проклятое создание, вероятно, способно свободно читать наши мысли.

– Может или не может, но нам нужно немного психологической изоляции, хотя бы на минуту. Дружище, оставьте ее в покое. Мы тут бессильны, и бесполезно выводить ее из себя. Скорее всего, она тоже ничего не может сделать. Она просто посыльная. Фактически, пока она на борту, мы в безопасности. Если бы они собирались уничтожить корабль, то

не послали бы ее на борт. Если вы по-прежнему будете задиаться, они, возможно, захотят уничтожить его и нас в придачу, когда заберут ее отсюда.

— Я не хочу выглядеть беспомощным, — угрюмо сказал Тревиз.

— А кто хочет? Но своим поведением вы не делаете себя менее беспомощным: вы делаете из себя беспомощного задиру. О, мой дорогой, я не хочу сказать, что вы и в самом деле задира, и вы уж должны простить меня, что я вас так критикую, но не стоит обижать девушку.

— Янов, она достаточно молода,

чтобы быть вашей младшей дочерью.

— Тем больше оснований обращаться с ней по-джентельменски, и я не понял, что вы вкладываете в эту фразу.

Тревис задумался, а затем его лицо просветлело.

— Ладно, ладно, вы правы. Досадно, конечно, что они послали девчонку. Прислали бы, скажем, военного офицера — это дало бы нам ощущение некоторой собственной значимости, как говорится. А что девушка? И она возлагает ответственность на Гею.

— Она, вероятно, имела в виду правителя, который для величия принял имя планеты. Мы узнаем это,

но, боюсь, не через прямые вопросы.

— Мужчины готовы умереть за ее тело! — хмыкнул Тревиз. — Н-да! Толстозадая!

— Никто не просит вас умирать за нее, Голан, — мягко сказал Пилорат.

— Бросьте! Пусть себе старается. Я нахожу это забавным и вполне естественным.

Они застали Блис за компьютером. Наклонившись, она разглядывала его составные части, заложив руки за спину, словно боясь дотронуться до него.

Когда они вошли, она подняла глаза.

— Поразительный корабль, —

сказала она. — Я не понимаю и половины того, что вижу, но если бы вы захотели сделать мне подарок, я бы взяла это. — Она указала на компьютер. — Он очень красивый. Он придаст бы моему кораблю величественный вид. — Ее лицо приобрело выражение горячего любопытства. — Вы в самом деле с Основания?

— Откуда вы знаете об Основании? — спросил Пилорат.

— Мы изучали его в школе. Главным образом, из-за Мула.

— А почему именно из-за Мула, Блис?

— Он один из нас, джентль... могу я пользоваться одним этим

слогом, джентльмен?

— Так же, как Ян или Пил. Что вы предпочитаете?

— Он один из нас, Пил, — повторила она, дружески улыбаясь. — Он родился на Гее. Но никто, похоже, не знает, где именно.

— Он, наверное, геанский герой, а? — спросил Тревиз. Он стал решительно, почти агрессивно дружелюбным и бросил успокаивающий взгляд в сторону Пилората. — Зовите меня Трев, — добавил он.

— Ох, нет, он не герой, — немедленно ответила девушка. — Мул — преступник. Он ушел с Геи без разрешения, а так делать нельзя.

Никто не знает, как он это сделал, но он ушел, и я думаю, поэтому плохо кончил. Основание его, в конце концов, убило.

– Второе Основание? – спросил Тревиз.

– А разве их два? Если бы я подумала об этом, я бы знала, но, в сущности, я не интересовалась историей. Я интересовалась тем, что Гея считает лучшим. История прошла мимо меня, потому что историков у нас достаточно, а я плохо воспринимаю ее. Я, наверное, буду учиться на космического техника. Меня приписали к этой работе, и мне она даже нравится.

И это тоже причина, почему я не

хотела бы...

Она говорила быстро, почти на одном дыхании, и Тревиз с трудом вставил вопрос.

— Кто такая Гея?

Блис растерялась.

— Просто Гея. Пожалуйста, Пил и Трев, давайте отправимся на нее. Мы должны спуститься. Но на моем корабле, это будет слишком медленно. Гея считает, что вы можете идти гораздо быстрее, используя возможности вашего корабля. Вы могли бы?

— Да, — угрюмо сказал Тревиз, — но если я снова стану управлять кораблем, не захочу ли я рвануть в противоположном направлении?

Блис засмеялась.

— Вы шутник. Конечно, вы не можете идти в том направлении, куда Гея не хочет. Но вы можете идти побыстрее к Гее, раз она этого хочет. Понятно?

— Понятно, — сказал Тревиз. — Я постараюсь обуздать свое чувство юмора. Где именно я должен приземлиться?

— Это неважно. Просто идите вниз, и вы приземлитесь в нужном месте. Гея присмотрит за этим.

Пилорат спросил:

— А вы останетесь с нами, Блис, и присмотрите, чтобы мы вели себя как следует?

— Полагаю, что так. Давайте

проследим, чтобы в мою карточку был внесен положенный гонорар за мои услуги. Я имею в виду этот род услуг.

— А услуги другого рода?

Блис прыснула.

— Вы приятный старичок.

Пилорат поморщился.

Блис реагировала на спуск к Гее с наивным возбуждением.

— Совсем не чувствуешь ускорения, — сказала она.

— Он на гравитационной тяге, — пояснил Пилорат. — Она исключает все ускорения, и мы ничего не чувствуем.

Треви́з спускался к Гее, почти ничего не думая. Корабль слушался

его приказов лишь частично, как и предупреждала Блис. Попытка пересечь линии гравитационного поля по косой принимались, но явно с колебанием, попытки же подняться вверх просто игнорировались. Корабль больше не принадлежал ему.

— Вы не слишком быстро спускаетесь, Голан? — кротко спросил Пилорат.

— Юная леди сказала, что Гея позаботится о нас.

— Конечно, Пил, — подтвердила Блис, — Гея не даст кораблю сделать что-нибудь опасное. У вас на борту есть какая-нибудь еда?

— Да, конечно, — сказал Пилорат. — Чего бы вы хотели?

— Только не мяса, — деловым тоном сказала Блис. — Я бы хотела рыбу или яйца с любыми овощами, какие у вас есть.

— Часть продуктов у нас с Сейшел, Блис, — сказал Пилорат. — Я не знаю, что это, но вам, может быть, понравится.

— Ладно, я попробую, — с сомнением сказала Блис.

— Люди на Гее вегетарианцы? — спросил Пилорат.

— По большей части, — кивнула Блис. — Все зависит от того, какие Питательные вещества нужны телу в определенных случаях. В последнее время я не хочу мяса, значит, оно мне не нужно. И я никогда не хотела

ничего сладкого. Люблю сыр и креветки. Я думаю, наверное, мне надо сбавить вес. — Она звучно шлепнула себя по ягодицам. — Скажем, здесь надо скинуть пять или шесть фунтов.

— Не вижу необходимости, — галантно заметил Пилорат. — И, к тому же, вам мягче сидеть.

Блис изогнулась, чтобы как можно лучше разглядеть себя.

— О, это не имеет значения. Вес набирается или сбрасывается, как положено. Это от меня не зависит.

Треви́з молча слушал эту болтовню, потому что сражался с «Далекой Звездой». Они излишне долго задерживались на орбите, и

нижние границы планетной атмосферы теперь со свистом проносились мимо корабля. Мало-помалу корабль полностью вышел из-под его контроля. Словно что-то другое вело корабль и управляло гравитационными двигателями. «Далекая Звезда», действуя как бы самостоятельно, изогнулась вверх, в более разреженный воздух и сбавила скорость, а затем пошла вниз по пологой кривой.

Блис не обращала внимания на резкий звук сопротивляющегося воздуха и осторожно пригнулась к полу, исходящему от открытой банки.

— Наверное, это то, что мне

надо, Пил, – наконец сказала она, – потому что иначе оно плохо бы пахло и мне не хотелось бы это есть. – Она сунула в банку кончик пальца и облизала его. – Вы правильно выбрали, Пил. Это креветки с чем-то еще. Вкусно!

С жестом разочарования Тревиз оторвался от компьютера.

– Девушка, – сказал он, словно увидел ее впервые.

– Меня зовут Блис.

– Блис так Блис. Вы знаете наши имена?

– Да, Трев.

– Как вы их узнали?

– Я должна была их знать, чтобы выполнять свою работу. Поэтому я

знаю их.

— Вы знаете, кто такой Манн Ли Кампер?

— Если бы это было важно для меня, я бы знала. Поскольку я не знаю, кто он, значит, мистер Кампер не прибыл сюда. Потому что... — она сделала паузу, — сюда не прибыл никто, кроме вас двоих.

— Посмотрим.

Он взглянул вниз. Обычная планета. Плотного слоя облаков не было, но они были так хитро разбросаны, что ни одной части поверхности планеты нельзя было разглядеть. Он включил микроволну, заблестел радароскоп. Поверхность планеты была почти отображением

неба. Похоже, это был мир островов, вроде Терминуса, только больше. Ни один из островов не отличался большими размерами и не был полностью изолирован. Они как-то спускались на планетный архипелаг. Орбита корабля была сильно наклонена к плоскости экватора, но Тревиз не видел и признака ледяных шапок.

И в освещении планеты не было характерных признаков неровного расселения людей.

– Я приземлюсь близь главного города, Блис? – спросил Тревиз.

– Вас посадят где-нибудь в подходящем месте, – равнодушно ответила она.

— Я бы предпочел большой город.

— Вы хотите сказать — густо населенный?

— Да.

— Это решит Гея.

Корабль продолжал спускаться, и Тревиз попытался развлечься, гадая, к какому островку они направляются. Приблизительно через час они должны были приземлиться.

Корабль сел спокойно, как перо, без воя, без не правильного гравитационного эффекта. Они вышли: сначала Блис, затем Пилорат и, наконец, Тревиз.

Погода была сравнима с началом лета на Терминусе. Дул легкий бриз,

утреннее солнце ярко сияло с испещренного облаками неба. Под ногами была зеленая почва, с одной стороны рядами шли деревья, как во фруктовом саду, с другой — далекая линия побережья.

Слышалось тихое жужжание, издаваемое, видимо, насекомыми, мелькали птицы и раздавалось щелканье — похоже, какого-то фермерского инструмента.

Пилорат заговорил первый, но не о том, что видел и слышал. Он сказал:

— Ах, как вкусно пахнет, вроде свежего яблочного пюре.

— Вероятно, там яблоневый сад, — сказал Тревиз, — и, насколько я

понимаю, там делают яблочное пюре.

— А вот на вашем корабле, — заметила Блис, — пахнет вроде, одним словом, ужасно.

— Вы не жаловались, когда были на нем, — заметил Тревиз.

— Я хотела быть вежливой. Я же была гостьей.

— А сейчас вы уже не хотите быть вежливой?

— Сейчас я дома, а вы — гости. Теперь ваша очередь быть вежливыми.

Пилорат попытался сгладить:

— Вероятно, она права насчет запаха, Голан. Есть какой-нибудь способ проветрить корабль?

– Да, – агрессивно ответил Тревиз, – Это вполне можно сделать, уверившись в том, что корабль не будет уничтожен. Это маленькое создание уже показало нам, какую необычную силу применила.

Блис вытянулась во весь рост.

– Я вовсе не маленькая. А если для очистки корабля нужно оставить его в покое, то, уверяю вас, мы с удовольствием оставим его в покое.

– А затем нас возьмет кто-то, кого вы называете Геей? – спросил Тревиз.

Блис с улыбкой посмотрела на него.

– Не знаю, поверите ли вы мне, Трев, но Гея – я.

Тревисз оторопел. Он часто слышал выражение «собраться с мыслями», которое использовалось метафорически, но впервые в жизни почувствовал, что его вовлекли в этот процесс буквально. Наконец, он спросил:

– Вы?

– Да. И почва. И деревья. И вон тот кролик на траве. И человек, которого вы видите за деревьями. Вся планета и все на ней – это Гея. Мы все индивидуальные, все отдельные организмы, но все мы делим общее сознание.

Неодушевленная планета участвует в этом меньше всех, различные формы жизни – в разной

степени, а человеческие существа — больше всех, но участвуем мы все.

— Я думаю, Голан, — сказал Пилорат, — она хочет сказать, что Гея — нечто вроде группового сознания.

Треви́з кивнул.

— Я так и понял. В таком случае, Бли́с, кто правит этим миром?

— Он сам управляет. Деревья растут рядами по собственному разумению. Они множатся только в том случае, если надо заменить погибшие по какой-то причине деревья. Люди снимают урожай яблок, сколько потребно, животные, включая насекомых, едят свою долю — и только свою.

— Значит, насекомые знают свою

долю?

— Да, знают, — в какой-то степени. Дождь идет, когда нужно. Бывает и очень сильный, когда это необходимо, а бывает и сухая погода — когда она нужна.

— И дождь знает, что делать?

— Да, знает, — очень серьезно сказала Блис. — Разве клетки вашего тела не знают, что им делать? Когда расти, а когда перестать? Когда формировать какую-то субстанцию, а когда — нет, а если формируют, то сколько — больше или меньше? Каждая клетка, в определенном смысле, независимый химический фактор, но все идет из общего фонда сырых материалов, приносимых

общей транспортной системой, все расходится по общим каналам, все распределяется общегрупповым сознанием.

— Это же замечательно! — воскликнул Пилорат с явным энтузиазмом. — Вы хотите сказать, что планета есть суперорганизм, а вы — его клетки?

— Я привела аналогию. Мы аналогичны клеткам, но не идентичны им — вы понимаете?

— Стало быть, вы не клетки? — сказал Тревиз.

— Мы сами составляем клетки, имеем групповое сознание, то же касается и клеток. Групповое сознание — это сознание

индивидуального организма, в моем случае, человеческого существа.

— С телом, за которое умирают мужчины?

— Именно. Мое сознание далеко опередило сознание любой индивидуальной клетки, невероятно далеко. Тот факт, что мы являемся частью этого большого группового сознания на высшем уровне, не низводит нас до уровня клетки. Я остаюсь человеческим существом, но над нами есть групповое сознание, настолько же недостижимое для меня, насколько мое сознание превышает сознание мускульной клетки моего организма.

— Но кто-то ведь приказал

захватить наш корабль, — возразил Тревиз.

— Нет, не кто-то. Гея приказала. Мы все приказали.

— Деревья и земля тоже?

— Они очень мало участвуют, но, все-таки, участвуют. Видите ли, если музыкант пишет симфонию, разве вы станете спрашивать, какая клетка его тела приказывает симфонии быть написанной и проверяет ее гармонию?

— Да, да... я понимаю, — сказал Пилорат. — Групповой мозг настолько же сильнее индивидуального, насколько мускул тела сильнее индивидуальной клетки мышцы. Следовательно, Гея могла захватить

наш корабль на расстоянии, управляя нашим компьютером, в то время как ни один индивидуальный мозг на планете не мог этого сделать.

— Вы прекрасно поняли, Пил, — сказала Блис.

— Я тоже понял, — сказал Тревиз. — Понять это не так уж трудно. Но что вы хотите от нас? Мы не собирались нападать на Гею, мы пришли только за информацией. Почему вы захватили нас?

— Чтобы поговорить с вами.

— Вы могли прекрасно сделать это на корабле.

Блис серьезно покачала головой.

— Не мне это делать.

— Разве вы не часть группового

мозга?

— Да, но я не могу летать как птица, жужжать, как насекомое, или вырасти такой, как дерево. Я делаю то, что лучше для меня, хотя я легко воспринимаю знания.

— Кто решил не вкладывать его в вас?

— Мы все.

— Кто же даст нам информацию?

— Дом.

— Кто такой Дом?

— Ну — его полное имя Эндомандиовизаморондеязо... и так далее. Разные люди в разное время зовут его по-разному, но я знаю его как Дома и думаю, что вы так же хорошо воспользуетесь этим слогом.

Дом, наверное, больше часть Геи, чем кто-нибудь на планете, и он живет на этом острове. Он просил встречи с вами, и ему дали согласие.

— Кто дал? — спросил Тревиз и тут же сам себе и ответил. — Да, знаю, вы все.

Блис кивнула. Пилорат спросил:

— Когда мы увидим Дома, Блис?

— Прямо сейчас. Если вы пойдете за мной, я приведу вас прямо к нему.

— И затем вы уйдете? — спросил Пилорат.

— А вы не хотите этого?

— По правде сказать, нет.

— Значит, и вы реагируете на мое присутствие, — констатировала Блис,

пока они шли по дороге мимо сада. — Мужчины склонны слушаться каждого моего слова. Даже почтенных старцев охватывает мальчишеский жар.

Пилорат засмеялся.

— Я бы не сказал, что у меня много мальчишеского жара, Блис, но если бы он у меня был... Я бы решился рассчитывать на вашу взаимность.

— О, не принижайте свой темперамент! Я работаю удивительно.

Треви́з с нетерпением спросил:

— Когда мы придем туда, куда идем, долго ли нам придется ждать этого самого Дома?

– Он будет ждать вас! В конце концов, Дом через Гею работал не один год, чтобы привести вас сюда.

Треви́з остановился на полушаге и быстро взглянул на Пилората, который торжественно изрек:

– Вы были правы.

Блис, глядя себе под ноги, спокойно призналась:

– Я знаю, Трев, вы подозревали, что я-мы-Гея интересовались вами.

– Я-мы-Гея? – мягко повторил Пилорат.

Она повернулась и улыбнулась ему.

– У нас целый комплекс разных произношений для выражения индивидуальности. Я могла бы

объяснить их вам, но не раньше, чем «я-мы-Гея» пройдет через то, что напоминает хождение ощупью. Пожалуйста, пойдёмте, Трев. Дом ждёт, а я не хотела бы заставлять вас двигаться против вашей воли. Это очень неприятное ощущение, если вы не привыкли к нему.

Треви́з двинулся. Его взгляд был полон подозрения.

Дом был пожилым человеком. Он изложил двести пятьдесят три слога своего имени в музыкальной напевности тона и ударения.

— В известном смысле, — сказал он, — это моя краткая биография. Имя говорит слушателю или читателю,

или сенсору – кто я такой, какую часть целого я составляю, что я выполнил. Однако уже пятьдесят лет, если не больше, я удовлетворен, что меня называют Дом. Когда есть другие Ломы, меня могут называть Домандио, и в моих разнообразных профессиональных отношениях используются и другие варианты. Один раз в году, в день моего рождения, мысленно передается мое полное имя, как я только что произнес его для вас голосом. Это очень эффектно, но при личном пользовании затруднительно.

Он был высок и худ – почти на грани истощения. Глубоко посаженные глаза блестя

необычно молодо, но двигался он довольно медленно. У него был длинный тонкий нос с выступающими ноздрями. Руки с синими венами не имели никаких признаков артрического бездействия. На нем был серый халат одного цвета с волосами, доходивший до лодыжек, и сандалии на босу ногу.

— Много ли вам лет, сэр? — спросил Тревиз.

— Прошу вас, называйте меня Дом, Трев. Употребление других стилей обращения вынуждает к официальности и не способствует свободному обмену идеями между вами и мной. По Галактическому Стандартному Времени мне только

что минуло девяносто три, но настоящее празднование еще через несколько месяцев, когда наступит девяностая годовщина моего рождения по местному времени.

– Я бы никогда не подумал, что вам больше семидесяти пяти, Дом, – сказал Тревиз.

– По геанским стандартам я не выделяюсь ни возрастом, ни его оценкой по внешности. Послушайте, вы ели?

Пилорат взглянул на свою тарелку, где осталось значительное количество ничем не примечательной и небрежно приготовленной пищи, и сказал застенчиво:

– Дом, могу я задать вам нескромный вопрос? Конечно, если он покажется вам оскорбительным, вы, пожалуйста, скажите, и я возьму его обратно.

– О, да, разумеется! – улыбаясь, сказал Дом. – Я очень рад объяснить вам что-либо насчет Геи, которая возбуждает ваше любопытство.

– Почему? – спросил Тревиз.

– Потому что вы почетные гости. Могу я услышать вопрос Пила?

– Поскольку все на Гее включено в групповое сознание, как получилось, что вы – элемент группы – едите то, что явно было другими элементами?

– Правильно! Но все циклично.

Мы должны есть и можем есть все, как растения, так и животных. Даже неодушевленные предметы составляют часть Геи.

Но видите ли, никого не убивают ради удовольствия или спорта, никого не убивают болезненно. Боюсь, что мы не можем похвастаться качеством пищи, потому что каждый из нас ест только то, что должен. Вам не понравилась еда, Пил и Трев? Ну, она и не может понравиться...

То, что осталось от еды, в конце концов, тоже часть планетного сознания. Поскольку часть ее объединилась с моим телом, она включается в более широкую часть

общего сознания. Когда я умру, я тоже буду съеден — хотя бы гнилостными бактериями — и тогда буду включен в самую малую часть целого. Но когда-нибудь части меня станут частями другого человеческого существа, частью многих.

— Нечто вроде переселения душ, — сказал Пилорат.

— Переселения чего, Пил?

— Я говорю о древнем мифе, имеющем хождение на некоторых мирах.

— О, я не знал. При случае вы мне об этом расскажете.

— Но ваше личное сознание — то, что есть Дом — никогда полностью

не воссоздастся, – сказал Тревиз.

– Конечно, нет. Да и не все ли равно? Я буду частью Геи, а это главное. Среди нас есть мистики, размышляющие, не должны ли мы принять меры к развитию групповой памяти прошлых существований, но ощущения Геи таковы, что этого практически нельзя сделать, да и пользы это не принесет. Это лишь замутит теперешнее сознание. Конечно, если изменятся условия, ощущение Геи изменятся тоже, но я не предвижу такой возможности в обозримом будущем.

– Почему вы должны умереть, Дом? – спросил Тревиз. – Посмотрите только, какой вы в ваши

девянсто лет. Не могло бы групповое сознание...

В первый раз Дом нахмурился.

— Никогда. Я не могу

пожертвовать столь многим. Каждая новая индивидуальность

перегруппировывает молекулы по-новому. Новые таланты, новые

способности, новые жертвования Гее. Мы должны иметь их, а для

этого только один путь. Я сделал больше, чем большинство других, но

даже у меня есть граница, и она приближается. После этого времени

уже все равно, жить или умереть. Желания жить не будет. — И тут, как

бы заметив, что уже настал вечер, он встал, протянув руки к гостям. — Трев

и Пил, позвольте мне проводить вас в мою студию, я покажу вам кое-что из моей коллекции. Не осуждайте старика за это маленькое тщеславие.

Он повел их в другую комнату, где на круглом столе лежали темные линзы, сложенные парами.

— Это, — объяснил Дом, — соучастники, которых я придумал. Я не мастер, но я специалист по неорганике, с которой некоторые мастера не в ладах.

— Могу я взять одну в руки? Они хрупкие?

— Нет, нет. Можете бросить их на пол, если хотите. Впрочем, может быть, лучше не надо. Сотрясение чего доброго испортит резкость

видимости.

— Как ими пользуются?

— Приложите их к глазам, они закрепятся. Они не то, чтобы не пропускают свет, как раз наоборот, затемняют его, чтобы тот не отвлекал вас через глазной нерв. Главное, ваше сознание становится резче и позволяет присутствовать в других планах Геи. Иными словами, если вы смотрите на эту стену, то видите, какой она кажется себе.

— Чудеса! — пробормотал Пилорат. — Можно попробовать?

— Конечно, Пил. Можете взять любую пару наугад. У всех разная конструкция, чтобы показать стену или любой неодушевленный предмет,

на который вы смотрите, в различных аспектах его собственного сознания.

Пилорат приложил к глазам пару линз, и они сразу же прилипли. Он поморгал и надолго застыл в неподвижности.

— Когда закончите, — сказал Дом, — приложите руки к краям линз и прижмите друг к другу. Они сразу снимутся.

Пилорат так и сделал, поморгал глазами и протер их.

— Что вы видели? — спросил Дом.

— Трудно описать. Стена, казалось, мерцала и сверкала, а временами как бы текла. Вроде бы

рябила и изменяла симметричность. Я... простите, Дом, не нахожу это привлекательным.

Дом вздохнул.

— Вы не составляете часть Геи, поэтому вы и не видите того, что видим мы. Я опасался этого. Очень жаль! Уверяю вас, эти соучастники не только радуют глаз своей эстетической ценностью, они имеют и практическое значение. Счастливая стена — это полезная стена.

— Счастливая? — спросил Тревиз, слегка улыбаясь.

— Туманное ощущение, которое испытывает стена, аналогично тому, что мы называем счастьем. Стена счастлива, когда она хорошо

спланирована, когда твердо стоит на фундаменте, когда ее части симметрично сбалансированы и не вызывают неприятного стресса. Хороший дизайн вырабатывается на основе математических принципов механики, но использование точных соучастников может настроить его до атомных измерений. Ни один скульптор на Гее не может создать первоклассные работы без хороших соучастников, а те, которые я произвожу для этого частного случая, считаются — скажу не хвалясь — превосходными.

Одушевление соучастники — они не по моему профилю — дают нам, по аналогии, точное восприятие

экологического баланса. Экологический баланс на Гее прост, как и в других мирах, но здесь мы, по крайней мере, имеем надежду сделать его более сложным, и это безмерно обогатит общее сознание.

Тревиз поднял руку, чтобы опередить слова Пилората, и спросил:

— Откуда вы знаете, что планета может вынести более сложный экологический баланс, если у всех остальных он простой?

— Ах, — воскликнул Дом, и глаза его заблестели, — вы проверяете старика? Вы знаете так же хорошо как и я, что первый дом человечества, Земля, имела

невероятно сложный экологический баланс. Простой баланс только у вторичных миров, ответвленных.

Пилорат не смог молчать.

— Но именно этой проблемой я и занимаюсь всю жизнь. Почему только Земля имела сложную экологию? Что отличало ее от других? Почему миллионы и миллионы других миров Галактики, способных носить жизнь, развили ничем не примечательную растительность и мелкие неразумные формы жизни?

— У нас есть про это легенда, — сказал Дом, — вернее, сказка. Я отнюдь не поручусь за ее достоверность. Вообще-то звучит

она, как вымысел.

В эту минуту в комнату вошла Блис, которая не присутствовала на обеде, и улыбнулась Пилорату. На ней была серебристая, весьма прозрачная блузка.

Пилорат тут же вскочил.

– Я думал, что вы нас покинули.

– Вовсе нет. Я рапортовала о проделанной работе. Могу теперь присоединиться к вам, Дом?

Дом тоже встал, но Тревиз остался сидеть.

– Вы всегда желанны здесь, и радуете глаза старика, – сказал Дом.

– Для вашего удовольствия я и надела эту блузу. Пил выше таких вещей, а Треву они просто не

нравятся.

— Если вы думаете, что я выше таких вещей, Блис, — сказал Пилорат, — я когда-нибудь удивлю вас.

— Наверное, это будет очаровательно, — сказала Блис и села. Оба мужчины тоже сели.

— Я собирался рассказать нашим гостям повесть о Вечности, — сказал Дом. — Чтобы понять ее, вы сначала должны понять, что может существовать множество вселенных — в сущности, бесконечное множество. Каждое простое событие может случиться или не случиться, может произойти таким образом или другим, и каждая из огромного числа

альтернатив в результате даст в будущем курс событий, которые будут отличаться, по крайней мере, на несколько порядков. Блис могла не придти именно сейчас, она могла придти чуть раньше, могла – позже, она могла быть в другой блузке, даже в этой блузке она могла не улыбаться старикам, как она это делает по доброте сердечной. В каждом из этих случаев – или в каждом из очень большого числа других событий – мироздание пойдет в дальнейшем по различным траекториям для всех вариантов всех других событий, вплоть до самых мелких.

Треви́з беспокойно завертелся.

– Я думаю, что это – общая

теория квантовой механики, в сущности, очень древняя.

— А, вы слышали о ней! Но давайте продолжим... Представьте, что человеческое существо имеет возможность заблокировать все это бесконечное число вселенных, шагать по своей воле с одной на другую и выбирать ту, которую он сделает «реальной», что бы это ни означало в данном случае.

Треви́з заметил:

— Я слушаю вас и даже представляю концепцию, которую вы описываете, но не могу поверить, что нечто подобное когда-нибудь может случиться.

— Я тоже, в целом, — согласился

Дом, — поэтому я и сказал, что все это похоже на сказку. Однако сказка утверждает, что были такие, кто мог проходить сквозь время и изучать бесконечные нити потенциальной реальности.

Эти люди назывались Вечными, и, когда они были вне времени, они говорили, что были в Вечности.

Их задачей было выбирать реальность, более всего подходящую человечеству. Они бесконечное число раз меняли выбор, поэтому сказка насыщена деталями. Должен сказать, что она написана в эпической форме и необычайно многословна. Как там сказано, в конечном счете они нашли вселенную, в которой Земля была

единственной планетой во всей Галактике, где можно было найти сложную экологическую систему и развитую разумную форму жизни, способную разработать высокую технологию. Это, по их мнению, была самая безопасная для человечества ситуация. Они заблокировали такую нить событий и на этом прекратили действия. Теперь мы живем в Галактике, населенной лишь человеческими существами и, в более широком смысле, растениями, животными и микроорганизмами, которых люди, вольно или невольно, привезли с собой, и которые, как правило, подавили местную жизнь.

Где-то в туманной дали

множества вероятностей есть другие реальности, в которых Галактика населена многими разумами — но они недостижимы. Мы в нашей реальности — одиноки. Из каждого действия, каждого события в нашей реальности выходят новые ветви, и в каждом отдельном случае только одна является продолжением реальности, так что есть громадное количество потенциальных вселенных — может, и бесконечное — происшедших от нас, но все они предположительно похожи на нашу Галактику с одним разумом — Галактику, в которой мы живем. Я должен был бы сказать — все они сходны, кроме малого процента

исчезнувших, потому что опасно поправлять что-либо, когда возможности приближаются к бесконечности. — Он остановился, слегка пожал плечами и добавил:

— Вот такая повесть. Она написана задолго до основания Геи. И я не ручаюсь за ее достоверность.

Трое других внимательно слушали. Блис кивала головой, как если бы слышала эту историю раньше и теперь проверяла точность рассказа.

Пилорат реагировал молчанием растяннувшимся, на добрую половину минуты, а затем поднял кулак и ударил им по ручке кресла.

— Нет, — воскликнул он,

задыхаясь, — это еще ничего не значит. Нет возможности доказать истинность повести наблюдением или рассуждением, потому что это не вся теория, а только часть ее... Допустим, что все это правда.

Вселенная, в которой мы живем, все еще та, где существует Земля, богата жизнью и разумными видами, так что в этой вселенной — единственная она или не единственная — должно быть что-то уникальное. И мне очень хотелось бы знать, в чем именно заключается эта уникальность.

Последовало молчание. Затем Тревиз зашевелился и покачал головой.

– Нет, Янов, так не выйдет. Давайте, скажем, один шанс на биллионы биллионов, что из миллиарда обитаемых планет Галактики только Земле по чистой случайности удалось развить сложную экологию и, в конечном счете, разум. Таким образом, мы живем во вселенной, где Земля – единственная планета – и которую естественно из биллионов биллионов различных нитей потенциальной реальности выбрала Вечность. Полагаю, – продолжал он задумчиво, – что есть реальности, где разумная жизнь развилась на Гее, или на Сейшел, или только на Терминусе. И во всех этих случаях

есть небольшой процент
реальностей исчезнувших из общего
числа, в которых Галактика имеет не
один вид разума. Я полагаю, что если
бы Вечные смотрели достаточно
долго, они обнаружили бы
потенциальные ветви реальности,
где каждая пригодная для обитания
планета развила бы разумные виды.

Пилорат уточнил:

— Может быть, вы также не
согласны, что была найдена
реальность, где Земля по каким-то
причинам не похожа на Землю в
других ветвях, но каким-то образом
приспособлена для развития разума?
В сущности, вы можете пойти
далее и сказать, что в найденной

реальности вся Галактика была не такой, как в других ветвях, но именно в том состоянии, что разум мог развиваться только на Земле.

— Можно думать и так, — согласился Тревиз, — но я бы считал, что моя версия имеет больше смысла.

— Это, конечно, чисто субъективное решение, — с жаром начал Пилорат, но Дом прервал его, сказав:

— Это четкая логика, но давайте не будем портить предположениями мой приятный свободный вечер.

Пилорат постарался остыть, улыбнулся и сказал:

— Как пожелаете, Дом.

Треви́з, бросив взгляд на Бли́с, которая с притворной скромностью сложила руки на коленях, произнес:

— А как образовался этот мир, Дом? Я говорю про Гею, с ее групповым сознанием.

Седая голова Дома откинулась назад, он громко рассмеялся, и его лицо покрылось морщинами.

— Опять же сказки! Я думал над этим иногда, когда читал записи о человеческой истории. Как бы тщательно они ни записывались, со временем они становятся все более неясными. Рассказы обрастают пухом, легенды скапливаются, как пыль. Чем больше проходит времени, тем пыльнее история, и тем больше

она напоминает сказку.

— Мы, историки, знакомы с этим процессом, Дом, — сказал Пилорат. — У сказок есть определенное преимущество. «Драматическая фальшь вытесняет скучную правду», — сказал Либел Дженерат примерно пятнадцать столетий назад. Теперь это называется законом Дженерата.

— Да? — сказал Дом разочарованно. — А я думал, что эта идея была моим собственным циничным изобретением. Ну, что ж, Закон Дженерата наполнил нашу прошлую историю очарованием и неопределенностью. Вы знаете, что такое робот?

– Узнали на Сейшел, – сухо ответил Тревиз.

– Вы его видели?

– Нет. Нам задали подобный вопрос и тогда мы ответили отрицательным образом.

– Понятно. Когда-то человечество жило с роботами, как вы знаете, но это кончилось плохо.

– Так нам и говорили.

– Роботы были глубоко проникнуты доктриной, которая называлась: «Три Закона Робототехники» и восходила к предыстории. Возможно, было несколько версий этих Трех Законов. По ортодоксальной точке зрения их следует читать:

1. Робот не может причинить вред человеческому существу или; своим бездействием, способствовать этому.

2. Робот обязан подчиняться приказам человека, кроме тех случаев, когда эти приказы противоречат Первому Закону.

3. Робот должен заботиться о собственном самосохранении до тех пор, пока это не входит в противоречие с Первым и Вторым Законами.

Когда роботы стали умнее и многостороннее, они стали истолковывать эти законы, особенно всеобъемлющий первый, все более и более широко и приняли на себя, к

величайшему сожалению, роль защитников человечества. Защита давила людей и стала невыносимой.

Роботы исключительно добры. Их работа была чисто человеческой и предназначалась для общей пользы — что почему-то делало роботов все более невыносимыми.

Каждое робототехническое усовершенствование усугубляло ситуацию. Роботы развили телепатические способности, и это означало, что стало возможным управлять мыслями человека. Допустить это — означало попасть к ним в зависимость.

Внешне роботы становились все более похожими на человека, но по

поведению их можно было безошибочно отличить от людей, и их гуманоидность стала внушать отвращение. Так что, конечно, все пришло к концу.

– Почему «конечно»? – спросил очень внимательно слушавший Пилорат.

– Подобное завершение вполне логично. В конечном счете, роботы настолько далеко шагнули вперед в развитии, что поняли, причину людского недовольства. И роботы решили, что человечество, каким бы несовершенным и беззаботным оно ни было, лучше предоставить самому себе.

Поэтому, говорят, именно

роботы каким-то образом установили Вечность и стали Вечными. Они обосновались в реальности, в которой, как они считали, люди могут быть в относительной безопасности — одни в Галактике. Сделав все возможное, чтобы сберечь нас и выполнить Первый Закон наиболее полно, роботы добровольно перестали функционировать, и с тех пор мы продвигаемся вперед, как умеем, самостоятельно. — Дом сделал паузу, посмотрел на Тревиза и Пилората и спросил:

— Ну, как, верите вы всему этому?

Тревиз медленно покачал

головой.

— Нет. Ни в одной исторической записи, насколько мне известно, нет ничего подобного. А как вы, Янов?

— Есть мифы, в чем-то перекликающиеся с этим.

— Ну, Янов, есть мифы, которые совпадут с любой нашей выдумкой и дадут всему достаточно изобретательную интерпретацию. Я говорю об истории — о достоверных записях.

— Понятно, понятно... Однако, по-моему, ничего такого нет.

— Не удивляюсь, — заметил Дом. — До ухода роботов целые поселения людей ушли колонизировать космос, чтобы

отстоять свою свободу. В основном, они уходили с перенаселенной Земли. Обосновавшись в новых мирах, они даже не хотели вспоминать о своем унижительном положении детей под надзором нянек-роботов. Они не хранили записей, и обо всем этом забыли.

— Не правдоподобно, — буркнул Тревиз.

Пилорат повернулся к нему.

— Нет, Голан, не совсем. Общество творит собственную историю и склонно отбрасывать начало, либо забывая о нем, либо придумывая героев-освободителей. Имперское правительство делало попытки подавить знание о

доимперском прошлом, чтобы усилить мистическую веру вечного правления.

Тогда тоже не было записей о временах до гиперпространственных путешествиях, и вы знаете, что большинству людей не известен сам факт существования Земли.

Треви́з парировал:

— Нельзя идти в двух направлениях, Янов. Если Галактика забыла о роботах, почему о них помнит Гея?

Блис рассмеялась.

— Мы — другие!

— Да? — спросил Треви́з. — В каком смысле?

— Блис, позвольте мне

объяснить, — вмешался Дом. — Мы отличаемся от людей остальной Галактики. Из групп, бежавших от господства роботов, только мы в конечном счете достигли Геи, идя по следу тех, кто дошел до Сейшел, и мы были единственными, кто научился раньше роботов искусству телепатии. Это и в самом деле искусство, знаете ли. Телепатия присуща человеческому мозгу, но развить эти способности можно только очень деликатным и сложным способом.

Лишь через много поколений достигается потенциал, но как только он появился, дальше дело идет само собой. Мы занимались

этим двадцать тысяч лет, и чувство Геи есть тот полный потенциал, который даже теперь не достигнут. Уже давно наше развитие дало нам понятие о групповом сознании — сначала только для людей, затем — животных, потом растений и, наконец, несколько столетий назад — для неодушевленной материи самой планеты.

Вот поэтому мы и не забыли роботов. Мы рассматривали их не как нянек, а как учителей. Мы чувствовали, что они открыли наш мозг чему-то, и мы не хотим, чтобы он закрылся. Мы с благодарностью вспоминаем роботов.

Треви́з сказал:

— Когда-то вы были детьми роботов, а теперь вы дети группового сознания. Разве вы не утратили человеческих свойств теперь, как утратили тогда?

— Это совсем другое, Трев. Теперь мы сделали это по собственному выбору. Нас никто не вынуждал извне, это внутренняя потребность. И это мы никогда не забудем. И еще одно отличие: мы — единственные в Галактике. Нет больше мира, похожего на Гею.

— Как вы можете быть в этом уверены?

— Мы бы знали, Трев, мы бы определили такое же, как у нас, мировое сознание, хоть на другом

конце Галактики. Мы можем определить зарождение такого сознания в вашем Втором Основании, например, около двух столетий назад.

– Во времена Мула?

– Да. Одного из нас. – Дом помрачнел. – Мул был отщепенцем и ушел от нас. Мы были слишком наивны и думали, что это невозможно, и поэтому своевременно не остановили его. Затем, когда мы обратили внимание на Внешние Миры, мы узнали о том, что вы называете Вторым Основанием, и оставили это дело на них.

Треви́з несколько секунд тупо

смотрел для Дома, а потом пробормотал еле слышно:

– Исторические книги терпят крах! – он покачал головой и добавил уже громче. – Гея поступила так из трусости? Он же был на вашей ответственности.

– Вы правы, но когда мы в конце концов обратили свои взгляды к Галактике, то увидели, что до сих пор были слепы, что трагедия Мула оказалась спасительной для нашей жизни. Мы поняли, что опасный кризис когда-нибудь придет и к нам. И все благодаря инциденту с Мулом. К счастью, мы успели принять меры.

– Какой кризис?

– Тот, что грозит нам

уничтожением.

– Не могу этому поверить! Вы устояли перед Империей, перед Мулом, перед Сейшел-Союзом. Ваше групповое сознание может захватить корабль в космосе на расстоянии миллионов километров от планеты. Чего вам бояться? Взгляните на Блис – она даже не встревожена. Она не считает, что кризис наступил.

Блис положила красивую ногу на ручку кресла и повертела ступней перед Тревизом.

– Конечно, я не беспокоюсь, Трев. Вы справитесь с ним.

– Я?! – еле выдавил Тревиз.

Дом подтвердил:

– Гея привела вас сюда, по

крайней мере, сотней мелких ухищрений. Именно вы должны встретиться с кризисом лицом к лицу.

Треviz уставился на старика. Постепенно ошеломление сменилось яростью.

— Я? А почему я? Я-то тут при чем?

— Тем не менее, Трев, — сказал Дом с почти гипнотическим спокойствием, — вы. Только вы. Во всем космосе только вы.

Коллизия

Стор Джиндибел подходил к Гее с той же осторожностью, что и Тревиз, и теперь ее звезда была ярким диском, смотреть на который можно было только через мощные фильтры. Джиндибел задумался.

Сара Нови сидела в стороне и время от времени робко поглядывала на него.

— Мастер! — тихо позвала она.

— В чем дело, Нови? —

растерянно спросил он.

— Вы несчастливы?

Он пытливо взглянул на нее.

— Нет, просто задумался.

Пытаюсь решить, то ли идти быстрее, то ли подождать. Могу я быть храбрым, Нови?

– Я думаю, вы храбрый человек, всегда, Мастер.

– Иногда быть храбрым глупо. Нови улыбнулась.

– Как может ученый Мастер быть глупым? Это солнце или нет, Мастер?

Она указала на экран. Джиндибел молча кивнул. После нерешительной паузы Нови продолжала:

– То самое солнце, что светит на Транторе? Солнце хэмиш?

– Нет, Нови. Это совсем другое солнце. Солнц очень много,

миллиарды.

— А! Я ведь знала это, только не могла поверить. Как это получается, Мастер, что человек что-то знает, но не верит?

Джиндибел слегка улыбнулся.

— В твоей голове, Нови... — начал он и машинально сам оказался в ее мозгу. Как всегда в таких случаях, он мягко прикоснулся к ментальным усикам, чтобы она была спокойна и не встревожилась, и снова вышел бы, как всегда, если бы что-то не потянуло его обратно.

То, что он ощутил, может быть описано только ментальными выражениями, но, говоря метафорически, мозг Нови светился.

Свечение было чрезвычайно слабым.

Это могло быть только от присутствия ментального поля, наложенного изнутри – ментального поля такой интенсивности, что тончайшие приемные функции хорошо тренированного мозга Джиндибела едва могли определить его, несмотря на исключительную гладкость ментальной структуры.

– Нови, как ты себя чувствуешь? – резко спросил он.

Нови широко распахнула глаза.

– Хорошо, Мастер.

– Голова не кружится? Закрой глаза и сиди абсолютно спокойно, пока я не скажу «хватит».

Она послушно закрыла глаза.

Джиндибел тщательно убрал все посторонние ощущения из ее мозга, успокоил ее мысли, сгладил эмоции, прощупывал, прощупывал... Он не ощущал ничего, кроме свечения, а оно было таким слабым, что советник почти уверовал в его отсутствие.

— Хватит, — сказал он, и Нови снова открыла глаза. — Как ты себя чувствуешь, Нови? — спросил он.

— Очень хорошо, Мастер. Отдохнула.

Ясно, поле было слишком слабым, чтобы произвести на нее какой-либо заметный эффект. Джиндибел повернулся к компьютеру и стал биться с ним. Он

не мог допустить, чтобы он и компьютер не объединились до конца. Возможно, это затруднялось тем, что он слишком часто пользовался лишь своим мозгом и ему было трудно работать с посредником. Но ведь он использовал корабль, а не мозг, а первоначальный поиск можно было сделать более эффективным, если использовать компьютер.

В конце концов, он обнаружил тот тип корабля, о присутствии которого подозревал. Он был в полумиллионе километров отсюда и очень напоминал корабль самого Джиндибела, только покрупнее и поизысканнее.

Как только корабль был определен с помощью компьютера, Джиндибел мог позволить своему мозгу осмотреть его непосредственно. Он послал точно направленный луч и ощутил (или ментальный эквивалент этого слова) корабль внутри и снаружи.

Затем он направил мозг к планете Гея, приблизил его на несколько километров... и отдернул. Где находился источник поля установить не удалось.

— Нови, я бы хотел, чтобы ты сидела рядом со мной, если что-то произойдет.

— Опасность, Мастер?

— Тебя это ни в коем случае не

коснется, Нови. Я присмотрю за тем, чтобы ты была спокойна и в безопасности.

— Мастер, я не хочу быть спокойной и в безопасности. Если есть опасность, я хочу помочь вам.

Джиндибел смягчился.

— Нови, ты уже помогла. Благодаря тебе я узнал об одной мелочи, которую важно было узнать. В противном случае, я бы увяз в болоте, и вряд ли бы выбрался.

— Я сделала это своим мозгом, Мастер, как вы это однажды объяснили?

— Именно так, Нови. Ни один прибор не может сравниться с ним в чувствительности. Даже мой

собственный мозг — он слишком забит информацией.

По лицу Нови разлилось блаженство.

— Я так рада, что могу помочь...

Джиндибел улыбнулся и кивнул, а затем испытал недовольство собой и раскаяние — ему не следовало бы прибегать к посторонней помощи. Какое-то детское упрямство восставало в нем. Это была его работа — и только его одного.

Однако сейчас он не чувствовал себя одиноким. Шансы поднимались...

На Транторе Квиндор Шандис чувствовал, что ответственность за

главенство над Спикерами навалилось на него с удушающей тяжестью. С тех пор как корабль Джиндибела исчез во мраке за атмосферой, он не созывал Совет. Он запутался в собственных мыслях.

Разумно ли было позволять Джиндибелу уехать под собственную ответственность? Джиндибел был блестящим ученым, но не настолько, чтобы это давало ему возможность быть самонадеянным. Главным его недостатком была заносчивость, но главным недостатком самого Шандисса (он с горечью подумал об этом) — возрастная слабохарактерность.

Все чаще ему приходило в

голову, что прецедент Прима Палвера, пролетавшего через всю Галактику для наведения порядка, был прецедентом опасным. Мог ли кто-нибудь другой быть Примом Палвером? Даже Джиндибел? Прим Палвер брал с собой жену...

Верно, Джиндибел взял с собой эту женщину-хэмиш, но она не имела никакого значения. А жена Прима Палвера тоже была Спикером...

Шандисс чувствовал, что стареет с каждым днем, и ждал известий от Джиндибела, и каждый день, не приносивший известий, усиливал напряжение.

Нужно послать флотилию...

Нет, Совет не позволит.

Однако...

Когда зов, наконец, пришел, Шандисс спал — тяжелым, мучительным сном, не приносящим облегчения. Ночь была ветреная, и ему сначала было трудно уснуть. Он, как ребенок, слышал в шуме ветра воображаемые голоса.

Последней его мыслью перед тем, как он провалился в изнуряющий сон, было тоскливое ощущение отставки. Он был готов, но знал, что не имеет права, потому что Деларме тут же займет его место. И когда пришел зов, он тотчас очнулся и сел на постели.

— С вами все в порядке? — первым делом спросил он.

– Абсолютно, Первый Спикер, – ответил Джиндибел. – Нужно ли установить визуальную связь для полного общения?

– Позже, возможно, – ответил Шандисс, – Сначала опишите ситуацию?

Джиндибел заговорил осторожно, чувствуя, что Шандисс только что проснулся и ощущая его глубокую усталость.

– Я по соседству с обитаемой планетой под названием Гея, о существовании которой в галактических каталогах нет и намека, насколько я знаю.

– Мир, работающий над улучшением плана? Анти-Мулы?

– Возможно, Первый Спикер. Есть основания так думать. Во-первых, корабль, несущий Тревиза и Пилората, ушел далеко по направлению к Гее и, вероятно, приземлился там. Во-вторых, здесь, в космосе, в полумиллионе километров от меня, военный корабль Первого Основания.

– Беспричинного интереса не бывает.

– Первый Спикер, это, вероятно, вполне определенный интерес. Я здесь потому лишь, что следую за Тревизом, и военный корабль может быть по той же причине. Остается только спросить, зачем здесь Тревиз?

– Вы собираетесь идти за ним к

планете, Спикер?

— Я думал об этой возможности, но кое-что произошло. Я сейчас в ста миллионах километров от Геи и чувствую в космосе вокруг меня ментальное поле — исключительно слабое. Я бы вообще о нем не узнал, но заметил фокусирующий эффект в мозгу женщины-хэмиш. У нее необычный мозг, именно поэтому я и согласился взять ее с собой.

— Значит, вы были правы, предполагая это. Как вы думаете, Спикер Деларме знала об этом?

— Когда она настаивала, чтобы я взял с собой женщину? Вряд ли. Но я лишь получил преимущество от этого, Первый Спикер.

— Рад за вас. Значит, вы думаете, Спикер Джиндибел, что поле создает планета?

— Для проверки необходимо было провести измерения в широком спектре разброса точек, для определения главной сферической симметрии поля. Мой ненаправленный ментальный зонд сделал это вроде бы хорошо, но неточно. А дальнейшие исследования в присутствии военного корабля Первого Основания вряд ли разумны.

— Полагаю, корабль — не угроза?

— Может быть. Но я не вполне уверен, что этот корабль не является источником поля, Первый Спикер.

— Но они...

– Простите, Первый Спикер, но позвольте мне прервать вас. Вы не знаете, как далеко продвинулось техническое развитие Первого Основания. Они действуют с удивительной самоуверенностью, и у них могут быть неприятные для нас сюрпризы. Вполне возможно, что они научились управлять ментальностью с помощью какого-нибудь прибора. Короче говоря, Первый Спикер, я стою либо перед военным кораблем с ментальными силами, либо перед планетой с мощным ментальным потенциалом.

Если это корабль, то менталисты, видимо, слишком слабы, чтобы остановить меня, но

могут замедлить мое продвижение, и тогда физическое оружие корабля уничтожит меня. С другой стороны, если источник — планета, тогда поле, определяемое на таком расстоянии, может означать огромную интенсивность на поверхности — управлять им я не смогу.

В том и другом случае придется установить сеть, чтобы в ней, в случае нужды, были в моем распоряжении все ресурсы Трантора.

Первый Спикер задумался.

— Тотальная сеть. К этому никогда не прибегали, даже не помышляли — кроме как во времена Мула.

— Этот кризис может быть

опаснее, чем кризис Мула.

– Не знаю, согласится ли Совет.

– Не думаю, что вы должны спрашивать его согласия, Первый Спикер. Вы должны упираться на крайнюю необходимость.

– Какое оправдание я им представлю?

– Передайте им то, что я рассказал вам, Первый Спикер.

– Спикер Деларме скажет, что вы некомпетентный трус, спятивший от собственных страхов.

Джиндибел помолчал и сказал:

– Не сомневаюсь, что она скажет что-нибудь в этом роде, Первый Спикер, но пусть говорит, что хочет, я переживу. На карту

теперь поставлены не моя гордость или самолюбие, но само существование Второго Основания.

Харла Бранно угрюмо улыбнулась.

— Я думаю, мы можем поспешить с этим. Я готова.

— Вы все еще уверены, что поступаете правильно? — спросил Кодил.

— Если бы я была сумасшедшая, как вы пытаетесь уверить меня, Лионо, разве вы остались бы со мной на этом корабле? Кодил пожал плечами.

— Вероятно. Тогда я был бы здесь ради ничтожного шанса, что смогу

остановить вас, мадам мэр, отвлечь вас, как-то воспрепятствовать, наконец, пока вы не зашли слишком далеко. И, конечно, если вы в здравом рассудке...

— Да?

— Ну, тогда я бы не хотел, чтобы историки будущего вообще упоминали о вас. Пусть установят, что я был здесь, с вами, и раздумывают, кого, в сущности, следует хвалить. Вы согласны?

— Разумно, Лионо, но совершенно бесполезно. Я была властью за тронем слишком долго, чтобы кто-нибудь мог подумать, что я допущу такой феномен в своей собственной администрации.

– Посмотрим...

– Нет, не сможем, потому что такие исторические суждения придут лишь после нашей смерти. Однако я не боюсь. Ни за свое место в истории, ни за это, – она указала на экран.

– Корабль Кампера, – сказал Кодил.

– Верно, корабль Кампера, но без Кампера на борту. Один из наших кораблей-разведчиков наблюдал за перемещением. Корабль Кампера был остановлен другим кораблем. Два человека с него перешли к Камперу, а через некоторое время Советник перешел на тот корабль. – Бранно потирала руки. – Тревиз

отменно выполнил свою роль. Он притянул молнию. Корабль, что остановил Кампера, принадлежал Второму Основанию.

— С чего вы это взяли, хотел бы я знать? — спросил Кодил, набивая трубку.

— Потому что я всегда подозревала, не находится ли Кампер под влиянием Второго Основания. Его жизнь была слишком гладкой. Все всегда перед ним расступались, и он был слишком уж опытен в космической слежке. Его предательство по отношению к Тревиз вполне могло быть просто политикой честолюбца, но он сделал это с такой изощренной

тщательностью, словно тут было нечто большее, чем личное честолюбие.

— Это все предположения, мэр!

— Предположения

подтвердились, когда он последовал за Тревизом через множество прыжков так же легко, как через один.

— Ему помогал компьютер, мэр.

Бранно откинула назад голову и рассмеялась.

— Мой дорогой Лионо, вы так заняты придумыванием хитроумных интриг, что забываете об эффективности простых процедур. Я послала Кампера следовать за Тревизом не потому, что нуждалась в

слежке за ним. Зачем она была нужна?

Как бы не желал Тревиз сохранить все свои передвижения в тайне, он не мог не привлечь к себе внимания в любом нефедеральном мире, который он мог посетить. Современный корабль Основания, сильный терминусский акцент, кредиты Основания — все это автоматически окружало его ореолом известности.

В любом экстренном случае он обратился бы в посольство Основания за помощью, когда он это сделал на Сейшел, мы тут же узнали бы обо всем, причем независимо от Кампера.

– Нет, – продолжала она задумчиво, – Кампер был послан для проверки Кампера, и проверка удалась, потому что мы сознательно дали ему не совсем исправный компьютер. Он был, конечно, не настолько дефективным, чтобы стать неуправляемым, но был явно недостаточно проворен, чтобы помочь Камперу в преследовании через множество прыжков. Однако Кампер ухитрился проделать все без затруднений.

– Я вижу, вы очень о многом не говорили, мэр, пока не решили, что пора это сделать.

– Я держу в секрете от вас те дела, о которых вам лучше не знать.

Я восхищаюсь вами и работаю с вами, но у моего доверия есть границы, как и у вашего — по отношению ко мне. Пожалуйста, не трудитесь отрицать.

— Я и не собираюсь этого делать, — сухо сказал Кодил, — и когда-нибудь, мэр, напомню вам об этом. Кстати, осталось еще что-нибудь, о чем я должен узнать? Что за корабль остановил Кампера? Конечно, если Кампер представитель Второго Основания, то это их корабль.

— С вами всегда приятно говорить, Лионо. Вы быстро схватываете. Второе Основание, видите ли, не заботится о том, чтобы

скрывать свои следы. Оно полагается на свои средства защиты, которые делают эти следы невидимыми, даже когда они заметны. Члену Второго Основания никогда не придет в голову воспользоваться кораблем чужого производства, даже если он узнает, как четко мы можем установить происхождение корабля по типу используемой энергии: он всегда может стереть это знание из любого мозга, стоит ли трудиться скрываться? Ну, так вот, наш разведчик установил происхождение корабля, который подошел к Камперу.

— Теперь, я полагаю, Второе Основание сотрет это знание из нашего мозга.

— Если сможет, — сказала Бранно, — возможно, когда они попытаются, то обнаружат, что кое-что изменилось.

— Раньше вы говорили, что знаете, где Второе Основание. Вы хотели сначала заняться Геей, а потом Трантором. Из этого я сделал вывод, что тот корабль транторианского происхождения.

— Ваш вывод верен. Вы удивлены?

Кодил медленно покачал головой.

— Ничуть. Эблинг Мис, Торан Дарелл и Бейта Дарелл все побывали на Транторе, когда был остановлен Мул. Аркадия Дарелл, внучка Бейты,

родом с Трантора, еще раз посещала планету, когда само Второе Основание предположительно прекратило существование. В ее отчете о событиях ключевую роль играл Прим Палвер, появившийся очень уж своевременно, и он был транторианским торговцем. Я бы считал, что Второе Основание явно было на Транторе, где, кстати, жил и сам Хари Селдон во время организации обоих Оснований.

— Ясно, если не считать того, что никто никогда не намекал на такую возможность. Второе Основание позаботилось об этом. Именно это я и имела в виду, когда говорила, что им не нужно скрывать свой след,

когда они легко могут устроить так, чтобы никто не смотрел на этот след, или стереть из памяти следы, если их все-таки увидели.

— В таком случае, — заметил Кодил, — давайте не будем слишком приглядываться к тому, что они, возможно, желают показать нам. Как вы полагаете, каким образом Тревиз мог решить, что Второе Основание существует? Почему Второе Основание не остановило его?

Бранно подняла свои искривленные ревматизмом пальцы и стала загибать их.

— Во-первых, Тревиз весьма необычный человек, который, при всей своей неуравновешенности,

имеет нечто, куда я не смогла проникнуть. Он может быть особым случаем. Во-вторых, Второе Основание не было полностью несведущим:

Кампер был на «хвосте» у Тревиза с самого начала и выдал его мне. Я надеялась остановить Тревиза без Второго Основания, чтобы избежать риска открытого вмешательства. В-третьих, когда я поступила не совсем так, как предполагалось — ни казни, ни тюрьмы, ни стирания памяти, ни психического зондирования мозга; а когда я просто выслала его в космос, Второе Основание пошло дальше. Оно сделало прямой ход, послав

следом за ним свой корабль. — Она добавила с удовольствием:

— Ох, какой замечательный громоотвод!

— А наш следующий ход? — спросил Кодил.

— Мы бросим вызов этому члену Второго Основания, который теперь перед нами. Мы пойдем к нему не торопясь и прямо сейчас.

Джиндибел и Нови сидели рядом перед экраном.

Нови была испугана, и Джиндибел отчетливо ощущал это, ровно как и то, что она отчаянно боролась со своим страхом. Джиндибел ничем не мог ей помочь

в этой борьбе, считая, что касаться ее мозга в этот момент неразумно, так как это изменило бы ее реакцию на окружающее их ментальное поле.

Военный корабль Основания приближался медленно — но неуклонно. Это было большое судно, с экипажем, наверное, не меньше шести человек, если судить по прошлому опыту борьбы с кораблями Основания. Вооружение корабля, как полагал Джиндибел, было достаточным, чтобы держать поодаль, а при необходимости и разметать флот, составленный из всех кораблей Второго Основания — если бы эти корабли были оснащены только физическим оружием.

Так что приближение военного корабля к простому кораблю, управляемому членом Второго Основания, позволяло сделать некоторые выводы. Даже если корабль обладал ментальной способностью, он, наверное, не пошел бы прямо в зубы Второму Основанию. Более вероятно, что он идет так от незнания — в какой-то мере, это могло быть так...

Это могло означать, что капитан военного корабля не знал о перемещении Кампера, или, что Кампера заменил член Второго Основания, или вообще не знал о существовании Второго Основания.

Или же — Джиндибел решил

рассмотреть все возможности — корабль обладает ментальной силой и приближается, полный самонадеянности. Это могло означать только, что либо корабль управляется маньяком, либо обладает такой мощью, о какой Джиндибел и понятия не имеет.

Но, все же, это предположения, а не окончательные выводы...

Он осторожно проверил мозг Нови. Она не могла сознательно ощущать ментальное поле, как это мог делать Джиндибел, но зато мозг Джиндибела не мог определить такое слабое поле, какое замечал мозг Нови. Этот парадокс следовало бы изучить в будущем: он может дать

плоды куда большей важности, чем проблема приближающегося корабля.

Джиндибел ухватился за эту возможность интуитивно, когда впервые заметил необычную гладкость и симметричность мозга Нови, и гордился этой своей интуицией. Спикеры всегда гордились силой интуиции, но какой толк от этих сил, если Спикеры не умели измерять поля физическими методами, и, следовательно, не понимали, что они, в сущности, делают. Не трудно прикрыть свое неведение мистическим словом «интуиция». А в какой степени это неведение зависело от недооценки важности сравнения физического и

ментального?

Много ли пользы от слепой самонадеянности?

Когда он, Джиндибел, станет Первым Спикером, это должно измениться.

Надо было каким-то образом сузить техническую брешь между Основаниями.

Второе Основание не может вечно стоять перед возможностью уничтожения каждый раз, когда ментальная монополия слегка ослабевает.

В самом деле, монополия сейчас, возможно, ускользает. Видимо, Первое Основание продвинулось в этом, или тут союз

между Первым Основанием и Анти-Мулами. Такая мысль впервые пришла в голову Джиндибелу, и он содрогнулся.

Его мысли об этом пронеслись через его мозг с обычной для Спикеров скоростью, и пока он думал, то продолжал ощущать свечение мозга Нови в ответ на слабое ментальное поле вокруг них. Оно не становилось сильнее с приближением военного корабля Основания.

Само по себе это не являлось указанием, что военный корабль не был оснащен ментальным оружием. Хорошо известно, что ментальное оружие не подчиняется закону

квадрата расстояния. Оно не становится сильнее, когда квадрат расстояния между излучателем и приемником уменьшается. В этом оно отличалось от электромагнитного и гравитационного полей. Однако, хотя ментальные поля слабо изменяются с расстоянием, они все же чувствительны к нему. Реакция мозга Нови должна была показать заметный рост по мере приближения военного корабля.

Как случилось, что ни один член Второго Основания за пятьсот лет после Хари Селдона ни разу не подумал о создании математического соотношения между ментальной

интенсивностью и расстоянием? Это пренебрежение к физическим наукам можно и должно прекратить — поклялся себе Джиндибел.

Если военный корабль обладал ментальными силами и чувствовал, что приближается к члену Второго Основания, разве он не должен был увеличить интенсивность поля до максимума перед приближением? И в этом случае не должен ли мозг Нови уверенно зарегистрировать увеличение?

Однако этого не произошло!

Джиндибел уверенно исключил возможность, что корабль является источником поля. Корабль шел вперед от неведения и, видимо,

большой угрозы из себя не представлял.

Правда, воздействие все еще существовало, но шло с Геи. Это было достаточно неприятно, но сиюминутной проблемой был военный корабль. Когда эта проблема будет решена, он обратит внимание на мир Анти-Мулов.

Он ждал. Военный корабль должен сделать какое-нибудь движение или подойти достаточно близко, чтобы уверенно перейти в нападение.

Корабль приближался теперь уже на полной скорости, но пока ничего не предпринимал. В конце концов, Джиндибел рассчитывал, что

сила его удара может оказаться достаточной. Это будет безболезненно, вряд ли даже сколь-нибудь неприятно – просто люди на борту обнаружат, что широкие мышцы их спин и других частей тела хоть и слушаются их, но очень неохотно.

Джиндибел сузил ментальное поле, управляемое его мозгом. Поле стало интенсивным и метнулось со скоростью света через брешь между кораблями.

А затем Джиндибел попятился в безмерном удивлении.

Военный корабль Основания обладал эффективным ментальным полем, которое выигрывало в

плотности в той же пропорции, в какой поле Джиндибела выигрывало в интенсивности. Военный корабль приближался отнюдь не в неведении — у него было защитное оружие.

— Ах, — сказала Бранно, — он пытался атаковать, Лионо, видите?

Стрелка на психометре двигалась и дрожала.

Ученые Основания разрабатывали ментальный щит в течение ста двадцати лет в самом строгом секрете, сравнимым разве только с тайной разработкой психоисторического анализа Хари Селдона. Пять поколений ученых работало, постепенно улучшая

прибор.

Но никакое продвижение не было возможно до изобретения психометра, который мог указывать направление и позволил перейти к следующей стадии.

Никто не мог объяснить, как он работает, но все указывало на то, что он измеряет неизмеримое и описывает неопишваемое...

Бранно чувствовала — и это чувство разделяли некоторые ученые — что если Основание сможет объяснить работу психометра, в контроле над мозгом оно сравняется со Вторым Основанием.

Но это в будущем. А сейчас достаточно и щита, прикрывающего

их.

Бранно послала сообщение, переданное мужским голосом, лишенным обертонов, так что он был ровным и мрачным.

«Вызывается корабль Яркая Звезда и занимающие его. Вы насильно захватили корабль Флота Федерации Основания, действуя пиратским Образом.

Немедленно сдавайтесь, или будете атакованы».

Ответ пришел естественным

ГОЛОСОМ:

«Мэр Бранно с Терминуса, я знаю, что вы на корабле. Яркая Звезда не была захвачена пиратским образом. Я был свободно приглашен на борт ее законным капитаном Маном Ли Кампером с Терминуса. Я прошу временного перемирия для переговоров о делах, одинаково важных для нас обоих».

Кодил шепнул Бранно:

— Дайте мне поговорить, мэр.

Она высокомерно подняла руку.

— Ответственность на мне,
Лионо!

Наладив передатчик, она сказала почти таким же искусственным ГОЛОСОМ:

– Человек Второго Основания, поймите свое положение. Если вы немедленно не сдадитесь, мы можем выкинуть ваш корабль из космоса со скоростью света, и готовы это сделать. Мы не станем медлить, поскольку вы не знаете ничего такого, ради чего стоило бы сохранить вашу жизнь. Покончив с вами, мы готовы иметь дело с Трантором. Мы позволим вам сказать то, что вы хотели, но так как сомневаемся в ценности этой информации, долго слушать не собираемся.

– В таком случае, – сказал Джиндибел, – я скажу кратко и точно. Ваш щит несовершенен. Вы

переоцениваете его и недооцениваете меня. Я могу управлять вашим мозгом и контролировать его. Вероятно, не так легко, как без щита, но и без особого труда. Как только вы попытаетесь пустить в ход какое-либо оружие, я ударю вас. И поймите вот что: без щита я могу управлять вашим мозгом осторожно, не травмируя его, со щитом же придется пробивать его, и я могу это сделать, но не смогу тогда управлять вами мягко и быстро.

Ваш мозг будет пробит, как щит, непоправимо. Иными словами, вы не можете остановить меня, я же, со своей стороны, могу остановить вас, но буду вынужден дать вам худшее,

чем смерть: я сделаю вас безмозглой куклой. Вы хотите рискнуть?

— Вы знаете, что не можете сделать этого, — сказала Бранно.

— Значит, желаете идти на риск? — спросил Джиндибел с холодным равнодушием.

Кодил наклонился и прошептал:

— Ради Селдона, мэр...

Джиндибел перебил:

— Я слежу за вашими мыслями, Кодил. Нет необходимости шептать. Я также слежу за мыслями мэра, она колеблется, так что вам пока нечего паниковать. И из того факта, что я знаю, становится очевидным, что ваш щит протекает.

— Его можно укрепить, — с

ВЫЗОВОМ ОТВЕТИЛА МЭР.

— Так же, как и мою ментальную силу, — парировал Джиндибел.

— Но я спокойно сижу здесь и расходую лишь физическую энергию, поддерживая щит, и меня хватит надолго. А вы тратите ментальную энергию, чтобы пробить щит, и скоро устанете.

— Я не устал, — возразил Джиндибел. — В настоящий момент вы неспособны отдавать приказы ни экипажу вашего корабля, ни любому другому кораблю. Это я смог устроить без вреда для вас, но не делайте никаких особых усилий, потому что, если я соответственно увеличу свою силу, вы пострадаете,

как я уже говорил.

— Что ж, я подожду, — заявила Бранно, сложив руки на коленях, демонстрируя невероятное терпение. — В конце концов вы устанете, и тогда мы отдадим приказ — не уничтожать вас — поскольку вы станете безвредны — но послать флот Основания против Трантора. Если хотите сохранить мир — сдавайтесь. Второе разрушение не оставит в целости вашу организацию, как это было в первый раз, во время Великого Разграбления.

— Даже если я и почувствую усталость, мэр, вы этого не увидите. Я могу спасти свою планету, уничтожив вас еще до того, как моя

сила иссякнет.

— Вы этого не сделаете. Ваша главная задача — поддерживать план Селдона. Уничтожение мэра Терминуса и, следовательно, подрыв престижа Первого Основания, основ его власти, и ободрение его врагов произведет такой срыв плана, что это окажется немногим лучше для вас, чем разрушение Трантора. Так что сдавайтесь.

— Вы хотите сыграть на моем нежелании уничтожать вас?

Бранно глубоко вздохнула и твердо сказала:

— Да!

Кодил, сидевший рядом, побледнел.

Джиндибел вглядывался в изображение Бранно, возникшее в кабине прямо перед переборкой. Оно слегка мерцало и затуманивалось из-за интерференции щита. Черты мужчины рядом с ней почти полностью расплывались в тумане, потому что Джиндибел не собирался тратить на него энергию. Он сосредоточился на мэре.

У Бранно наверняка не было его изображения. Она не знала, что он тоже не один. Она не могла ни о чем судить ни по его лицу, ни по языку. В этом смысле она была в невыгодном положении.

Все, что он говорил, было правдой. Он мог сокрушить ее

огромным выбросом ментальной энергии и при этом вряд ли избежал разрушения ее мозга.

Но и она сказала правду: ее уничтожение нанесет плану ущерб не меньший, чем нанес Мул. В сущности, новый ущерб может оказаться более серьезным, поскольку он более поздний и остается меньше времени на исправление неверного шага.

Еще хуже – здесь была Гея с ее ментальным полем. На секунду он коснулся мозга Нови – удостовериться, что поле все еще здесь, и оно не изменилось.

Нови не могла почувствовать его прикосновения, но, тем не менее,

она повернулась к нему и сказала шепотом:

– Мастер, здесь какой-то слабый туман. Вы об этом говорили?

Видимо, она почувствовала туман через незначительную связь между ними. Джиндибел приложил палец к губам.

– Не бойся, Нови. Закрой глаза и отдыхай. – Он возвысил голос:

– Мэр Бранно, ваша игра в этом смысле правильна. Я не хотел бы уничтожать вас немедленно, поскольку думаю, что если кое-что объясню вам, вы прислушаетесь к голосу разума и не потребуете уничтожения ни той, ни другой стороны.

Допустим, мэр, что вы победили, а я сдался. Ну и что затем? В эйфории самонадеянности и неумеренного доверия к вашему щиту вы и ваши приемники будут пытаться распространить свою власть на всю Галактику с излишней поспешностью. Поступив так, вы действительно отсрочите установление Второй Империи, потому что этим вы разрушите план Селдона.

— Меня не удивляет, — заметила Бранно, — что вы не желаете уничтожить меня немедленно, и я думаю, что, посидев здесь, вы поймете, что вообще не решитесь уничтожить меня.

– Не радуйтесь раньше времени! Послушайте. Основная часть Галактики не входит в Основание и в большинстве настроена против него. Даже некоторая часть Федерации Основания не может забыть своей былой независимости. Если Основание двинется слишком быстро в кильватере своей победы надо мной, это лишит остальную Галактику ее главных собственных слабостей – разобщенности и нерешительности. Вы заставите их объединиться в страхе и дадите толчок к мятежу.

– Вы грозите сломанной дубинкой, – возразила Бранно. – Мы в состоянии легко справиться со

всеми врагами, даже если каждый мир Галактики, не входящий в Основание, выступит против нас и даже если Им станут помогать мятежники в половине планет Федерации. Тут никаких проблем.

— Никаких сиюминутных проблем, мэр. Не делайте ошибки, глядя только на немедленные результаты. Вы можете установить Вторую Империю, просто провозгласив ее, но вы ее не удержите. Вам придется снова завоевывать ее каждые десять лет.

— Мы будем делать это, пока миры не устанут!

— Они не устанут, как и я. И процесс не затянется надолго,

потому что у псевдоимперии, которую вы провозгласите, будет вторая, более грозная опасность. Поскольку Империю можно временно поддержать только все увеличивающейся военной силой, генералы Основания станут важнее и могущественнее гражданских властей. Псевдоимперия будет разбита на военные регионы, внутри которых отдельные командиры станут верховными правителями.

Начнется анархия — и вы скатитесь в варварство, которое может продлиться более тридцати тысяч лет, предсказанных Селдоном.

— Детские угрозы. Даже если бы математика плана Селдона

предсказала все это, предсказания были бы только вероятными, но не неизбежными.

– Мэр Бранно, забудьте о плане Селдона. Вы не понимаете его математики и не можете себе представить ее рисунок. У вас его и нет, вероятно. Вы – искушенный и удачливый, судя по посту, политик; более того, вы – храбрый политик, судя по игре, которую вы сейчас ведете, поэтому пользуйтесь своими достоинствами разумно. Вспомните политическую и военную историю человечества и рассмотрите ее в свете того, что вы знаете о человеческой натуре – как и народ, политики и военные действуют,

реагируют, взаимодействуют – и вы увидите, что я прав.

– Если вы и правы, член Второго Основания, мы должны идти на риск. С правильным лидерством и продолжением технологического развития – как в физическом, так и в ментальном отношениях – мы можем взять верх. Хари Селдон, строго говоря, никогда не рассчитывал на такое развитие. Он просто не мог. Где в плане Селдона ссылка на развитие ментального щита у Первого Основания? В любом случае, зачем нам держаться плана? Мы рискнем образовать Империю и без него. Мы не желаем Империи, в которой будем марионетками,

приводимыми в действие Вторым Основанием.

– Вы говорите так, потому что не понимаете, что ваше падение будет падением для всего народа Галактики.

– Возможно! – упрямо согласилась Бранно – Вы начинаете уставать, член Второго Основания?

– Отнюдь нет. Позвольте мне предложить альтернативное решение, о котором вы не думали – решение, при котором не нужно сдаваться ни мне, ни вам. Мы вблизи планеты, называемой Геей.

– Я это знаю.

– А вы знаете, что она, вероятно, родина Мула?

— Я хочу чего-то более очевидного, чем просто утверждение насчет этого.

— Планета — окружена ментальным полем. Это дом многих Мулов. Если вы выполните свою мечту и уничтожите Второе Основание, вы сделаете себя рабами этой планеты Мулов. Какой вред нанесли вам когда-то члены Второго Основания — настоящий вред, а не воображаемый или теоретический? А теперь спросите себя, какой вред нанес вам один-единственный Мул?

— У меня все еще нет ничего, кроме вашего утверждения.

— Пока мы остаемся здесь, я не могу вам дать ничего более. Поэтому

я предлагаю перемирие. Оставайтесь на своем корабле, если не доверяете мне, но будьте готовы сотрудничать со мной. Давайте подойдем вместе к этой планете, и когда вы убедитесь, что она опасна, я аннулирую ее ментальное поле, а вы прикажете своим кораблям захватить ее.

— А потом?

— А потом — в крайнем случае — Первое Основание против Второго, без внешних сил, с которыми нужно считаться. Тогда сражение будет честным, в то время как сейчас оба Основания в безвыходном положении.

— Почему вы не сказали этого раньше?

– Я думал, что смогу убедить вас, что мы не враги, что мы можем сотрудничать. Поскольку мне, похоже, это не удалось, я в любом случае предлагаю вам сотрудничество.

Бранно помолчала, задумчиво склонив голову.

– Вы хотите усыпить меня колыбельной песенкой. Каким образом вы один можете аннулировать ментальное поле целой планеты? Планеты Мулов? Мысль настолько нелепая, что я не могу поверить в искренность вашего предложения.

– Я не один. Со мной вся мощь Второго Основания, и эта мощь,

пройдя через меня, поработает с Геей. Больше того, она может в любое время смахнуть ваш щит, как зыбкий туман.

— Если так, зачем вам моя помощь?

— Во-первых, потому что аннулирование поля — это еще не все. Второе Основание не может посвятить себя ни сейчас, ни в будущем вечной задаче аннулирования, как и я не могу потратить остаток своей жизни на то, чтобы танцевать с вами словесный менуэт. Нам нужна техническая мощь ваших кораблей. Кроме того, если я не могу убедить вас, что оба Основания должны

видеть друг в друге союзников, возможно, вас убедит в этом приключение чрезвычайной важности.

Секунда молчания. Затем Бранно сказала:

– Я подойду к Гее поближе, если мы можем идти вместе. Сверх этого никаких обещаний не даю.

– Этого, вероятно, достаточно, – сказал Джиндибел, наклоняясь к компьютеру.

Но тут заговорила Нови:

– Нет, Мастер, в данном случае это не имеет значения, но прошу вас, не идите дальше. Мы должны ждать советника Тревиза с Терминуса.

Решение

Пилорат сказал с легким раздражением:

– В сущности, Голан, никто, кажется, не задумывается о том, что впервые за сравнительно долгую жизнь – но не чрезмерно долгую, уверяю вас, Блис, – я путешествовал по Галактике. Каждый раз, когда я попадал на новую планету, я снова уходил в космос, не имея возможности изучить ее. Сейчас – уже второй раз.

– Да, – сказала Блис, – но если бы вы не оставили быстро ту планету, вы не встретили бы меня.

Так что в первый раз это было правильно.

— Да честно говоря, моя... моя дорогая, это было правильно.

— И на этот раз, Пил, вы возможно, покинете планету, но не со мной, ведь я-Гея — часть ее...

Треви́з, хмуро слушавший этот диалог, вмешался:

— Это возмутительно. Почему Дом не едет с нами? О, космос, я никогда не привыкну к этим сложностям. В имени двести пятьдесят слогов, а мы пользуемся только одним... Почему не летит он — вместе со всеми своими слогами? Если дело такое важное, если все существование Геи зависит от него —

почему он не летит с нами, чтобы направлять нас?

– Я здесь, Трев, – сказала Блис, – а я столько же Гея, сколько и он. – Искоса взглянув на него, она добавила: – Вам неприятно, что я называю вас Трев?

– Да. Я имею такое же право на свой обычай, как и вы. Меня зовут Тревиз. Два слога. Тре-виз!

– Отлично, я не хотела рассердить вас, Тревиз.

– Я не сержусь. Просто мне надоело. – Он внезапно вскочил и прошелся по комнате, перешагнув через вытянутые ноги Пилората. Тот быстро подобрал их. Затем Тревиз остановился и вытянул палец по

направлению к Блис. – Видите! Я сам себе не хозяин! Все мной командуют – от Терминуса до Геи, а когда я начал замечать это, похоже, не осталось возможности разорвать путы.

Когда я пришел на Гею, я услышал, что единственной целью моего появления было – спасти Гею. Как? Зачем? Что мне Гея и что я ей, а почему я должен ее спасать? Неужели никто другой в Галактике не мог бы сделать эту работу?

– Прошу вас, Тревиз, – сказала Блис, и вся ее девчоночья заносчивость внезапно исчезла. – Видите, я называю ваше имя правильно и я буду говорить очень

серьезно. Дом просит вас потерпеть.

— Ни на какой планете Галактики я не желал бы быть терпеливым. Если это так важно, почему мне не объясняют? И я снова спрашиваю, почему Дом не летит с нами? Разве ему не важно быть с нами на «Далекой Звезде»?

— Он здесь, Тревиз, — напомнила Блис. — Раз я здесь, и он здесь, и вся Гея здесь, каждое живое существо, каждая былинка планеты.

— Вы удовлетворены этим, а у меня другое мнение. Я не местный житель, мы не можем затолкать в мой корабль всю планету, мы можем взять в нее лишь одну особу. У нас есть вы, а Дом — часть вас.

Прекрасно. Но почему бы нам не иметь здесь Дома, а вас оставит частью его?

— По одной причине, — кротко сказала Блис, — Пил... Пилорат просил, чтобы я была с вами на корабле. Я, а не Дом.

— Он был просто галантен. Зачем принимать это всерьез?

— Ах, мой дорогой друг, — сказал Пилорат, краснея и поднимаясь на ноги, — но я говорил совершенно серьезно. Я не хотел быть отпущенным таким образом. Я согласен, что нельзя иметь на борту всех жителей, и мне приятнее видеть Блис, а не Дома, и вам, должно быть, тоже. Ну, Голан, вы ведете себя, как

ребенок.

— Я! Я? — воскликнул Голан Тревиз, насупившись. — Ладно, пусть я — ребенок. Все равно, в чем бы на меня ни надеялись, уверяю вас, я ничего не буду делать, пока со мной не будут обращаться как с человеком. Еще раз спрашиваю: что я предположительно должен сделать? И почему — я?

Блис опустила глаза.

— Простите, но я не могу сказать вам этого сейчас. Никто на Гее не может. Вы должны придти на место, ничего заранее не зная. Вы должны узнать обо всем там. Тогда вы сделаете то, что должны сделать, но делать это нужно спокойно и

неэмоционально. Если вы останетесь таким, как сейчас, ничего нельзя будет исправить, и Гея придет к своему концу. Вы должны изменить свое настроение, а я не знаю, как помочь этому.

— А Дом знал бы, будь он здесь? — безжалостно спросил Тревиз.

— Дом здесь, — сказала Блис. — Он-я-мы не знаем, как успокоить вас. Мы не понимаем человека, который не сознает своего места в общей схеме, не чувствует себя частью великого целого.

— Это не так, — возразил Тревиз. — Вы могли захватить мой корабль на расстоянии в миллион

километров и спокойно держать нас там, пока мы были беспомощны. Что ж, успокаивайте меня теперь. Не уверяйте, что вы не можете этого сделать.

— Но мы не должны. Сейчас, по крайней мере. Если мы изменим вас или исправим вас теперь в любом смысле, вы будете не более ценным для нас, чем любой другой человек в Галактике, и не принесете нам пользы. Мы можем пользоваться вами только потому, что вы — есть вы, и вы должны оставаться собой. Если мы коснемся вас в любом смысле — мы пропали. Прошу вас, успокойтесь сами, добровольно.

— Никаких шансов на это, мисс,

пока мне не скажут то, что я хочу знать.

Пилорат попросил:

— Блис, давайте я попробую.

Выйдите, пожалуйста, в другую комнату.

Блис немедленно повернулась и вышла. Пилорат закрыл за ней дверь.

— Она видит и слышит, — сказал Тревиз, — чувствует все. Так что — какая разница?

— Для меня разница, — сказал Пилорат. — Я хочу быть наедине с вами, пусть эта изоляция и иллюзорна. Голан, вы боитесь.

— Не валяйте дурака.

— Конечно, боитесь. Вы не знаете, куда вы идете, с чем

встретитесь, чего от вас ждут. Вы имеете право бояться.

— Но я не боюсь.

— Нет, боитесь. Возможно, вы не боитесь физической опасности, как, например, боюсь я. Я боялся путешествия в Космос, боялся каждого нового мира, боялся вообще всего нового. В конце концов, я пятьдесят лет прожил тесной, ограниченной, уединенной жизнью, в то время как вы были во флоте и в политике, в гуще событий и дома, и в космосе.

Однако я пытался побороть страх, и вы помогли мне. За то время, пока мы были вместе, вы были терпеливы, добры ко мне и

относились с пониманием, и благодаря вам я одолел страх и вел себя хорошо. Позвольте мне теперь отплатить вам тем же и помочь.

— Я же сказал, что не боюсь.

— Нет, вы боитесь. Боитесь ответственности. Похоже, что все в здешнем мире зависит от вас, и поэтому вы останетесь живы, если в случае вашей неудачи разрушится весь этот мир. Почему вы должны встать перед этой возможностью ради мира, который для вас ничего не значит? По какому праву этот груз навалился на вас? Вы не только боитесь провала, как боялся бы каждый на вашем месте, вы в ярости, что вас поставили в такое

положение, вынуждают бояться...

– Вы ошибаетесь.

– Не думаю. Так что позвольте мне занять ваше место. Я готов к этому. Чего бы они от вас ни потребовали – я добровольный заместитель. Я предполагаю, что это не та вещь, где требуется большая физическая сила, поскольку любой механический прибор переплюнет вас в этом отношении. Я предполагаю также, что здесь требуется и не ментальность, поскольку этого у них самих предостаточно. Это – нечто такое... ну, я не знаю, но если это не требует мышц и мозга, то все остальное у меня есть, как и у вас, и я готов

принять ответственность.

– Почему вы так стремитесь
взвалить на себя этот груз?

Пилорат опустил глаза, как бы
боясь взглянуть на Тревиза.

– У меня была жена, Голан. Я
знал женщин. Однако они никогда не
были важны для меня. Интересно,
приятно, но не важно. Но эта
женщина...

– Кто? Блис?

– Она – совсем другое дело...
для меня.

– Послушайте, Янов, она знает
каждое слово, которое вы
произносите.

– Какая разница? Пусть знает. Я
хочу понравиться ей. Я возьму на

себя задачу, какой бы она ни была. Пойду на любой риск, на любую ответственность ради крошечного шанса, что она будет... хорошо думать обо мне.

— Янов, она не ребенок.

— Она не ребенок. И то, что вы думаете о ней, для меня не имеет никакого значения.

— Неужели вы не понимаете, каким вы должны ей казаться?

— Стариком? Какая разница! Она — часть великого целого, а я нет, и уже одно это создает непреодолимую преграду между нами. Вы думаете, я не знаю этого? Но я ничего не прошу от нее, лишь бы она...

— Хорошо думала о вас?

– Да. Или что-то другое, что она может чувствовать ко мне.

– И ради этого вы готовы сделать мою работу? Но, Янов, вы плохо слушали: им нужен я, по каким-то причинам, которых я не понимаю.

– Если они не могут иметь вас, то должны искать кого-то другого, а я буду лучше, чем кто-либо другой, я уверен.

Треви́з покачал головой.

– Не могу поверить в случившееся. Вы достигли пожилого возраста и открыли юность. Янов, вы пытаетесь стать героем, значит, можете умереть за это дело.

– Не говорите так, Голан. Это не предмет для шуток.

Треви́з хотел было рассмеяться, но увидел серьезное лицо Пилората и только откашлялся.

— Вы правы. Простите меня. Зовите ее сюда, Янов. Зовите ее.

Блис вошла, слегка съезжившись, и тихо сказала:

— Мне очень жаль, Пил, но вы не можете заменить его. Никто не может. Нам нужен Треви́з или никто.

— Прекрасно, — сказал Треви́з, — я буду спокоен. Что бы это ни было, я буду спокоен и постараюсь это сделать. Все, что угодно, лишь бы уберечь Янова от попытки играть роль героя в его возрасте.

— Я помню о своем возрасте, — пробормотал Пилорат.

Блис медленно подошла к нему и положила руку на его плечо.

– Пил, я... я хорошо думаю о вас.

Пилорат отвернулся.

– Все в порядке, Блис. Вам нет никакой надобности быть великодушной.

– Я не великодушна, Пил. Я думаю... очень хорошо о вас.

Сначала туманно, а затем более отчетливо Сара Нови вспоминала, что она – Сарановивирембластиран, и когда она была ребенком, родители звали ее Са, а подруги – Ви.

Она, конечно, никогда не забывала, но иногда факты были глубоко захоронены в ней. Никогда

еще они не были так глубоко похоронены в ней, и так надолго, как в этот последний месяц, но она никогда не была так близко и так долго с таким мощным мозгом, как у Джиндибела.

Сейчас время настало. Сама она не хотела этого. Ей это было не нужно.

То, что оставалось в ней, вытолкнуло часть ее самой на поверхность ради глобальной необходимости.

Это сопровождалось неприятными ощущениями вроде зуда, но быстро сменилось удовольствием от собственной демаскировки. Много лет она не

была так близко к планете Гея.

Она вспомнила зверька, которого любила на Гее, когда была маленькой.

Понимая его ощущения как часть своих собственных, она была бабочкой, вышедшей из кокона.

Стор Джиндибел пристально оглядел Нови, и с таким удивлением, что едва не выпустил из захвата мэра Бранно. Возможно, что он не сделал этого только благодаря неожиданной поддержке извне, которую он в данный момент игнорировал.

— Что ты знаешь о Советнике Тревизе, Нови? — спросил он, а затем, в холодном поту от внезапно появившейся и усиливающейся

сложности ее мозга, закричал:

— Кто ты?

Он попытался захватить ее мозг, но тут же убедился, что мозг непроницаем. Только тут он осознал, что его захват был поддержан кем-то более сильным, чем он сам. Он повторил уже спокойнее:

— Кто ты?

В лице Нови не было и намека на трагедию.

— Мастер, — ответила она, — Спикер Джиндибел, мое настоящее имя Сарановирембластиран, и я-Гея.

Словами она сказала только это, но Джиндибел с внезапной яростью усилил собственную ментальную ауру и с большим мастерством, при

всем своим раздражении, избежал усиливающегося барьера и держал Бранно своими силами крепче, чем раньше, одновременно пытаясь в молчаливой борьбе захватить мозг Нови.

Она держала его с тем же мастерством, но не могла – или не хотела – приближать свой мозг к нему.

Он сказал ей, как сказал бы Спикеру:

– Ты притворялась, обманула меня, заманила сюда, и ты – как Мул!

– Мул был отщепенцем, Спикер. Я-мы – не Мулы. Я-мы – Гея.

Полная суть Геи была описана в сложном сообщении Нови гораздо

лучше, чем это можно было бы выразить словами.

– Вся планета живая, – повторил Джиндибел.

– И с ментальным полем, гораздо большим, чем у вас, как у индивидуума. Пожалуйста, не сопротивляйтесь такой силе: я могу повредить вам, а я этого не хочу.

– Даже будучи живой планетой, ты не сильнее чем общность моих коллег на Транторе. Мы тоже, в каком-то смысле, живая планета.

– Всего несколько тысяч человек в ментальном объединении, Спикер, к тому же, вы не можете получить их поддержку, потому что я заблокировала ее. Впрочем, можете

попробовать.

— Что вы намерены делать, Гея?

Почувствовался ее ментальный эквивалент вздоха, и Нови сказала:

— Хотела бы надеяться, Спикер, что вы по-прежнему будете называть меня Нови. Сейчас я действую как Гея, но по отношению к вам я только Нови.

— Что ты намерена делать, Гея?

— Мы останемся в тройной мертвой точке. Вы будете держать мэра Бранно через щит, а я буду держать вас, и мы не устанем. Так это и останется.

— До каких пор?

— Я вам уже сказала — мы ждем Советника Тревиза с Терминуса.

Только он может сдвинуть нас с мертвой точки.

Компьютер на борту «Далекой Звезды» обнаружил два корабля, и Голан Тревиз показал их на экране.

Оба корабля принадлежали Основанию. Один был точной копией «Далекой Звезды» и, без сомнения, был кораблем Кампера. Второй был больше и значительно мощнее.

Тревиз повернулся к Блис.

— Ну, вы знаете, что происходит? Можете вы что-нибудь сказать теперь?

— Не беспокойтесь! Они не повредят вам.

– Почему все убеждены, что я сижу здесь и дрожу от страха? – раздраженно воскликнул Тревиз.

Пилорат поспешил вмешаться.

– Дайте ей сказать, Голан. Не заводитесь по пустякам.

Тревиз поднял руки, как бы сдаваясь.

– Я не завожусь. Говорите, леди.

И Блис продолжила:

– На большом корабле правительница вашего Основания. С ней...

– Правительница? – ошеломлено переспросил Тревиз. – Вы имеете в виду старуху Бранно?

– Это, конечно, неофициальный ее титул, – губы Блис дрогнули в

усмешке, – но эта женщина, да. – Она сделала небольшую паузу, как бы внимательно прислушиваясь к организму, частью которого была. Ее имя Харлабрэнно. Странно иметь только четыре слога, когда она такое важное лицо в своем мире, но я полагаю, что у негеанцев свои обычаи.

– Полагаю, – сухо согласился Тревиз, – вы звали бы ее Брэн. Но что она здесь делает? Почему она не возвращается обратно, как я понимаю – Гея держит и ее тоже. Зачем?

Блис, не отвечая на вопрос, сказала:

– С ней Лионокодил, пять

слов, хотя он ниже ее. Он важный чиновник. С ним еще четверо, управляющие корабельным оружием. Назвать вам их?

— Не надо. Я так понимаю, что на другом корабле один человек, Манн Ли Кампер, и он представляет Второе Основание. Вы явно свели оба Основания вместе. Зачем?

— Не совсем так, Трев... я хотела сказать Тревиз.

— А, бросьте вы, говорите как вам привычнее. Я не возражаю.

— Не совсем так, Трев. Кампер оставил этот корабль, который заняли два человека. Один — Стор Джиндибел, важный чиновник Второго Основания. Он называется

Спикером.

— Важный чиновник? Он обладает ментальной силой?

— О, да, большой силой!

— И вы можете управлять ею?

— Конечно. Вторая особа на корабле — Гея.

— Из вашего народа?

— Да. Ее имя

Сарановирембластиран. Оно должно быть длиннее, но она так давно вдали от меня-нас.

— И она способна держать высокого чиновника Второго Основания?

— Его держит не она, а — Гея. Она-я-мы способны сокрушить его.

— Что она собирается делать?

Сокрушить его и Бранно? Не собирается ли Гея уничтожить оба Основания и установить собственную Галактическую Империю? Возвращение Мула? Более сильного Мула?

— Нет, нет, Трев. Не волнуйтесь. Вам нельзя. Все трое в мертвой точке. Они ждут.

— Чего?

— Вашего решения.

— Опять все сначала! Какого решения? И почему моего?

— Прошу вас, Трев. Скоро все объяснится. Я-мы-она сказала пока все, что можно...

Бранно устало призналась:

– Ясно, что я совершила ошибку, Лионо. Возможно, роковую.

– Стоит ли так говорить? – пробормотал Кодил, едва шевеля губами.

– Они знают, что я думаю, поэтому произнести вслух – небольшой грех. И они знают не меньше, о чем вы думаете, даже если вы не шевелите губами. Я должна была подождать, пока щит укрепитя.

– Откуда вам было знать, мэр? Если бы мы ждали двойной, тройной, четверной уверенности, мы ждали бы вечность. Будьте уверены, я не желал, чтобы мы летели сами. Экспериментировать хорошо на ком-нибудь другом – скажем, на вашем

громоотводе, на Тревизе.

Бранно вздохнула.

– Я не хотела бы предупреждать их, Лионо... вы тычете пальцем в самую суть моей ошибки. Я могла бы подождать, пока щит не станет достаточно непроницаемым. Не полностью, но хотя бы в разумных пределах. Я знала, что он слегка протекает, но у меня не хватило терпения ждать. Ждать, пока доделают щит, пришлось бы до конца срока моей работы, а я хотела ускорить ход событий. И я, как дура, убедила себя, что щит в порядке. Не слушала предостережения – например, ваших.

– Мы еще можем победить, если

наберемся терпения.

— Вы можете отдать приказ обстрелять тот корабль?

— Нет, не могу, мэр. Даже мысли об этом не могу перенести.

— И я тоже. И, если бы вы или я сумели отдать этот приказ, я уверена, что наши люди на борту не послушались бы — просто не смогли.

— Сейчас, да, мэр, но обстоятельства могут измениться. На экране появляется новый актер. — Он кивнул в сторону экрана. Корабельный компьютер автоматически разделил поле обзора, когда появился еще один корабль. Второй корабль отошел вправо.

— Вы можете увеличить

изображение, Лионо?

— Без труда. Член Второго Основания — умелый человек. Мы можем делать все, что не мешает ему.

— Ну, — сказала Бранно, глядя на экран, — это «Далекая Звезда», уверена! Я полагаю, что на борту Тревиз и Пилорат, — и с горечью добавила:

— Если их тоже не заменили членами Второго Основания. Мой громоотвод и в самом деле был очень эффективным... Ах, если бы наш щит оказался крепче!

— Тихо! — прервал ее Кодил.

В рубке корабля зазвучал голос, и Бранно каким-то образом поняла, что он состоит не из звуковых

колебаний, а воспринимается непосредственно мозгом. Быстрый взгляд на Кодида убедил ее, что он тоже слышит. Голос произнес:

— Слышите ли вы меня, мэр Бранно? Если да — не трудитесь говорить. Достаточно просто думать.

Бранно спокойно спросила:

— Кто вы?

— Я — Гея.

Три корабля были неподвижны относительно друг друга. Все три медленно огибали планету, как далекий тройной спутник. Все три сопровождали Гею в ее бесконечном путешествии вокруг солнца.

Треви́з смотрел на экран, устав

от догадок относительно своей роли, которая протащила его через тысячу парсеков.

Голос в мозгу не испугал его. Он как будто ожидал его. Голос сказал:

– Слышите ли вы меня, Голан Тревиз? Если да, то не трудитесь говорить: достаточно просто подумать.

Тревиз оглянулся. Явно испуганный Пилорат оглядывался по сторонам, как бы ища источник звука. Блис сидела тихо, сложив руки на коленях. Тревиз не сомневался, что она знает об этом голосе.

Он проигнорировал совет воспользоваться мыслью и сказал намеренно громко и отчетливо:

– Если я не узнаю, в чем дело, я не сделаю ничего, как бы меня ни просили.

И голос произнес.

– Сейчас вы все узнаете.

Нови сказала:

– Вы все слышите меня в своем мозгу. Вы все можете отвечать мысленно.

Я устрою так, чтобы вы слышали и друг друга. И как вы знаете, мы достаточно близко друг от друга, так что нормальная световая скорость космического ментального поля не будет создавать ненужных задержек. Начнем с того, что все мы здесь по соглашению.

– Какого рода? – слышался

голос Бранно.

— Гея не вмешивалась ни в один мозг. Это не наше дело. Мы только воспользовались честолубием. Мэр Бранно хочет установить Вторую Империю немедленно; Спикер Джиндибел хочет быть Первым Спикером. Достаточно было поддержать эти желания.

— Я знаю, как меня привели сюда, — напряженно сказал Джиндибел. Он и в самом деле знал. Он знал, почему так жаждал уйти в космос, жаждал преследовать Тревиза, был уверен, что сможет управлять всем. Все дело в Нови. Ох, Нови!

— У вас был особый случай,

Спикер Джиндибел. У вас сильное честолюбие, но есть слабость, которую следовало укротить. Вы можете быть добрым к кому-то, кого привыкли считать ниже себя во всех отношениях. Я воспользовалась такой вашей чертой и повернула ее против вас. Мне-нам очень стыдно. Извинением этому служит то, что на карту поставлено будущее Галактики. – Нови сделала паузу и ее голос (хотя она и не говорила вслух) стал более печальным, лицо вытянулось. – Время настало. Гея не могла больше выжидать. В течение столетий народ Терминуса разрабатывал ментальный щит.

Еще одно поколение – и он стал

бы непроницаемым даже для Геи, и тогда Терминус мог свободно пользоваться также и физическим оружием. Галактика не смогла бы сопротивляться ему, и сразу установилась бы Вторая Империя по образцу Терминуса, вопреки плану Селдона, вопреки желанию людей Трантора, вопреки желаниям Геи. Мэр Бранно решила начать это дело, хотя ее щит был еще несовершенен.

Затем Трантор. План Селдона работал отлично, потому что сама Гея трудилась, удерживая его точно в колее. И в течение столетий там были спокойнейшие Первые Спикеры, так что Трантор прозябал. Теперь же пошел в гору Стор

Джиндибел. Он, конечно, станет Первым Спикером, и под его руководством Трантор начнет играть активнейшую роль. Джиндибел наверняка сосредоточился бы на физической мощи, понял бы опасность Терминуса и предпринял бы действия против него. Если бы он выступил против Терминуса до того, как щит стал идеальным, тогда план Селдона должен был бы сработать на Вторую Галактическую Империю по образцу Трантора — вопреки желанию людей Терминуса, вопреки желаниям Геи. Следовательно, Джиндибел начал действовать еще до того, как стал Первым Спикером.

К счастью, Гея, тщательно

работая целые десятилетия, привела оба Основания в нужное место и в нужное время. Я повторяю это все опять, чтобы Советник Тревиз с Терминуса смог лучше это осознать.

Тревиз тут же прервал ее, по-прежнему игнорируя усилия беседовать мысленно. Он твердо выговорил:

— Я не понимаю. Что ошибочно в каждой версии Второй Галактической Империи?

Нови сказала:

— Вторая Галактическая Империя по образцу Терминуса будет военной Империей, с одной стороны — поддерживаемой войной, с другой — вечно разрушаемой войной.

Получится всего лишь разновидность Первой Галактической Империи. Такова точка зрения Геи.

Вторая Галактическая Империя по образцу Трантора будет патерналистической, основанной на расчете, поддерживаемой расчетом, влачащей жалкое существование из-за расчета. Это будет страшный конец. Такова точка зрения Геи.

— А какую альтернативу может предложить Гея? — спросил Тревиз.

— Большая Гея. Галактическая! Все обитаемые миры живые, как Гея. Все живые планеты объединены в еще большую гиперпространственную жизнь.

Участвуют все обитаемые

планеты. Все Звезды. Каждая частичка межзвездного газа. Может быть, даже Центральная Черная дыра. Живая Галактика, такая, что может оказаться благоприятной для любой жизни на путях развития, которые мы пока еще не можем предвидеть Путях, фундаментально отличающихся от всего, что было раньше, и не повторяющих ошибок прошлого.

— Но производящих новые ошибки, — саркастически заметил Джиндибел.

— Мы тысячи лет разрабатывали эти пути на Гее.

— Но не галактические ученые. Не на галактическом уровне.

Треви́з, словно не замечая этого короткого обмена фразами, продолжая свою линию, спросил:

– Какова же моя роль во всем этом?

Голос Геи, переданный через мозг Нови, прогремел:

– Выбирайте!

Последовало общее долгое молчание, и, наконец, в этой тишине прозвучал голос Треви́за – теперь уже мысленный, потому что сенатор был слишком потрясен, чтобы говорить:

– Почему я?

Нови ответила:

– Мы поняли, что неизбежно настает время, когда либо Терминус, либо Трантор наберут мощь, тогда

остановить их не удастся; или — что еще хуже — когда оба станут такими мощными, что появится мертвая точка, переход через которую может опустошить Галактику.

Бездействовать мы не могли, но нам нужен был некто — особая личность с талантом правоты. Мы нашли вас, Советник.

Нет, мы не приписываем эту честь себе: люди Трантора обнаружили вас через человека по имени Кампер, но даже они не знали, что вы собой представляете.

Эти их действия привлекли наше внимание к вам, Голан Тревиз. У вас — дар верного понимания хода вещей.

– Отрицаю, – прошептал Тревиз.

– Вы каждый раз оказываетесь правы. И мы хотим, чтобы вы оказались правы на этот раз – в интересах Галактики. Возможно, вы боитесь ответственности. Вы можете делать все, что в ваших силах, чтобы не выбирать.

Тем не менее, вы осознаете, что именно окажется правильным, и будете уверены в своей правоте! Тогда настанет время делать выбор. Как только мы нашли вас, сразу стало ясно, что поиск закончен, и долгие годы мы работали, поддерживая действия, которые должны были без прямого ментального вмешательства, так

повлиять на события, чтобы вы все трое — мэр Бранно, Спикер Джиндибел и Советник Тревиз — оказались по соседству с Геей в одно и то же время. И мы этого добились.

Тревиз сказал:

— В этой точке пространства, при данных обстоятельствах правда ли, что вы хотели вызвать меня? Ведь вы можете раздавить и мэра, и Спикера, вы можете установить живую Галактику, о которой только что говорили, и без моей помощи. Почему же вы этого не сделали?

Нови сказала:

— Не знаю, сумею ли я объяснить это так, чтобы вы были удовлетворены.

Гея сформировалась тысячи лет назад с помощью роботов, которые когда-то непродолжительное время служили людям, а теперь больше не служат. Они показали нам совершенно ясно, что мы можем выжить только в том случае, если приложим Три Закона Робототехники к жизни вообще. Первый Закон в этом случае гласит: «Гея не может повредить жизни или своим бездействием допустить, чтобы жизни был причинен вред». Мы следовали этому правилу в течение всей нашей истории и не можем поступить иначе. В результате мы теперь беспомощны, мы не можем силой навязать наше видение живой

Галактики квинтильонам людям, не говоря уж о бесчисленных других формах жизни, и тем, возможно, повредить многим. Мы не знаем, что меньше будет стоить Галактике — действие или бездействие, мы не знаем, чья поддержка — Терминуса или Трантора — обойдется дешевле. Пусть это решит Советник Тревиз, и, каково бы ни было его решение, Гея последует ему.

— Какое, по-вашему, я должен принять решение? Что я должен делать?

— У вас есть компьютер, — сказала Нови. — Люди Терминуса не знают, что они сделали его лучше, чем думали. Компьютер на борту

вашего корабля включает в себя нечто от Геи. Положите руки на клеммы и думайте. Вы можете, например, думать, что щит мэра Бранно непроницаем. Если вы так сделаете, возможно, она тут же пустит в ход оружие, чтобы вывести из строя два других корабля или уничтожить их, установить свое правление на Гее, а также и на Транторе.

— И вы ничего не предпримете, чтобы помешать этому? — с удивлением спросил Тревиз.

— Ничего. Если вы уверены, что главенство Терминуса принесет Галактике меньше вреда, чем что-либо другое, мы с радостью поможем продвижению этого главенства —

даже ценою нашей собственной гибели.

В другом случае, вы можете найти ментальное поле Спикера Джиндибела и присоединить свой компьютер, чтобы усилить это поле. Тогда Джиндибел освободится и откинет меня прочь. Затем он может изменить мозг мэра и вместе с ее кораблем установить господство над Геей и обеспечить исполнение плана Селдона в своем понимании. Гей шагу не сделает, чтобы остановить Джиндибела.

Наконец, вы можете найти мое ментальное поле и присоединиться к нему — и тогда живая Галактика начнет движение и достигнет своей

полноты не в этом поколении и даже не в следующем, но после столетий работы, в течение которых будет осуществляться план Селдона. Выбор за вами!

Мэр Бранно воскликнула:

– Подождите! Не решайте сразу.

Могу я говорить?

– Можете говорить свободно.

Также может и Спикер Джиндибел, – последовал ответ Нови.

– Советник Тревиз, – начала Бранно, – когда мы в последний раз виделись на Терминусе, вы сказали: «Может прийти время, мадам мэр, когда вы попросите меня кое о чем. Тогда я поступлю по собственному выбору, но я припомню вам эти

последние два дня». Я не знаю, как вы могли предвидеть или интуитивно почувствовать, что это случится: может, просто потому, что имеете то, что эта женщина, говорившая о живой Галактике, называла даром правоты. В любом случае, вы оказались правы. Я прошу вас сделать усилие в интересах Федерации.

Вы, вероятно, были бы рады свести со мной счеты за то, что я арестовала и выслала вас. Я прошу вас помнить, что я сделала это, считая такое решение благом для Федерации Основания. Не разрушайте всю Федерацию из желания компенсировать то, что

сделала вам я одна. Помните, что вы человек и член Основания, что вы не хотите быть нулем в планах бескровных математиков Трантора или меньше чем нулем в галактической мешанине жизни и смерти. Вы хотите для себя, для своих потомков и последователей быть независимым организатором, обладающим свободной волей. Все остальное несущественно.

Пусть говорят, что наша Империя приведет к кровопролитию и нищете — это неважно. Наша свободная воля решит, быть этому или нет. Мы можем выбрать что-то другое. В любом случае, лучше погибнуть со свободной волей,

нежели жить в бессмысленной безопасности, как винтик в машине. Обдумайте это как свободный человек и примите решение, раз уж вас просят. Эти типы на Гее не могут ничего решить, потому что их коллективная воля не позволяет им быть свободными, и они разрушат себя, если вы им прикажете. Неужели вы хотите того же для всей Галактики.

— Я не знаю, есть ли у меня свобода воли, мэр, — отозвался Тревиз. — Мой мозг мог быть слегка задет.

— Ваш мозг совершенно не тронут, — сказала Нови. — Если бы мы взялись за ваше исправление, эта

встреча была бы ненужной. Мы были бы безнравственны, если бы делали то, что нам нравится, не думая о великих нуждах и благе человечества в целом.

— Я считаю, что теперь моя очередь говорить, — вмешался Джиндибел. — Советник Тревиз, не дайте узкому местничеству провести вас. Тот факт, что вы уроженец Терминуса, не должен приводить вас к уверенности, что Терминус идет впереди Галактики. За пять столетий Галактика действовала в соответствии с планом Селдона. Это происходило внутри и вне Федерации Основания.

Вы были и есть часть плана

Селдона, часть значительно большая, чем предписано ролью члена Основания. Не делайте ничего, что разрушит план — не из-за узкого понятия патриотизма, не из-за романтического стремления к новому и неизвестному. Члены Второго Основания не пойдут по пути зажима свободной воли человечества. Мы — руководители, а не деспоты.

И мы предлагаем Вторую Галактическую Империю, фундаментально отличающуюся от Первой. За всю человеческую историю, за десятки тысячелетий существования гиперпространственных

путешествий, не было и десяти, без кровопролития и насильственных смертей, даже в те периоды, когда само Основание не воевало. Выберите мэра Бранно — и это будет продолжаться бесконечно. Тот же порочный круг. План Селдона, по крайней мере, предлагает освободиться от него — и не ценой того, что человек может оказаться атомом в Галактике атомов, уменьшится до равенства с травой, бактериями и пылью!

Нови сказала:

— С тем, что Спикер Джиндибел говорит о Второй Империи Первого Основания я согласна. Но с тем, что он говорил о своей — нет. Спикеры

Трантора, в конце концов, независимые люди со свободной волей, и таковыми были всегда. Но свободны ли они в пагубном соперничестве, в политике, в карабканье вверх любой ценой? Разве нет ссор и даже ненависти в Совете Спикеров? И они всегда будут вашими гидами! Рискнете ли вы идти за ними?

Надавите на честь Спикера Джиндибела и спросите его об этом.

— Нечего давить на мою честь, — сказал Джиндибел, — я и так признаю, что у нас есть соперничество, и ненависть, и измена. Но, как только решение принято, все повинуются.

Исключений не бывает.

— А что если я не сделаю выбора? — спросил Тревиз.

— Вы должны, — сказала Нови. — Вы поймете, какой из этих путей верен, и тогда сделаете выбор.

— А если я не смогу?

— Вы должны.

— Много ли времени у меня для этого?..

— До тех пор, пока вы не будете уверены, сколько бы времени это не заняло.

Тревиз замолчал. Другие тоже молчали, и Тревизу показалось, что он слышит собственный пульс.

Он услышал твердый голос Бранно:

– Свободная воля!

Властный голос Джиндибела:

– Руководство и мир!

Грустный голос Нови:

– Жизнь!

Треви́з повернулся к пристально
смотревшему на него Пилорату.

– Янов, вы слышали все это?

– Да.

– Что вы об этом думаете?

– Не я решаю...

– Я знаю. Но что вы думаете?

– Не знаю. Я боюсь всех трех
вариантов. Однако мне пришла
довольно-таки странная мысль.

– Да?

– Когда мы только что вышли в
космос, – вы показали мне

Галактику. Помните?

— Конечно.

— Мы ускорили время, и Галактика начала видоизменяться. И я сказал, как бы предчувствуя эту минуту: «Галактика выглядит живым существом, ползущим через космос». Вы не думаете, что в каком-то смысле она уже живая?

И Тревиз, вспомнив тот момент, внезапно почувствовал уверенность. Он вдруг заново пережил свое ощущение, что Пилорат тоже должен играть жизненно важную роль. Он поспешно отвернулся, желая, чтобы у него не было времени ни думать, ни сомневаться. Он положил руки на клеммы и стал думать.

Он принял решение – решение,
от которого зависела судьба
Галактики.

Заключение

Мэр Бранно имела все основания чувствовать себя удовлетворенной.

Официальный визит длился недолго, но был весьма продуктивным. Она сказала, как бы стараясь избежать высокомерия:

— Конечно, мы не можем доверять им полностью.

Она следила за экраном. Корабли Флота один за другим уходили в гиперпространство и возвращались на свои обычные базы.

Все было ясно, но Сейшел был под впечатлением их присутствия,

хотя не мог не заметить двух обстоятельств: первое — корабли все время оставались в пространстве Федерации; вторая — как только Бранно сказала, что они должны уйти, они и в самом деле мгновенно ушли.

С другой стороны, Сейшел не забывал, что эти корабли могли быть вызваны на границу в течение дня, а то и меньше. Это был маневр, демонстрирующий, как мощь, так и добрую волю.

— Совершенно правильно, — сказал Кодил, — мы не можем полностью доверять им, да и кто кому в Галактике полностью доверяет, а наблюдать за

выполнением условий соглашения – в личных интересах Сейшел. Мы были великодушны.

– Очень многое будет зависеть от выработки деталей, и я предчувствую, что это займет не один месяц. Основное может быть принято прямо сейчас, но потом появятся нюансы: как именно мы устанавливаем сорокадневный период импорта и экспорта, как мы оцениваем их зерно и скот в сравнении с нашим и так далее.

– Я знаю, но это, в конечном счете, будет сделано, и это будет вашей заслугой. Это был смелый ход, а я, признаться, сомневался в его мудрости.

— Бросьте, Лионо. Основание должно понимать гордость Сейшел. Он был независимым с ранних имперских времен. Что и в самом деле достойно восхищения.

— Да, теперь это нас не будет больше задевать.

— Точно. Потребовалось только смирить гордыню, чтобы я, мэр Федерации, снизошла до посещения провинциальной группы миров, но раз уж решение было принято, оно не слишком повредило. И им оно было приятно. Мы рисковали, ведь они могли согласиться на визит только после того, как мы отведем свои корабли, и это было бы унижением.

— Мы отбросили видимость

мощи, сохраняя ее суть, – сказал Кодил.

– Именно. Кто это сказал?

– Думаю, что это было в одной из пьес Эрдина, но точно не помню. Можно спросить у наших литераторов, когда мы будем дома.

– Если я не забуду... Нам надо ускорить ответный визит сейшельцев на Терминус и посмотреть, что это нам даст. И боюсь, Лионо, что нам придется обеспечить им полную безопасность. У нас немало горячих голов, и я думаю, неразумно будет подвергать сейшельцев даже минимальному унижению, вроде демонстраций протеста.

– Бесспорно, – согласился

Кодил. — Разумным шагом была, кстати, высылка Тревиза.

— Моего громоотвода? Он сработал лучше, чем я могла предполагать, по совести говоря. Он затемнил свои дела на Сейшел и их протест последовал с такой скоростью, какой я не ожидала. О, космос, каким великолепным извинением послужило это для моего визита: как бы гражданин Основания чем-либо не беспокоил их.

— Ловко! А вам не кажется, что следовало бы взять Тревиза с собой домой?

— Нет. Вообще-то я предпочитаю, чтобы он был где-

нибуть в другом месте. На Терминусе он — возмущающий фактор. Его вздорные мысли насчет Второго Основания послужили прекрасным предлогом для его высылки, с расчетом на помощь Пилората, но я не хочу, чтобы он вернулся и продолжал распространять свои бредни. Мы не знаем, к чему это может привести.

Кодил хихикнул.

— Сомневаюсь, что вы когда-нибудь найдете большего простака, чем интеллекуал-ученый. Интересно, сколько еще мог проглотить Пилорат, если бы мы поддержали его?

— Веры в существование

мифической сейшельской Геи было вполне достаточно — но забудем об этом. Вернувшись, мы должны будем предстать перед Советом, и нам нужны голоса для общения с сейшельцами. К счастью, у вас есть официальная запись голоса Тревиза — доказательство, что он добровольно оставил Терминус. Я выскажу официальное сожаление по поводу кратковременного ареста Тревиза, и Совет будет удовлетворен.

— Восхищен вами, мэр, — сказал Кодил, — вы на высоте! Кстати, вы думали о том, что Тревиз может продолжить свои поиски Второго Основания?

— Пусть, — сказала Бранно,

пожимая плечами, — лишь бы подольше не возвращался на Терминус. Это отвлечет его и никуда не приведет.

Существование Второго Основания — наш миф, как Гея — миф Сейшел — Она откинулась назад и стала выглядеть положительно добродушной. — А теперь мы держим Сейшел в кулаке, и со временем он это поймет, да вырываться будет уже поздно! Рост Основания продолжается и будет продолжаться гладко и равномерно.

— В этом целиком ваша заслуга, мэр.

— Я тоже так думаю.

Их корабль вошел в гиперпространство и вынырнул неподалеку от Терминуса Спикер Джиндибел, очнувшись снова на своем корабле, имел все причины для удовлетворения. Столкновение с Первым Основанием длилось недолго, но было весьма продуктивным.

Он послал сообщение, тщательно приглушив чувство триумфа. В данный момент необходимо было лишь дать знать Первому Спикеру, что все кончилось хорошо — как тот и сам мог догадаться, поскольку основная сила Второго Основания так и не была использована. Детали можно было

сообщить позже.

Он опишет, как осторожное и очень незначительное прикосновение к мозгу мэра Бранно повернуло ее мысли от имперских замашек к практическим торговым действиям; как осторожное – и как бы отдаленное – исправление мозга главы Сейшел-Союза привело к соглашению на визит мэра Основания для переговоров, и как в дальнейшем произошло сближение, уже без каких-либо исправлений, и как все вместе с Кампером вернулись на Терминус, увидев, что договор будет соблюдаться. Это явилось, как самодовольно думал Джиндибел, почти историческим примером

важных результатов, полученных от постоянно практикуемого ментализма.

Он был уверен, что это раздавит Спикера Деларме, и приведет к избранию его, Джиндибела, Первым Спикером очень скоро после представления деталей на заседание Совета.

Про себя он не отрицал важности присутствия Сары Нови, но поражать Спикеров этим вовсе не следовало. Она была не только самым могущественным звеном в его победе, но она простила ему, что он теперь позволил себе ребячиться (как все люди, поскольку даже Спикеры — люди) и нуждался в радости до того,

как получит гарантированное повышение.

Джиндибел знал, что она ничего не понимает в случившемся, но чувствует, что он все устроил, как ему хотелось, и надувается от гордости за него. Он гладил ее мозг и испытывал радость.

– Я не мог бы сделать этого без тебя, Нови, – сказал он. – Только благодаря тебе я смог поговорить с Первым Основанием – с людьми на большом корабле.

– Да, Мастер, я понимаю, кого вы имеете в виду.

– Благодаря тебе я узнал, что их щит связан со слабой энергией мозга. Из ее воздействия на твой мозг я

смог точно узнать характеристики щита и энергии. Я мог бы сказать, как велика интенсивность проникновения щита и отклонения энергии.

Нови осторожно возразила:

– Я не совсем понимаю, о чем вы говорите, Мастер, но я сделала бы куда больше, если бы могла.

– Я знаю, Нови. Но того, что ты сделала, было достаточно. Главное, их удалось остановить до того, как они укрепили либо щит, либо поле. Мэр вернулась обратно, забыв о щите и о поле, удовлетворенная тем, что добилась торгового соглашения с Сейшел, от чего тот станет работающей частью Федерации. Не

спору, можно было бы скомпенсировать то, что было сделано со щитом и полем — в этом отношении мы поступили небрежно — но мы еще все исправим. Мы находимся далеко и слишком многое позволили Первому Основанию.

Его нужно взять под более тщательное наблюдение. Мы должны каким-то образом теснее связать Галактику. Мы должны с помощью ментальности установить более тесное сотрудничество сознаний. Это пригодится плану. Я убежден в этом и проведу это в жизнь.

— Мастер! — встревожено позвала Нови.

Джиндибел улыбнулся.

– Прости меня, Нови, я говорил сам с собой. Нови, ты помнишь Референта?

– Того фермера, что напал на вас? Я бы сказала, что помню.

– Я убежден, что это и другие аномалии устроили агенты Первого Основания, вооруженные личными щитами. Подумать только, что мы были не готовы...

При наблюдении за Первым Основанием меня сбил с толку миф о таинственном мире, это сейшельское суеверие относительно Геи. И в этом мне тоже помог твой мозг. Он помог установить, что ментальное поле исходило от военного корабля и ниоткуда больше. – Он потер руки.

– Мастер! Вас вознаградят за то, что вы сделали?

– Да! Шандисс уйдет в отставку, и я буду Первым Спикером. Настает моя очередь сделать нас решающим фактором в революционном развитии Галактики.

– Первым Спикером?

– Да, Нови, я буду самым главным и самым сильным ученым из всех.

Лицо ее омрачилось.

– Почему у тебя такое лицо, Нови? Ты не хочешь, чтобы меня вознаградили?

– Хочу, Мастер, но если вы станете самым важным ученым, вы не захотите держать рядом с собой

женщину-хэмиш. Это не подойдет вам...

– Не подойдет, вот как? Кто же мне запретит? – Он ощутил прилив нежности. – Нови, ты останешься со мной, куда бы я ни поехал и кем бы я ни был. Не думай, что я рискнул бы иметь дело с волками, которые иной раз избираются в Совет, без твоего мозга, без твоего чистого, абсолютно гладкого мозга. Кроме того, – он как бы сам испугался внезапного открытия, – даже помимо всего этого, я... хочу, чтобы ты была со мной, и я намерен осуществить это. Если ты захочешь.

– О, Мастер, – прошептала она, когда его руки обвились вокруг ее

тали и ее голова прижалась к его плечу.

Глубоко внутри, где окутанный оболочкой мозг Нови едва мог сознавать, оставалась суть Геи и направляла события, но так, что непроницаемая маска делала возможным продолжение великой задачи.

И эта маска, принадлежавшая женщине-хэмиш, была совершенно счастлива.

Так счастлива, что Нови почти примирилась с расстоянием, отделяющим ее от ее-самой-их и была довольна своим состоянием и своим неопределенным — как ей казалось — будущим.

Пилорат потер руки и сказал, старательно скрывая энтузиазм:

– Какая радость, что я вернулся на Гею.

– Гм... – рассеянно отозвался Тревиз.

– Вы знаете, что мне сказала Блис? Мэр вернулась на Терминус, заключив торговый договор. Спикер из Второго Основания отправился на Трантор, убежденный, что все это устроил он, и эта женщина, Нови, осталась с ним – присмотреть, чтобы было положено начало переменам в Галактике. И ни то, ни другое Основание даже не подозревает о существовании Геи. Это просто

поразительно!

— Я знаю, — сказал Тревиз, — мне тоже все это рассказали. Но мы знаем, что Гея существует, и можем рассказать.

— Блис так не думает. Она говорит, что нам никто не поверит, да и мы сами это знаем. Кроме того, я, например, не собираюсь оставлять Гею.

Тревиз отогнал свои мысли, поднял глаза и спросил:

— Как?

— Я хочу остаться здесь. Вы знаете я сам себе не верю. Несколько недель назад я одиноко жил на Терминусе и вел ту же самую жизнь, что и десятилетия назад,

погруженный в свои записи и размышления, полагая, что так и доживу до конца своих дней с моими записями и мыслями, так же одиноко, удовлетворенный прозябанием. И вдруг я неожиданно стал галактическим путешественником, я оказался втянутым в галактический кризис и — не смейтесь, Голан — я встретил Блис.

— Я не смеюсь, Янов. Но вы уверены, что знаете, что делать?

— О, да. Земля — это прошлое, а я устал от прошлого. Гея — будущее!

— Вы не часть Геи, Янов. Или вы думаете, что сможете стать ее частью?

– Блис сказала, что я могу в какой-то мере стать частью Геи – интеллектуально, если не биологически. Она, конечно, мне поможет.

– Но поскольку она – часть Геи, как вы найдете с ней общую жизнь, Общие точки зрения, общие интересы?

Они были на открытом месте, и Тревиз серьезно и спокойно смотрел на плодородный остров, на океан за ним, а еще дальше на горизонте был другой остров – все мирные, цивилизованные, живые и составляющие единое целое.

– Янов, – продолжал он, – Блис – планета, а вы крошечный

индивидуум. Что если она устанет от вас? Она молода...

— Голан, я думал об этом. Целыми днями я только об этом и думал. Я предполагаю, что надоем ей, я не романтический идиот. Но чтобы она ни дала мне до тех пор — будет достаточно. Я получил от нее больше, чем — как я думал — вообще существует в жизни. Если я с этой минуты не увижу ее больше — я все равно в выигрыше.

— Я этому не верю, — мягко возразил Тревиз. — Я думаю, что вы как раз и есть романтический идиот, и — не обижайтесь — я не хотел бы, чтобы вы были кем-либо другим. Янов, мы знакомы не очень долго, но

мы в течение нескольких недель были вместе каждую минуту, и — простите, если это звучит глупо — я очень люблю вас.

— И я вас, Голан, — признался Пилорат.

— И я не хочу вам вреда. Я поговорю с Блис.

— Нет, нет, пожалуйста, не надо! Вы будете читать ей нотации.

— Нет, я не буду читать ей нотаций. Дело не только в вас, я хочу поговорить с ней частным образом. Янов, я не хотел бы действовать за вашей спиной, так что, прошу вас, дайте свое согласие, чтобы я поговорил с ней и кое-что выяснил. Если я буду удовлетворен, я принесу

вам самые сердечные поздравления и добрые пожелания и навсегда буду спокоен, чтобы ни случилось.

Пилорат покачал головой.

— Вы все испортите.

— Обещаю, что не испорчу.

Умоляю вас.

— Ну, хорошо. Только будьте осторожны, мой дорогой. Обещаете?

— Пил сказал мне, что вы хотите видеть меня, — сказала Блис.

— Да, — ответил Тревиз.

Они были в доме, в маленькой квартире, отведенной Тревизу. Она грациозно села, скрестив ноги, и внимательно посмотрела на него. Ее большие глаза сияли, длинные

темные волосы блестели.

– Вы не одобряете меня, не так ли? – спросила Блис. – Вы не одобряли меня с самого начала.

Треви́з продолжал стоять.

– Вы умеете читать мысли. Вы знаете, что я думаю о вас и почему.

Блис медленно покачала головой.

– Ваш мозг не связан с Геей. Вы это знаете. Ваше решение было необходимо, и решать должен был мозг чистый и нетронутый. Когда мы в первый раз захватили ваш корабль, я поместила вас и Пила в сглаживающее поле, но это было несущественно. Вы могли понести урон – от ярости или от паники, и

тогда, возможно, в нужное время оказались бы беспомощны. И только. Так что я не знаю, что вы думаете...

– Решение, для которого я был нужен, сделано. Я решил в пользу Галактики и Геи. Зачем тогда говорить о чистом и нетронутом мозге? Вы получили, что хотели, и теперь можете делать со мной все, что пожелаете.

– Вовсе нет, Трев. Есть другие решения, которые могут понадобиться в будущем. Вы останетесь таким, каков вы есть, и, пока вы живы, вы – редкий природный ресурс Галактики. Без сомнения, в Галактике есть и другие, похожие на вас, но пока мы знаем вас

и только. Мы не можем рисковать.

Треви́з задумался.

– Вы – Гея, а я не хочу говорить с Геей. Я хочу поговорить с вами как с индивидуумом, если это вообще имеет какой-то смысл.

– Имеет. Мы далеки от того, чтобы существовать только в общем сплаве. Я могу заблокироваться от Геи на некоторое время.

– Да, пожалуйста! Вы готовы?

– Я все сделала.

– Тогда, во-первых, разрешите мне сказать, что вы разыграли игру. Может, вы не входили в мой мозг, чтобы повлиять на мое решение, но явно вошли в мозг Янова. Так?

– Вы так думаете?

– Да. В критический момент Пилорат напомнил мне, как однажды Галактика показалась ему живой, и именно в этот момент я принял решение. Мысль могла быть и его, но вы внедрили ее в мозг старика, не так ли?

– Эта мысль принадлежала ему, также как и многие другие. Я лишь расчистила тропу его воспоминаний о живой Галактике, поэтому эта особая мысль легко выскользнула из его сознания и облеклась в слова. Поверьте мне, я не создала эту мысль: она была там.

– Тем не менее это оказалось неприятным вмешательством в независимость моего суждения, так?

— Гея чувствовала необходимость в этом.

— Вот как? Что ж, может быть, вы будете чувствовать себя лучше или благороднее, если узнаете, что, хотя слова Янова убедили меня принять решение в этот момент, я думаю, что принял бы его, даже если бы Янов ничего не сказал или попытался меня уговорить принять другое. Я хочу, чтобы вы знали это.

— Я верю, — холодно сказала Блис. — Вы хотели поговорить со мной об этом?

— Нет.

— О чем же?

Треви́з сел, развернул кресло к ней, так что их колени почти

соприкасались, и наклонился вперед.

— Когда мы подходили к Гее, вы были на космической станции. Вы захватили нас. Вы вышли встретить нас, вы были с нами все время, за исключением обеда у Дома, который вы не разделили с нами. На «Далекой Звезде», когда принималось решение, вы тоже находились рядом. Все время — вы!

— Я — Гея.

— Это не объяснение. Кролик — тоже Гея. И камешек — Гея. Все на планете — Гея, но не все равны. Почему — вы?

— А как вы думаете, почему?

И Тревиз сделал решительный шаг. Он сказал:

– Я не думаю, что вы – Гея. Я думаю, что вы – больше чем Гея..

Блис насмешливо скривила губы, а Тревиз продолжил:

– Пока я выносил решение, женщина, что была со Спикером...

– Он называл ее Нови.

– Так вот, эта самая Нови сказала, что Гея была основана роботами и что Гея приучена следовать Трем Законам Робототехники.

– Это истинная правда.

– И роботы больше не существуют?

– Нови сказала так.

– Нови сказала не так. Я помню ее точные слова. Она сказала: «Гея

была сформирована с помощью роботов, которые когда-то недолгое время служили людям, но теперь больше не служат».

— Ну, Трев, разве это не значит, что они не служат больше и не существуют?

— Нет, это значит лишь, что они не служат больше. Может, они правят?

— Ерунда!

— Или наблюдают? Почему вы находились там во время решения? Вы вроде бы не были главной. Дела вела Нови, и она являлась Геей. Зачем нужны были вы? Если только...

— Что — если только?

— Если только вы не наблюдатель, чья роль — удостовериться, что Гея не забыла Трех Законов. Если только вы не робот, так хитро сделанный, что вас нельзя отличить от человека.

— Если я не отличаюсь от человека, почему вы подумали о том, что только что сказали? — не без яда спросила Блис.

Тревиз откинулся на спинку кресла.

— Вы же меня убеждали, что я обладаю способностью быть уверенным, когда принимаю решение, смотрю на факты и делаю правильные выводы. Я не хвастаюсь этим: вы сами так сказали обо мне.

Так вот, как только я вас увидел, я почувствовал себя неуютно. В вас было что-то не правильное. Я так же чувствителен к женским чарам, как и Пилорат, даже, наверное, больше, а вы — женщина привлекательная. Однако я ни на минуту не чувствовал себя увлеченным.

— Как вы огорчили меня!

Треви́з не обратил внимания на этот выпад и продолжал:

— Когда вы впервые появились на нашем корабле, мы с Яновом спорили о возможности нечеловеческой цивилизации на Гее, и когда Янов увидел вас, он спросил в своей простоте: «Вы — человек?». Возможно, робот должен отвечать

правдиво, но, я полагаю, ответ его может быть уклончив. Вы только сказали: «Разве я не похожа на человека?». Да, вы похожи на человека, Блис, но позвольте мне спросить вас снова: вы – человек?

– Вы думаете, что я не могу есть, Трев? Разве вы забыли, что я склевала банку креветок на вашем корабле? Уверяю вас, что я способна есть и выполнять другие биологические функции, включая и секс. Однако должна вам сказать, что это еще не доказательство того, что я – не робот. Роботы достигли высшего совершенства еще тысячелетия назад, и их можно было отличать от людей лишь по мозгу, и тогда только они

могли управлять ментальным полем. Спикер Джиндибел, вероятно, мог бы сказать, робот я или человек, если бы только хоть раз взглянул на меня. Жаль, что он этого не сделал.

— Да, но я и без ментальных способностей убежден, что вы — робот.

— Ну и что, если я робот? Я ничего не утверждаю, просто интересуюсь. Что, если я — робот?

— Вам не нужно ничего утверждать. Я знаю, что вы — робот. Вы можете заблокироваться от Геи и разговаривать со мной как индивидуум. Я не думаю, что вы смогли бы это сделать, будучи частью Геи — но вы не часть ее. Хотел бы я

Знать, много ли роботов-наблюдателей на Гее?

— Я повторяю: я ничего не утверждаю, но интересуюсь — что, если я — робот?

— В таком случае я хотел бы знать, что вам нужно от Пилората. Он мой друг, и, в каком-то смысле, он ребенок. Он думает, что любит вас.

Он думает, что хочет только того, что вы пожелали ему дать, и что вы уже и так дали ему достаточно. Он не знает и не может представить себе боль утраты любви, или, в данном случае, специфическую боль сознания того, что вы — не человек.

— А вы знали боль утраченной

любви?

— Бывало. Я не был затворником, как Янов. Я не посвящал свою жизнь, как он, интеллектуальным исследованиям, поглотившим все, даже жену и ребенка. А теперь он вдруг отдает все ради вас. Я не хочу вредить ему и не буду. Если я послужил Гее, то заслуживаю награды, и моя награда заключается в вашем заявлении, что Янову Пилорату будет обеспечено хорошее существование.

— Я должна ответить вам, даже если скажу, что я робот?

— Да. И сейчас же.

— Отлично. Допустим, я робот, и нахожусь в положении наблюдателя.

Предположим, что здесь мало тех, у кого такая роль, и встречаемся мы редко.

Предположим, что наша движущая сила — нужда и забота о человеке, а на Гее нет настоящих людей, потому что все они составляют часть общепланетного бытия.

Предположите, что забота о Гее нас удовлетворяет, но не полностью.

Предположите, что в нас есть что-то примитивное, жалеющее человека, что существовало в те времена, когда роботы были изготовлены впервые. Не ошибитесь во мне: я не столетняя старуха (если считать меня роботом). Мне столько

лет, сколько я вам сказала. И мое главное назначение — если считать меня роботом — как это было всегда, желание заботиться о настоящем человеческом существе.

Пил — человеческое существо. Он не часть Геи. Он слишком стар, чтобы когда-нибудь стать частью ее. Он хочет остаться на Гее со мной, потому что у него нет сомнений относительно меня. Он не думает, что я робот. Ну, и я тоже хочу, чтобы он остался. Если вы предполагаете, что я робот, то не можете не видеть, что я способна на все человеческий реакции, что буду любить Пила.

Если вы настаиваете, что я робот, то можете не думать, что я

могу любить лишь в каком-то мистическом смысле — вы не отличили бы мои реакции от тех, что вы называете любовью — так что какая разница, кто я?

Она замолчала и с непреклонной гордостью досмотрела на Тревиза.

— Вы говорите, что не бросите его?

— Если вы предполагаете, что я робот, то сами понимаете: по Первому Закону не могу оставить его, если только он не прикажет мне это сделать и если я буду уверена в том, что нанесу ему большой вред, оставшись с ним.

— А если молодой мужчина...

— Ну и что — молодой? Вы молодой мужчина, но я не представляю, чтобы вы были мне нужны, как Пил. И вы сами не хотите меня, так что Первый Закон запрещает мне навязываться вам.

— Не я. Другой молодой...

— Здесь нет других. Кто на Гее, кроме Пила и вас, может считаться человеком в негеанском смысле?

Треви́з сказал уже мягче:

— А если вы не робот?

— Изменили мнение?

— Я сказал — если вы не робот.

— Тогда вы вообще не имеете права спрашивать. Мы с Пилом решим сами.

— Тогда я вернусь к началу. Я

хочу получить вознаграждение, и оно состоит в том, чтобы вы хорошо обращались с Пилоратом. Я не буду больше мучить вас. Просто обещайте мне, что будете хорошо обращаться с ним.

– Я буду хорошо относиться к нему, – сказала Блис, – и не потому, что это ваше вознаграждение, а потому что я сама хочу этого. Это мое самое большое желание. Я буду хорошо обращаться с ним – И она окликнула: – Пил! Пил!

Пилорат вошел с улицы.

– Да, Блис?

Она протянула ему руку.

– Я думаю, что Трев хочет что-то сказать.

Пилорат принял ее руку, а Тревиз взял их соединенные руки в свои.

— Янов, я счастлив за вас обоих.

— О, мой дорогой друг! — воскликнул Пилорат.

— Я, вероятно, уеду с Геи, — продолжал Тревиз. — Сейчас пойду, поговорю с Домом. Не знаю, встретимся ли мы когда-нибудь, Янов, но, во всяком случае, нам было хорошо вместе.

— Хорошо, — подтвердил Пилорат, улыбаясь.

— До свидания, Блис, и заранее благодарю.

— До свидания, Трев.

И Тревиз, помахав рукой, вышел

из дома.

Дом одобрительно сказал:

– Вы хорошо сделали, Трев, и сделали так, как я предполагал. Они опять сидели за едой, такой же невкусной, как и в первый раз, но Тревиз не возражал: на Гее он ест последний раз.

– Я сделал, как вы хотели, но, возможно, не по тем причинам, по каким вы думаете, – сказал он.

– Но вы, конечно, были уверены в правильности своего решения.

– Да, но не из-за какого-то мистического чувства уверенности. Если я выбрал новое галактическое развитие, то из обычного

рассуждения. Хотите, чтобы я объяснил?

– Конечно, Трев.

– Я мог сделать три вещи: присоединиться к Первому Основанию, ко Второму или к Гее.

Если бы я присоединился к Первому Основанию, мэр Бранно немедленно предприняла бы действия по установлению господства над Вторым Основанием и над Геей.

Если бы я присоединился ко Второму Основанию, Спикер Джиндибел немедленно предпринял бы действия по установлению господства над Первым Основанием и над Геей.

В обоих случаях последствия были бы непоправимыми, а скорее всего – катастрофическими.

Я отдавал себе отчет в том, что выигрываю время. Если я сделал ошибочный выбор, то запаса времени хватит для ее исправления.

Дом поднял брови, но его стариковское, почти мертвое лицо оставалось, тем не менее, невыразительным. Он сказал тонким голосом:

– Вы думаете, что ваше решение может оказаться неправильным?

– Я этого не думаю, но для полной уверенности я должен сделать одну вещь. Я намерен посетить Землю, если найду этот

мир.

— Мы, конечно, не будем задерживать вас, Трев, если вы хотите оставить нас.

— Я не гожусь для вашего мира.

— Не больше, чем Пил, и мы были бы рады вам. Но задерживать вас не будем. Объясните, почему вы хотите побывать на Земле?

— Я думаю, вы понимаете.

— Нет — Есть какая-то информация, которую вы утаили от меня, Дом Возможно, у вас были свои причины, но я хотел бы, чтобы их не было.

— Не улавливаю, — сказал Дом.

— Видите ли, Дом, чтобы принять решение, я пользовался

компьютером и на короткое время оказался в соприкосновении с мозгом тех, кто окружал меня, мэра Бранно, Спикера Джиндибела, Нови. Я получил огромную но отрывочную информацию, которая по отдельности мало что значила для меня — например, различные эффекты, которые Гея через Нови передавала на Трантор, чтобы заставить Спикера идти к Гее.

— Да?

— Например, изъятие из библиотеки Трантора всех упоминаний о Земле.

— Вот как?

— Да. Значит, информация о Земле исключительно важна и не

только Второе Основание ничего не должно знать о ней, но я тоже. А уж если я взял на себя ответственность за направление развития Галактики, то я добровольно не соглашусь с неведением. Может быть, вы подумаете и скажете, почему так важно держать в тайне сведения о Земле.

Дом торжественно заявил:

— Трев, Гея ничего не знает о таком изъятии. Ничего!

— Вы хотите сказать, что Гея непричастна к этому?

— Нет, непричастна, уверяю вас!

Треви́з задумался.

— Кто же тогда?

— Не знаю... И не понимаю цели

этого.

Мужчины посмотрели друг на друга и Дом подвел итог:

— Вы правы. Похоже, мы достигли весьма удовлетворительного заключения, но этот пункт остался невыясненным, и мы не имеем права останавливаться. Оставайтесь на некоторое время с нами, и мы это обдумаем до конца. А затем можете улететь, гарантирую нашу поддержку.

— Спасибо! — поблагодарил Тревиз.